

85 к. Перепл. 30 к.

Б. ФИНГЕРТ и М. ШИРВИНДТ

КРАТКИЙ УЧЕБНИК
**ИСТОРИЧЕСКОГО
МАТЕРИАЛИЗМА**

П Р И Б О Й

1 9 3 0

Электронная версия книги подготовлена
коллективом марксистского журнала

" L e n i n c r e w "

Группа ВК: https://vk.com/lenin_crew

Сайт: <http://lenincrew.com/>

85 к. Перевл. 30 к.

Б. Ф И Н Е Р Т — М. Ш И Р В И Н Д Т

**КРАТКИЙ УЧЕБНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО
МАТЕРИАЛИЗМА**

П Р И Б О Й

---

1 9 3 0

Б. ФИНГЕРТ и М. ШИРВИНДТ

КРАТКИЙ УЧЕБНИК
ИСТОРИЧЕСКОГО
МАТЕРИАЛИЗМА

*Допущено научно-политической секцией Гуса
в качестве учебного пособия для совпартишкол*

ШЕСТОЕ ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ

П Р И Б О Й
ЛЕНИНГРАД
1930

ПЕРЕД ЧТЕНИЕМ КНИГИ НАДО ВНЕСТИ СЛЕДУЮЩИЕ ИСПРАВЛЕНИЯ:

<i>Стр.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Следует читать:</i>
9	25 сверху	не может быть	не может не быть.
14	25 сверху	(атрибут)	(а т р и б у т ¹⁾ ¹⁾ Атрибут—качество, необходимо присущее субстанции.
24	6 и 7 сверху	тоже отрывает мысль от ощущений	тоже не понимает, что мысль и ощущения объединены внутренней связью;
27	6 сверху	идет	ведет
27	23 — 29 сверху	чувственное содержание в пользу логических форм, выражающих связи и отношения между ощущениями. Но Гегель отличается от рационалистов тем, что стоит на диалектической точке зрения. Активный разум у него не отражает объективных отношений, существующих в мире, а их создает. Отсюда — отождествление мышления с бытием.	чувственное содержание опыта в пользу логических форм, выражающих связи между ощущениями.
27	17 снизу	Критикуя. Энгельс указывает	Критикуя Гегеля, Энгельс вместе с тем указывает
27	2 — 1 снизу	и чувственного опыта, и восстановил старое положение.	из чувственного опыта и восстановил старое положение: нет ничего в интеллекте, что раньше не было бы в чувстве.
30	4 снизу	основным свойством	основным качеством
35	9 снизу	Активность же пельзя	Активность нельзя
36	22 — 23 сверху	„Ничего нет нового под луной“	„Ничего нет нового под луной“ — говорит механист —
36	4 снизу	материалистов диалектика —	материалистов - диалектиков —

<i>Стр.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Следует читать:</i>
38	10 снизу	строго	строго говоря
44	18 — 17 снизу	вместе с тем в нем осуществится их синтез. Социализм.	Но отрицая капитализм, социализм
44	10 снизу	„тезиса“ и „антитезиса“.	„тезиса“ и „антитезиса“ — вернее: восстановление положительных моментов „тезиса“ обогащенных, за- ново обоснованных, раз- витых положительными моментами „антитезиса“.
45	5 сверху	закон отрицания	закон отрицания отрица- ния
45	11 сверху	закон отрицания	закон отрицания отрица- ния
48	19 сверху	и различны	они различны
137	27 снизу	предмет труда есть сырой материал“ (Маркс). Средством труда	Маркс понимает все те предметы, которые в про- цессе труда
152	26 снизу	момент	моментом
158	18 сверху	фантастический	фанатический
185	21 снизу	труд терпел	труд потерял
185	8 снизу	и борьбе	и борьба

ПРЕДИСЛОВИЕ К ШЕСТОМУ ИЗДАНИЮ.

„Краткий учебник исторического материализма“ составлен, главным образом, применительно к задачам прохождения соответствующего курса в совпартшколах. Однако, авторы, при составлении настоящего пособия, до некоторой степени учитывали программные требования комвузов и тех вузов, где исторический материализм включается в цикл дисциплин общественно-научного минимума. Таким образом, цель, которую прежде всего преследуют авторы, это — дать популярный анализ сущности общественных явлений и движущих сил общественно-исторического процесса. Сюда относятся главы о производительных силах и производственных отношениях, о теории классовой борьбы, о теории государства и диктатуре пролетариата и об идеологиях. Сюда же относится последняя глава, посвященная теории общественного развития, имеющая синтетический характер и дающая теорию исторического материализма в целом.

Философским вопросам в предыдущих изданиях были посвящены две главы: „Идеализм и материализм“ и „Диалектический материализм“. Уже готовя к печати четвертое издание учебника, авторы сочли необходимым расширить эти главы. В настоящем же — шестом издании весь философский отдел учебника коренным образом переработан. Собственно философским вопросам посвящены четыре первых главы: „Идеализм и материализм“, „Основные законы материалистической диалектики“, „Диалектический материализм и проблема познания“, „Диалектический материализм и научное мировоззрение“. Связующим звеном между философскими и социологическими главами служит глава, дающая анализ сущности и значения теории исторического материализма.

При переработке учебника в целом и в особенности при переработке философских глав авторы учли критические замечания, появившиеся в рецензиях, указания товарищей, преподающих исторический и диалектический материализм, а также свой собственный педагогический опыт в применении данного учебника. Далее авторы стремились отразить в учебнике те новые задачи, которые стоят перед диалектическим и историческим материализмом в наши дни социалистической реконструкции. При всем том относительно философских глав необходимо указать, что они и сейчас не охватывают полностью того круга вопросов, который по существу должен составлять их содержание. Это объясняется прежде всего тем, что в „Кратком учебнике исторического материализма“ эти главы имеют все-таки вспомогательное значение, а с другой стороны тем, что уровень подготовки учащихся, на которых рассчитана книга, исключает возможность углубленной проработки некоторых философских вопросов. Разработка проблем философии за последние годы шагнула у нас далеко вперед. Главнейшие достижения в этом отношении связаны с дискуссией

между диалектиками и механистами. Отразить все последние достижения нашей философской мысли и в частности дать *исчерпывающее* и углубленное изложение дискуссии между диалектиками и механистами в популярном пособии, каковым является настоящий „Краткий учебник“, не представляется возможным. Однако авторы считали совершенно необходимым дать в учебнике главнейшие выводы дискуссии, являющиеся отправным пунктом для дальнейшего развития материалистической диалектики.

Исходя из методических соображений, авторы полагают, что *начать самостоятельную проработку* (по заданиям) теории исторического материализма следует не с философских вопросов, а социологических. Это необходимо потому, что философские вопросы являются значительно более трудным, чем вопросы социологические. Поэтому авторы, при *самостоятельной проработке* книги, рекомендуют такой порядок: начав с главы 6-й, проработать главы 6, 7, 8, 9, 10, а затем перейти к проработке четырех философских глав и главы о сущности и значении исторического материализма и в конце вновь проработать синтетическую главу (10). Указанное расхождение между рекомендуемым порядком самостоятельной работы и системой построения книги объясняется тем, что в основу построения книги положен принцип логической структуры самой науки, диктующий последовательный переход от общих философских проблем к частным социологическим проблемам, тогда как в основу порядка самостоятельной работы должен быть положен принцип методический, диктующий переход от более простого к более сложному. Не считая возможным принести в жертву соображениям методического характера принципы логической структуры самой науки, хотя бы и в элементарном учебнике, авторы полагают, что данные выше указания относительно порядка самостоятельной работы вносят необходимый в методическом отношении корректив.

Рассматривая настоящий учебник, как популярное введение к самостоятельной работе учащихся, авторы сохранили в настоящем издании задания к каждой главе и краткие списки литературы, необходимой для более углубленной проработки этих заданий. Кроме того, к каждому заданию приложен список рекомендуемых отрывков из некоторых существующих хрестоматий.

Труд по составлению настоящей книги распределен между авторами следующим образом: главы „Диалектический материализм и проблема познания“, „Диалектический материализм и научное мировоззрение“, „Сущность и значение теории исторического материализма“, „Теория государства и диктатура пролетариата“ и „Теория общественного развития“ написаны Б. Фингертом; главы „Идеализм и материализм“, „Основные законы материалистической диалектики“, „Производительные силы и производственные отношения“, „Теория классов и классовой борьбы“ и „Идеология“ написаны М. Ширвиндтом.

Авторы выражают искреннюю благодарность рецензентам и товарищам по педагогической работе за ценные указания, оказавшие им существенную помощь при переработке учебника.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ИДЕАЛИЗМ И МАТЕРИАЛИЗМ.

§ 1. ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ ФИЛОСОФИИ.

Научное знание в отличие от повседневного практического опыта не ограничивается простым накоплением опытного материала и регистрацией найденных фактов; оно ставит перед собой гораздо более широкие задачи, задачи теоретического характера.

Подлинный ученый не только собирает факты, но старается их *понять, обобщить, систематизировать и объяснить.*

Найденные в опыте факты служат ему своего рода сырым материалом, который перерабатывается посредством сложного аппарата гипотез и теорий.

Задача каждой науки — связать найденные и проверенные в опыте факты в стройную систему, проникнутую единой теорией.

Поэтому ученый не может ограничиться одними опытными данными, он вынужден обратиться к теоретическому мышлению с его понятиями и принципами, обязательными в той или другой степени для каждой отрасли научного знания.

Отсюда вытекает необходимость особой науки — философии, исследующей происхождение этих понятий, оценивающей значение их для отдельных наук и выясняющей условия их истинности в смысле правильного отражения ими отношений, существующих в реальном мире. «Эмпирическое естествознание», пишет Энгельс, «накопило такую необъятную массу положительного материала, что необходимость систематизировать его в каждой отдельной области исследования и расположить с точки зрения внутренней связи стала неустранимой. Точно так же стало неизбежным привести между собою в правильную связь отдельные области познания. Но, занявшись этим, естествознание попадает в теоретическую область, а здесь методы эмпиризма оказываются бессильными, здесь может оказать помощь только теоретическое мышление. Но теоретическое мышление является прирожденным свойством только в виде способности. Она должна быть развита, усовершенствована, а для подобной разработки не существует до сих пор никакого иного средства, кроме изучения истории философии.

Теоретическое мышление каждой эпохи, а значит, и нашей эпохи, это — исторический продукт, принимающий в различные времена очень различные формы и получающий поэтому очень различное содержание. Следовательно, наука о мышлении, как и всякая другая наука, есть историческая наука, наука об историче-

ском развитии человеческого мышления» (Энгельс, «Диалектика природы»).

В любой науке мы встречаемся с рядом понятий в роде: качество, количество, отношение, условие, причинность, действие, взаимодействие, закономерность, случайность, необходимость, целесообразность, развитие, — без которых невозможно построение научных теорий. Очевидно, что только философия в состоянии исследовать происхождение, значение и смысл этих основных понятий всякого теоретического знания.

Естественник может не знать философии, считать ее ненужной, лишней наукой, но он постоянно в своей научной практике пользуется указанными выше понятиями и поэтому какую-то свою «доморощенную» философию он имеет. Правда, эта философия кажется ему просто «здравым научным смыслом», он применяет ее бессознательно, не зная ни источника ее происхождения, ни степени ее достоверности.

«Естествоиспытатели», — говорит Энгельс, — «восбращают, что они освобождаются от философии, когда игнорируют или бранят ее. Но так как они без мышления не могут двинуться ни на шаг, для мышления же необходимы логические определения, а эти определения они неосторожно заимствуют либо из ходячего теоретического достояния так называемых образованных людей, над которыми господствуют остатки давно прошедших философских систем, либо из крох обязательных университетских курсов по философии (что приводит не только к отрывочности взглядов, но и к мешанине из воззрений людей, принадлежащих к самым различным и по большей части самым скверным школам), либо из некритического и несистематического чтения всякого рода философских произведений, — то в итоге они все-таки оказываются в плену у философии, но, к сожалению, по большей части самой скверной; и вот люди, особенно усердно бранящие философию, становятся рабами самых скверных вульгаризированных остатков самых скверных философских систем» (Энгельс, «Диалектика природы»).

Каждая наука имеет свой подход к миру, изучает его особым путем или методом, рассматривает все явления с особой точки зрения. В связи с этим возникает важная философская задача — исследовать различные пути познания мира и выяснить условия их истинности и значимости.

Каждая наука изучает мир только с одной какой-нибудь стороны, но мир ведь не сумма отдельных частей, а органическое единство. Вполне понятно поэтому стремление философов преодолеть разорванность научного знания, перешагнуть через границы, отделяющие одну науку от другой, и обобщить выводы отдельных наук, чтобы воссоздать потерянную целостность мира. Так как мир представляет собой единое целое, хотя и очень разнообразное в отдельных частях, то очевидно, что можно найти систему принципов, которые, будучи обобщением выводов отдельных наук, явятся наиболее общим выражением законов общества и природы. Само собой разумеется, что каждая наука, для того

чтобы не замкнуться в своей ограниченности, должна обосновывать свои приемы исследования мира, или, другими словами, свой метод, на открытых общих принципах всякого достоверного знания. Единству мира, очевидно, должен соответствовать единый метод познания — метод, одновременно, цельный и гибкий, охватывающий не только сходство в науках, но также и различия.

Обоснования возможности такого метода и утверждение его принципов является задачей философии. Поэтому философию можно определить как всеобщую методологию научного знания, имеющую целью дать прочную основу для построения определенной системы взглядов на явления природы и общества. Философия, следовательно, является основой всякого мировоззрения.

В современном обществе, разделенном на классы, не может быть единого мировоззрения. У буржуазии иное миропонимание, чем у пролетариата, она смотрит на общественные явления сквозь особые классовые очки, наконец, ее общественные идеалы совершенно не похожи на идеалы пролетариата, который стремится к уничтожению основ всякого классового господства. Для того чтобы иметь твердое руководство в классовой борьбе, пролетариат должен выработать свое особое цельное и стройное мировоззрение, позволяющее ему правильно представлять действительность и тенденцию ее развития. Лишь на основе такого мировоззрения пролетариат сможет не только наметить свой общественный идеал, но и найти пути его осуществления. Философия является как бы узлом, связывающим мировоззрение класса в одно стройное систематическое целое. Развяжите узел, откажитесь от философии и у вас рассыплется мировоззрение. Вся жизнь класса, противоречия его положения, извилины его исторической судьбы выражаются в его философии. Вот почему великие учителя пролетариата Маркс, Энгельс, Ленин, Плеханов всегда настойчиво подчеркивали значение философской теории для практики борьбы рабочего класса за свое освобождение.

Философия помогает пролетариату выковать духовное оружие против своего классового врага.

«Учение Маркса всесило, потому что оно верно. Оно полно и стройно, давая людям цельное мирозерцание, непримиримое ни с каким суеверием, ни с какой реакцией, ни с какой защитой буржуазного гнета» (Ленин, «Три источника и три составных части марксизма»).

Так как тенденции общественного развития соответствуют интересам рабочего класса, стремления которого выражают объективные интересы всего общества, то у пролетариата, в противоположность буржуазии, нет никаких оснований исказить и прикрашивать действительность; наоборот, он заинтересован в том, чтобы познать ее во всей полноте и цельности. Поэтому философия пролетариата является подлинно научной философией, основанной на последних данных естественных и общественных наук, критически проверенных и сведенных в одну стройную цельную систему, спаянную единством метода диалектического материализма.

§ 2. ОСНОВНАЯ ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА.

Как мы уже выяснили, философия является наукой, исследующей общие принципы достоверного научного знания. В связи с этим, вполне естественно, основное значение для каждой философской системы приобретает вопрос об отношении знания к реальному миру, другими словами, проблема отношения мышления к бытию. Одни философы считают, что наше сознание в своих понятиях или идеях отражает, более или менее правильно, внешний материальный мир, существующий независимо от нашего или вообще какого-либо мышления. Согласно этому взгляду первичным является природа или бытие, производным — сознание или мышление. По мнению других философов, существование мира связано с наличием познающего духа. С этой точки зрения основой мира признается мышление, творящие идеи и понятия; материя же или бытие считаются чем-то производным.

Как первое, так и второе направление отличаются стремлением к монизму: оба стараются построить цельное мировоззрение, основанное на последовательном проведении одного принципа. Наряду с ними существуют философские системы примиренческого характера, которые пытаются механически соединить в одно целое идеализм и материализм и преодолеть таким образом их противоположность.

Сочетание различных начал в одной системе называется эклектизмом. Философ, не основывающий свои взгляды на одном каком-нибудь последовательно проводимом принципе, является эклетиком, система которого отличается полшинчатостью, непоследовательностью и противоречивостью отдельных частей.

Обращаясь к характеристике основных философских направлений, нам не трудно заметить тесную связь идеализма с религией. Идеалистическая философия по своей сути является утонченной формой первобытного анимизма, мировоззрения дикаря, который расщепляет весь мир на пассивную мертвую материю и активный, одухотворяющий ее, дух. Идеалистические теории, утверждающие, что природа или материя определяется в своем бытии духом, идеей или разумом, представляет собой не что иное, как перевод на философский язык основного религиозного принципа, согласно которому мир сотворен богом.

Наоборот, материализм является философией научной, обосновывающей свои выводы на данных науки. Физик, химик, биолог, если они не сбиты с толку идеалистической философией, стихийно тянутся к материалистическому мировоззрению. Они ни на минуту не сомневаются в том, что в опыте естествоиспытатель открывает свойства материи, т. е. свойства реального мира, существующего независимо от того, производится ли опыт или нет.

Поэтому естествознание, сделавшее огромные успехи в течение первых столетий нового времени (XVI, XVII, XVIII столетия), стремилось в своей борьбе против средневековой схоластики, подчинявшей науку религии, опереться на материалистическую философию. Борьба новой науки со средневековой философией была по

сути дела борьбой между наукой и религией. Средневековая философия свою задачу видела в логическом обосновании догматов религии. Известная средневековая поговорка гласила: «философия — служанка богословия». Новая философия, наоборот, ставила своей целью обосновать научное естествознание и математику. Борьба между новой философией и схоластикой, наукой и религией, была идеологическим выражением классовой борьбы буржуазии с духовенством и аристократией. С утверждением господства буржуазии исчез и ее материалистический дух. В борьбе против восстающего пролетариата буржуазия все чаще и чаще обращается к испытанному духовному оружию — религии. Былые атеисты надевают на себя маску благочестия и поспешно заключают союз с духовенством, с которым они вели когда-то ожесточенную борьбу. Но простая народная религия, со всеми ее суевериями и нелепостями, не может, конечно, удовлетворить изысканную буржуазную интеллигенцию. На помощь приходит идеалистическая философия, являющаяся, как мы уже упоминали, наиболее утонченной формой религии. Вот почему буржуазия в своих университетах, академиях, научных обществах так культивирует идеализм и ведет ожесточенную борьбу против материализма.

Идеализм в настоящее время представляет собой реакционную философию, в задачи которой входит обоснование религиозного суеверия и оправдание существующего общественного порядка, позволяющего буржуазии эксплуатировать пролетариат. Поэтому философия пролетариата не может быть по своей сути философией материалистической, крайне враждебной идеализму во всех его видах.

Маркс, Энгельс, Ленин и Плеханов беспощадно критиковали и идеализм и всякого рода философские течения, которые пытались найти какую-то среднюю линию между идеализмом и материализмом, стараясь преодолеть оба эти основные направления философии или «примирить» их. К таким течениям принадлежит агностицизм, выступающий под различными наименованиями (позитивизм, реализм). Агностики считают, что познание сущности явлений невозможно. С их точки зрения мы должны довольствоваться списанием фактов и не интересоваться неразрешимым вопросом, чем эти факты являются — выражением жизни материи или духа. Агностики призывают к умеренности и аккуратности. Они критикуют и материализм и идеализм за стремление перейти границы непосредственного чувственного опыта с тем, чтобы, доверяясь мышлению, найти общие принципы жизни бытия. Агностики (главный представитель Юм и в известном смысле Кант) — партия золотой середины, их философия — это философия примирения науки с религией.

В мире фактов господствуют только наука и материализм, но что находится за миром фактов, мы не знаем и знать не можем. Здесь, следовательно, науке и философии делать нечего, зато широкий простор открывается перед религией. Кант так и говорил: «Я должен был ограничить область знания, чтобы дать место вере».

Понятно, что агностицизм, на словах преодолевая идеализм и материализм, на деле является скрытым, наиболее опасным видом идеализма.

«Гениальность Маркса и Энгельса», — пишет Ленин, — «состоит как раз в том, что в течение очень долгого периода, почти полустолетия, они развивали материализм, двигали вперед одно основное направление в философии, не топтались на повторении решенных уже гносеологических вопросов, а проводили последовательно, — показывали, как надо проводить тот же материализм в области общественных наук, беспощадно отменяя, как сор, вздор, напыщенную претенциозную галиматью, бесчисленные попытки «открыть» «новую» линию в философии, изобрести «новое» направление и т. д. Словесный характер подобных попыток, схоластическую игру в новые философские «измы», засорение сути вопроса вычурными ухищрениями, неумение понять и ясно представить борьбу двух коренных гносеологических направлений, — вот что преследовали, травили Маркс и Энгельс в течение всей своей деятельности»...

§ 3. РАЦИОНАЛИЗМ.

Разрешая проблему отношения познания к бытию, мы, логически, должны прийти к вопросу об источниках нашего знания и условиях его достоверности.

На первый взгляд этот вопрос как будто не вызывает особых затруднений и ответ на него напрашивается сам собой. Каждый, мало искушенный в философии, человек вам скажет: — мое знание о вещах есть результат показаний органов чувств; я вижу, слышу, осязаю, обоняю и таким образом создаю себе представление о внешнем мире. Следовательно, для «здорового смысла» обычного «не философствующего» человека единственным источником знания является чувственный опыт. Однако, при исследовании самого чувственного опыта сразу бросаются в глаза недостатки, которые невольно заставляют сомневаться в его достоверности. В самом деле, нельзя же отрицать, что показания органов чувств нас сплошь и рядом обманывают. Например, луна нам кажется маленьким диском, величиной с тарелку, между тем путем размышления над множеством различных научных опытов мы узнали, что луна большой шар, удаленный от земли на несколько сот тысяч верст. Таких примеров можно привести, конечно, сколько угодно. Чувственный опыт отличается к тому же неясностью и субъективностью. Достаточно указать хотя бы различные ошибки зрения и слуха, иллюзии, галлюцинации, случаи цветной слепоты и т. д. Очевидно, даже в повседневной жизни мы не можем довольствоваться одними нашими ощущениями и вынуждены для их проверки обращаться к мысли, к разуму. Тем более это относится к науке. Факты открываются не сами собой; чтобы их открыть необходимо проверить чувственные данные, найденные в опыте, путем размышления над ними. Мало того, самая постановка научного опыта невозможна, если предварительно не наметить цель,

преследуемую опытом, не представить себе мысленно его схему, не предвосхитить до некоторой степени его результаты.

Как архитектор прежде чем построить здание, должен начертить план, так ученый, прежде чем приступить к опыту, должен мысленно предвосхитить его во всех существенных деталях. Факты, большею частью, не открываются, но ищутся и находятся. Конечно, все сказанное относится к наукам, достигшим высокой степени развития. Каждая наука вначале вынуждена довольствоваться случайным, несистематизированным и мало совершенным опытом. Постепенно совершенствуются методы исследования и нащупываются формы эксперимента, свойственные данной науке. Период «исканий» кончается и случайный опыт все в большей и большей мере вытесняется планомерным экспериментированием.

Само собой разумеется, что деятельность мысли играет особенно важную роль при построении научных теорий, ибо в этом случае чувственные данные (вернее проверенные факты) являются лишь предпосылками для научных выводов и заключений.

Но высшее торжество рационального (основанного на применении разума, а не чувств) метода мы имеем в математике. Математика из нескольких основных положений, которые представляются самоочевидными разумными истинами, выводит ряд следствий, имеющих крайне важное значение для всех областей научного опыта. Математика, как известно, считается идеалом точной и достоверной науки. Вместе с тем она идеал абстракции. Когда математик выводит какую-нибудь формулу, скажем: *сумма углов треугольника равна двум прямым*, то он имеет в виду не конкретный, чувственный, осязаемый треугольник с такими-то сторонами, такой-то величины углами и пр., нет — математический треугольник результат отвлечения, абстракции от указанных нам свойств — и все же найденные в нем отношения годятся для всех единичных конкретных, чувственных треугольников. Прямые, плоскости, объемы, изучаемые геометрией, не являются чувственными объектами; отношения, им присущие, можно изучать, совершенно не прибегая к наглядным представлениям. Геометрическая прямая не имеет ни ширины, ни толщины, она выражает только одно пространственное измерение, плоскость понимается в геометрии как часть пустого пространства, ограниченного прямыми, объем, как часть пространства, ограниченного плоскостями (не имеющими никакой толщины). Все это можно мыслить, но наглядно представить себе нельзя, не игнорируя точности и строгости, требуемой геометрией. Уже чертеж искажает геометрическую действительность, так как начерченные линии обладают помимо длины еще шириной и толщиной. Но все же объекты школьной геометрии сохраняют еще некоторую наглядность, в них остается слабый чувственный след прошедшего опыта. Иное дело арифметика и т. н. высшая математика. Какой чувственный образ соответствует числу, дифференциалу, интегралу и т. д.? И тем не менее нельзя отрицать, что они отражают реальность, при том реальность материальную, действующую на наши чувства. Но именно это забывает математик. Свои абстракции он принимает за

действительность, не обладающую никакими чувственными свойствами и познаваемую поэтому только разумом. Обобщая математический метод, философ, основывающийся на математике, приходит к выводу, что для приобретения истинного, достоверного знания необходимо закрыть глаза и уши, отвлечься от всего чувственного и отдаться, исключительно, логическому процессу мышления.

Математические понятия ему кажутся априорными идеями, созданными творчеством человеческого или сверхчеловеческого духа, независимыми от грешного чувственного опыта и поэтому не нуждающимися в нем для подтверждения своей достоверности.

Математик прав в том смысле, что известные положения, выдержавшие долголетнюю опытную проверку, могут для данной эпохи считаться априорными истинами и выводы из них поэтому не будут подлежать специальному опытному подтверждению. Но в тот момент, когда обнаружится противоречие между опытом и априорным положением, его необходимо проверить и в зависимости от результатов проверки либо отвергнуть, либо ограничить.

Не прав математик, если он условную априорность некоторых положений превращает в абсолютную, забывая о том колоссальном производственном опыте, на основе которого создались геометрические аксиомы и математические принципы.

Все априорное сейчас исторически является апостериорным. Геометрические фигуры так же как и числа являются общим выражением отношений, существующих в материальных телах. Наша способность абстракции позволяет нам отвлекаться от одних отношений, характеризующих материальную действительность, и фиксировать другие. В этом смысле математические отношения так же объективны и реальны, как физические, химические и т. д. Формула — сумма углов треугольника выражает (приблизительно) общее свойство всех треугольных (т. е. обладающих известной формой) тел, независимо от того, какими разнообразными свойствами они обладают еще.

«Наша геометрия исходит из пространственных отношений, а наша арифметика и алгебра из числовых величин, соответствующих нашим земным отношениям, т. е. соответствующих телесным величинам, которые механика называет массами, — массами, как они встречаются на земле и приводятся в движение людьми» (Энгельс, «Диалектика природы»).

То, что мы сказали о математике, в общем относится и к другой «точной» и абстрактной науке — механике. Здесь ученый отвлекается от ряда свойств, присущих телам, фиксируя свое внимание только на условиях пространственного перемещения, массе и скорости. Чтобы изучить законы механического движения, ученый прибегает к анализу. Путь движущегося тела разлагается на бесконечно-малые пути, на отдельные моменты, характеризующие направление, скорость и ускорение. Аналитическому методу механика обязана своей точностью и строгостью, ибо аналитический метод позволяет упрощать явление, разлагать сложный процесс на ряд более простых (кажущихся абсолютно простыми) момен-

тов. При помощи анализа сложное спаянное внутренней связью целое представляется суммой простых единиц, чем в значительной степени облегчается его изучение.

Итак, и для математики и для механики путь приблизительно один — отвлечение от чувственного опыта и анализ. Этим путем и пошел основатель рационализма Нового времени Декарт. Декарт был не только философом, но так же физиком и великим геометром. Математика являлась для него прообразом всякого истинного знания. Отсюда вполне понятное стремление Декарта подчинить чувственность мысли. Декарт в поисках истинного и достоверного начала философии начал с методического сомнения во всем окружающем мире, и даже в самом себе. Но так как можно сомневаться во всем, кроме факта сомнения и сомневающейся мысли, то Декарт и приходит к знаменитому положению — я мыслю, следовательно, я существую. Исходным пунктом философского познания объявляется мысль. Отсюда вытекает, что критерий истины, т. е. признак, по которому истину можно отличить от заблуждения, надо искать в самом разуме. Мы уже упоминали о недостатках чувственного знания, о его неясности, недостоверности, субъективности — очевидно истинное знание должно отличаться противоположными свойствами, именно ясностью, точностью, самоочевидностью. Эти признаки Декарт и объявляет критерием истины.

Идеи нашего разума, отличающиеся наибольшей ясностью и самоочевидностью, и являются идеями истинными, отражающими объективную реальность. Эти идеи (идея бога, основные математические принципы) Декарт называет врожденными идеями. Человек обладает ими как необходимой принадлежностью человеческой природы. Они независимы от чувственного опыта и не нуждаются в нем для подтверждения своей истинности. Для нахождения их Декарт предлагает следующие правила:

«Первое правило: — считать истинным лишь то, что с очевидностью признается мною таковым, т. е. тщательно избегать поспешности и предупреждения и принимать в свои суждения только то, что представляется моему уму так ясно и отчетливо, что ни в коем случае не возбуждает во мне сомнения.»

Второе правило: — разделить каждое из рассматриваемых мною затруднений на столько частей, на сколько возможно, и сколько требуется для лучшего их разрешения.

Третье правило: — мыслить по порядку, начиная с предметов, наиболее простых и легко познаваемых, и восходить мало-помалу, как по ступеням, до познания наиболее сложных, допуская существование порядка даже среди тех, которые не следуют естественно друг за другом» (Декарт, «Рассуждение о методе», перевод Г. Тымянского).

Не трудно понять, что второе и третье правила указывают на основные принципы аналитического метода.

Отвлечение от чувственного опыта, признание его недостоверности и неясности, логически приводит к выводу, что за миром, который мы видим, обоняем, осязаем, слышим, за всей этой пыш-

ной панорамой цветов, звуков и других чувственных явлений скрывается тайная причина, истинная сущность всего нами чувствуемого — однообразная, бесцветная и беззвучная сверхчувственная субстанция, которая является, обнаруживается в явлениях, но в реальности своей может быть познана лишь разумом.

По мнению Декарта, мир состоит из двух субстанций — телесной (протяженной) и духовной. Так как физическая и психическая сторона человека образуют нерасторжимое единство, то Декарт вынужден признать, что тело и «душа», несмотря на все их различия, взаимно действуют друг на друга. Для объяснения этого Декарт допускает существование третьей высшей субстанции — бога, объединяющей (чисто механически) первые две. Понятно, что в этом заключалось основное противоречие Декарта; его материальная субстанция отрицала божественную и наоборот.

Философия Декарта показывает с необыкновенной наглядностью, что невозможен никакой компромисс между материализмом и идеализмом, ибо всякая уступка идеализму неизбежно приводит к теологии, к признанию реальности третьей субстанции — бога.

Грандиозную попытку построения рациональной монистической системы сделал другой великий рационалист Бенедикт Спиноза (1632 — 1677). На место трех сущностей (субстанций) Декарта Спиноза поставил одну — бога или природу. Единственная и единая мировая субстанция, по мнению Спинозы, обладает бесконечным количеством качеств (атрибутов), из которых человеческий разум познает только протяженность и мышление. Все явления представляют собой только изменение субстанции, суть ее модусы (состояния). Все, что дано в области протяженности, точно соответствует тому, что дано в мышлении, и наоборот. «Порядок и связь идей — то же, что порядок и связь вещей». Вместе с тем эти два атрибута (мышление и протяженность) остаются независимыми друг от друга и никоим образом не сливаются вместе. Их единство (в субстанции и природе) не означает их тождества. Как в области мысли, так и в области протяженности господствует строгая причинность; все последующее целиком вытекает из предыдущего.

Гарантию истины Спиноза, как и Декарт, видит в самоочевидности, ясности и самодостоверности — «... что такое может быть яснее и достоверней истинной идеи, что могло бы быть нормой истины? Конечно, как свет делает явным себя самого и делает явным тьму, так и истина есть норма самой себя и того, что ложно» (Спиноза, «Этика»).

Рационалистический критерий истины имел то достоинство, что он требовал ясного и отчетливого мышления, подчеркивая значение логической стороны нашего знания, процесса переработки, проверки и систематизации чувственного опыта.

Основной недостаток рационалистов — отрыв мышления от чувственности, логического размышления от чувственного опыта.

Рационалисты не доверяют ощущению в силу его субъективности, истину они ищут в независимом от чувств разуме

В результате — их критерий истины крайне произволен; неясен и недостоверен.

Разве ясность и очевидность какой-нибудь идеи можно считать надежной гарантией ее истинности? Конечно, нет.

Возьмем хотя бы такой пример:

Большинству религиозные философские идеи о боге казались в высшей степени ясными; но это конечно не является доказательством бытия божьего.

Безнаказанно нельзя отделять разум от чувственности. Ибо тогда наше мышление теряет точку соприкосновения с внешним миром, замыкается в себе и становится своим собственным бесконтрольным судьей.

И все же, несмотря на указанные недостатки, рационализм сыграл огромную роль в развитии науки и мировоззрения XVII и XVIII века. «Метафизика XVII столетия еще заключала в себе положительное, земное содержание (вспомним Декарта, Лейбница и др.), пишет Маркс, она делала открытия в математике, физике и других точных науках».

Материалистические моменты философии Спинозы, в особенности принцип единства бытия и мышления, природы и духа, оказали огромное влияние на мировоззрение XVIII столетия. Спинозу с полным основанием можно считать родоначальником философского атеизма Нового времени. Это одинаково хорошо понимали и передовые мыслители XVIII столетия, «переводившие» его сочинения на материалистический и, следовательно, атеистический язык, и церковь, сжигавшая рукой палача его книги. Да, церковь считала Спинозу отъявленным атеистом и, надо сказать, имела весьма солидные основания для этого. У Спинозы бог настолько слился с природой, что от него ничего не осталось, кроме названия.

§ 4. ЭМПИРИЗМ.

Рационализм, как мы уже указали, основным источником истинного знания считает разум, напротив эмпирики выдвигают значение чувственности для познания. В связи с этим, исходным пунктом эмпиризма становится критика рационалистического априоризма, критика теории врожденных идей. По мнению известного английского эмпирика Локка (1632 — 1704), человек рождается с одной только способностью ощущать. Никаких врожденных, т. е. независимых от чувственного опыта идей, у человека нет. Пока опыт не обогатил душу, она, по словам Локка, представляет собой *tabula rasa* — чистую доску. Итак, основным источником имеющихся у человека знаний являются ощущения, полученные от внешней среды. На ряду с этим «внешним» опытом у нас имеется еще опыт внутренний, возникающий в результате переживаний, связанных с внутренними процессами нашего организма (чувство, печали, боли, различного рода переживания и т. д.). Человеческие идеи о внешнем мире являются комбинациями ощущений, вызванных качествами действующих на органы чувств

внешних предметов. Качества разделяются на первичные и вторичные.¹ Первичные качества (протяженность, число, фигура, движение, непроницаемость) присущи самим предметам. Следовательно, наши представления в этом случае соответствуют тому, что в предмете действительно есть.

Иное дело со вторичными качествами (цвета, звуки, запахи, вкусовые, осязательные и тепловые ощущения). Здесь налицо нет соответствия между нашими восприятиями и реальным предметом. Возьмем, например, звук. Источник звука — воздушная волна, обладающая известными свойствами, — является вполне объективным фактом, но в процессе действия на воспринимающий аппарат он производит чисто субъективное ощущение звука.

Однако признавая объективность представлений, соответствующих первичным качествам, Локк вместе с тем не может это утверждение доказать вполне убедительными аргументами.

Причина этого в том, что Локк не понимал природу связи, существующей между ощущением, мышлением и бытием. По его мнению, ощущения в силу их субъективности разобщают субъект с объектом, мышление с бытием. С точки зрения своей эпохи Локк иначе и не мог рассуждать.

В XVII и XVIII веках понятие развития было почти неизвестно. Человек рассматривался как существо, оторванное от истории и общества. Если же в качестве познающего субъекта рассматривать внеисторического изолированного от всех общественных связей Робинзона, то ощущение надо признать чисто субъективным моментом, отделяющим сознание от бытия. Только история сознания, притом история сознания общественного человека, изменяющего природу, показывает, что ощущения неразрывно связаны с мыслью, ибо реальное бытие познается ощущениями через посредство мысли и мыслью через посредство ощущений. Мысль, не основанная на опыте, познает только свою пустоту, ощущение же, не просветленное мыслью, остается замкнутым в себе, оторванным от реального бытия.

Значит история общественного сознания показывает, что ощущение представляет и субъективный и объективный момент нашего знания.

Так как Локк не может понять связь между ощущением и мыслью, то он запутывается в противоречиях. Например — идея субстанции непосредственно не взята из ощущений, субстанция не есть комплекс ощущений: значит идее субстанции как будто не соответствует никакая реальность. Но тогда чьими качествами являются протяженность, фигура, движение и т. д. Вполне понятно, что Локк должен либо связать мысль с ощущением и объявить протяженность, движение и т. д. качествами материи, либо усомниться в существовании материальной субстанции (непосредственно в ощущениях не данной), в связи с чем названные

¹ Качественным предметом Локк называет способность предмета произвести какую-нибудь идею в разуме.

качества приобретают характер субъективных восприятий. Сам Локк колеблется между этими двумя точками зрения, являясь половинчатым материалистом и половинчатым идеалистом.

Непоследовательность Локка заключается в том, что он не сделал надлежащих выводов из своей точки зрения, в результате чего неизбежно возникает противоречие, раскладывающее его систему на две, взаимно исключающие друг друга половины.

У Локка получается так:

1. Источником ощущений является внешний предмет. Так как идеи образуются рассудком из ощущений, то гарантия истинности идеи заключается в ее соответствии с внешним предметом.

2. В силу того, что ощущения не связывают наше сознание с внешним миром, все содержание сознания имеет самостоятельное, независимое от внешних предметов значение. Гарантия истины в этом случае заключается, очевидно, в самих идеях, в их порядке и связи. Первое положение — материалистическое, второе — идеалистическое, ибо согласно его смыслу, внешний предмет должен согласоваться с идеей, которая, следовательно, фактически и определяет бытие познанного нами предмета.

Но ведь идея, по Локку, только комбинация ощущений. Следовательно, из второго положения вытекает, что внешний предмет в своем бытии определяется ощущением. Этим объясняется, почему философия Локка явилась исходным пунктом как материализма, так и субъективного идеализма Беркли.

Философский замысел английского философа епископа Беркли заключался в том, чтобы доказать нелепость и ненужность понятия материальной (т. е. протяженной) субстанции. «На основе учения о материи или о телесной субстанции, — говорит Беркли, — воздвигнуты были все безбожные построения атеизма и отрицания религии. . . Нет надобности рассказывать о том, каким великим другом атеистов во все время была материальная субстанция. Все их чудовищные системы до того очевидно, до того необходимо зависят от нее, что, раз будет удален этот краеугольный камень, — и все здание неминуемо развалится». Итак, философская задача Беркли — изгнать материю и этим путем прочно утвердить бытие бога. С этой целью Беркли обрушивается на учение Локка о первичных и вторичных качествах. Вполне последовательно он доказывает, что первичные качества так же субъективны, как и вторичные, и следовательно принципиальной разницы между ними нет. И те и другие качества мы познаем при помощи ощущений, ибо иначе мы вообще ничего не можем познать. Отсюда вытекает, что вне ощущений никаких качеств нет. Быть это значит быть в ощущении (знаменитое — *esse percipi*). Вместе с отрицанием первичных качеств падает, конечно, и их носитель — объективная независимая от сознания и ощущения, протяженная реальность — материя, материальная субстанция. Единственной субстанцией, реально существующей, объявляется дух — носитель субъективных качеств ощущений. При логическом развитии изложенной точки зрения Беркли неминуемо должен был бы притти к солипсизму, т. е. к убеждению, что достоверно существование только

одного ощущающего субъекта (самого философа), весь же остальной мир лишь его ощущения и их комбинации идеи. Мало того, с этой точки зрения мир не мог существовать до появления человека или какого-нибудь ощущающего существа. Чтобы избежать бессмыслицы, Беркли вводит понятие сверхчеловеческого духа — бога, идеи которого образуют всю вселенную в прошлом, настоящем и будущем. В ощущениях бога дано все бытие. Доказательством бытия божьего является тот факт, что в зависимости от яркости, силы и принудительности ощущений мы различаем сон от яви и воображаемые химеры от действительных реальных ощущений. Очевидно, такое различие возможно лишь при условии признания высшего существа, которое принудительно определяет известный порядок и характер наших идей, давая таким образом знание о своих божественных идеях, которые, как мы уже указали, образуют весь реальный мир.

Отрицая существование материи, Беркли вполне логично отрицает также объективную причинность. Вместо причинной связи он вводит понятие символа или значка, посредством которого бог извещает нас о порядке следования наших идей... «Связь между идеями заключает в себе отношение не причины и действия,—говорит Беркли,—а только отметки или значка и вещи означаемой. Видимый мной огонь есть не причина боли, испытываемой мною при приближении к нему, но только предостерегающий меня от нее значок. Равным образом шум, который я слышу, есть не следствие того или иного движения или столкновения окружающих тел, но их значок... Отсюда очевидно, что те вещи, которые при предположении причины, содействующей произведению действий, совершенно необъяснимы и вовлекают нас в большие нелепости, могут быть очень естественно объяснены и имеют собственно им принадлежащую пользу, если они рассматриваются только как отметки или значки, служащие нам для указания. Именно в отыскании и попытках понимания этого языка (если можно так сказать) Творца природы должна заключаться задача естествоиспытателя, а не в притязании объяснить вещи телесными причинами, какое учение, повидимому, слишком отклонило умы людей от того деятельного Начала, того высшего и премудрого «Духа», в Коем мы живем, движемся и имеем бытие».

Философская система Беркли, несмотря на всю ее видимую стройность, таит в себе глубокое и неразрешимое противоречие.

Бог — краеугольный камень философского здания Беркли — не может быть непосредственно предметом ощущений и, следовательно, согласно основной предпосылке его философии, не может существовать как реальное бытие. Точно также дух, согласно словам самого Беркли, нами не ощущается, а только мыслится, следовательно его бытие не более реально, чем бытие материи.

Эти противоречия привели английского агностика и скептика Давида Юма (1711—1776) к той мысли, что существование духовной субстанции (бога) логически так же не может быть доказано, как и существование субстанции телесной. Вещи — только пучки ощущений. Кроме ощущений и их комбинаций мы ничего не знаем

и не можем знать. Имеется ли за нашими ощущениями какая-нибудь сущность, субстанция реальности (духовная или материальная) — это вопрос веры, а не знания. Верить в существование внешнего мира можно, но логически обосновать свою веру нельзя. Задача науки заключается в том, чтобы правильно описывать факты (т. е. комбинации ощущений) и на основании знания известных фактов предвидеть вероятность их повторения. Причинную связь между явлениями Юм отрицает. По его мнению мы имеем дело только с повторяемостью известных встречающихся вместе фактов. На этом основании у нас создается привычка вслед за появлением одного такого факта ждать немедленно другого. Идея необходимой связи причины с действием является, следовательно, результатом привычки.

Юм завершил развитие эмпиризма, он сделал крайне логические выводы из точки зрения Локка, и поэтому его учение по справедливости можно назвать радикальным эмпиризмом, который именно в силу своего радикализма и последовательности переходит в скептицизм и агностицизм. Поэтому философия Юма очень ярко вскрывает слабые стороны эмпиризма. Наука не может довольствоваться тем, что все ее открытия, фактически, становятся под сомнение и объявляются достоянием сознания изолированных индивидуумов. Наука претендует на большее, она претендует на объективность, независимость от сознания изучаемых ею объектов и на известную хотя бы относительную достоверность открытых ею истин. Но как раз в этом ей и отказывает Юм, заявляющий со скептической улыбкой, что за пределы ощущений, за границы нашей чувственности мы выйти не можем, и что сущность мира мы не знаем и никогда не будем знать (*ignotamus et ignotabimus*).

§ 5. ФРАНЦУЗСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ.

Французский материализм (главные представители Ла-Меттри, Гольбах, Гельвеций, Дидро) развился под влиянием Декарта, Спинозы и Локка. Следовательно в мировоззрении французских материалистов соединялись как эмпирические, так и рационалистические начала. На него наложили свою печать теория познания Локка, рационалистическая физика Декарта и общий дух метафизики Спинозы.

Исходным пунктом теории познания французских материалистов являлось знаменитое положение Локка — нет врожденных идей, т. е. нет ничего в мысли, чего не было бы раньше в ощущениях.

На вопрос — что мы ощущаем? французские материалисты отвечали — материю, движущуюся, протяженную субстанцию. Понятно, что при такой точке зрения французские материалисты должны были самым резким образом критиковать взгляды представителей философского идеализма.

«Что сказать, — пишет Гольбах, — о философе, вроде Беркли, который старается доказать нам, будто все в этом мире есть лишь иллюзия и химера будто весь мир существует лишь в нас самих»

и в нашем воображении, и который при помощи софизмов, неразрешимых для всех сторонников духовности души, делает проблематичным существование всех вещей.

Чтобы оправдать эти чудовищные взгляды, нам говорят, что идеи являются единственными объектами мысли. Но, доводя анализ до конца, мы убеждаемся, что идеи эти могут являться к нам лишь от внешних предметов, которые, действуя на наши чувства, модифицировали наш мозг, или же от материальных объектов, находящихся внутри нашего организма, которые заставляют некоторые части нашего тела испытывать сознаваемые нами ощущения и которые доставляют нам идеи, относимые нами — правильно или неправильно — к воздействующей на нас причине. Всякая идея представляет собой некоторое следствие; но как бы ни трудно было добраться до причины ее, можем ли мы допустить, что этой причины вовсе не существует? Если мы способны получать идеи лишь от материальных субстанций, то можем ли мы допустить, что причина наших идей может быть нематериальной? Утверждать, будто человек способен без помощи внешних предметов и чувств получить представление о вселенной, — это все равно, что сказать, будто слепой может иметь правильное представление о картине, изображающей предмет, о котором он никогда не слышал» (Гольбах, «Система природы»).

Способность ощущать с точки зрения французских материалистов представляет собой такое же неотъемлемое свойство материи (вернее некоторых ее частей, обладающих известной организацией), как и движение. Французские материалисты признавали, подобно Канту, что людям доступно только познание явлений, которые представляют собой результат взаимодействия между материей, определяющей содержание наших ощущений, и нашей нервной организацией, производящей эти ощущения. Но в отличие от Канта они полагали, что явления не отделены пропастью от «вещей в себе». По их мнению, познание явлений ведет к познанию некоторых свойств «вещей в себе», т. е. материи.

Все мировоззрение французских материалистов, их политические и этические взгляды логически основаны на их теории познания. Раз все идеи возникают из ощущений, которые в своем содержании определяются внешней средой, то очевидно, что идеология человека (т. е. совокупность его научных, политических, моральных, эстетических взглядов) всецело зависит от законов, обычаев, учреждений окружающего общества. Мы уже указывали, что согласно взглядам Локка, усвоенным французскими материалистами, человек рождается с одной способностью ощущать. Он стремится к приятным ощущениям, избегает неприятных. Естественный интерес каждого человека получить как можно больше наслаждений. Значит человеческое поведение основано на эгоизме. Но человек — продукт воспитания. Его идеи формируются под влиянием общественной среды. Следовательно, при известных общественных условиях можно так воспитать человека, что он свой интерес будет видеть в помощи другим людям. Для него делать добро, действовать в интересах всего общества будет

высшим наслаждением. Итак, причину безнравственных взглядов надо, по мнению французских материалистов, искать не в исконной испорченности людей, а в дурных общественных условиях. Мораль, как мы видим, у них целиком переходит в политику и социологию. Для того чтобы иметь нравственных людей, преследующих не свои личные, а общественные интересы, видящих свое счастье в счастье всего общества, необходимо изменить дурные общественные учреждения, нужно установить лучшие, более совершенные порядки.

Французские материалисты были идеологами радикальной буржуазии. Их идеалом было общество, освобожденное от всех феодальных пут, мешавших общественному развитию. Как и подобает теоретикам буржуазии, французские материалисты противопоставляли феодальную собственность, основанную на «захвате и насилии», буржуазной собственности, будто бы «основанной на труде». Первая вредна, безнравственна и подлежит уничтожению, вторая, наоборот, заслуживает всяческого поощрения. Само собой понятно, что собственность являлась для них незыблемой основой всякого общественного порядка.

Как идеологи буржуазии, французские материалисты вели ожесточенную борьбу против религии — официальной идеологии дворянства и духовенства. Они резко критиковали религиозные суеверия и обрядность, разоблачая вместе с тем ханжество и лицемерие духовенства, распущенность которого достигла своего апогея накануне французской революции. Гольбах высмеивал религиозную проповедь воздержания и смирения. По его мнению, вместо того, чтобы мечтать о несуществующем загробном блаженстве, нужно строить действительный рай на земле.

Взгляды французских материалистов на религию имели огромное агитационное значение, но не отличались большой глубиной. Гольбах и Гельвеций считали религию простым человеческим заблуждением, результатом сознательного обмана жрецов.

Слабость французских материалистов заключалась в том, что они не могли последовательно провести своей материалистической точки зрения. Это объясняется тем, что они, как и Локк, разрывали связь, существующую между бытием, ощущением и мышлением. Вот почему у них встречаются утверждения, стоящие в резком противоречии с их общими взглядами. Например, по Гельвецию «люди, так сказать, творцы материи».

Индивидуализм и отсутствие исторической точки зрения приводило французских материалистов к серьезным противоречиям и в области социологии. Исходным пунктом социологических взглядов служило для них, как мы знаем, принципиальное признание определяющего влияния общественной среды на идеологию человека. Однако, анализируя общественную среду, они не могли не прийти к выводу, что общественные условия меняются законодателем в зависимости от его взглядов. Не могли они также не заметить, что нравы, обычаи, идеи в сильнейшей степени влияют на характер общественной среды, вернее образуют ее составную часть. Поэтому у них и получилось неразрешимое противоречие:

с одной стороны общественная среда определяла взгляды, мнения людей, с другой, она сама определялась ими. О том, что и государственный строй и идеология определяются чем-то третьим, именно производственными отношениями и развитием производительных сил, французские материалисты, вследствие отсутствия идеи развития, не имели никакого представления. Поэтому выхода из указанного нами порочного круга они найти не могли и отделивались либо указанием на взаимодействие, либо ничего не объясняющей ссылкой на природу человека. При этом природа человека считалась неизменной, и оставалось совершенно непонятным, почему названная природа в один период времени требовала, скажем, феодальный строй, а в другой буржуазную конституционную монархию. Объяснения вроде того, что человек шел все время путем заблуждений, пока разум не открыл ему истинное соответствующее его природе общество (буржуазное), конечно не выдерживают сколько-нибудь серьезной критики.

Мировоззрение французских материалистов основывалось целиком на механике, которая в те времена была единственной наукой, достаточно подвинувшейся вперед. Отсюда и название — механический материализм. Биология в XVIII веке была почти неизвестна, химия находилась только в зачатке. Понятно, что идея развития надлежащего обоснования получить не могла. Французские материалисты считали, что природа всегда существовала в том виде, в каком она существует в данное время, а если и догадывались, что все-таки какое-то развитие было, то представляли его себе в самом фантастическом и неопределенном виде.

Общество для них было огромным механизмом, в котором люди играли роль отдельных винтиков. От движения того или другого винтика зависело и движение всей общественной машины. О своеобразной природе общественной закономерности французские материалисты даже не догадывались (если не считать отдельных отрывочных намеков). Чем же может определяться движение отдельных винтиков — людей в общественном механизме? Очевидно материальной физиологической природой человека, которая тоже подчинена механическим законам. Один из крупнейших французских материалистов Ла-Меттри в своей книге «Человек — машина» доказывал, что все отправления человека подчиняются строгим механическим законам. Отсюда вполне понятны утверждения, что какой-нибудь злополучный шальной атом, попавший в голову крупного государственного деятеля (особенно «важного винтика» в общественном механизме) не туда куда следует, может изменить всю систему его взглядов и таким образом изменить ход исторических событий.

«Излишек едкости в желчи фанатика, — говорит Гольбах, — разгоряченность крови в сердце завоевателя, дурное пищеварение у какого-нибудь монарха, каприз какой-нибудь женщины — являются достаточными причинами, чтобы заставить предпринимать войны, чтобы посылать миллионы людей на бойню, чтобы разрушать крепости, превращать в прах города, чтобы погружать народы в нищету и траур, чтобы порождать голод и заразные бо-

лэзии и распространять горе и бедствие на длинный ряд веков...

...Итак, судьба человечества и судьба каждого человека зависят в любой момент от незаметных причин, скрытых в лоне природы до тех пор, пока не обнаружится их действие. Счастье или несчастье, процветание или нищета каждого из нас и целых народов связаны с силами, действие которых мы не можем предвидеть, оценить или остановить. Может быть, в это самое мгновение собираются и сочетаются незаметные молекулы, соединение которых даст государя, который станет бичом обширной империи (Гольбах, «Система природы»).

Отвлеченная механическая закономерность, выступающая как всеобщая ничем не, ограниченная необходимость, превращается здесь в абсолютную тоже ничем не ограниченную случайность, исключаящую всякую возможность предвидения общественных явлений. Критикуя эту точку зрения, Энгельс указывает, что случайность не объясняется здесь из необходимости; скорее наоборот, необходимость низводится до чего-то чисто случайного. Признание отвлеченной необходимости, отрицающей элемент случайности, приводит, фактически, к полному аннулированию закономерности, к превращению ее в неограниченный произвол мелких несущественных фактов.

Непонимание проблемы развития, злоупотребление механическими аналогиями, превращение человека и общества в механизм были теми основными недостатками, которые привели к победе идеализма над французским материализмом. Но этот новый, так называемый, немецкий классический идеализм во многих отношениях не был похож на старый. Его основная заслуга заключалась в создании теории диалектики.

§ 6. КАНТ И ГЕГЕЛЬ.

Основной недостаток теории познания французских материалистов заключался в том, что разуму отводилась в ней чисто пассивная роль. По мнению французских материалистов человеческие понятия, идеи представляют собой лишь простые, механические сочетания ощущений, данных в опыте.

С иной точки зрения к этому вопросу подошел немецкий философ Кант. Подобно Локку и французским материалистам Кант тоже считает, что чувственный опыт, взятый сам по себе, не объясняет характера научного знания. В предыдущей главе мы выяснили, что чувственный опыт, оторванный от мысли, не дает, в силу своей субъективности и случайности, основание для общеобязательных и необходимых выводов. Между тем каждая наука, в особенности такая точная, как механика, на которую опирался Кант в своей теории познания, требует вывода из опыта *общеобязательных* положений, устанавливающих *необходимые* связи между фактами. Например, принцип причинности, причинной связи между явлениями представляет собой основной принцип всякой науки, но, как показывают рассуждения Юма, если чувственный опыт оторван от мысли, то этот принцип можно взять под сомнение.

Действительно, в ощущениях даны только случайные, мимолетные, единичные связи, зависящие от множества различных условий. Логическая мысль связывает различные ощущения в одно целое, отделяет случайное от необходимого, находит общее в единичном, без чего нельзя установить причинную связь между явлениями.

Кант подобно своим предшественникам тоже отрывает мысль от ощущений, но его особенность в том, что он заметил активную творческую, конструктивную роль мышления. Противопоставляя чувственный опыт мысли, Кант превращает мир ощущений в бесформенный, бессвязный, бессмысленный хаос, порядок в который вносится активной творческой деятельностью мыслителя. По Канту ощущения представляют сырой материал познания, формируемый согласно определенным принципам деятельности человеческого рассудка. Одним из таких принципов и является понятие причинности. Так как из опыта понятие причинности, по мнению Канта, вывести нельзя, то следовательно, причинность нужно считать понятием априорным, внеопытным.

Процесс познания заключается следовательно с точки зрения Канта в том, что данный в чувственном опыте хаос ощущений приводится в порядок, систематизируется, объединяется, синтезируется посредством априорных понятий. Ощущения, сами по себе бесформенные, дают содержание познанию, понятия придают ему определенную форму. Значит предмет познания, по мнению Канта, имеет двойное происхождение — с одной стороны он результат действия внешнего объекта на наши органы чувств, с другой — результат свободного творчества мышления, действующего согласно своим принципам и законам. Так как согласно теории познания Канта деятельность мысли носит чисто формальный характер, мысль только придает известную форму чувственному содержанию, ощущениям, то ощущения образуют естественную границу творческой деятельности мышления. За пределы чувственного опыта мысль следовательно выйти не может, источник ощущений для нее значит недоступен.

Таким образом Кант принципиально отделяет бытие от мышления. С его точки зрения человек может познавать только явления, т. е. вещи, как они существуют для нас, но «вещи в себе»¹ — непознаваемы, ибо познание — это связывание ощущений через априорные понятия, и стало быть «вещь в себе» — источник ощущений — нашему знанию недоступна.

Итог теории познания Канта можно выразить в следующей формуле — бытие вне нашей мысли существует, это бытие является источником ощущений, но познать его мы не в состоянии. Познаваемые же явления представляют собой предметы, сконструированные из ощущений творческой силой мышления.

Смысл таинственной «вещи в себе» раскрывается в этике Канта. В теории познания раскрывается «тайна» человеческого познания, в этике «тайна» человеческого поведения.

---

¹ „Вещь в себе“ — вещь как она существует сама по себе, независимо от нашего познания, т. е. независимо от того, ощущаем мы ее или нет.

С точки зрения естествознания человек, как и всякое другое тело, подчинен законам строгой необходимости, но в своей общественной деятельности он очевидно должен считаться свободным, иначе невозможно, по мнению Канта, понять факт существования морали и моральных оценок. Ведь, оценивая определенный поступок, как нравственный или безнравственный, мы при этом молчаливо предполагаем, что человек, поведение которого мы обсуждаем, обладал свободой действия. В его воле было совершить данный поступок или нет. При ином предположении для моральной оценки как будто вообще нет места. В противоположность французским материалистам, Кант тщательно отделяет этику от интереса. Если бы этика базировалась на интересе, то она превратилась бы в прикладную науку, задача же ее гораздо более возвышенная — установить безусловные принципы должного поведения. Этика вскрывает категорические (безусловные) императивы (приказы), на которых основывается наше нравственное поведение. В качестве категорического императива Кант выставляет требование — действуй так, чтобы принципы твоего поведения могли стать всеобщим законом.

Очень не трудно вскрыть условность этого безусловного императива. Достаточно взять любой пример Канта. Так, Кант указывает, что безнравственно не отдавать обратно вещей, взятых на хранение, ибо, если такого рода поведение стало бы всеобщим, то никто не рискнул бы дать на хранение свои вещи. Гегель весьма остроумно замечает по поводу этого примера, что применение категорического императива в данном случае имеет смысл лишь при условии существования частной собственности. Для коммунистического общества пример абсурден.

Отрывая мораль от интереса, Кант превращает ее в безжизненный потусторонний призрак, постоянно, неуклонно напоминающий человеку о человеческом несовершенстве. Вполне понятно отсюда, что Кантова этика — преддверие теологии. Абстрактный нравственный долг, оторванный от всяких земных интересов и целей, включает в себе сверхчеловеческое, потустороннее начало и поэтому неминуемо приводит к мысли о боге.

Основная идея философии Канта заключается в следующем: научное познание не в состоянии представить бога и свободу, поэтому названные понятия в науке не нужны. Исследование же моральной деятельности должно привести человека к убеждению, что существует бог, свобода, бессмертие души. Тайнственная «вещь в себе» непознаваемая наукой, основанной на чувственном опыте, оказывается в конечном счете всеобщей нравственной волей, т. е. богом.

Изложение философии Канта показывает ее глубокую принципиальную компромиссность и оппортунистичность.

Нравственный долг есть, но он настолько отвлечен от интереса, что его невозможно выполнить.

Для науки бог не существует, но этика заставляет нас уверовать в его бытие. Недаром в предисловии к своему главному сочинению «Критика чистого Разума» Кант говорит: «я должен был

ограничить область знания, чтобы дать место вере». Конечно, такое соглашательское, эклектическое мировоззрение неминуемо должно было приводить к ряду противоречий.

Центральным понятием философии Канта, в котором сосредоточены все ее противоречия — это конечно «вещь в себе». О «вещи в себе» мы знаем, что она существует и является причиной ощущений. Вместе с тем, согласно учению Канта, мы о ней ничего не должны знать. Понятие же причинности к «вещи в себе» вообще не применимо, ибо понятие причинности играет лишь связывающую роль в отношении к ощущениям, а «вещь в себе» не есть комплекс ощущений, а их источник.

Остановливаясь на этих противоречиях, Ленин в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм» указывает:

«Основная черта философии Канта есть примирение материализма с идеализмом, компромисс между тем и другим, сочетание в одной системе разнородных, противоположных философских направлений.

«Когда Кант допускает, что нашим представлениям соответствует нечто вне нас, какая-то вещь в себе, — то тут Кант материалист. Когда он объявляет эту вещь в себе непознаваемой, трансцендентальной, потусторонней, — Кант выступает, как идеалист. . . Материалисты ставили Канту в вину его идеализм, опровергли идеалистические черты его системы, доказывали познаваемость, посюсторонность вещи в себе, отсутствие принципиальной разницы между ней и явлением, необходимость выводить причинность и т. п. не из антиозных законов мысли, а из объективности действительности. Агностики и идеалисты ставили Канту в вину его допущение вещи в себе как уступку материализму». . .

Указанные противоречия в философии Канта заставили последующих философов отказаться от понятия «вещи в себе». Но тогда мысль и логические понятия мысли приобрели самодовлеющее значение, стали самой действительностью, вместе с чем принцип активности разума и принцип синтетической связи были перенесены из мысли в совпавшее с ней бытие. Активный творческий разум был объявлен истинной сущностью бытия. Наиболее полно этот новый принцип был развит Гегелем, создателем системы идеалистической диалектики.

С точки зрения философии Гегеля, французские материалисты, как и их противники идеалисты, были метафизиками, потому что они представляли природу и общество в виде простой суммы отдельных разобщенных единиц, соединенных чисто внешним образом в механическую систему. По мнению же Гегеля, мир нужно рассматривать как единое целое, в котором все явления тесно связаны друг с другом внутренней органической связью.

Особенность метафизического мышления заключается в том, что оно отвлекается от всеобщих связей, развития, противоречий. Для метафизика существуют только отдельные разобщенные, неподвижные вещи и силы, замкнутые в строго определенных границах.

В отличие от метафизиков Гегель учил, что в мире все изме-

няется и развивается. Развитие же как раз и состоит в том, что каждое явление стремится перейти свою границу, стать чем-то другим.

Основной принцип развития — движение в противоречиях. Противоречие является той силой, которая определяет развитие. «Противоречие идет вперед». Противоречие является той силой, которая господствует над вещами, заставляя их изменяться, развиваться и переходить друг в друга. С точки зрения метафизика, количество и качество, непрерывность и прерывность, необходимость и случайность, необходимость и свобода, форма и содержание — понятия, застывшие в своей противоположности. Гегель же, напротив, доказывает, что эти противоположности переходят свои границы, взаимно переходят друг в друга, образуя живое диалектическое единство. Противоречие, следовательно, является принципом творческой активности разума. Разум активен потому, что он мыслит понятиями, которые в силу своей противоречивости развиваются, выходят за свои границы, переходят друг в друга.

Необходимо обратить внимание еще на один важный момент. В отличие от французских материалистов, которые источником соответствия между бытием и мышлением считали чувственное содержание познания, Гегель, развивая мысль Канта, исследует эту проблему с точки зрения роли логической формы познания. Гегель так же, как и рационалисты подавляет чувственное содержание в пользу логических форм, выражающих связи и отношения между ощущениями. Но Гегель отличается от рационалистов тем, что стоит на диалектической точке зрения. Активный разум у него не отражает объективных отношений, существующих в мире, а их создает. Отсюда — отождествление мышления с бытием.

Итак, у диалектика Гегеля, в силу его идеалистических предпосылок, ощущение и мышление, чувственное содержание и логическая форма фактически оторваны друг от друга. При этом преодоление дуализма Канта достигается путем зачеркивания чувственности. Критикуя, Энгельс указывает на важное значение, которое в нашем познании имеет логическая форма.

«Над всем нашим теоретическим мышлением, пишет Энгельс, господствует с абсолютной силой тот факт, что наше субъективное мышление и объективный мир подчинены одним и тем же законам и что поэтому они не могут противоречить друг другу в своих конечных результатах, а должны согласоваться между собой. Факт этот является бессознательной и безусловной предпосылкой нашего теоретического мышления. (Только современная диалектическая философия, и именно философия Гегеля, ближе исследовала эту предпосылку и выставила закон тождества мышления и бытия.) Материализм XVIII столетия, будучи по существу метафизического характера, исследовал эту предпосылку только с точки зрения ее содержания. Он ограничился доказательством того, что содержание всякого мышления и знания должно происходить и чувственного опыта, и восстановил старое положение.

Только современная идеалистическая — но вместе с тем и диалектическая — философия, в особенности Гегель, исследовали эту предпосылку также с точки зрения формы. Несмотря на бесчисленные произвольные (и фантастические) построения этой философии, несмотря на идеалистическую, на голову поставленную форму ее конечного результата — единства мышления и бытия, нельзя отрицать того, что она доказала на множестве примеров, взятых из самых разнообразных отраслей знания, аналогию между процессами мышления и процессами в области природы и истории, и обратно: господство одинаковых законов для всех этих процессов» (Энгельс, «Диалектика природы»).

Отождествляя логическую мысль с бытием, Гегель должен был развитию придать крайне отвлеченный характер. Реальное развитие действительности подменялось у Гегеля диалектическим выводом понятий. Для Гегеля развитие мира было развитием абсолютного духа, который на первой стадии своего развития дан как абсолютная идея, включающая в себя систему логических определений. Так как логика является наиболее абстрактным выражением отношений, существующих в природе и обществе, то логическая идея должна показать истинность всех своих определений в применении к природе и истории. Поэтому абсолютная идея полагает, иначе говоря, творит природу. Гегель, следовательно, был объективным идеалистом. Для него развитие в природе и истории являлось лишь отблеском развития чистой логической мысли, воплощенной в абсолютном духе. Природа, по Гегелю, это «инобытие» духа. В природе выражена лишь одна сторона духа — необходимость, самосознание и свобода отсутствуют. Пройдя ряд ступеней, дух вновь обретает себя в человеке. От «философии природы» мы переходим таким образом к «философии духа». Сначала дух является в форме субъективного духа (антропология и психология), потом он объективируется, превращается в объективный дух, независимый от индивидуального субъективного духа (право, мораль, гражданское общество, государство). Государство, являясь «действительностью нравственной идеи», воплощается в целом ряде конкретных государств, проходящих в последовательном порядке на всемирной исторической сцене. Исторический дух проводит в жизнь свои принципы, воплощаясь в «духе» отдельных народов. Каждый исторический народ воплощает какой-нибудь исторический принцип и, осуществив его, сходит с исторической сцены, чтобы передать свое место другому, более прогрессивному, народу. История есть, по мнению Гегеля, «прогресс в сознании свободы, прогресс, который должен быть понят в его необходимости. Восток знал только одного свободного человека (царя), все остальные были рабами. В античном мире (Греция, Рим) уже часть общества оказалась свободной. Христианство (переход к новому миру) утвердило новый принцип равенства и свободы всех людей, независимо от их положения. Этот принцип, будучи утвержден сначала только в религии, постепенно завоевывал все остальные области жизни. Высшим воплощением его является сословная прусская монархия, в которой, по

мнению Гегеля, нашел высшее осуществление принцип разумной свободы (познанной необходимости).¹ Объективный дух, закончив свое развитие и найдя свое воплощение в государстве, становится абсолютным духом. В искусстве абсолютный дух открывается чувственному созерцанию, в религии его сущность делается предметом веры, наконец, в философии он познается в понятиях. Каждая философская система является истиной для своего времени, так как она открывает одну какую-нибудь сторону абсолютного духа. Философия Гегеля завершает философское развитие, включая в себя все предыдущие принципы и вместе с тем преодолевая их в высшем синтезе. Философия Гегеля, будучи самосознанием абсолютного духа, является, следовательно, концом его истории.

Здесь идеализм Гегеля вступает в резкое противоречие с его методом. Метод требует постоянного движения вперед, а система объявляет себя полной абсолютной истиной. Принцип постоянного развития упирается в неподвижность абсолютной идеи, в которой заранее дан весь мир с его прошлым, настоящим и будущим.

Энгельс, останавливаясь на этом, роковом для философии Гегеля противоречии, отмечает следующее: «Гегель был идеалистом, т. е. его собственные идеи представлялись ему не как более или менее абстрактные отражения существующих вещей и процессов, а наоборот, вещи и их развитие казались ему лишь отражением в действительности «идеи», где-то существующей до сотворения мира. Тем самым все становилось у него вверх ногами, и действительная связь явлений в мире была совершенно извращена. Если Гегель правильно и даже гениально понял некоторые частичные взаимоотношения явлений, то по указанным причинам многое должно было в этих подробностях оказаться сшитым белыми нитками, искусственным, натянутым, коротко говоря — превратным. Гегелевская система, как таковая, была колоссальным недоноском, но и последним в своем роде. Она страдала, к тому же, неразрешимым внутренним противоречием: с одной стороны, основной предпосылкой системы является историческое воззрение, признающее человеческую историю развивающимся процессом, который по самой своей природе не может завершиться в интеллектуальной сфере открытием так называемой абсолютной истины, с другой стороны, система претендует, что в ней целиком содержится эта истина. Всеобъемлющая, раз навсегда законченная система познания природы в истории противоречит основным законам диалектического мышления — обстоятельство, отнюдь не исключаящее, а, напротив, подразумевающее, что систематическое познание всего мира может делать гигантские успехи от поколения к поколению (Энгельс, «Анти-Дюринг»). Теперь обратим внимание еще на одну сторону философии Гегеля. От идей нельзя найти непосредственного перехода к материальной действительности, поэтому представить исторические события как следствия идей и принципов — без натяжек невозможно. Гегель очень часто

¹ Лекции по философии истории читались Гегелем в 1830—31 гг.

наталкивается на действительные причины исторических явлений, но требования идеалистической системы заставляли его прибегать к бесчисленным натяжкам и ухищрениям. Так как в системе Гегеля мышление отождествлялось с бытием, то по существу завершение философской мысли означало и конец исторического развития. Прусская сословная монархия — результат гнилого компромисса между дворянством и верхушками буржуазии — объявлялась венцом истории, высшим идеалом общественного порядка.

Неудивительно, что правые гегельянцы — защитники существующего порядка — выдвигали на первый план значение абсолютной идеи в системе Гегеля, затушевывая роль диалектического метода. Наоборот, представители радикальной немецкой буржуазии тридцатых и сороковых годов — левые гегельянцы (Штраус, братья Бауэры), основываясь на диалектическом методе Гегеля, начали развивать его систему, т. е. по сути дела ее критиковать. Свое завершение эта критика нашла в материалистической философии Людвиг Фейербаха.

§ 7. ЛЮДВИГ ФЕЙЕРБАХ.

Критикуя философскую систему Гегеля, Л. Фейербах в качестве главного ее недостатка указывал, что хотя она по видимости преодолела дуализм между бытием и мышлением, но на самом деле этот дуализм в замаскированной форме остался внутри основного элемента системы — мышления, впитавшего в себя бытие. При отождествлении мышления с бытием неизбежно возникает вопрос, какие объекты мысли реальны, т. е. обладают действительным бытием, и какие нет. При такой постановке вопроса становится ясным, что мыслимое бытие и действительность не одно и то же.

Реальный предмет в отличие от нереального существует не только в мысли, но и вне ее.

«Доказательство того, что нечто существует, — говорит Фейербах, — не имеет никакого иного смысла, кроме того, что это нечто существует не только в мысли. Это доказательство, однако, не может быть почерпнуто в самом мышлении. Если объекту мышления может быть приписано бытие, тогда и в само мышление должно быть внесено нечто от мышления отличное» (Л. Фейербах, «Основы философии будущего»).

Значит, для того, чтобы постигнуть реальность, нужно признать наличие независимого от мысли бытия, т. е. отвергнуть основной принцип идеализма.

Найти действительное бытие идеализм не в состоянии, ибо для него все существующее существует только в мысли.

Следовательно, отождествление бытия с мышлением приводит к разрыву между ними. По мнению Фейербаха, только принципиальное признание мышления атрибутом (основным свойством) бытия могло бы восстановить их единство, которое вместе с тем не являлось бы их тождеством (так как не исключало бы различия между мышлением и бытием).

Гегель в своем философском построении исходит из человеческого мышления, другими словами, из «я», из субъекта. Абсолютная идея не что иное, как логическое мышление человека, выброшенное в потусторонний мир, в котором нет ни времени, ни пространства. Между тем, нельзя отрывать мышление от материального бытия: мыслит, ведь, не сама чистая мысль, а конкретный живой человек, наделенный телом, мозгом, нервами. Значит, человек представляет собой подлинное единство бытия и мышления, природы и духа. Поэтому нельзя исходить из «я», из субъекта, как это делает идеалистическая философия; в качестве исходного философского пункта нужно принять единство «я» и «ты», единство «субъекта и объекта». Каждый человек для себя чувствующий и мыслящий субъект, что-то данное непосредственно, в достоверности чего нельзя сомневаться. Для другого же он объект, такой же, как и вся остальная природа (только с некоторыми особыми свойствами). Психика, мышление другого человека нам непосредственно не дано, мы судим о нем только по аналогии (подобию) с нашими переживаниями, основываясь на показаниях наших органов чувств.

Единство субъекта и объекта является основным принципом гносеологии (теории познания) Фейербаха. Мышление познает бытие, потому что оно свойство последнего. Идеи, понятия являются сочетаниями ощущений, полученных от внешнего мира. Разум представляет собой способность, координирующую деятельность органов чувств и поэтому позволяющую с большей вероятностью избегать ошибок. Разум никоим образом нельзя отделять от чувственности, так как он самым тесным образом связан с ней. «Лишенная мысли чувственность не идет дальше отдельного явления, объясняет его без размышлений, без критики, без исследования, без сравнения с другими явлениями, объясняет непосредственно через самое себя; мыслящее же созерцание связывает различного рода чувственные факты, не имеющие, повидимому, ничего общего друг с другом, в одно целое, во взаимосвязь, и человек мыслит только тогда, когда он поднимается до такого связывания чувственно воспринятого» (Л. Фейербах, «Критические замечания к основам философии»).

Критика Гегеля послужила для Фейербаха основой его философии религии. В религии человек обожествляет самого себя со всеми своими чувствами, мыслями, иллюзиями. Человек переносит на небо мир своего внутреннего «я». Отсюда Фейербах делает идеалистический вывод, что религия образует определяющий момент каждой общественной эпохи. Критикуя христианство, Фейербах вместо него выдвигает новую религию, основанную на любви и человечности. Будучи, по существу, атеистом, Фейербах, подобно Спинозе, проповедывал атеизм на языке религии. Религия у него целиком переходит в политику. Свой общественный идеал Фейербах облачает в религиозную форму. Фейербах, как и французские материалисты, основывает нравственность на правильно понятом личном интересе, который должен совпадать с общественным интересом, потому что общество не состоит из од-

них «я», но из «я» и «ты». Другими словами, каждый человек тесно связан с другими людьми, поэтому он может быть действительно счастлив только в том случае, если остальные будут счастливы.

Отсюда идеал Фейербаха — общество, в котором все люди имеют равное право на счастье. Будущее общество должно быть организовано так, чтобы люди удовлетворяли свои интересы, не нарушая чужих. Общественный идеал Фейербаха — справедливость. Необходимо отменить все привилегии, основанные на личном эгоистическом интересе, и создать условия для господства интересов общественных.

Основной недостаток Фейербаха, как мы видим, тот же, что и у французских материалистов: неумение применить материализм к явлениям общественным. Фейербах, строгий и последовательный материалист в области естествознания, делается идеалистом, как только он вступает на историческую почву. «Поскольку Фейербах является материалистом, он не имеет дело с историей, — говорит Маркс, — поскольку же он занимается историей, он вовсе не материалист. Материализм и история идут у него разными путями...». Это, конечно, не случайность. Естественнo-научный материализм не может объяснить исторических явлений, потому что не понимает своеобразия общественной природы человека. Сам Л. Фейербах вполне понимал этот недостаток метафизического материализма, но исправить его был не в состоянии. Л. Фейербах, когда говорил о человеке, смотрел на него как на простое и неизменное дитя природы. По выражению Маркса и Энгельса, человек Фейербаха был абстракцией, отвлечением от действительных общественных связей и отношений. Эти связи принимали у Фейербаха идеальный, таинственный вид и выражались в форме морали, любви, справедливости. Религия играет такое большое значение для Фейербаха потому, что он считает ее наиболее общей и действительной формой связи (религия происходит от латинского слова *religare* — связывать). При этом Фейербах не понимает, что религия сама является результатом общественного развития, и, следовательно, религиозные связи должны быть основаны на известных общественных связях. По словам Маркса «Фейербах не видит, что «религиозное чувство» само есть общественный продукт и что абстрактный индивидуум, подвергаемый им анализу, принадлежит к определенной общественной форме».

Критика идеализма Гегеля и критика религии оказала огромное влияние на Маркса и Энгельса: некоторое время они были учениками и последователями Фейербаха.

Резвивая взгляд Фейербаха на происхождение религии, Маркс пришел к тому выводу, что потусторонний мир создает не отвлеченный «естественный» человек, а человек общественный, практическая деятельность которого составляет содержание истории общества. Но «практика» человека — это прежде всего воздействие на природу в процессе производства. Воздействуя на природу, человек познает ее и меняет свою собственную природу. В производстве, следовательно, осуществляется синтез познания и

практической деятельности. Поэтому Маркс и упрекает Фейербаха в том, что он подчеркивал только пассивную сторону познания, не понимая его роли как орудия практики общественного человека.

Ошибка Фейербаха состояла в том, что он, вместе с идеализмом Гегеля, отбросил и его диалектический метод. Поэтому Фейербах не мог дать материалистической теории развития в природе и обществе. Общественное развитие окутывалось у него религиозным покрывалом, общественный идеал был мечтой радикального интеллигента.

Надо было найти синтез теории и практики, идеала и действительности. Маркс и Энгельс — теоретики нового класса, самосознание которого только начало в то время пробуждаться, — завершили многолетнее искание философии открытием диалектического материализма. Применение диалектического метода к материальной действительности привело к историческому взгляду на природу к единству метода естественных и общественных наук. С другой стороны, только на основе диалектического материализма можно было понять действительный ход исторического процесса, понять сущность капиталистического производства и показать историческую необходимость коммунистического бесклассового общества.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ОСНОВНЫЕ ЗАКОНЫ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ.

§ 1. МАТЕРИАЛИЗМ ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ И МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ.

Диалектический материализм является, как нам известно, последовательной материалистической философией, не делающей уступок идеализму ни в одной области.

Поэтому диалектический материализм должен был с первого дня рождения связать свою антиидеалистическую полемику с углубленной критикой метафизического материализма, не способного разрешить проблему развития и проблему истории и вынужденного сдать идеализму ряд важнейших философских позиций.

Для того чтобы решить эти проблемы и окончательно преодолеть идеализм, нужно было обогатить материализм диалектикой, разработанной в схематической и отвлеченной форме Гегелем.

Формальную диалектику Гегеля Маркс наполнил материальным содержанием. Таким образом диалектика мысли подчинилась диалектике бытия.

Великим достоинством философии Гегеля являлся широкий взгляд на мир как на активное саморазвивающееся целостное единство. Но эту точку зрения Гегель развил, как мы уже указали, в крайне отвлеченной форме. Мир им был поставлен на голову. Развитие и связь вещей подменены развитием и связью понятий. Место конкретной движущейся материи занял пустой отвлеченный дух, только формально выражающий всеобщий принцип единства, связи, активности и развития. Важнейшая философская задача заключалась в том, чтобы «перевернуть» Гегеля, «поставить его на ноги», заменить тощий отвлеченный дух полнокровной конкретной материей. Словом, философская мысль, последовательно развивающая идеи Гегеля, должна была отбросить идеалистическую форму его философии, сохраняя вместе с тем, в переработанном виде, ее диалектическое содержание. Это выполнил Маркс, открывши основные принципы диалектического материализма.

В своей брошюре «Людвиг Фейербах» Энгельс указывает, что «при разложении гегелевской школы образовалось... одно, единственное действительно плодотворное направление». «Это направление, пишет дальше Энгельс, теснейшим образом связано с именем Маркса. Разрыв с философией Гегеля произошел и здесь путем возврата к материалистической точке зрения. Это

значит, что люди этого направления решились смотреть на действительный мир, — на природу и историю, — без идеалистических очков и видеть в нем только то, что он собой представляет. Они решились без всякого сожаления отказаться от всех идеалистических взглядов, несогласных с явлениями действительного мира, взятыми в их истинной, не фантастической связи. А в этом и состоит весь материализм. Новое направление отличалось только тем, что оно не шутило с материализмом, что оно, по крайней мере, в общем, последовательно прилагало материалистический взгляд ко всем отраслям знания, имеющим сюда какое-нибудь отношение. Люди этого направления не довольствовались простым игнорированием Гегеля. Наоборот, они воспользовались указанной выше революционной стороной его философии, его диалектическим методом. Но этот метод был неприменим в той форме, какую придал ему Гегель».

Исходным пунктом диалектического материализма является конечно понятие материи. В отличие от идеализма диалектический материализм утверждает, что основа всего существующего представляет собой не идею, т. е. сущность, неразлучно связанную с человеческой или сверхчеловеческой мыслью, а материю, т. е. реальность, обладающую бытием вне сознания, но способную в качестве источника ощущений действовать на сознание. Идея, как и мысль, отличается от вещи прежде всего отсутствием протяженности. Все духовное, бестелесное неизбежно представляется непротяженным, существующим вне пространства. Достаточно указать здесь для ясности хотя бы на представление души, по образу и подобию которой идеализм создает свое центральное понятие. «Абсолютный Дух Гегеля», — по существу ведь универсальная всемирная душа. Так как с точки зрения материализма вещи существуют вне мысли и до мысли, то очевидно, что их общая основа — материя — есть реальность протяженная. «Признавая существование объективной реальности, т. е. движущейся материи, независимо от сознания, материализм неизбежно должен признавать также объективную реальность времени и пространства» — пишет Ленин («Материализм и эмпириокритицизм»).

Идеализм, как нам известно, отделяет силу, активность от протяженности и вещественности. С идеалистической точки зрения творческое активное начало находится по ту сторону материи. Сама же материя — пассивная реальность, зависящая от высшего духовного начала. Напротив, диалектический материализм считает, что сила, энергия, активность — основное неотделимое качество материи. Активность же нельзя отделить от материи, как и протяженность. Поэтому Энгельс и Ленин, говоря о материи, постоянно подчеркивают ее активность, указывая на движение, как на основное необходимое материальное качество.

«Всякая доступная нам природа, говорит Энгельс, образует некую систему некую совокупную связь тел, причем мы понимаем здесь под словом тело все материальные реальности, начиная от звезды и кончая атомом и даже частицей эфира, поскольку признаем реальность последнего. Из того, что эти тела

находятся во взаимной связи, логически следует, что они действуют друг на друга, и это их взаимодействие и есть именно движение. Уже здесь обнаруживается, что материя немислима без движения (что вместе с данной массой материи дано также и движение). И если, далее, мы заметим, что материя противостоит нам как нечто данное, как нечто несотворимое и неразрушимое, то отсюда следует, что и движение несотворимо и неразруσιμο. Этот вывод стал неизбежен, лишь только начали рассматривать вселенную как систему, как связь и совокупность тел».

В отличие от механического материализма, тоже считающего движение основным качеством протяженной реальности — материи, диалектический материализм придает совершенно иной, своеобразный смысл понятию движения. Механист (сторонник механистического материализма) понимает движение исключительно как пространственное перемещение. Отсюда вытекает, что, последовательно рассуждая, механист должен отрицать реальность развития. Ведь сколько ни перемещать механические частицы, какие комбинации из них ни составлять, они останутся одними и теми же. Не все ли равно, где будет находиться атом — а, — свойства его от этого не изменятся, и значит мир — совокупность таких неизменных атомов — всегда один и тот же, несмотря на постоянное перемещение частиц, из которых он состоит. «Ничего нет нового под луной» только в силу ограниченности чувственной природы человека, только потому, что одна комбинация атомов определенным образом действует на органы чувств, а другая иначе, рождается мысль о возникновении в мире новых не бывших раньше качеств. Соответствует ли такой взгляд идеологии пролетариата. Конечно, — нет. С изложенной точки зрения пришлось бы, например, считать, что между капитализмом и социализмом принципиальной разницы нет. Понятно поэтому, почему французские материалисты фактически не применяли свое учение к обществу. Отрицать историю общества они ведь не могли. А признавать историю — значит признавать возникновение нового. Тут механическое движение — пространственное перемещение ничего объяснить не в состоянии, ибо в свои права вступает — время, являющееся выражением изменения.

Поэтому, хотя французские материалисты обратили внимание на развитие в обществе, даже на развитие в природе, но оно осталось для них неразрешимой загадкой. Не удивительно, что с того времени, когда эволюционные идеи, идеи развития стали завоевывать естествознание, явно обнаружилась несостоятельность механистического материализма, который, при всем своем превосходстве над идеализмом, не может философски обосновать теорию развития. Диалектический материализм в отличие от механического отрицает, что все виды движения сводятся в конечном счете к механическому движению, т. е. к пространственному перемещению. По мнению материалистов диалектика — движение — есть изменение вообще. Всякий процесс, следовательно, есть движение. Поскольку имеются различные типы процессов — именно процессы физические, химические, биологические, психические,

общественные, постольку имеются и различные формы движения. «Движение, рассматриваемое в самом общем смысле слова, т. е. понимаемое как способ существования материи, как внутренне присущий материи (качество) атрибут, обнимает собой все происходящие во вселенной изменения и процессы, начиная от простого перемещения и кончая мышлением». (Энгельс «Диалектика природы».) Несомненно каждое движение связано с перемещением в пространстве, т. е. с механическим движением, но отсюда не следует, что оно к нему сводится. Например, мыслительные процессы, конечно, связаны в известных отношениях с физическими и химическими процессами в мозговых тканях, а значит и с перемещением молекул, атомов, электронов, но разве это перемещение можно отождествить с мыслью?

«Всякое движение — замечает Энгельс — связано с каким-нибудь перемещением — перемещением небесных тел, земных масс, молекул, атомов или частиц эфира. Чем выше форма движения, тем мельче это перемещение. Оно нисколько не исчерпывает природы соответствующего движения, но оно неотделимо от него. Поэтому его приходится исследовать раньше всего остального» («Диалектика природы»).

Итак мышление, сознание, которое идеализмом отделяется от материи и ставится над ней, с точки зрения диалектического материализма представляет собой проявление ее активности, результат ее творчества, саморазвития, самодвижения. Дух, следовательно, является качеством материи, возникающим на известной ступени развития. Значит дух не существует вне пространства, вне протяженности, вне тела, он качество тела, известным образом организованного. Так как диалектический материализм рассматривает все существующее с точки зрения изменения, развития, возникновения и уничтожения, то он должен признавать объективную реальность времени — всеобщей основы изменения.

«. Основные формы всякого бытия суть пространство и время, и бытие вне времени такая же бессмыслица, как бытие вне пространства» (Энгельс, Анти-Дюринг).

Решая проблему развития, диалектический материализм необходимо должен рассматривать мир не как сумму внешне-связанных между собой «равнодушных» друг к другу вещей, а как систему взаимно связанных друг с другом процессов. В этом опять-таки существенное отличие диалектического материализма от метафизического. У материалиста-метафизика (механиста) каждая вещь живет сама по себе, своей индивидуальной жизнью и знать ничего не желает о других вещах, соединяясь с ними чисто внешним образом (не меняясь при этом). По мнению же диалектика, напротив, вещи меняются, действуют на другие вещи, переходят в них, каждая вещь есть процесс, связанный бесчисленными нитями с другими процессами, действующий на них и подвергающийся сам их воздействию. «Вся доступная нам природа, — пишет Энгельс, — образует некую систему, некую совокупную связь тел. . . Из того, что эти тела находятся во взаимной связи, логически следует, что они действуют друг на друга и это их

взаимодействие и есть именно движение» («Диалектика природы: Курсив наш — М. Ш.»)

Итак, правильно понятый принцип развития непосредственно смыкается с принципом всеобщей связи, всеобщих переходов от одних явлений к другим. «Если все развивается — пишет Ленин — значит все переходит из одного в другое, ибо развитие заведомо не есть простой, всеобщий и вечный рост, увеличение (соответственно уменьшение) и т. д. Раз так, то во 1-х, надо точнее понять эволюцию, как возникновение и уничтожение всего, взаимопереходы... Кроме того всеобщий принцип развития надо соединить, связать, совместить с всеобщим принципом единства мира, природы, движения, материи и т. д.»

Всеобщая связь всех процессов образует мир, как материальную систему, обладающую цельностью и внутренним единством: «Единство мира в его материальности». Основой всех процессов является, следовательно, протяженная активная материя, существующая вне какого-либо сознания, представляющая собой источник наших ощущений, движущаяся в пространстве и времени и на известном этапе развития создающая особую форму активности, особую форму движения, называемую психикой, сознанием, мышлением. На первый взгляд может показаться, что материя нечто иное, чем отдельные вещи — процессы. Это неверно. Материю нельзя отделить от происходящих в ней процессов, каждый отдельный процесс есть особая форма обнаружения, проявления единого всеобщего начала — материи.

Критикуя идеализм с точки зрения материалистической диалектики, необходимо отметить, что идеализм способен критиковать только механический материализм. Все построение идеалистических систем исходит из принципиального признания за материей только способности к механическому движению. Но при механическом движении каждая частица передвигается лишь при толчке извне. Значит в самой частице движущей силы (активности) нет; следовательно и в сумме частиц такой активности не может быть. Отсюда отделение активности от материи, построение активного духа (псевдоним боженки).¹ Так как механистам материя не представляется развивающейся, то принцип развития опять-таки переносится в дух. Наконец, в соответствии с принципами механического движения, материя строго не может обладать мышлением и сознанием. Конечно французские материалисты признавали наличие мышления, как особого качества высоко организованной материи. Но одно дело уверять, а другое философски обосновать. Заключение о реальности мысли шло в разрез с их учением о материи, как сущности, обладающей только одной формой движения (механическим движением). Идеалисты тоже считают, что мертвая, косная материя подчиненная исключительно механическим закономерностям не может без воздействия посторонней силы мыслить. Поэтому идеалист отрывает

¹ Во многих идеалистических системах, как должно быть хорошо известно читателю, боженка фигурирует и без псевдонимов.

сознание от всякой материальной действительности. После чего невероятно раздутое, преувеличенное сознание превращается в абсолютную идею, дух и т. п.

Наконец в механической системе нет никакой внутренней связи, значит нет единства, т. е. по существу нет системы, а только сумма, агрегат вещей. Поэтому объективный идеалист принцип единства внутренней связи и т. д. опять переносит в свое пустое складочное место — абсолютный дух. Нет смысла еще раз повторять, что против диалектического материализма все эти соображения бессильны, ибо, основываясь на них, Маркс — Энгельс — Ленин преобразовали понятие материи.

Можно поэтому сказать, что диалектический материализм бьет идеализм его же собственным оружием.

Критикуя Гегеля, Ленин указывает:

диалектичен не только переход от материи к сознанию, но и от ощущения к мысли и т. д.

Сторонник диалектики, Гегель, не сумел понять *диалектического* перехода от материи к движению, от материи к сознанию — второе особенно. Маркс поправил ошибку (или слабость) мистика.

§ 2. ЗАКОН ЕДИНСТВА И ВЗАИМПРОНИКНОВЕНИЯ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ.

В предыдущем параграфе мы выяснили, что все вещи являются процессами, а мир развивающейся системой процессов. Мир, значит, представляет собой процесс процессов. Мир в целом, материя не существует, как нам известно, вне отдельных вещей, где-то позади их. Напротив, узнавая отдельные вещи, мы знакомимся с материей, узнавая, что отдельные вещи связаны между собой различными отношениями, переходят друг в друга, обладают общими свойствами, подчинены общим законам, мы начинаем рассматривать их как процессы, выражающие общность и единство, существующие в мире. С полным правом мы можем тогда сказать — все вещи, несмотря на их различия, едины суть, все они материальные процессы. Но это единство не исключает различия. В самом деле, если бы в единстве потонули бы все различия, то вместе с ними погибло бы развитие. Ведь развитие заключается как раз в том, что одно переходит в отличающееся от него другое. Значит мир есть единство в различиях; каждая вещь, являясь единичным отдельным материальным процессом, связана с другими вещами и через эту связь становится звеном всего мирового целого.

Общее и отдельное, представляющие прямые противоположности, в каждой вещи объединяются, взаимно проникают друг в друга, образуя нерасторжимое единство.

Закон единства и взаимопроникновения противоположностей является всеобщим законом бытия и мышления. Любое предложение показывает, что наше мышление (часто того не подозревая), подчиняясь диалектике вещей, мыслит согласно закону единства

и взаимопроникновения противоположностей. В статье «К вопросу о диалектике» Ленин указывает:

«Иван есть человек; Жучка есть собака и т. п. Уже здесь (как гениально заметил Гегель) есть диалектика: отдельное есть общее. . . Значит, противоположности (отдельное противоположно общему) тождественны: отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть частичка или сторона или сущность отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами)».

Знание закона единства противоположностей крайне важно для правильного понимания и разрешения возникающих в науке проблем. Вспомним хотя бы спор между рационалистами и эмпириками, изложенный в первой главе настоящей книжки. Эмпирики крепко ухватились за отдельное, единичное, а рационалисты за оторванное от единичного общее. Первые исходили из ощущения, вторые из мысли. Действительно, на первый взгляд, ощущения как будто схватывают только единичное, мысль — общее. Ясно, что решить этот вопрос, игравший большую роль в истории философии, имеющий и сейчас крупное значение для теории познания, можно только на основе закона единства и взаимопроникновения противоположностей.

Не зная этого закона, невозможно разрешить проблему развития. Прежде всего любой процесс, даже механический, весьма наглядно показывает свою внутреннюю, необходимую, неустраняемую противоречивость. Попробуйте определить, в каком месте в известный момент находится движущееся тело, и вы увидите, что вам для этого нужно будет мысленно остановить движение; ибо тем-то и замечательно движущееся тело, что, в отличие от покоящегося, оно в данный момент занимает известное место и одновременно уже его не занимает.

Сложнее и глубже противоречия, присущие развитию. Развивающийся предмет, как мы уже указывали, в процессе развития становится от себя отличным, новым предметом. Несомненно это новое должно было в тенденции уже существовать в старом, иначе научные предвидения были бы невозможны. Научное предвидение ведь не простая догадка или чаяние чуда, а мысленное продолжение в соответствии с известными закономерностями тех тенденций, которые уже есть налицо в развивающемся предмете. Если Маркс предвидел крах капитализма, а Ленин в начале нэпа мог сказать, что Россия из нэповской станет социалистической, то это потому, что в капитализме есть тенденции, ведущие его к краху, а в нэпе тенденции, ведущие к социализму. С другой стороны нельзя считать, будто различные тенденции в предмете связаны чисто внешним образом, механически. Тогда пропало бы единство предмета. вместо одного предмета у нас по-

лучилось бы два (настоящий и будущий), расположенные бок-о-бок. В этом случае все развитие свелось бы к тому, что один предмет (будущий) быстро рос, а другой уменьшался. Нэп вращался бы постепенно в социализм, капитализм в социализм.

Предмет представляет собой единство, значит различные тенденции вытекают из одного источника, показывая, чем предмет действительно является. Будущее не просто живет рядом с настоящим, тогда не было бы никакого будущего и никакого развития. Будущее существует внутри самого настоящего, как его неотъемлемая характеристика, как присущее ему направление развития.

Значит, каждый предмет заключает внутри себя различие, он отличается сам от себя. Каждому предмету присуще, следовательно, внутреннее противоречие. Как правильно замечает Гегель, «все где-либо существующее есть, некое внутри самого себя различное противоположное» (Логика §.119, Прибавление 2). Противоположные тенденции, вырастающие из общей основы, ведут ожесточенную борьбу друг с другом. Подавление одной тенденции в пользу другой явилось бы разрешением противоречий. Но противоречия вырастают из общей основы — из самой сути предмета, они выражение этой сути, следовательно, пока предмет не изменился, не стал другим, противоречия не могут изжитись. Мало того, развитие предмета должно очевидно сопровождаться и развитием, т. е. обострением противоположностей.

Так последний период нэпа, период его самоликвидации и перехода к социализму, является периодом наиболее острой классовой борьбы с остатками капиталистических классов.

При капитализме классовая борьба принимает достаточно широкий размах только после того, как созрели капиталистические отношения; она обостряется все более и более по мере их дальнейшего развития. Империализм — эпоха, в которую все противоречия капитализма обострены настолько, что принимают совершенно открытый обнаженный характер, есть в то же время эпоха ожесточеннейшей классовой борьбы, выражающей в своей ожесточенности лишь глубину и непримиримость противоречий, присущих последнему периоду капиталистического способа производства.

Сказанное объясняет, почему Маркс, Энгельс, Ленин придавали такое значение закону единства и взаимопроникновения противоречий, считая его основным положением диалектики.

В конспекте «Логики» Гегеля Ленин, перечисляя элементы диалектики, указывает первыми семь следующих моментов:

«1) **Объективность** рассмотрения (не примеры, не отступления, а вещь сама в себе).

2) **Вся совокупность многообразных отношений** этой вещи к другим.

3) **Развитие** этой вещи (явления), ее собственное движение, ее собственная жизнь.

4) **Внутренне противоречивые тенденции** (и стороны) в этой вещи.

5) *Вещь (явление etc) как сумма и единство противоположностей.*

6) *Борьба — развертывание этих противоположностей, противоречивость стремлений etc.*

7) *Соединение анализа и синтеза; — разборка отдельных частей и совокупность, суммирование этих частей вместе». В заключение Ленин пишет: «Вкратце диалектику можно определить как учение об единстве противоположностей».*

Указанное положение Ленин подчеркивает решительно во всех своих работах о диалектике.

Было бы абсолютно неправильно считать диалектические противоположности похожими на механические силы, направленные друг против друга. Именно так понимают закон единства противоположностей механисты, в том числе тов. Бухарин. В своем курсе исторического материализма тов. Бухарин, следуя Богданову, сводит диалектическое развитие к подвижному равновесию. «В мире существуют различно действующие, направленные друг против друга силы.

Только в исключительных случаях они уравнивают друг друга на некоторый момент. Тогда мы имеем состояние «покоя», т. е. их действительная «борьба» остается скрытой. Но стоит только измениться одной из сил, как сейчас же «внутренние противоречия» обнаруживаются, происходит нарушение равновесия, и, если на момент установится новое равновесие, оно установится на *новой* основе, т. е. при другом сочетании сил и т. д. Что же отсюда следует? А отсюда и следует, что «борьба», «противоречия» т. е. антагонизмы различно направленных сил и обуславливают движение.

С другой стороны, здесь же мы видим и форму этого процесса: это есть, во-первых, состояние равновесия; во-вторых, нарушение этого равновесия; в-третьих, восстановление равновесия на *новой* основе. А затем история повторяется сызнова: новое равновесие становится исходной точкой для нового его нарушения, затем следует опять иное равновесие и так далее, до бесконечности».

Что же касается самого понятия равновесия, то тов. Бухарин целиком присоединяется к ходячему его определению.

«Более или менее точное понятие равновесия таково. «О какой-нибудь системе говорят, что она находится в состоянии равновесия, если эта система сама по себе, т. е. без извне приложенной к ней энергии, не может изменить данного состояния». Если, скажем, на какое-либо тело давят уравнивающие друг друга силы, оно находится в состоянии равновесия; если одну из этих сил уменьшить или увеличить, тогда равновесие нарушается.

Если нарушение равновесия быстро прекращается и тело возвращается в *прежнее* положение, тогда такое равновесие называется устойчивым; если этого не бывает, равновесие называется неустойчивым».

Прежде всего необходимо отметить, что при таком понимании противоречия оно никоим образом не является источником само-

развития, самодвижения, «спонтанейного, внутренне необходимого движения», по выражению Ленина. Ведь равновесие нарушается в силу внешнего толчка. Находящаяся в равновесии система «без извне приложенной к ней энергии не может изменить данного состояния». Это вполне согласуется с изложенными раньше принципами механического движения. Но отсюда вытекает, что все процессы (в том числе, конечно, мировой процесс в целом) результат сил, действующих на них извне. О «внутренних противоречиях» здесь действительно без кавычек говорить смешно, ибо находящиеся во временном «подвижном равновесии» силы, во-первых чисто внешне между собой связаны (просто механически действуют друг на друга, как два сталкивающихся шара) и никакой общей основы у них нет, во-вторых из равновесия они выходят исключительно под влиянием внешней причины.

Достаточно вспомнить дискуссию об «организованном капитализме» для того, чтобы уяснить себе, к каким выводам приводит механистическая методология тов. Бухарина.

Точка зрения внешней причинности, как источника движения, характерна для всякой механической, не диалектической теории развития. Нечего и говорить, что при таком, механическом понимании законов единства и взаимопроникновения противоположностей не получается ни единства, ни взаимопроникновения, ни реального развития. Что новое может произойти из механического столкновения внешне связанных между собой элементов? Элементы ведь остаются теми же, только комбинация их меняется. Поэтому, у тов. Бухарина все развитие сводится к монотонному воспроизводству (на расширенной или суженной основе) старого подвижного равновесия.

При реальном развитии данный предмет, как нам известно, отрицается, возникает новый, с иным единством противоречий. Новый предмет в свою очередь отрицается для того, чтобы уступить свое место другому предмету и т. д. Диалектическое отрицание не означает, следовательно, простое уничтожение. Нет, уничтожение сочетается в нем с творчеством. Отрицание, будучи силой разрушающей, вместе с тем утверждает и созидает новое начало. Новая форма возникает потому, что старая перестает соответствовать развивающемуся содержанию. Вечное развитие содержания сопровождается неустанной сменой форм. Так, капиталистическая форма собственности возникла на основе определенного состояния общественных производительных сил; дальнейшая их эволюция приводит к тому, что капиталистический способ производства из фактора прогресса общества становится, наоборот, фактором его регресса. Вместе с этим, в недрах капиталистического строя возникают предпосылки, способствующие проявлению новой общественной формации, дающей больше простора развивающимся производительным силам. Перерастая старую форму, новое содержание стряхивает ее с себя, как ненужную ветвь и создает новую форму, содействующую дальнейшему развитию.

«... Не голое отрицание, не зряшное отрицание — говорит Ленин — не скептическое отрицание, колебание, сомнение характерно и существенно в диалектике, — которая, несомненно, содержит в себе элемент отрицания и притом как важнейший свой элемент, — нет, а отрицание, как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного, т. е. без всяких колебаний, без всякой эклектики».

Противоречивый характер всякого явления ведет, как известно нам, к тому, что развитие по существу совпадает с разворачиванием скрытых до поры до времени противоречий, причем одна сторона данного явления в тенденции отрицает другую. Поэтому каждое явление в своем развитии отрицает себя и переходит в собственную противоположность. Второе явление, развиваясь, тоже обнаруживает отрицающие друг друга стороны, в результате чего получается отрицание первого отрицания. Следствием второго отрицания будет третье явление, сочетающее в себе противоречивые стороны первых двух. Приведем пример из «Капитала» Маркса (гл. XXIV). Основная черта феодального ремесленного строя — единство мелкого товаропроизводителя со средствами производства. Развитие мелкого товарного производства неизбежно приводит к его полной противоположности — капитализму. При капитализме мелкие производители отделяются от своих орудий производства и превращаются в собственников одной рабочей силы — современных пролетариев. Производство приобретает общественный характер. Крупные фабрики, концентрирующие новые мощные орудия труда (машины) и тысячи рабочих, заняли место мелких мастерских, в которых работало всего несколько человек. Общественному характеру капиталистического производства противостоит индивидуальная форма присвоения, вытекающая из частной собственности на общественные орудия труда. Это противоречие ведет капитализм к социализму. Социализм будет отрицанием капитализма, точно так же, как капитализм был отрицанием феодализма. Вместе с тем в нем осуществится их синтез. Социализм сохранит общественный характер капиталистического способа производства и восстановит на более широкой основе единство производителей с орудием труда, присущее средневековому ремесленному строю.

Таким образом, явление в своем развитии проходит три ступени, которые Гегель называл: «тезисом» (положением), «антитезисом» (противоположением) и «синтезисом» (объединением различных сторон «тезиса» и «антитезиса»). Нужно добавить, что эта «триада» далеко не играет даже у Гегеля, не говоря уже о Марксе, той роли, которую ей приписывает его критика. Она отнюдь не является доказательством, а только выражением обычно встречающейся формы развития. Не надо к тому же забывать, что тезис (положение) является одновременно итогом и отрицанием предыдущего развития.

Так как диалектическое отрицание является принципом всеобщей связи и развития, то не всякое отрицание носит характер диалектического. Если я возьму зерно пшеницы и посажу его в

землю, то зерно будет отрицаться выросшим из него колосом, а колос в свою очередь дает зерна и цикл развития в его тройственном ритме будет завершен. Но допустим я вместо того, чтобы посеять зерно, просто его раздавил, никакого развития тогда не получится и мои жалобы на закон отрицания будут не основательны. Значит каждому предмету присущ свой способ отрицания, свой способ перехода к другому предмету. Феодализм отрицается капитализмом иначе, чем капитализм социализмом. Переход от капитализма к диктатуре пролетариата существенно отличается от перехода диктатуры пролетариата к социализму.

Следовательно закон отрицания так же, как и закон единства противоположностей, будучи всеобщим законом, вместе с тем определяет специфичность, особенность, качественность каждого процесса. Противоречие является источником развития, отрицание отрицания определяет форму и ритм развития, суть же развития в изменении качеств.

§ 3. ЗАКОН ПЕРЕХОДА КОЛИЧЕСТВА В КАЧЕСТВО И ОБРАТНО.

Мы уже отмечали, что каждое явление, каждый процесс обладает своеобразным характером, отличается известной индивидуальностью. Все процессы сходны в том отношении, что они материальные процессы и подчиняются определенным законам развития, и вместе с тем они различны, поскольку являются отдельными индивидуальными процессами.

То, что определяет индивидуальность предмета, делает его именно данным предметом, а не другим, называется качеством. Вместе с переменной качества меняется и предмет. Это как нам известно и происходит при развитии. Значит развитие есть процесс изменения качеств. Теперь мы должны несколько углубиться в рассмотрение природы качества и, в соответствии с этим, расширить наше первоначальное неполное определение. Согласно нашему первому определению качество есть начало индивидуальности, отличия в вещах и следовательно — качество полагает границу вещам. Отсюда отрицание метафизиком связи между вещами. Качество — это специфичность вещи, значит оно образует интимную внутреннюю сторону их. Следовательно, рассуждает метафизик, вещи связаны между собой только внешними отношениями. Одно качество не может перейти в другое. Значит вещь или остается навсегда неизменной (со своим непогибающим качеством) или она просто гибнет и в ничто иное не переходит. Если на ее месте возникает новая вещь, то с прежней она ничем не связана. Мы, конечно, не можем согласиться с метафизиком, и не откажемся так легко от принципов развития, всеобщей связи, единства и взаимопроникновения противоречия. Но наш метафизик рассуждает весьма логично и возразить ему нечего, если придерживаться исключительно данного в начале определения и его не расширить. Если развитие состоит в изменении качеств, то очевидно качество не только определяет границу вещи, но и указывает характер ее перехода за эту границу, т. е. закон изменения вещи. Следовательно

качество не является лишь голым принципом различия, отдельности, индивидуальности, но и принципом всеобщей связи, всеобщей изменчивости. Например, знать качество капитализма не значит знание отдельных черт, отличающих его от феодализма и социализма. При таком поверхностном рассмотрении, характерном, в скобках говоря, для буржуазной науки, мы конечно знать качество капитализма не будем. Для этого необходимо другое — именно знание внутренней структуры капитализма, откуда вытекает знание законов его развития. Эту проблему, как известно, и решил Маркс в «Капитале». Итак качество капитализма, определяя специфичность капиталистической структуры, ее отличия от структуры феодальной и социалистической, вместе с тем (вернее именно потому) определяет судьбу капитализма, способ его происхождения из феодализма и закон перехода в социализм.

Так как все явления противоречивы, то очевидно качество предмета заключается в специфическом характере его противоречия и в том специфическом способе, каким эти противоречия возникают и переходят друг в друга, образуют единство, развиваются и разрешаются.

Выше мы указали, что «Капитал» является книгой, посвященной выяснению качества капитализма. И действительно в «Капитале» Маркс решает следующие вопросы: как возникли капиталистические противоречия, их характер, способ осуществления их единства, способ их разрешения (экспроприация экспроприаторов). Если качество тождественно с бытием вещи и оно гибнет с изменением, то, напротив, количество на первый взгляд с вещью и с ее качеством связано внешним образом. А что касается изменения, то оно вообще к нему равнодушно. Возьмем любое качество и начнем менять его количество — вещь как будто не изменится. В самом деле взять ли 100 аршин или миллион аршин, от этого ничего не изменится, ситец останется ситцем. Однако, при более глубоком рассмотрении вопроса оказывается, что дело обстоит иначе. По прекрасному выражению Гегеля хитрость разума заключается в том, что он осаждает качество как раз с той стороны, с какой меньше всего можно было ожидать осады, т. е. со стороны количества. Действительно, хотя количество и представляется чем-то внешним качеству, но фактически они связаны самым интимным образом и качество меняется благодаря количественным изменениям и обратно.

Этот принцип Энгельс формулирует следующим образом. «Закон перехода количества в качество и обратно. Закон этот мы можем для своих целей выразить таким образом, что в природе могут происходить качественные изменения — точно определенным для каждого отдельного случая способом — лишь путем количественного прибавления, либо количественного убавления материи или движения (так называемой энергии)».

Отсюда вытекает, что с диалектической точки зрения нельзя отрывать количества от качества, ибо в каждом процессе они связаны внутренней неразрывной связью. Нет бескачественного количества. Никогда всегда количество какого-нибудь качества.

Единство количества и качества называется мерой. Каждый процесс имеет, следовательно, свою меру, выйдя за пределы которой он качественно меняется, т. е. из одного процесса превращается в другой.

Примеров, иллюстрирующих смену качеств под влиянием количественных изменений, можно привести, конечно, очень много, ибо закон перехода количества в качество и обратно является законом всеобщим.

Для наших целей достаточно будет сослаться на два очень ярких примера, приведенных Энгельсом и в «Диалектике природы» (статья «Общий характер диалектики, как науки»).

«В физике тела рассматриваются как химически неизменные или безразличные: мы имеем здесь дело с изменениями их молекулярных состояний и с переменной формы движения, при которой во всех случаях вступают в действие — по крайней мере, на одной из обеих сторон — молекулы. Здесь каждое изменение есть переход количества в качество — следствие количественного изменения, присущего телу, или сообщенного ему количества движения какой-нибудь формы... Так, необходим определенный минимум силы тока, чтобы платиновая проволока стала давать свет; так, у каждого металла имеется своя теплота плавления; так, у каждой жидкости имеется своя определенная, при данном давлении, точка замерзания и кипения, поскольку мы в состоянии при наших средствах добиться соответствующей температуры; так, наконец, у каждого газа имеется критическая точка, при которой соответствующим давлением и охлаждением можно превратить его в жидкое состояние. Одним словом, так называемые константы физики суть, большею частью не что иное, как название узловых точек, где количественное (изменение) прибавление или убавление движения вызывает качественное изменение в состоянии соответствующего тела, — где, следовательно, количество переходит в качество».

«Но открытый Гегелем закон природы празднует свои величайшие триумфы в области химии. Химию можно назвать наукой о качественных изменениях, происходящих под влиянием изменения количественного состава... Какое качественное различие приносит с собой количественное прибавление C_2H_6 можно узнать на основании опыта: достаточно принять в каком-нибудь пригодном для питья виде, без примеси других, алкоголевинный спирт C_2H_6O , а в другой раз принять тот же самый винный спирт, но с небольшой примесью амильного спирта $C_5H_{12}O$, являющегося главной составной частью гнусного сивушного масла. На следующее утро наша голова почувствует, к ущербу для себя, разницу между обоими случаями, так что, можно даже сказать, что охмеление и следующее за ним похмелье от сивушного масла (главная составная часть которого, как известно, амильный спирт) является тоже перешедшим в качество количеством: с одной стороны, винного спирта, а с другой — прибавленного к нему C_2H_6 ».

Не надо, однако, забывать, что и качество, в свою очередь, переходит в количество. Достаточно привести простейший пример.

Хорошо организованная небольшая воинская часть может разбить превосходящего ее в несколько раз, но деморализованного неприятеля. Значение качества для количественных изменений, а также взаимная связь качества и количества наглядно иллюстрируется нашими темпами индустриализации. Эти темпы возможны, конечно, только благодаря особенностям советской экономической структуры. Следовательно, качество советской экономики определяет быстрый темп развития производительных сил. Вместе с тем такие темпы нам необходимы для преодоления нэпа, для перехода к социализму. Вопрос поставлен остро. Или темпы, или проблема — кто кого — может решиться не в пользу пролетариата. Итак, качество нашей экономической структуры нуждается в количественной поддержке, чтобы определять социалистическую линию развития, в то же время оно содержит в себе предпосылки, необходимые для такой поддержки.

Обратим теперь внимание на другую сторону дела. Количественный рост (или уменьшение) имеет постепенный характер. Иначе с качественным изменением. Хотя качества и связаны между собой, но вместе с тем и различны. Развитие заключается в том, что одно качество исчезает и превращается в другое, новое. Правда в нем сохраняется старое, но в совершенно иных отношениях и связях. При таком понимании развития надо признать, что мера является границей непрерывности и следовательно смена качеств совершается посредством скачка. До скачка налицо одно качество, после — другое. Отрицание скачка привело бы очевидно и к отрицанию самого качества, к отрицанию грани, указывающей на специфичность, индивидуальность, отдельность (относительную, конечно) определенного процесса. Развитие как раз и заключается в том, что процесс переходит границу, определенную его мерой, и в момент перехода границы сразу становится процессом иного типа, т. е. меняет свое качество. Понятно эта граница относительна и условна, но она существует вполне объективно. Отрицание скачкообразности развития неизбежно приводит к отождествлению качества с количеством. Такая количественная теория развития, фактически, отрицает новизну (откуда ей взяться, если одно качество постепенно переходит в другое и между ними нет никакого различия) и выхолащивает, следовательно, всякое реальное содержание из понятия развития. Количественные теории эволюции в большой чести у всех буржуазных и реформистских теоретиков. Вполне понятно почему. Количественник считает, что новое по существу только результат увеличения или уменьшения элемента бывшего в старом. Революция, следовательно, представляется ему ненужным недоразумением, ибо новизна не рождается скачком. С этой точки зрения капитализм постепенно будет созревать до социализма, нэп постепенно «врататься в социализм», ибо капиталистические элементы нэпа должны непрерывно (и медленно) уменьшаться, а социалистические также непрерывно увеличиваться, расти. Конечно такая теория абсолютно не совместима с законом единства и взаимопроникновения противоположностей, ибо в согласии с ней надо считать, что по

мере развития противоречия притупляются. В самом деле если одно качество путем *постепенного* изменения переходит в новое качество, то и процесс разрешения противоречия тоже имеет *постепенный* характер и значит признавать обострение противоположностей по мере завершения цикла развития какого-нибудь явления просто бессмысленно. Следовательно, количественная теория эволюции является прямым методологическим обоснованием реформизма. Логически она результат непонимания характера закона единства противоположностей. В статье «К вопросу о диалектике» Ленин это подчеркивает с большой выразительностью.

«Условием познания всех процессов мира в их «самодвижении» в их спонтанном развитии, в их живой жизни, говорит Ленин — есть познание их, как единства противоположностей. Развитие есть «борьба» противоположностей. Две основные (или две возможные, или две в истории наблюдающиеся) концепции развития (эволюции) суть: развитие как уменьшение и увеличение, как повторение, и развитие как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними). При первой концепции движения остается в тени само движение, его *двигательная* сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится во вне — бог, субъект *etc.*). При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание *источника* «самодвижения». Первая концепция мертва, бедна, суха. Вторая — жизненна. Только вторая дает ключ к «самодвижению» всего сущего; только она дает ключ к «скачкам», к «перерыву постепенности», к «превращению в противоположность», к уничтожению старого и возникновению нового».

Вполне естественно, что механисты (в том числе и тов. Бухарин), не понимая природу диалектического противоречия, не могут понять и природу качества, поэтому они извращают закон перехода количества в качество и обратно, фактически сводя качество к количеству и прерывность к непрерывности. Из философских проблем наиболее ярко ошибки механистов в этом вопросе иллюстрирует так называемая проблема сводимости, речь о которой будет идти в главе IV.

Подводя итог мы можем следующим образом охарактеризовать процесс развития.

Изменение количественной стороны любого явления на известной ступени развития приводит к скачку, меняющему меру данного явления, после чего начинается количественная эволюция нового качества. Каждое явление развивается сначала эволюционно. Постепенно накапливаются противоречия, потом вдруг происходит взрыв. На известной ступени развития постепенность прерывается, и данное явление «скачком» переходит в другое, меняя свою форму и содержание. Следовательно, скачки (революция) не исключают эволюцию, а эволюция — скачков. Одно обуславливает собой другое. Эволюционный процесс развития известного явления вполне закономерно заканчивается скачком, после

которого начинается опять эволюция, но уже на основе иной закономерности, выражающей специфическое качество нового явления. Значит конкретный процесс развития включает в качестве своих моментов и прерывность и непрерывность

§ 4. ФОРМАЛЬНАЯ ЛОГИКА И ДИАЛЕКТИКА.

С материалистической точки зрения наше мышление отражает то, что существует в действительности. Следовательно диалектика бытия должна найти соответствующее выражение в диалектике мышления. Значит — для того, чтобы правильно отобразить противоречия, переходы, процессы, связи, существующие в действительности, понятия должны тоже развиваться, связываться между собой, взаимно проникать друг друга. Хорошим примером, подтверждающим важность этого требования, могут служить понятия количества и качества, разобранные в предыдущем параграфе.

Ленин, поэтому, в конспекте книги «наука логики» Гегеля указывает: «Всесторонняя, универсальная гибкость понятий, гибкость, доходящая до тождества противоположностей, — вот в чем суть. Эта гибкость, примененная субъективно, = эклектике и софистике. Гибкость, примененная объективно, т. е. отражающая всесторонность материального процесса и единство его, есть диалектика, есть правильное отражение вечного развития мира».

Постараемся теперь выяснить, что такое понятие. Обычно понятие считают результатом отвлечения от различий, что связано в свою очередь с закреплением сходного. Например, отвлекаясь от признаков, характеризующих отдельных людей и выделяя общечеловеческие черты, присущие всем людям и только им одним, мы создаем понятие — «человек». Более отвлеченные понятия шире по объему, так как они охватывают большее число предметов, но вместе с тем они уже по содержанию, ибо для охвата большего числа предметов приходится отвлекаться и от большего числа характеризующих их различных признаков.

Для примера достаточно сравнить понятия — немец (француз, англичанин, итальянец и т. д.), европеец, человек, млекопитающее, позвоночное, живое существо.

Переход от одного понятия к другому происходит, исключительно, путем прибавления или вычитания каких-нибудь признаков. Допустим, мы выделили ряд признаков, характеризующих определенные национальные типы (образовали понятия — белорус, украинец, чех, итальянец, испанец, швед, грек, араб, еврей и т. д.). Вычтем теперь все национальные признаки заодно с ними расовые и всякие другие, различающие людей между собой. Тогда у нас получится значительно более широкое понятие человека, охватывающее всех людей независимо от их принадлежности к той или иной нации. Если же мы вычтем признаки, отличающие человека от других млекопитающих, то придем к еще более широкому понятию млекопитающего.

Чтобы проделать обратный путь, надо прибегнуть к сложению. Значит, с точки зрения изложенного нами обычного учения с

понятии, связь между общим и частным понятием имеет чисто внешний, формальный характер. Саморазвитие понятий, их взаимный переход в силу внутреннего присущих им моментов, принципиально исключается, уступая место переходу «арифметического типа» (сложение и вычитание).

С другой стороны, понятие по мере своего расширения становится все более и более пустым, оно как бы стремится стать чистой формой, исключаяющей всякое (или почти всякое) содержание.

Если бы мы согласились с изложенной здесь теорией, то нам пришлось бы объявить материю (самое общее понятие, охватывающее все предметы) чистой формой, имеющей очень скудное содержание (несколько самых общих определений). Мы должны были бы тогда разлучить материю с вещами, ибо связь их являлась бы чисто формальной, внешней связью. Очевидно изложенная нами формально-логическая теория понятия не позволяет обосновать учение о материальности вещей и вечности материи, т. е. учение о том, что материя находит свое конкретное выражение в вещах. Между тем этот принцип является как нам известно краеугольным камнем диалектического материализма. Но формально — логическая теория понятия не может нас удовлетворить и по многим другим причинам. Во-первых формально-логическое понятие отличается, как мы уже выяснили, своей жесткостью, негибкостью, неспособностью к развитию. Затем согласно смыслу формально-логической теории предмет представляется простой суммой различных признаков, объединенных случайной, внешней связью. Поэтому в формальной логике любые признаки (неважно существенные или несущественные) годятся для образования понятия — лишь бы они достаточно четко ограничивали определенный предмет от других. Отсюда — односторонность и произвольность формально-логического понятия, благодаря чему оно не в состоянии выразить истинную природу предмета. Напротив, понятие, построенное по принципам диалектики, должно охватить основные существенные признаки предмета, с тем чтобы закрепить их внутреннее единство и необходимую связь.

Классическим примером диалектического построения понятия является известное определение империализма, данное Лениным.

«Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами». ¹ («Империализм, как новейший этап капитализма».)

¹ Ленин здесь дает «экономическое» определение империализма и поэтому указывает «Мы увидим еще ниже, как можно и должно иначе определить империализм, если иметь в виду не только основные чисто экономические понятия (которым ограничивается приведенное определение, а историческое место данной стадии капитализма по отношению к капитализму вообще или отношение империализма и двух основных направлений в рабочем движении».

В отличие от Ленина, Каутский дает формально-логического типа определение империализма. «Империализм, — пишет Каутский, — есть продукт высоко-развитого промышленного капитализма. Он состоит в стремлении каждой промышленной капиталистической нации присоединять к себе или подчинять все большие аграрные (выделено Каутским) области, без отношения к тому, какими нациями они населены».

Критикуя Каутского, Ленин подчеркивает формально-логический характер данным Каутским определения империализма.

«Это определение совершенно неправильно, — пишет Ленин, — ибо оно односторонне, т. е. произвольно (курсив наш) выделяет один только национальный вопрос (хотя и в высшей степени важный как сам по себе, так и в его отношении к империализму), произвольно и неверно (курсив Ленина) связывая его только (курсив Ленина) с промышленным капитализмом в аннектирующих другие нации странах, столь же произвольно и неверно выдвигая аннексии аграрных (курсив Ленина) областей».

С формально-логической точки зрения понятие представляет сумму признаков тождественных известной группе предметов. Например, определить понятие дуба значит перечислить все признаки, по которым дуб отличается от других деревьев. Значит из формально логического понятия исключается всякое внутреннее различие, а следовательно и противоречие. Понятие дуба охватывает, конечно, множество отличающихся друг от друга дубов, но именно от этих индивидуальных различий общее понятие дуба отвлекается, включая только признаки тождественные всем дубам и отличающие их от остальных деревьев. Следовательно, основным принципом образования формально-логических понятий является принцип тождества, четко отделяющий одно понятие от другого и исключающий их взаимный переход. Принцип тождества и является поэтому основным в формальной логике.

Закон тождества обычно формулируется так: а есть а или предмет исследуемый в определенном отношении к другим предметам и существующий в определенное время должен считаться тождественным, т. е. обладающим определенными не меняющимися признаками. Обратной стороной закона тождества является закон противоречия (вернее непротиворечия), который формулируется так: а не может быть не а. Закон противоречия является формальным критерием истины. Он утверждает, что из двух противоречивых суждений об одном и том же предмете (исследуемом в определенном отношении и существующем в определенное время) оба не могут быть истинными. Отсюда вытекает третий закон формальной логики — закон исключенного третьего; его формула — данный предмет есть либо а либо не а, третьего ничего не дано. Третий закон формальной логики дополняет второй, указывая, что из двух противоречивых суждений об одном и том же предмете одно должно быть истинным.

Метафизик объявляет закон тождества основным законом бытия и мышления, закрывая себе этим путь к пониманию развития. На самом же деле значение закона тождества ограничивается

вполне правильным и понятным требованием определенности и последовательности мышления. Если, допустим, в споре противники не определяют точно предмет спора или забыв данные ими определение начнут спорить как попало «кто про Фому, кто про Ерему», то их спор потеряет всякий смысл (и логический и практический). Таким же основным требованием, предъявляемым к человеку желающему логично мыслить является требование — не запутываться в противоречиях. Тут уместно вспомнить, что диалектика есть наука об объективных противоречиях, присущих действительности и логической мысли, отражающей действительность. Но диалектика категорически восстает против субъективных противоречий, вытекающих из неумения человека мыслить. Не станем же мы называть диалектиком человека, который постоянно запутывается в противоречиях.

Основной недостаток формальной логики заключается, как мы уже указывали, в том, что с точки зрения ее основных принципов невозможно понять развитие. Формальная логика — логика статики, а не динамики. Этим определяется и ее значимость, ее границы и ее отношение к диалектической логике. Формальная логика имеет известное значение в тех случаях, где мы в интересах исследования отвлекаемся от многообразия отношений, связывающих предметы между собой, фиксируем внимание на отдельных сторонах, отдельных связях интересующих нас предметов, наконец рассматриваем вещи вне процесса их изменения, что возможно конечно для сравнительно коротких промежутков времени.

«Закон тождества в старометафизическом смысле, пишет Энгельс, — есть основной закон старого мировоззрения: $a = a$. Каждая вещь равна самой себе. Все было постоянным — солнечная система, звезды, организмы. Естествознание опровергло этот закон в каждом отдельном случае, шаг за шагом; но теоретически он все еще продолжает существовать, и приверженцы старого все еще противопоставляют его новому. Вещь не может быть одновременно сама собой и чем-то другим. И, однако, естествознание в последнее время доказало в подробностях тот факт, что истинное, конкретное тождество содержит в себе различие, перемену. — Как и все метафизические категории, абстрактное тождество годится лишь для домашнего употребления, где рассматриваются незначительные отношения или короткие промежутки времени; границы, в рамках которых оно пригодно, различны почти в каждом случае и обуславливаются природой того объекта, к которому его применяют; — в планетной системе, где для обыкновенных астрономических выкладок можно без чувствительной погрешности принимать эллипсис за основную форму, эти границы значительно шире, чем в случае какого-нибудь насекомого, прелевающего свои превращения в течение нескольких недель. Но для синтетического естествознания абстрактное тождество совершенно недостаточно даже в любой отдельной области, и хотя в целом идея о таком тождестве практически теперь отвергнута, но теоретически она все еще властвует над умами, и большинство естествоиспытателей все еще воображают, что тождество и разли-

ние являются непримиримыми противоположностями, а не одинаковыми полюсами, имеющими значение только в своем взаимодействии, во включении различия в тождество» (Энгельс — «Диалектика природы»).

Отсюда следует, что построить подлинную науку на формально-логическом основании невозможно. Задача науки — отобразить в понятиях действительность. Но формально-логические понятия способны, как мы выяснили, отобразить только мертвую, искусственно созданную отвлекающей формально логической мыслью фикцию действительности.

Единству связанных между собой внутренней связью реальных процессов должна, очевидно, соответствовать в нашем мышлении система переходящих друг в друга понятий, развивающих в целом одно понятие, осуществляющее внутреннее единство всей системы. Примером такого диалектического построения науки является «Капитал» Маркса, где система понятий развивается из понятия стоимости, раскрывая все реальное богатство его содержания. Противоречия, определяющие у Маркса развитие понятий, выражают противоречия, присущие их предмету, т. е. капиталистическому обществу. Остановившись на характеристике диалектического метода Маркса, Ленин подчеркивает, что таков должен быть метод каждой науки. «У Маркса в «Капитале», — пишет Ленин, — сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, отношение бурж[уазного] [тов]арного [общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении] в этой «клеточке» б[у]рж[уазного] общ[ества] все противоречия [resp[ек- тиве] зародыш всех противоречий] совр[еменного] общ[ества]. Дальнейшее изложение показывает нам развитие [и рост и движение] этих противоречий и этого общества, в Σ¹ его отдельных частей, от его начала до его конца.

Таков же д[олжен] б[ыть] метод изложения [resp[ективе] изучения] диал[екти]ки вообще [ибо диал[екти]ка б[у]ржуа[з]ного общ[ества] у M[ar]xа есть лишь частный случай диал[екти]ки».

Итак, диалектическое понятие в корне отличается от понятия формально-логического. Оно является понятием конкретным, осуществляющим единство различных противоположных определений. Формально-логическое понятие, как мы указывали, чисто внешне объединяет единичное и общее. Напротив диалектическое понятие объединяет их внутренней нерасторжимой связью.

Согласно диалектической теории понятия, общее, особенное (частное) и единичное образуют моменты единого целого — понятия. Единичное через свои особенности выражает общее. Общее не есть чистая пустая форма, оно является конкретным единством, объединяющим внутренней связью все многообразие единичных предметов, охватываемых понятием. Отсюда вытекает способ построения научной системы. В качестве исходного пункта надо брать конкретное многообразие явлений и предполагая их един-

¹ Греческая буква — сигма, употребляемая для обозначения суммы.

ство, выделить посредством анализа те существенные моменты, которые определяют внутренние связи в кажущемся хаосе явлений.

Понятия, выражающие эти моменты, должны, как мы указывали выше, образовать диалектическую систему, охватывающую реальное единство данного многообразия вещей.

Итак, путь диалектического познания идет от конкретного многообразия процессов к общему понятию, выражающему основное отношение, связывающее это многообразие в единство. Обратный путь идет от самого общего определения, через систему развивающихся из него определений к полному охвату всех отношений и связей, присущих конкретной действительности. Коротко процесс познания можно выразить в следующей формуле. От хаотического конкретного многообразия, каким оно нам представляется в начале исследования, через систему взаимно связанных развивающихся понятий, к познанию конкретного многообразия, каким оно в действительности является. Первый путь опирается на анализ, второй — на синтез. Но у Маркса синтезируемые, т. е. связываемые, объединяемые понятия соединяются не механически, не суммируются просто, а в процессе развития переходят друг в друга. Спрашивается, может ли наше мышление действительно охватить реальное многообразие во всей полноте, во всем богатстве его связей. С точки зрения Гегеля — да, с точки зрения диалектического материализма — нет. Гегелю реальность представлялась неподвижной системой саморазвивающихся понятий, для материалиста-диалектика реальность — вечно движущаяся материя, неполно и несовершенно отражаемая развивающимся человеческим познанием. Значение общего — говорит Ленин — противоречиво, оно мертво, оно нечисто, неполно и т. д. и т. д., но оно только и есть ступень к познанию конкретного, ибо мы никогда не познаем конкретного полностью. Бесконечная сумма общих понятий, законов и т. д. дает конкретное в его полноте».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ И ПРОБЛЕМА ПОЗНАНИЯ.

§ 1. ПРОБЛЕМА ПОЗНАНИЯ, КАК ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФИИ.

Из предыдущих глав мы знаем, что такое философия, знаем, что представляют собой основные ее направления — материализм и идеализм, знаем далее, что диалектический материализм — философия пролетариата — является подлинно научной философией и, наконец, знаем, что основным вопросом всякой философии, а следовательно и диалектического материализма, является вопрос — насколько достоверно наше знание, как оно относится к познаваемому нами миру, иными словами, вопрос о том, как относится наш внутренний мир к миру внешнему, наше «я» к тому, что существует вне его, к «не я», вопрос об отношении сознания к бытию, субъекта познания к объекту.

«Великим основным вопросом всякой, а особенно новейшей философии является вопрос об отношении мышления к бытию». (Энгельс — «Людвиг Фейербах»).

К вопросу о мышлении можно подойти двояко: можно поставить перед собой задачу изучить самый процесс мышления независимо от того, к каким результатам этот процесс приводит, дает ли он истинное познание внешнего мира или не дает его; но можно подойти и иначе — поставить перед собой задачу установить отношение познающего субъекта к познаваемому объекту, установить источник и степень достоверности нашего познания, иными словами, поставить перед собой проблему познания, как проблему истины. Первый подход к изучению мышления — подход психологический: процесс мышления, как таковой, изучает особый отдел науки — психология. Второй подход к изучению мышления — изучение его с точки зрения соотношения между познанием о предмете и предметом познания, с точки зрения проблемы истины — подход гносеологический (подход с точки зрения теории познания). Нас здесь интересует именно второй подход. В не-марксистской философии гносеология или теория познания рассматривается как самостоятельная часть философии. С точки зрения Канта (теория познания самостоятельное существование приобрела, главным образом, со времени Канта) прежде чем приступить к познанию необходимо подвергнуть исследованию самую способность познания, установить его источник и степень его достоверности. Такое понимание теории познания подверглось решительной критике еще со стороны Гегеля, который

писал, что «исследование познания возможно только в процессе познания», что «желать познавать до того, как мы познаем, так же несуразно, как мудрое намерение схоластика, который хотел научиться плавать прежде, чем броситься в воду» («Логика»). Теория познания, отсюда, теснейшим образом связана с историей познания. Проблема познания, проблема соотношения между субъектом и объектом познания сама по себе разрешима только при диалектическом подходе к ней: теория познания становится моментом диалектической логики. Когда Ленин в конспекте книги Гегеля «Наука логики» ставит знак равенства между логикой и теорией познания, он имеет в виду диалектическую логику. В своих заметках «К вопросу о диалектике» Ленин пишет: «Диалектика и есть теория познания (Гегеля и) марксизма: вот на какую сторону дела (это не сторона дела, а суть дела) не обратил внимание Плеханов, не говоря уже о других марксистах».

Проблема познания не разрешима вне диалектического подхода к ней, но из этого не следует, что она разрешима при постановке ее в плане идеалистической диалектики. Поясним сказанное. Мы знаем, что материалистическая философия разрешает вопрос об отношении нашего внутреннего мира к внешнему, сознания к бытию, субъекта познания к объекту в том смысле, что исходным пунктом она берет внешний мир, бытие, объект. Ход рассуждения у материалистов таков: внешний мир воздействует на наши органы чувств, порождает наши ощущения, и, таким образом, мы получаем возможность познать его; наши ощущения являются образами внешнего мира. Это совершенно правильно. Однако, этого совершенно недостаточно. В самом деле, если ограничиться только-что сказанным, то, начав с правильного материалистического утверждения, что мы познаем внешний мир через посредство ощущений, мы можем притти к уже совершенно неправильному утверждению, что мы познаем не самый внешний мир, но только наши ощущения, а раз это так, то у нас не может быть уверенности в том, что внешний мир именно таков, каким мы его воспринимаем в наших ощущениях, более того — у нас не может быть уверенности даже и в существовании внешнего мира. Некоторые философы, идя таким путем, и пришли от материализма к идеализму, ибо принять наши ощущения не за связь сознания с внешним миром, а за стену, отделяющую наше сознание от внешнего мира, это значит вступить на путь идеалистического мышления; а признать свои ощущения, свое сознание, свое познающее «я» за единственно существующее и усомниться в существовании внешнего мира — это значит, как мы знаем, быть субъективным идеалистом, солипсистом. Этот переход от материалистических предпосылок к идеалистическим выводам объясняется тем, что философы-материалисты, рассуждающие указанным только что способом, являются только материалистами, но не диалектиками: с их точки зрения познающий человек противопоставляется познаваемому им миру, он созерцает этот мир; внешний мир воздействует на человека, порождает его ощущения, но человек остается пассивным; связи, взаимодействия между познающим че-

человеком и познаваемым им миром нет; познание человека не связано с его деятельностью, с его практикой, оно не развивается вместе с развитием его практического опыта. А мы знаем, что мыслить диалектически — это значит мыслить все явления мира в их взаимной связи и в их развитии. Вот почему Маркс, критикуя материалистов не-диалектиков (французских материалистов XVIII века и Фейербаха), упрекал их в том, что они рассматривали действительность, предметный, воспринимаемый внешними чувствами мир лишь в форме объекта или в форме созерцания, а не в форме конкретной человеческой деятельности, не в форме практики. Материалисты метафизики потому и приходили в разрешении основного вопроса философии, вопроса об отношении нашего внутреннего мира к внешнему миру, об отношении сознания к бытию, к идеалистическим выводам, что они не диалектически рассматривали самый процесс познания, забывая о взаимодействии между человеком и познаваемым им миром, забывая о воздействии человека на внешний мир, о его практической деятельности.

Если французские материалисты XVIII века и Фейербах не сумели разрешить указанного основного вопроса философии, потому что они были метафизиками, то диалектик Гегель не мог справиться с этим вопросом, потому что он был идеалистом. Материалисты метафизики, как мы видели, вследствие того, что они были метафизики, становились непоследовательными материалистами. Идеалист же Гегель оказывается непоследовательным диалектиком именно потому, что он идеалист. Как мы знаем, диалектика у Гегеля есть саморазвитие понятия; у него развивается не материя, а абсолютный дух: этот абсолютный дух превращается в природу и, развиваясь в качестве «закона природы», вновь возвращается к самому себе в человеческом «духе», т. е. в мышлении человека. Человеческое же мышление, развиваясь, приходит к полному исчерпывающему познанию абсолютной идеи, достигая этого в философской системе Гегеля. Таким образом, получается, что по Гегелю развивается все, но в самой философии Гегеля наступает конец развитию. Содержание философии Гегеля оказывается конечным этапом в развитии человеческого мышления. Так, диалектик Гегель, истолковывая историческое значение своей философии, становится метафизиком. Идеалистический характер гегелевской диалектики сделал Гегеля непоследовательным диалектиком.

Материализм является последовательным только тогда, когда он становится диалектическим материализмом. Диалектика является последовательной только тогда, когда она становится материалистической диалектикой. Приложение диалектического метода к материалистической основе и положило начало тому цельному научному миропониманию, к которому не сумели прийти ни материалисты-метафизики, ни диалектик-идеалист Гегель, но к которому пришли К. Маркс и Ф. Энгельс.

«Мой диалектический метод, — писал Маркс в предисловии ко II изданию первого тома «Капитала», — не только в корне стли-

чен от гегелевского, но представляет его прямую противоположность. Для Гегеля процесс мысли, который он под названием идеи превращает даже в самостоятельный субъект, есть демиург (демиург — ремесленник в Греции; в ином смысле — творец, создатель) действительности, представляющей лишь его внешнее проявление. Для меня, наоборот, идеальное есть не что иное, как переведенное и переработанное в человеческой голове материальное... Та мистификация, которую претерпела диалектика в руках Гегеля, отнюдь не помешала тому, что Гегель первый дал исчерпывающую и сознательную картину ее общих форм движения. У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть рациональное зерно под мистической оболочкой».

Гегель является главнейшим философским предшественником марксизма, но именно как Гегель-диалектик. «Умный идеализм, — писал Ленин, — гораздо ближе нам, чем глупый материализм». Под глупым материализмом Ленин понимал метафизический, вульгарный, механический материализм, — тот материализм, который, как мы видели, ведет к отказу от материализма, к субъективному идеализму. Под «умным идеализмом» Ленин понимал диалектический идеализм Гегеля. В программной статье, посвященной журналу «Под знаменем марксизма», Ленин писал о необходимости создания «Общества друзей гегелевской диалектики», которое поставило себе задачей «систематическое изучение диалектики Гегеля с материалистической точки зрения». Так велико значение Гегеля для марксистской философии. Нужно подчеркнуть, что изучение Гегеля ценно именно тогда, когда мы подходим к нему с материалистической точки зрения. «Я вообще стараюсь читать Гегеля материалистически» — писал Ленин в конспекте книги Гегеля «Наука логики». «Гегель есть поставленный на голову материализм (по Энгельсу), т. е. я выкидываю большей частью боженьку, абсолют, чистую идею и т. д.». Мы знаем, что у идеалиста Гегеля вопрос о соотношении субъекта и объекта познания был разрешен в том смысле, что объект познания — внешний мир, природа, а равно и субъект познания — мыслящий человек — рассматривались им как ступени развития абсолютного духа. Истинность познания по Гегелю, таким образом, обеспечивается тем, что мышление, развивающееся вследствие обнаружения и разрешения противоречий, заключающихся в понятиях, является как бы частью процесса развития абсолютного духа. Проблема познания, таким образом, в плане идеалистической диалектики осталась неразрешенной: противоречие между субъектом и объектом познания Гегелем не преодолено, а устранено путем поглощения бытия мышлением, путем превращения природы в ступень развития абсолютного духа. Разрешение проблемы познания возможно только внутри материалистической диалектики. Вопрос о соотношении между субъектом и объектом познания был разрешен Марксом, Энгельсом, Плехановым и Лениным, связавшими диалектику с материализмом и тем самым поставившими гегелевскую диалектику с головы на ноги

§ 2. ЕДИНСТВО СУБЪЕКТА И ОБЪЕКТА ПОЗНАНИЯ. ПРАКТИКА, КАК КРИТЕРИЙ ИСТИНЫ.

Мы уже знакомы с основными законами диалектики (см. гл. II). Мы уже знаем, что основными принципами диалектики являются следующие два: 1) все существующее находится в связи, во взаимодействии между собой; 2) все существующее изменяется, развивается, причем развивается путем борьбы противоположностей, путем назревания противоречий и путем разрешения этих противоречий в виде перерыва постепенности, в виде скачка. Нам надлежит выяснить, таким образом, как применяются материалистами диалектиками указанные два принципа диалектики — принцип всеобщей связи и принцип развития — к разрешению интересующего нас вопроса.

Неправильно противопоставлять, как это делали материалисты-метафизики, субъекта познания — мыслящего человека объекту познания — внешнему миру в том смысле, что человек только наблюдает внешний мир при помощи своих органов чувств, подвергаясь его воздействию. В действительности, в жизни происходит совершенно иное: человек борется с природой, человек видоизменяет природу, преобразовывает ее, приспособляет ее к своим практическим нуждам, и, таким образом, говорить следует не только о воздействии природы на человека, но и о воздействии человека на природу. При этом, борясь с природой, человек сталкивается с ней не изолированно, как индивидуум, но совместно с другими людьми, в обществе. И вот, именно, в процессе борьбы общественного человека с природой, в процессе взаимодействия между общественным человеком и внешней средой, человек познает окружающий его мир. «Человек побуждается к размышлению, главным образом, теми ощущениями, которые он испытывает в процессе своего воздействия на внешний мир» (Плеханов). Если мы в процессе борьбы с природой получаем возможность преобразовывать природу сообразно нашим нуждам, передельывать материю, приспособляя ее к нашим нуждам, если мы получаем возможность воспроизводить те или иные явления природы в наших лабораториях, если мы оказываемся способными, изучив законы возникновения и развития явлений внешнего мира, предвидеть их возникновение, предвидеть пути их развития, то это означает, что внешний мир существует независимо от нас, что он обладает объективной реальностью и что мы обладаем правильным знанием внешнего мира. В самом деле, разве можем мы сомневаться в существовании вне нас и независимо от нас железной руды, разве мы можем сомневаться в том, что правильно познаем свойства железа, если мы на металлургических и машиностроительных заводах превращаем железную руду в железо, чугун, сталь, если мы изготовляем из этих материалов те или иные изделия: балки, рельсы, части машин, приборы и т. д.? Разве можно сомневаться в том, что мы правильно познаем сущность химических процессов в растительных и животных тканях, если мы умеем в наших химических лабораториях воспроизводить их?

Или, наконец, можно разве сомневаться в том, что солнце, луна, планеты, звезды существуют объективно, вне нашего сознания. Если мы, изучив законы их движения, можем заранее предсказать солнечное или лунное затмение или заранее указать ту точку небосвода, где в определенный день, час, минуту, секунду мы найдем ту или иную звезду или планету? Те сомнения, которые обуревают идеалистов и материалистов-метафизиков, когда последние приходят к идеалистическому выводу, что мы познаем только наши ощущения и что, быть может, весь внешний мир существует только в нашем сознании, разрушаются. Точно также разрушаются и все сомнения насчет существования каких-то непознаваемых для нас сущностей или «вещей в себе», по выражению немецкого философа Канта, противопоставляющего миру, каким он нами воспринимается — миру явлений — мир непознаваемых «вещей в себе».

Каким образом могло возникнуть такое понимание мира, такое понимание соотношения между субъектом и объектом познания, с каким мы встречаемся у Канта в его учении о «вещи в себе»? И каковы выводы из этого учения? Ответ на эти вопросы мы находим у Энгельса в его статье «Диалектика и естествознание» (Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. II). «Количество и смена вытесняющих друг друга гипотез, — читаем мы здесь, — при отсутствии у естествоиспытателей логической и диалектической подготовки, вызывает у них легко представление о том, будто бы мы не способны познать сущность вещей (Галлер и Гете). Это свойственно не одному только естествознанию, так как все человеческое познание развивается по очень запутанной челоьческой кривой, и теории вытесняют друг друга также в исторических науках, включая философию, — на основании чего, однако, никто не станет заключать, что, например, формальная логика это — чепуха. Последней формой этого взгляда является «вещь в себе». Это утверждение, что мы неспособны познать вещь в себе (Neg. Enz. § 44), во-первых, переходит из науки в область фантазии, во-вторых, ровно ничего не прибавляет к нашему научному познанию, ибо если мы не способны заниматься вещами, то они не существуют для нас, и, в-третьих, это — голая, никогда не применяющаяся, фраза. Абстрактно говоря, оно звучит вполне вразумительно. Но пусть попробуют применить его. Что думать о зоологе, который сказал бы: собака имеет, кажется, четыре ноги, но мы не знаем, не имеет ли она в действительности четырех миллионов ног, или вовсе не имеет ног? О математике, который сперва определяет треугольник как фигуру с тремя сторонами, а затем заявляет, что он не знает, не обладает ли он 25 сторонами? $2 \times 2 =$, кажется, 4. Но естествоиспытатели остерегаются применять фразу о вещи в себе в естествознании, позволяя ее себе только тогда, когда заглядывают в область философии. «Это — лучшее доказательство того, как несерьезно они к ней относятся и какое ничтожное значение она имеет сама по себе. Если бы они относились к ней серьезно, то à quoi bon (какой смысл, для чего собственно. Б. Ф.) вообще изучать что-нибудь?»

Мы познаем окружающий нас мир постольку, поскольку он воздействует на наши органы чувств и постольку, поскольку мы воздействуем на него. Связь между нами и внешним миром возникает через наши ощущения. Кантовское же учение о «вещи в себе» превращает наше ощущение из моста, ведущего от нашего познающего «я» к объективно существующему миру — в «стену, отделяющую сознание от внешнего мира» (Ленин). Из этого вовсе не следует, что мы признаем, что наше ощущение света или звука, с одной стороны, и световая или звуковая волна, с другой стороны, представляют собой одно и то же. Такая точка зрения называется наивным реализмом. Мы же утверждаем лишь, что нашим ощущениям света и звука соответствуют во внешнем мире объективные процессы и что именно эти процессы отражаются в наших ощущениях, восприятиях и т. д. Мы утверждаем, следовательно, что внешний мир материален. «Вопрос о том, — принять или отвергнуть понятие материи, есть вопрос о доверии человека к показаниям его органов чувств». . . «Считать наши ощущения образами внешнего мира — признавать объективную истину — стоять на точке зрения материалистической теории познания — это одно и то же» — писал Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме». «Единственным свойством материи — писал Ленин там же — . . . есть ее свойство быть объективной реальностью независимо от нашего сознания». Материя же неотделима от движения; движение это атрибут материи, иными словами, способ существования материи. Таково философское определение материи и движения. Слово «движение» здесь не нужно понимать в смысле механического движения, в смысле перемещения. Философский смысл слова «движение» Энгельс разъясняет следующим образом: «Движение в применении к материи — это изменение вообще». (Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. II). Кроме механического движения философское понятие движения обнимает таким образом и все другие виды движения, в том числе и жизненные процессы и процесс мышления. Итак, материя и движение, как ее атрибут, является той объективной реальностью, которая существует независимо от человеческого сознания и которая отображается им.

Изложенная только что точка зрения на соотношение между субъектом и объектом познания подтверждается всем нашим практическим опытом. Она вытекает из этого практического опыта.

Наша промышленность, наши лаборатории доказывают, как мы видели, что субъективный идеализм, солипсизм, а равно и кантовский мир непознаваемых «вещей в себе» просто бред, чистая бессмыслица. Раз мы можем предвидеть некоторые явления (а это мы можем, техника и наука дают нам полную уверенность в этом) то это означает, что мы можем предусмотреть действия, которые будут произведены на нас существующими вне нас вещами. «Если же мы предусматриваем некоторые действия на нас вещей самих по себе, то это значит, что нам известны некоторые их свойства. А если нам известны некоторые свойства вещей самих по себе, то мы не имеем права называть эти вещи непознаваемыми» (Плеханов), а тем паче сомневаться в существовании внешнего мира.

Из всего вышесказанного ясно, что источником нашего познания и критерием его истинности является наша практика. Это положение было выдвинуто еще Марксом в его тезисах, посвященных Л. Фейербаху. Во втором тезисе говорится: «Вопрос о том, свойственна ли человеческому мышлению предметная истина, вовсе не есть вопрос теории, а *практический* вопрос. На практике должен человек доказать истинность, т. е. действительность и силу, посюсторонность своего мышления». Это положение было развито Энгельсом во многих местах его трудов. Приведем здесь одну из наиболее характерных его формулировок. В предисловии к своей брошюре «Развитие социализма от утопии к науке» Энгельс писал: «Вначале было дело. И человеческая деятельность разрешила эту трудность еще задолго до того, как человеческое мудрствование ее изобрело. *The proof of the pudding in the eating.* (Доказательство бытия пуддинга в том, что он съедается — английская поговорка. Б. Ф.). В тот момент, когда сообразно воспринимаемым нами свойствам какой-либо вещи мы употребляем ее для себя, мы подвергаем безошибочному испытанию истинность или ложность наших чувственных восприятий. Если эти восприятия были ложны, то и наше суждение о возможности использовать (курсив наш. Б. Ф.) данную вещь необходимо будет ложно, и всякая попытка такого использования окажется неудачной. Но если нам удастся достигнуть поставленной себе цели, если мы находим, что данная вещь соответствует нашему представлению о ней, то она дает результат — *какой мы ожидали* (курсив наш. Б. Ф.) от ее употребления; тогда мы имеем положительное доказательство, что в данных пределах наше восприятие вещи и ее свойств соответствует вне нас находящейся реальности. Если же, наоборот, оказывается, что мы ошиблись в своих расчетах, тогда большей частью нетрудно отыскать причину нашей ошибки; мы находим, что восприятие, легшее в основу нашего опыта, либо само по себе неполно и поверхностно, либо, принимая во внимание условия данного опыта, неправильно связано с результатами других восприятий. До тех же пор пока мы правильно пользуемся нашими чувствами и удерживаем свою деятельность в рамках правильно полученных и примененных восприятий, до тех пор *успех наших действий будет служить доказательством согласованности наших восприятий с объективной природой воспринимаемых вещей*. (Курсив наш. Б. Ф.) И наконец наиболее полно и точно эта мысль развита Лениным в его труде «Материализм и эмпириокритицизм». «Развитие сознания у каждого отдельного человеческого индивида и развитие коллективных знаний всего человечества на каждом шагу показывает нам превращение непознанной «вещи в себе» в познанную «вещь для нас», превращение слепой непознанной необходимости, «необходимости в себе», в познанную «необходимость для нас». Гносеологически (т. е. с точки зрения теории познания. Б. Ф.) нет решительно никакой разницы между тем и другим превращением, ибо основная точка зрения тут и там одна: именно материалистическая — признание объективной реальности внешнего мира и зако-

нов внешней природы, причем и этот миг и эти законы вполне познаваемы для человека, но никогда не могут быть им познаны до конца. Мы не знаем необходимости природы в явлениях погоды, и постольку мы неизбежно рабы природы. Но, не зная этой необходимости, мы знаем, что она существует. Откуда это знание? Оттуда же, откуда знание, что вещи существуют вне нашего сознания и независимо от него, именно: из развития наших знаний, которое миллионы раз показывает каждому человеку, что незнание сменяется знанием, когда предмет действует на наши органы чувств, и наоборот: знание превращается в незнание, когда возможность такого действия устранена. Вся живая человеческая практика врывается в самую теорию познания, давая объективный критерий истины: пока мы не знаем закона природы, он, существуя и действуя помимо, вне нашего познания делает нас рабами «слепой необходимости». Раз мы узнали этот закон, действующий (как тысячи раз повторил Маркс) независимо от нашей воли и нашего сознания, мы — господа природы. Господство над природой, проявляющее себя в практике человечества, есть результат объективно верного отражения в голове человека явлений и процессов природы, есть доказательство того, что это отражение (в пределах того, что показывает нам практика) есть объективная, абсолютная, вечная истина».

Итак, применение первого принципа диалектики (все существующее находится в связи, во взаимодействии между собой) — принципа взаимосвязанности — к вопросу о соотношении между субъектом и объектом познания привело нас к следующим выводам. Мир материален. Материя и движение как ее атрибут существуют вне нашего сознания и раньше нашего сознания. Материя есть нечто первичное; действуя на наши органы чувств, она порождает ощущения. Ощущения, мысль, сознание являются поэтому вторичным производным. Но мы познаем мир не только поскольку он воздействует на нас, но и поскольку мы воздействуем на него. Полную уверенность в существовании внешнего мира вне нас, в его объективной реальности, в истинности наших знаний о внешнем мире, нам дает наша практика. Практика является критерием истины. Взаимоотношение между субъектом и объектом познания, таким образом, имеет двусторонний характер: субъект познает объект, подвергаясь его воздействию и воздействуя на него. Итак, мы пришли к признанию единства субъекта и объекта познания, причем, как мы видели, «проблема единства субъекта и объекта... получает правильное разрешение на почве единства теории и практики» (Деборин. Предисловие к конспекту книги Гегеля «Наука логики» — Ленина).

Выше нами было уже указано, что говоря о познании человеком внешнего мира в процессе взаимодействия между ним и внешним миром, в процессе практической деятельности, мы имеем в виду общественного человека. На эту сторону вопроса необходимо обратить особенное внимание. Дело в том, что невозможность разрешить проблему соотношения между субъектом и объектом познания для метафизического материализма была обусло-

влена не только тем, что соотношение между субъектом и объектом познания понималось метафизическим материализмом односторонне — в смысле воздействия внешнего мира на органы чувств человека (а не в смысле взаимодействия между человеком и внешним миром), но также и тем, что метафизический материализм брал изолированного человека, индивида, а не общественного человека, рассматривая общество как сумму индивидов, атомистически, вместо того, чтобы индивидуума рассматривать как продукт общественного развития. Такого рода «гносеологический индивидуализм» господствует в наши дни в буржуазной философии. Диалектико-материалистический подход к проблеме познания строится, как мы видели, на диаметрально противоположных основаниях. «Мое собственное бытие есть общественная деятельность», «чувства общественного человека иные, чем необщественного», «образование пяти чувств — это продукт всей всемирной истории» — читаем мы у Маркса в его «Подготовительных работах для «Св. Семейства» (Архив Маркса и Энгельса, т. III). «Мы видим, писал Маркс там же, что лишь в общественном состоянии субъективизм и объективизм . . . теряют свою противоположность». . . «Мы видим, что решение теоретических противоположностей возможно только практическим путем, только благодаря практической энергии человека и что поэтому решение их отнюдь не является задачей только познания, а действительно жизненной задачей, которой философия не могла решить потому, что она видела в ней только теоретическую задачу». В этих строках Марксом подчеркивается значимость для проблемы познания практики, как общественной практики. «Вся живая человеческая практика врывается в нашу теорию познания», писал Ленин. Итак, не практика индивидуума, но общественная практика и, притом, не только общественная практика, ограниченная данным историческим моментом, но практика, взятая в ее историческом развитии — такова основа диалектико-материалистической теории познания, таков с точки зрения исторического материализма источник познания, таков критерий его истинности. В общественной практике осуществляется единство субъекта и объекта познания. Такая постановка вопроса, такой подход к проблеме познания от общественной практики совершенно исключает возможность истолкования социогенеза (общественного происхождения) познания в духе построений Богданова. Богданов тоже, как будто бы, стоит на почве социогенеза познания, но, однако, общественная практика в понимании Богданова приводит его не к признанию объективной реальности внешнего мира, а, наоборот, к построениям в духе субъективного идеализма. Для Богданова его «социально организованный опыт» проявляется не в живой человеческой практике, а в «высказываниях»; для Богданова объективно то, что признается всеми; в результате внешний мир у Богданова оказывается социально организованным опытом (см. работы А. Богданова — «Эмпириомонизм» и «Философия живого опыта»). Субъективно идеалистическую сущность построений Богданова остроумно разоблачает Плеханов в своих «Письмах к Богданову». «Все мы профаны, ирони-

зирует Плеханов, державшиеся старой теории развития, были твердо убеждены в том, что появлению людей, а следовательно и их «высказываниям», предшествовал очень длинный период развития нашей планеты». Но «теперь, продолжает Плеханов, мы вынуждены представить себе ход дела совершенно наоборот. Наша планета, без малейшего сомнения, принадлежит к объективному «физическому» миру. И точно также ни малейшее сомнение невозможно насчет того, что к тому же миру принадлежит и процесс развития этой планеты. Но мы уже знаем от вас, г. А. Богданов, что «вообще физический мир это социально согласованный, социально-гармонизированный, — словом, социально-организованный опыт». . . Поэтому выходит, что существование людей предшествовало существованию нашей планеты: сначала были люди; люди начали «высказываться», социально организуя свой опыт; благодаря этому счастливому обстоятельству, возник физический мир вообще и, в частности, наша планета. Это, конечно, тоже «развитие», но только развитие наоборот, вернее сказать — *развитие на выворот*. Читателю может показаться, что если существование людей предшествовало существованию земли, то люди в течение некоторого времени висели как бы в воздухе. Но мы с вами, г. Богданов, понимаем, что это «недоразумение», явившееся, как результат некоторого невнимания к требованиям логики. Ведь воздух тоже принадлежит к физическому миру. Поэтому в то время, о котором у нас идет речь, не было и воздуха. Вообще ничего не было в объективном, физическом смысле; а были люди, которые «высказывая» друг другу свои переживания и согласуя свой опыт, создали физический мир. Это очень просто и ясно». Но если в построениях Богданова физический мир утрачивает свою объективную реальность, то зато объективную реальность приобретают у него лешие и домовые, поскольку они удовлетворяют богдановскому высшему критерию объективности (т. е. социально организованному опыту, проявляющемуся в высказываниях). По этому поводу Плеханов в тех же «Письмах» справедливо указывает, что поскольку в эпоху первобытного анимизма вера во всякого рода духов и в том числе домовых и леших была общераспространенной, постольку очевидно в эту эпоху домовые и лешие имели объективное существование. Как далеки подобного рода «построения» от всего того, что было сказано по вопросу об общественной практике, как источнике познания и критерии истины!

§ 3. РАЗВИТИЕ ИСТИНЫ.

Всем вышесказанным, однако, не исчерпывается диалектико-материалистический подход к интересующему нас вопросу: проблеме познания мы должны рассмотреть не только с точки зрения принципа взаимосвязности, но и с точки зрения принципа развития. Выше нами уже указывалось, что самое общественную практику мы берем в ее историческом развитии. В самом деле, если наше познание возникает в процессе взаимодействия чело-

века с внешним миром, то оно должно развиваться вместе с развитием нашего практического опыта. Как же быть тогда с истиной, т. е. с правильным отражением в нашем сознании внешнего мира? Казалось бы, могут существовать два решения вопроса об истине. Либо, познавая внешний мир, мы овладеваем вполне и до конца правильным знанием о нем, т. е. обладаем окончательной вечной истиной и тогда приходим к признанию завершенности нашего познания, а, следовательно, к признанию того, что все существующее изменяется, развивается, кроме истин, к которым мы, познавая, пришли, т. е. приходим к тому самому недialeктическому утверждению, к которому пришел и Гегель, провозгласивший, как мы знаем, свою философию достигнутой абсолютной истиной. Либо, оставаясь верными диалектическому методу, мы как будто должны признать, что истинное знание недостижимо, т. е. опять-таки разорвать ту связь, которую только что установили между познающим человеком и внешним миром. Однако, оба эти предположения неправильны. Первое неправильно потому, что раз мы признали, что познание наше обусловлено нашим взаимодействием с внешним миром, обусловлено нашей практикой, то это означает, что мы признали и развитие нашего познания вместе с развитием внешнего мира и развитием нашего практического опыта (в первую очередь, развитием техники). В самом деле, разве можно отрицать, что результаты познания, достигнутые человеком, что истины, к которым он пришел в процессе борьбы с природой, в процессе познания, в связи с этой борьбой, явлений окружающего мира, были различны тогда, когда человек жил в пещере, или теперь, когда он живет в небоскребах; тогда, когда человек передвигался по земле при помощи лошади, или теперь, когда он передвигается по земле, по воде, под водой и по воздуху при помощи паровоза, автомобиля, океанского парохода, подводной лодки и аэроплана; тогда, когда человек рассеивал ночную тьму при помощи костра, или теперь, когда не только города, но и деревни освещаются электричеством; тогда, когда человек воспринимал внешний мир только при помощи своих естественных органов чувств, или теперь, когда он проникает в мир бесконечно малых существ, пользуясь микроскопом, в мир бесконечно отдаленный от нас — мир звезд, пользуясь телескопом и спектроскопом, когда он узнает о совершающемся за тысячи километров от него землетрясении при помощи сейсмографа, когда он слышит на расстоянии тысячи километров при помощи радио? Каждый день приносит нам все новые и новые достижения техники; каждый день обогащает содержание нашего практического опыта; то, что казалось несколько десятилетий тому назад в фантастических романах Жюль Верна сказкой, сейчас, в наши дни, стало действительностью, и, вне всякого сомнения, возможности, которые открываются перед людьми в области завоевания природы, огромны; будущее сулит нам много такого, о чем мы сейчас даже и не подозреваем. Можно разве сомневаться в том, что вместе с расширением нашего практического опыта будут расширяться и границы нашего познания? В этом смысле мы, конечно, не можем говорить

об обладании окончательными, вечными истинами. Но из этого вовсе не следует, что нам приходится отказаться от признания достижимости истинного знания. Напомним приведенные выше слова Ленина: «Господство над природой, проявляющее себя в практике человечества, есть результат объективно верного отражения в голове человека явлений и процессов природы, есть доказательство того, что это отражение в пределах того, что показывает нам практика (курсив наш Б. Ф.), есть объективная, абсолютная, вечная истина». Вспомнив то, что было сказано об объективном существовании внешнего мира и о познаваемости его для нас, мы поймем смысл только что приведенных слов Ленина. Как и все существующее, так и познание наше развивается. В каждый данный момент внешний мир не вполне познан, но в каждый данный момент мы знаем, что мир познаваем... Возможности отдельных мыслящих людей в области познания внешнего мира ограничены, но возможности исторически развивающегося человечества — неограничены.

Из всего вышесказанного ясно, что истинное знание представляет собой не нечто застывшее, однажды установившееся и в дальнейшем неизменное, а напротив под истиной мы понимаем определенную тенденцию к правильному отображению внешнего мира в нашем сознании — тенденцию, осуществляющуюся в бесконечном ряде мыслящих личностей, в бесконечном ряде поколений. Диалектично само соотношение между предметом, о котором мы мыслим, и нашим мышлением об этом предмете, между действительностью и идеей. Соотношение между действительностью и идеей, между бытием и мышлением подобно соотношению между окружностью и многоугольником, вписанным в эту окружность. Многоугольник, при бесконечном увеличении числа его сторон, стремится к окружности как своему пределу, но он никогда не станет окружностью. Точно также и идея не совпадает с действительностью сразу. Устанавливая это положение, Энгельс в своем письме к Конраду Шмидту от 12 марта 1895 года вместе с тем подчеркивает, что из этого вовсе не следует, что идея есть фикция. Понятия в естественных науках не совпадают без остатка с конкретными формами органической жизни, но развитие познания как раз и заключается в сближении понятий с действительностью. «С того момента, когда мы приняли эволюционную теорию, все наши идеи об органической жизни только приблизительно соответствует действительности», — пишет Энгельс в этом письме. — Идея «рыба» включает жизнь в воде и дыхание жабрами. Как вы (обращение к Конраду Шмидту) перейдете от рыбы к земноводному, не сломав этой идеи? И она была сломана, и мы знаем ряд рыб, у которых воздушный пузырь развился далее в легкое и которые могут вдыхать воздух. Как мы можем перейти от кладущего яйца пресмыкающегося к млекопитающему, родящему живых детенышей, не приведя одной из обеих идей в столкновение с действительностью? И на самом деле, в однопроходных... у нас имеется целый подкласс кладущих яйца млекопитающих. Я в 1843 году, увидев в Манчестере яйца утконоса,

в своей высокомерной ограниченности издевался над глупостью, что будто млекопитающее может класть яйца, а теперь это доказано».

Итак, идея стремится к полному отображению действительности. Каков же путь, которым мы идем к этому полному отображению действительности? Казалось бы, что этот путь лежит прежде всего через индукцию, т. е. через изучение частного, конкретного и через обобщения, построенные на результатах этого изучения. Однако, это не так. Исследование фактов окружающей действительности (индукция сама по себе) недостаточно для познания этой действительности. «Путем индукции, — пишет Энгельс в своих «Заметках» (Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. II), — было найдено сто лет назад, что раки и пауки являются насекомыми, а все низшие животные червями. При помощи той же индукции теперь найдено, что это нелепость и что существует гораздо больше классов. В чем же преимущество так называемого индуктивного умозаключения, которое может оказаться столь же ложным, как и так называемое дедуктивное умозаключение?..» «Индукция не в состоянии доказать, что когда-нибудь не будет найдено млекопитающее животное без молочных желез. Прежде сосцы считались признаком млекопитающего, но утконос не имеет вовсе сосцов»... «Для силы мысли наших естествоиспытателей характерно то, что Геккель фанатически выступает на защиту индукции как раз в тот самый момент, когда результаты индукции-классификации — повсюду поставлены под вопрос (*Limulus* паук; *Ascidia* — позвоночное или хордовое, *Dipnoi*, вопреки первоначальному определению амфибий, оказываются рыбами) и когда ежедневно открываются новые факты, опрокидывающие всю прежнюю индуктивную классификацию. Какое великолепное подтверждение слов Гегеля, что индуктивное умозаключение по существу проблематическое! Мало того: благодаря успехам теории развития даже вся классификация организмов отнята у индукции и сведена к «дедукции», к учению о происхождении — какой-нибудь вид буквально дедуцируется, выводится из другого путем происхождения, а доказать теорию развития при помощи простой индукции невозможно, так как она целиком антииндуктивна. Благодаря индукции понятия сортируются: вид, род, класс; благодаря же теории развития они стали текучими, а значит, и относительными; относительные понятия не поддаются индукции».

В тех же «Заметках» Энгельс приводит чрезвычайно удачный пример, характеризующий значение мышления, значение «рассудочных определений». Глаза у муравьев дают им возможность видеть химические лучи, но человек в познании этих невидимых для него лучей достиг значительно большего, нежели муравьи. Уже замечателен тот факт, что человек может доказать, что муравьи видят вещи, которые для человека невидимы. Отсюда, — «устройство человеческого глаза не является абсолютной границей для человеческого познания. К нашему глазу присоединяются не только другие чувства, но и деятельность нашего мышления» (курсив наш. Б. Ф.). В ленинском конспекте «Науки логики» Ге-

геля мы находим следующие строки, характеризующие значение мышления для познания действительности. Ставится вопрос, что «выше» — представление или мышление. Что ближе к действительности? Ленин отвечает: «В известном смысле представление, конечно, ниже. Суть в том, что мышление должно охватить все «представление» в его движении, а для этого мышление должно быть диалектическим. Представление ближе к реальности, чем мышление? И да и нет. Представление не может охватить движения в целом, например, не схватывает движения с быстротой 300 000 км в 1 секунду, а мышление схватывает и должно схватить». Там же Ленин утверждает, что мышление, «восходя от конкретного к абстрактному не отходит, если оно правильное... от истины, а подходит к ней. Абстракция материи — говорит Ленин, — закона природы, абстракция стоимости и т. д., одним словом, все научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, полнее. Устанавливая значение конкретного и абстрактного для научного мышления Маркс во «Введении к критике политической экономии» указывает, что конкретное, являясь исходным пунктом действительности, является, следовательно, также «исходным пунктом наглядного созерцания и представления» (курсив ваш. Б. Ф.) Но в мышлении конкретное выступает как результат; оно воспроизводится путем мышления, исходящего от абстрактных определений. Для того, чтобы познать действительность, необходимо от непосредственно нами воспринимаемого идти к абстракции с тем, чтобы затем, исходя от абстрактного, полнее воспроизвести конкретное. Таким образом, диалектико-материалистический взгляд на пути научного познания утверждает права дедуктивного мышления. Но из этого вовсе не следует, что индукция нами исключается из обихода научного исследования. Диалектико-материалистическое понимание дедукции направлено лишь против того значения, которое придается индуктивному методу эмпириками против вульгаризации индуктивного метода. Индукция и дедукция неразрывно связаны между собой. «Вместо того, чтобы превозносить одну из них до небес за счет другой, писал Энгельс, лучше стараться применять каждую на своем месте, а этого можно добиться лишь в том случае, если иметь в виду их связь между собой, их взаимное дополнение друг другом». («Диалектика и естествознание». Архив, т. II.) Диалектико-материалистическая точка зрения на пути научного познания направлена не только против вульгарного эмпиризма, но и против чистого умозрения, против рационализма. «Наука есть опыт и состоит в применении рационального метода к чувственным данным», писал Маркс в «Святом Семействе». Самое понятие дедукции употребляется здесь не в формально-логическом, а в диалектическом смысле. Дело в том, что когда мы говорим о пути мышления от абстрактного к конкретному, то мы совершенно иначе понимаем соотношение между абстрактным и конкретным, чем это понимается в плане формальной логики. Диалектическое мышление не знает отвлеченных истин, для диалектического мышления истина всегда конкретна, всегда связана

с условиями данного места и времени. А потому диалектическое мышление абстрактным может быть лишь по форме, но оно всегда конкретно по содержанию. В понятиях, категориях диалектического мышления осуществляется единство абстрактного и конкретного. Общие понятия для диалектика отличны от общих понятий в формально-логическом смысле: они отнюдь не являются «пустыми», лишенными всякого содержания; напротив, в них воплощается «богатство особенного, индивидуального, отдельного». (Ленин. «Конспект книги «Наука логики» Гегеля».) С точки зрения формальной логики понятия представляют собой «пустые формы и тени» (Гегель). При диалектическом же понимании понятия оно есть, как говорит Гегель, конкретная целостность, оно есть единство особенностей явлений и их всеобщности. Абстрактное и конкретное, таким образом, для диалектика перестают быть полярностями, какими они являются с точки зрения формальной логики; абстрактное и конкретное представляют собой диалектическое единство. Бесконечное многообразие окружающей нас действительности, познающий эту действительность человек преодолевает путем абстрагирующего мышления, путем построения общих понятий, но при этом таких общих понятий, в которых воплощается все многообразие действительности, в которых воспроизводится все богатство конкретного. Путь к такому единству конкретного и абстрактного лежит через практическую деятельность человека. «От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике — таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности» (Ленин. «Конспект книги «Наука логики» Гегеля»). Практика, таким образом, является последней ступенью, ведущей человека к познанию истины. А отсюда диалектически понимаемая дедукция — это не простое выведение конкретного из абстрактного, а такое выведение, в котором осуществляется единство конкретного и абстрактного и в котором путь от абстрактного к конкретному лежит через человеческую практику.

Итак, мы видим, что диалектическое понимание истины выражается в том, что под истиной мы понимаем определенную тенденцию к правильному отображению внешнего мира в нашем сознании — тенденцию, осуществляющуюся в бесконечном ряде мыслящих личностей, в бесконечном ряде поколений, что диалектично само соотношение между познающим субъектом и познаваемым объектом, соотношение между предметом, о котором мы мыслим и нашим мышлением об этом предмете, между действительностью и идеей. Развивается познаваемый объект, развивается действительное взаимоотношение между познаваемым объектом и познающим субъектом, иными словами — развивается общественная практика, развивается в процессе практического воздействия на внешний мир сам познающий субъект — общественный человек, и в результате все глубже и глубже проникает общественное познание в предмет познания, все больше и больше раскрывает в нем объективных связей, соотношений, — истина развивается.

В работах Ленина мы находим совершенно законченные; ис-

черпывающие формулировки основных положений марксистской теории познания. Так в «Материализме и эмпириокритицизме» он дает формулировку трех принципов марксистской теории познания: «1) существуют вещи независимо от нашего сознания, независимо от нашего ощущения, вне нас, ибо несомненно, что ализарин существовал вчера в каменно-угольном дегте, и также несомненно, что мы вчера ничего не знали об этом существовании, никаких ощущений от этого ализарина не получали; 2) решительно никакой принципиальной разницы между явлением и вещью в себе нет и быть не может. Различие есть просто между тем, что познано, и тем, что еще не познано, а философские измышления насчет особых граней между тем и другим, насчет того, что вещь в себе находится «по ту сторону» явлений (Кант) или что можно и должно отгородиться какой-то философской перегородкой от вопроса о непознанном еще в той или иной части, но существующем вне нас мире (Юм), все еще пустой вздор, Schrulle, выверт, выдумка; 3) в теории познания, как и во всех других областях науки, следует рассуждать диалектически, т. е. не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким образом из незнания является знание, каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным». Итак, под истиной мы понимаем движение от незнания к знанию. Истина есть процесс. Это третье основное положение марксистской теории познания Ленин развивает в той же работе «Материализм и эмпириокритицизм», в своей статье «К вопросу о диалектике» и, наконец, в своем «Конспекте книги «Наука логики» Гегеля». . . В «Материализме и эмпириокритицизме» мы читаем: «Исторически условны пределы приближения наших знаний к объективной, абсолютной истине, но безусловно существование этой истины, безусловно то, что мы приближаемся к ней. Исторически условны контуры картины, но безусловно то, что эта картина изображает объективно существующую модель». . . «Исторически условна всякая идеология, но безусловно то, что всякой научной идеологии (в отличие, например, от религиозной) соответствует объективная истина, абсолютная природа». В статье «К вопросу о диалектике» Ленин образно свою мысль формулирует так: «Познание человека не есть. . . прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали». И, наконец, в «Конспекте» Ленин как бы подводит итог своим взглядам на этот вопрос. «Познание есть отражение человеком природы. Но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формулирования, образования понятий, законов etc, каковы понятия, законы и etc (мышление, наука, в «логической идее») и охватывают условно, приблизительно универсальную закономерность вечно движущейся и развивающейся природы. Тут действительно, объективно три члена: 1) природа; 2) познание человека = мозг человека (как высший продукт той же природы) и 3) форма отражения природы в познании человека, эта форма и есть понятия, законы, категории etc. Человек не может охватить = отразить = отобразить природы всей, полностью, ее «непосредственной цельно-

сти», он может лишь вечно приближаться к этому, создавая абстракции, понятия, законы, научную картину мира и т. д. и т. п.»! В другом месте «Конспекта книги «Наука логики» Гегеля» Ленин пишет: «Истина есть процесс. От субъективной идеи человек идет к объективной истине через практику и технику». И там же подробнее: «Истина, как процесс, — ибо истина есть процесс — проходит в своем развитии три ступени: 1) жизнь; 2) процесс познания, включающий практику человека и технику; 3) ступень абсолютной идеи (т. е. полной истины). Жизнь рождает мозг. В мозгу человека отражается природа. Проверая и применяя в практике своей и в технике правильность этих отражений, человек приходит к объективной истине».

Итак, мы видим, что противоречие между нашей потребностью исчерпывающим образом познать мир — с одной стороны и природой развивающегося внешнего мира и природой нашего мышления — с другой стороны, разрешается каждодневно, разрешается в развитии человеческого общества, в развитии общественной практики, в развитии общественного познания. Способность человека познавать внешний мир столь же ограничена, сколь и не ограничена. Она ограничена в каждый данный исторический момент, но она безгранична по своим возможностям. Объективная абсолютная истина существует в том смысле, что мы каждодневно приближаемся к ней. Путь к этой истине лежит через цепь относительных истин и относительных заблуждений. «Истинное заблуждение как и все определения мысли, движущиеся в полярных противоположностях, имеют абсолютное значение только для крайне ограниченной области. . .» — пишет Энгельс в «Анти-Дюринге». «Как только мы применяем противоположность между истиной и заблуждением вне означенной выше узкой области, она становится относительной и потому не пригодной для точного научного словоупотребления. Если же мы попытаемся применить это понятие вне указанных пределов, как нечто имеющее абсолютное значение, тот тут-то мы и попадаем настоящим образом впро- сак: оба полюса противоположностей меняются местами, истина становится заблуждением, а заблуждение истиной». В качестве иллюстрации к этой мысли Энгельс приводит закон Бойля, согласно которому объем газа при данной температуре обратно пропорционален производимому на него давлению. Когда Реньо открыл, что этот закон для некоторых случаев не верен, то он мог бы сделать из этого двоякий вывод: либо, что закон Бойля не применимый для всех случаев, не представляет собой подлинной истины, что он, следовательно, не есть истина, что он представляет собой заблуждение, либо же, что закон Бойля верен только в известных пределах, что первоначально пределы его применения были взяты слишком широкими. В первом случае Реньо рассуждал бы формально логически и в результате впал бы в еще большее заблуждение нежели то, которое содержится в первоначальной формулировке закона Бойля. Но Реньо пошел вторым путем: он продолжал исследование и доказал, что действие закона Бойля прекращается для газов, которые могут быть превращены в жидкость

посредством увеличения давления, причем действие закона Бойля прекращается для этих газов с того момента, когда давление приближается к пределу, за которым наступает переход газов в жидкость. Неумение диалектически мыслить, отсутствие диалектического понимания истины привело, например, некоторых из современных физиков к отрицанию объективной реальности физического мира, т. е. увлекло их на путь субъективного идеализма. Когда развитие учения о строении материи достигло того, что атом оказалось возможным объяснить как подобие бесконечно малой планетной системы, в которой вокруг положительно заряженного центрального ядра мчатся отрицательно заряженные электроны, эти физики объявили, что раз материя сведена к электрическим процессам, то материя исчезла. Для них оказалась недоступной та простая для диалектика мысль, что новое учение означает не исчезновение материи, а исчезновение того предела, которого раньше достигло наше познание материи, что это новое учение лишь свидетельствует об углублении наших знаний о материи, что исчезают лишь «такие свойства материи, которые казались раньше абсолютными, неизменными, первоначальными... и которые теперь обнаруживаются как относительные, присущие только некоторым состоянием материи (Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм».) Мы уже знаем, что единственным свойством материи, без признания которого невозможен философский материализм, является свойство быть объективной реальностью, т. е. существовать вне нашего сознания. Неумение диалектически мыслить и привело физиков, провозгласивших «исчезновение материи» к отрицанию объективного существования того, чем занимается их наука — физика, к отрицанию объективного существования физического мира. Ленин, разоблачая их «построения», иронически замечает: «Материя исчезла», — говорят нам, желая делать отсюда гносеологические выводы. «А мысль осталась?» — спросим мы. Если нет, если с исчезновением материи исчезла и мысль, с исчезновением мозга и нервной системы исчезли и представления и ощущения, — тогда, значит, все исчезло, исчезло и ваше рассуждение, как один из образчиков какой ни на есть «мысли» (или недомыслия)! Если же — да, если при исчезновении материи предполагается не исчезнувшей мысль (представление, ощущение и т. д.), то вы, значит, тайком перешли на точку зрения философского идеализма. Это именно и бывает всегда с людьми из «экономики» желающими мыслить движение без материи, ибо молчаливо, просто тем самым, что они продолжают свое рассуждение, они признают существование мысли после исчезновения материи. А это значит, что очень простой или очень сложный философский идеализм берется за основу: очень простой, если дело сводится открыто к солипсизму (я существую, весь мир есть только мое ощущение); очень сложный, если вместо мысли, представления, ощущения живого человека берется мертвая абстракция: ничья мысль, ничье представление, ничье ощущение, мысль вообще (абсолютная идея, универсальная воля и т. п.), ощущение, как неопределенный «элемент», «психическое», подставляемое под всю

физическую природу и т. д. и т. п.» (Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм».)

Приведенное выше диалектико-материалистическое учение об истине, как процессе, вся изложенная выше марксистская теория познания достаточно свидетельствует о том, что диалектическое мышление по существу своему чуждо догматизма, чуждо отвлеченности, что диалектически мыслить это значит отображать связи и соотношения объективного мира в его изменчивости, в его развитии. Самая сущность марксистской теории познания, как мы видим, наилучшим образом подтверждает выдвинутое в начале настоящей главы положение о том, что марксистская теория познания не является отдельной наукой, но что она представляет собой момент диалектико-материалистической логики, что проблема познания разрешима лишь внутри материалистической диалектики. Вместе с тем только что изложенное марксистское учение об истине исключает возможность смешения диалектико-материалистической теории познания с релятивистской. «Релятивизм, как основа теории познания, есть не только признание относительности наших знаний, но и отрицание какой бы то ни было объективной, независимо от человечества существующей мерки или модели, к которой приближается наше относительное познание... Диалектика, как разъяснял Гегель, включает в себя момент релятивизма, отрицания, скептицизма, но не сводится к релятивизму», читаем мы у Ленина («Материализм и эмпириокритицизм»). Соотношение между релятивным и абсолютным сформулировано Лениным в его отрывке «К вопросу о диалектике» (Ленинский сборник, XII): «Отличие субъективизма (скептицизма и софистики etc) от диалектики, между прочим, то, что в (объективной) диалектике относительно (релятивно) и различие между релятивным и абсолютным. Для объективной диалектики в релятивном есть абсолютное. Для субъективизма и софистики релятивное только релятивно и исключает абсолютное». И, наконец, диалектико-материалистическая теория познания, как мы видели, по существу своему исторична. Диалектико-материалистическая теория познания неразрывно связана с историей познания, она должна опираться на историю познания. Ленин в своем конспекте книги Ласкаля «Философия Гераклита Темного из Эфесса» указывает на «те области знания, из коих должна сложиться теория познания и диалектика»: это — история философии, история отдельных наук, история умственного развития ребенка, история умственного развития животных, история языка, плюс психология, плюс физиология органов чувств. Мы узнали, что человек познает, как существо общественное, познает в процессе своего исторического развития, познает, притом, не созерцая, не воспринимая лишь воздействия окружающей среды, а активно, в процессе своего воздействия на среду, в процессе общественной практики. Отсюда следует, что марксистская постановка вопроса о познании человеком внешнего мира тесно связывает этот вопрос с другим вопросом — об историческом развитии человечества, о законах развития общества и культуры. Этому последнему вопросу посвящена

вторая часть настоящей книги, вся ее социологическая часть. Там, в области общественных явлений, мы найдем немало новых доказательств правильности и только что изложенной теории познания. Основное положение марксистской теории познания — развивающаяся общественная практика, как источник познания и как критерий истины — подтверждается не только данными из области борьбы человека с природой (такие данные мы привели выше в настоящей главе), но и данными общественной практики человека, непосредственно связанной с развитием общественных форм, с классовой борьбой, с революциями и т. д., — данными, которые будут приведены ниже.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ И НАУЧНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ.

§ 1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

Познакомившись с основными законами диалектики, выяснив как разрешается с точки зрения материалистической диалектики проблема познания, мы перейдем теперь к диалектико-материалистическому мировоззрению в целом. Проблема мировоззрения должна охватить все развитие мира — от развития неорганизованной материи до развития человеческого общества и культуры. Однако, вопросов общественного развития мы здесь касаться не будем по тем же причинам, по которым мы не пользовались данными общественного развития, анализируя диалектико-материалистическую постановку проблемы познания: материалистической диалектике общественно-исторического процесса посвящена вся вторая половина нашей книги; вопросам развития общества и человеческой культуры посвящено, по существу, все изложение теории исторического материализма. В частности, в главе X — о теории общественного развития — мы покажем, как в процессе борьбы за существование развилась высшая из существующих на земле животных форм — развился человек. Там же мы покажем тесную связь, которая установлена благодаря Марксу современной наукой между явлениями человеческой культуры и всеми жизненными явлениями на земле, связь между развитием культуры и развитием жизни, связь, осуществляющуюся в процессе борьбы человека за существование, борьбы человека с природой, преобразования природы, приспособления ее к потребностям человека. Мы узнаем, какое значение для развития человеческой культуры имеет общественный труд человека, имеет человеческое общество, мы увидим, что сама мысль человека есть продукт развития общества и природы. Здесь же мы остановимся, по преимуществу, на данных естествознания: мировоззренческую проблему здесь мы будем рассматривать, как проблему диалектики природы.

Выяснив сущность основных законов диалектики, сущность диалектико-материалистического разрешения проблемы познания и, наконец, основные черты научного мировоззрения в целом, мы тем самым охватим все содержание диалектического материализма, как марксистской (научной) философии. И тогда пред нами возникнет еще одна заключительная задача: выяснить значение диалектического материализма, как научной философии.

Поставив перед собой вопрос о диалектике природы, как мировоззренческий вопрос, мы тем самым подвергнем проверке все то, что было сказано выше об основных законах диалектики и диалектическом понимании истины. Утверждая, что все существующее диалектично, мы должны проверить правильность этого утверждения на основе данных современной науки. Как мы знаем, метафизически рассматривать окружающий нас мир — это значит рассматривать его как совокупность изолированных друг от друга отдельных предметов и, притом, предметов готовых, законченных, не развивающихся. «Для метафизика вещи и отражения их в уме, понятия, — писал Энгельс в «Анти-Дюринге», — представляют собой обособленные, твердые, неизменные, раз навсегда данные объекты исследования, подлежащие рассмотрению один вслед за другим и один без другого».

Обратно, диалектически рассматривать окружающий нас мир, это значит — рассматривать его как некоторое единство, все части которого связаны между собой и притом, как единство постоянно развивающееся: нет ничего неизменного в окружающем нас мире — все возникает, все изменяется, все уничтожается — все развивается, причем это развитие происходит путем борьбы противоположностей. «Диалектика есть учение о том, как могут быть и как бывают (как становятся) тождественными противоположности, при каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга, почему ум человека не должен брать этих противоположностей за мертвые, застывшие, за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую». (Ленин. «Конспект «Науки логики» Гегеля»).

Гегель не знал развития природы. У Гегеля, как мы знаем, диалектически развивается абсолютный дух. У Маркса же диалектически развивается материя, развивается природа. Проверить правильность диалектического мышления на основе философии Гегеля поэтому не представляется возможным: гегелевский абсолютный дух — это принципы диалектики, данные в абстрактной форме; никто никогда не ощущал, не наблюдал гегелевского абсолютного духа; практическая деятельность человека не только не подтверждает существования этого абсолютного духа, но, напротив, каждодневно доказывает, что этот абсолютный дух — чистая выдумка, плод фантазии. Напротив, диалектически развивающаяся материя, природа реально существует. Ее существование каждодневно подтверждается практической деятельностью человека, и потому здесь возможна проверка: действительно ли природа развивается диалектически, не является ли теория диалектического материализма насилием над фактами. Эта проверка имеет значение не только для понимания диалектического материализма как общепhilosophической концепции, но и для понимания разобранного нами уже вопроса о диалектико-материалистической теории познания: раз мы в области теории познания исходим из положения, что материя, бытие есть первичное, а мышление, сознание — вторичное, производное, иными словами, раз мы утверждаем, что сознание определяется бытием, то правильность

диалектического метода познания должна быть подтверждена фактами, свидетельствующими о диалектических свойствах материи. «Права диалектического мышления должны быть подтверждены диалектическими свойствами бытия» — читаем мы у Плеханова. «Так называемая объективная диалектика царит во всей природе, а так называемая субъективная диалектика, диалектическое мышление есть только отражение господствующего во всей природе движения путем противоположностей, которые и обуславливают жизнь природы своими постоянными противоречиями и своим конечным переходом друг в друга, либо в высшие формы» (Энгельс. «Диалектика и естествознание»). «Природа служит пробным камнем диалектики — писал Энгельс в «Анти-Дюринге», — и мы должны быть благодарны естествознанию за то, что оно для такой пробы доставило богатый, с каждым днем все возрастающий материал и, таким образом, доказало, что в природе в конечном счете все совершается диалектически, а не метафизически» («Анти-Дюринг»). Если это положение было справедливо в 70—80-х гг. прошлого столетия, то оно еще в большей мере подтверждено развитием естествознания в течение последних двух-трех десятилетий. Количество примеров, свидетельствующих о диалектическом характере процессов, протекающих в природе, огромно. Мы остановимся на некоторых из них. Наша задача показать, что в природе мы встречаемся не с изолированными друг от друга явлениями, готовыми, застывшими, законченными предметами, а с явлениями, объединенными взаимной связью, изменяющимися, развивающимися, и что это развитие явлений природы совершается путем борьбы противоположностей, путем нарастания, назревания противоречий и путем разрешения этих противоречий в виде перерыва постепенности, в виде перехода одного качества в другое через изменение количества, в виде скачка.

§ 2. ДИАЛЕКТИКА ПРИРОДЫ.

В «Диалектике природы» Энгельс дает общую картину развития мира. «Из раскаленных вращающихся масс газа, законы движения которых станут, может быть, известны нам лишь после нескольких столетий наблюдений над собственным движением звезд, развились благодаря охлаждению и сжатию бесчисленные солнца и солнечные системы нашего, ограниченного последними звездными кольцами Млечного пути, мирового острова. Развитие это шло, очевидно, не повсюду с одинаковой скоростью. . . На образовавшихся таким образом отдельных телах-солнцах, планетах, спутниках господствует первоначально та форма движения, которую мы называем теплотой. Не может быть и речи о химических соединениях элементов даже при температуре, которой обладает еще в наше время солнце; дальнейшие наблюдения над солнцем покажут, насколько при этом теплота способна превращаться в электричество или магнетизм: уже и теперь можно считать почти установленным, что происходящие на солнце механические движения имеют своим исключительным источником борьбу теи-

лоты с тяжестью. Отдельные тела охлаждаются тем быстрее, чем они меньше. Сперва охлаждаются спутники, астероиды, метеоры: наша луна давно уже погасла. Медленней охлаждаются планеты, медленнее всего центральное светило. Вместе с прогрессирующим охлаждением на первый план начинает все более и более выступать взаимодействие превращающихся друг в друга физических форм движения, пока, наконец, не будет достигнут пункт, с которого начинает давать себя знать химическое сродство, когда химически индифферентные до того элементы дифференцируются друг за другом, приобретают химические свойства и вступают друг с другом в соединения. Эти соединения непрерывно изменяются вместе с охлаждением температуры, которая влияет различным образом не только на каждый отдельный элемент, но и на каждое отдельное соединение элементов, изменяются также вместе с зависящим от этого переходом части газообразной материи сперва в жидкое, а потом и в твердое состояние, и вместе с созданными благодаря этому новыми условиями. Эпоха, когда планета приобретает твердую кору и скопление воды на своей поверхности, совпадает с той эпохой, когда ее собственная теплота начинает играть все меньшее и меньшее значение, по сравнению с теплотой, получаемой ею от центрального светила. Ее атмосфера становится ареной метеорологических явлений в современном смысле этого слова, ее поверхность — ареной геологических перемен, при которых созданные атмосферными осадками отложения приобретают все больший перевес над медленно ослабевающими действиями вовне раскаленно-жидкого внутреннего ядра. Наконец, если температура охладилась до того, что, по крайней мере на каком-нибудь значительном участке поверхности, она уже не переходит границы, при которой способен существовать белок, то, при наличии благоприятных химических условий, образуется живая протоплазма. В настоящее время мы еще не знаем, в чем заключаются эти благоприятные предварительные условия. В этом нет ничего удивительного, так как до сих пор еще не установлена химическая формула белка, и мы даже еще не знаем, сколько существует химически различных белковых тел, и так как только приблизительно лет десять как стало известно, что совершенно бесструктурный белок обнаруживает все существенные функции жизни: пищеварение, выделение, движение, сокращение, реакцию на раздражение, размножение. Может быть, прошли тысячелетия, пока создались условия, необходимые для следующего шага вперед, и из этого бесформенного белка произошла благодаря образованию ядра и оболочки первая клетка. Но вместе с этой первой клеткой была дана и основа для формообразования всего органического мира. Сперва образовались, как мы должны это допустить, по данным палеонтологической летописи, бесчисленные виды бесклеточных и клеточных протистов, о которых рассказывает нам единственный *Eozoon Canadense* и из которых некоторые дифференцировались постепенно в первые растения, а другие в первые животные. А из первых животных развились — главным образом, путем дальнейшего дифференцирования — бесчисленные

классы, порядки, семейства, роды и виды животных и, наконец, та порода животных, в которых достигает своего полного развития нервная система, именно позвоночные, и опять-таки, наконец, среди последних то позвоночное, в котором природа дошла до познания самой себя — человек» («Старое введение к Диалектике природы»).

Остановимся теперь на нескольких примерах, характеризующих проявление диалектики в природе. Начнем с данных химии — данных о веществе, из которого состоит все в окружающем нас мире. Было время, и относительно не так давно, когда химия учила, что имеется несколько десятков простейших тел или элементов, которые существуют, что называется, от «начала вселенной» и которые не изменяются; таковы, например, кислород, водород, углерод, азот, сера, фосфор, железо, медь, золото. Из этих элементов состоят все тела, наблюдаемые нами в природе — твердые, жидкие, газообразные. Мельчайшие частицы этих элементов, атомы, считались неделимыми и неизменными. Но за последнее время в воззрениях химиков произошла форменная революция. Работы французского химика Кюри и его жены Складовской над элементом радия показали, что атомы радия *распадаются*, причем при распадении образуется другое вещество, другой элемент, о существовании которого раньше и не подозревали, так как на земле этого элемента не находили. Несколько позднее этот же элемент был открыт на солнце и получил название «гелий» — от слова «гелиос», что по-гречески означает солнце. Эти открытия показали, что даже простейшие вещества — элементы — изменяются, распадаются, могут превращаться одно в другое. Таким образом, новейшие данные химии подтверждают *единство мира, взаимосвязанность* всех простейших веществ между собой, их изменимость, совершающуюся через перерыв непрерывности (распадение атома).

Перейдем к другому примеру из области астрономии. Наблюдая звездное небо, мы кроме планет, вращающихся, как и земля, вокруг нашего солнца, кроме звезд видим слабо светящиеся туманности, представляющие собой или бесконечно далеко отстоящие от нас звездные миры, вроде нашего млечного пути, или скопления сгущенного первичного вещества. Согласно гипотезе Канта и Лапласа, наша солнечная система и другие подобные ей системы солнц и планет образовались как раз из таких туманностей, из таких скоплений первичного вещества. Притяжение частей этой первичной материи друг к другу приводит к тому, что эти скопления вещества начинают вращаться и при вращении образуют шар. Вращение шара, благодаря действию центробежной силы, приводит к тому, что шар сплющивается у полюсов и постепенно принимает форму чечевицы или диска, более толстого посередине, чем на краях, что, далее, те части вещества, которые расположены по большому кругу, по экватору, части, движущиеся быстрее, отрываются от шара и образуют вначале как бы завитки спирали, а затем вращающиеся вокруг шара кольца (вроде колец планеты солнечной системы Сатурна). Внутри этих

колец происходит дальнейшее сгущение материи, кольца разрываются. Разорвавшиеся части, в свою очередь, опять сгущаются в шары, и эти шары продолжают вращаться вокруг центрального шара. Постепенно шары остывают и превращаются в планеты. Такие процессы образования планетных систем продолжаются в течение многих миллионов лет, и понятно, что непосредственно наблюдать образование планетных миров человек не в состоянии. Но, однако, гипотеза Канта-Лапласа находит себе некоторое подтверждение благодаря тому, что мы имеем возможность в настоящее время наблюдать в разных концах вселенной миры и системы миров различного возраста — от скопления первичной материи до остывших планет. А кроме того в наших лабораториях мы имеем возможность ставить опыты, дающие нам как бы модели образования планетных систем. Таков опыт, поставленный физиком Плато, с приводимой во вращательное движение каплей прованского масла, свободно плавающей в смеси воды и спирта: от быстро вращающегося шарика прованского масла отрываются кольца, в кольцах образуются сгущения, превращающиеся в свою очередь в шарики, вращающиеся вокруг центрального ядра. О чем свидетельствует изложенная только что картина образования миров? Опять-таки об единстве вселенной, о связи между составляющими ее мирами, об изменчивости космических тел и о тех перерывах непрерывности, о тех скачках, без которых, как мы видели, невозможно возникновение новых космических форм.

Необходимо отметить, что изложенная только-что гипотеза образования планетных систем не является в науке единственной. Рядом с ней, частично исправляя ее, а частично дополняя, возникла в начале XIX столетия теория Джорджа Дарвина. И эта теория не в меньшей если не в большей степени подтверждает «диалектические свойства бытия». (Мы не излагаем здесь особенностей этой теории, так как это вынудило бы нас углубиться в очень специальную область; интересующихся отсылаем к статье Джорджа Дарвина «Эволюция в неорганическом мире», помещенной в сборнике «Философия науки», ч. I. Физика.)

Переходя к так называемому живому, органическому миру, мы и здесь наблюдаем проявление тех же двух основных принципов диалектики: принципа взаимной связи и принципа изменчивости — развития. Прежде всего, в настоящее время наука с несомненностью установила связь между процессами, протекающими в живом организме, и процессами, протекающими в так называемой мертвой природе. Мы не имеем пока еще возможности воссоздать живое вещество в наших лабораториях, мы пока не можем еще ответить на вопрос, как возникла жизнь на земле, но мы каждодневно наблюдаем, как на наших глазах из мертвой материи создается материя живая, организованная. Наблюдая явления развития, размножения и умирания растения, изучая жизненные процессы, протекающие в растении, мы узнали, что в своей основе эти жизненные процессы являются не чем иным, как добыванием из почвы и из воздуха необходимых ему определенных веществ, тех самых веществ, с которыми мы встречаемся, когда изучаем строение не-

организованной мертвой материи. Так, например, растение берет из воздуха углекислый газ (соединение углерода и кислорода), который внутри растения распадается на свои составные части — кислород и углерод, причем кислород растением отдается обратно воздуху, а углерод остается в растении и способствует образованию новых растительных тканей. Когда мы наблюдаем и изучаем жизнь животного организма, то оказывается, что эта жизнь сводится к обмену веществ: животное воспринимает необходимые для его жизни вещества из окружающей его среды, перерабатывает их в процессе дыхания и пищеварения, усваивает те из них, которые нужны для обновления и развития его живой ткани, и выделяет из себя то, что ему не нужно. Таким образом, в настоящее время наука знает химический состав живого вещества и с уверенностью утверждает, что в основе жизненных процессов лежат такие же физические и химические явления, с которыми мы встречаемся, когда наблюдаем и изучаем так называемую мертвую материю, и что, вместе с тем, жизненные явления обладают специфическими признаками, подчиняются специфическим закономерностям, что они качественно отличны от явлений неорганического мира. Наука доказала наличие связи между явлениями мира неорганического и органического, доказала, что мир органический хотя и отличен качественно от мира неорганического, но развивается из него, связан с ним. Далее, наука в настоящее время доказала, что такие, казалось бы, противоположные явления, как жизнь и смерть, представляют собой противоположности, связанные друг с другом, переходящие друг в друга. Энгельс в «Диалектике природы» давно уже писал: «Растение, животное, каждая клетка в каждое мгновение своей жизни тождественны сами с собой и в то же время отличаются от самих себя, благодаря усвоению и выделению веществ, благодаря дыханию, образованию и умиранию клеток, благодаря процессу циркуляции, — словом, благодаря сумме непрерывных молекулярных изменений, которые составляют жизнь и итог которых выступает наглядно в разных фазах жизни — эмбриональной жизни, молодости, половой зрелости, процессе размножения, старости, смерти». И там же, в другом месте: «Уже и теперь не считают научной ту физиологию, которая не рассматривает смерти, как существенного момента жизни, которая не понимает, что отрицание жизни по существу заложено в самой жизни так, что жизнь всегда мыслится в отношении к своему неизбежному результату, заключающемуся в ней постоянно в зародыше, — к смерти. Диалектическое понимание жизни именно к этому сводится. . . Жить — значит умирать». Действительно, данные физиологии в настоящее время целиком подтвердили эти мысли Энгельса. Экспериментально доказано, что во всяком живом существе происходит процесс умирания одних клеток и возникновения других, что в некоторых своих частях это существо является живым, а в иных частях — мертвым, что — как сказал физиолог Ферворн — «смерть постепенно развивается из жизни».

До сих пор мы говорили о жизненных процессах, протекающих в индивидуальном организме, оставляя в стороне жизненный про-

цесс в целом, т. е. процесс развития видов, развития форм жизни. Изучая многообразие проявлений жизни на земле, изучая все многообразие растительных и животных форм, наука в настоящее время установила, что эти растительные и животные формы не являются неизменными, но что, напротив, все они изменяются, развиваются, все они произошли от каких-то общих корней, все они, таким образом, связаны между собой. Английским ученым естествоиспытателем Чарльзом Дарвином был найден ответ на вопрос, чем объясняется этот процесс развития растительного и животного мира, какова движущая сила этого развития. Этот ответ может быть сформулирован в следующих основных положениях: все растения и животные размножаются, но не все их потомство выживает; между организмами происходит борьба за существование; в процессе этой борьбы за существование выживают те особи, которые оказываются наиболее приспособленными к окружающей среде; происходит так называемый естественный отбор этих наиболее жизнеспособных организмов; приобретенные организмами в борьбе за существование полезные для них свойства передаются по наследству и, таким образом, как бы закрепляются; в процессе борьбы за существование, приспособления к окружающей среде, выработки необходимых для этого приспособления новых свойств и передачи этих новых свойств по наследству и возникают новые виды организмов. Длительный процесс постепенно накапливающихся изменений приводит к *внезапному* появлению новой растительной или животной формы. «Теория развития показывает, как, начиная с простой клетки, каждый шаг вперед до наисложнейшего растения, с одной стороны, до человека — с другой — совершается в форме постоянной борьбы наследственности и приспособления» (Энгельс, «Диалектика и естествознание»). В настоящее время мы располагаем множеством данных, подтверждающих только что изложенную теорию развития видов и в частности располагаем многими переходными формами, связывающими отдельные звенья цепи развития видов. Так долгое время наука различала животных, живущих в воде и дышащих жабрами и животных, дышащих легкими и живущих на земле — рыб и земноводных. В настоящее время науке известны рыбы, у которых воздушный пузырь развился в легкие. Долгое время наука знала животных яйцекладущих и животных живородящих — млекопитающих. В настоящее время науке известно животное млекопитающее и в то же время яйцекладущее — ехидна или утконос. Итак, и здесь мы видим наличие взаимной связи между различными видами органического мира и здесь мы наблюдаем развитие, причем развитие через борьбу противоположностей, через перерывы непрерывности, через скачки.

Остановимся теперь на вопросе, кажущемся наиболее сложным из вопросов научного мировоззрения — на так называемой психофизической проблеме. Сложность этого вопроса заключается в том, что вплоть до последнего времени наука, связавшая жизненные явления с физикохимическими, не решалась преодолеть дуализм «души» и «тела», не решалась связать психические

явления с физиологическими. В течение многих столетий психология была наукой о душе, как некоторой субстанции, существующей независимо от материи; она «изучала» свойства этой субстанции и в частности бессмертие, как одно из ее основных свойств. В этой стадии своего развития психология по существу была одной из ветвей теологии или богословия: представление о душе возникло в связи с религиозными верованиями, оно развилось вместе с развитием религиозных верований, и естественно, что «наука» о душе первоначально была вся пронизана религиозными представлениями. Главным методом такой «науки» был метод спекулятивный (умозрительный). Реакция против религиозного мировоззрения, борьба за науку, начавшаяся в XVIII веке, не могла не отразиться и на судьбе психологии. Старой метафизической психологии — «науке» о душе, науке, основанной на умозрении, начали противопоставлять новую психологию, основанную на опыте, на изучении фактов. Эта психология получила название эмпирической, в противоположность старой психологии — рациональной, основанной на умозрении. Понятно, что поскольку путем опыта нельзя доказать существования души, как особой субстанции, эмпирическая психология должна была отказаться от изучения души и занялась изучением «душевных явлений», или состояний сознания, беря их такими, какими они нам даны в опыте, т. е. в виде наших субъективных психических переживаний. Понятно, что при этом главным методом эмпирической психологии должно было стать самонаблюдение и что потому исследование эмпирической психологии должно было сосредоточиться на явлениях сознания. Новое направление стали называть «психологией без души». Нельзя отрицать того, что уже отказ от понятия «души» явился для психологии шагом вперед на пути к освобождению от влияния религиозных представлений. Однако, этот шаг был еще далеко не достаточен. Дело в том, что если определять эмпирическую психологию, как науку о сознании, понимая под сознанием некую особую сущность, то это приводит лишь к замене термина «душа» термином «сознание», причем поскольку «сознательное» противопоставляется «бессознательному», постольку огромная область психических явлений — вся область бессознательного — остается вне поля внимания психологии. Если же под эмпирической психологией понимать науку о душевных явлениях, то хотя религиозное понятие о душе на первый взгляд из психологии исчезает, однако, противопоставление мира явлений психических миру явлений физических сохраняется и мы продолжаем стоять на почве дуалистического мировоззрения и, тем самым, остаемся в плену у религии. Итак, предмет эмпирической психологии — «сознание» или «душевные явления» — противопоставляется материальному миру. А отсюда, если эмпирическая психология и обратила внимание на связь, существующую между субъективными психическими переживаниями и сопровождающими их физиологическими процессами (напр., при гневе — изменение дыхания, пульса, покраснение кожи и т. п.), то объяснить связь между физическими и психическими явлениями она оказалась не в со-

стоянии: для все физические и психические явления — либо вступили между собой во взаимодействие, либо протекали параллельно, но всегда продолжали существовать как два самостоятельных ряда явлений. Далее — основной метод эмпирической психологии — метод самонаблюдения является методом субъективным, так как, наблюдая самого себя, человек неизбежно изменяет то, что он в себе наблюдает: наблюдаемые явления окрашиваются в тона наблюдающего эти явления и потому утрачивают свою объективность. Попятно, почему в развитии психологии неизбежно должен был наступить момент, когда борьба против религиозного мирозерцания, борьба против субъективизма в методах познания, борьба за научное объективное знание должна была стать борьбой и против эмпирической психологии. Однако, прежде чем на смену эмпирической психологии пришла научная психология, в разгаре борьбы за научную психологию возникло направление, поставившее под сомнение самое существование психологии, как автономной науки, поставившее под сомнение самое существование психических явлений. Это направление — физиологизм.

Основателем этого направления физиолог И. П. Павлов вместе с своими сотрудниками в течение многих лет изучал работу пищеварительных желез и в частности работу слюнных желез. Опыты производились на собаках и заключались в том, что собаке давалась различная пища — сухой хлеб, мясо, кислота и т. д., причем измерялось количество слюны, которое при этом выделяется. И вот оказалось, что слюнная железа приспособляется к тем раздражениям, которые вызывают ее работу: на сухой хлеб она реагирует большим количеством водянистой слюны, на мясо — меньшим количеством слизистой слюны, иначе, опять-таки, она реагирует на кислоту и т. д. Такой механизм, устанавливающий связь между организмом и средой, приспособляющий организм к среде, называется рефлексом. В данном случае имеется налицо постоянная связь чувствительного нерва с определенным центробежным нервом. Такой рефлекс имеет постоянный характер и называется безусловным рефлексом. Он не зависит от высших отделов центральной нервной системы — головного мозга и осуществляется при посредстве низших ее отделов — спинного мозга, продолговатого мозга. (У собаки можно вырезать большие полушария головного мозга и это не отразится на механизме описанного рефлекса.) Исследуя природу безусловного рефлекса на работе слюнной железы, Павлов обратил внимание на следующее явление: слюна выделялась не только тогда, когда пища, попадая в рот, непосредственно раздражала полость рта, но и тогда, когда собака только видела пищу или даже слышала стук посуды. До Павлова такое явление объяснялось тем, что собака запоминает вид посуды, в которой приносилась пища, и что потому один вид посуды напоминает ей о пище; отсюда и выделение слюны. Павлов поставил перед собой задачу изучить это явление — так называемую психическую секрецию слюнных желез — без обращения к помощи психологии, т. е. теми же методами, ка-

кими он изучал реакцию слюнной железы на пищу, попадающую в рот. И вот оказалось, что выделение слюны при одном только виде мяса или хлеба столь же закономерно, как и выделение слюны при непосредственном раздражении мясом или хлебом полости рта. Это — тоже рефлекс. Однако, рефлекс особого рода. Дело в том, что в то время как мясо во рту во всех случаях вызовет работу слюнной железы, вид мяса вызовет выделение слюны только в том случае, если собака уже пробовала мясо. Сам по себе вид мяса или вид посуды, в которой дается пища, недостаточен, чтобы вызвать выделение слюны: для того чтобы начать самостоятельно вызывать выделение слюны, необходимо, чтобы вид мяса или посуды некоторое число раз непосредственно предшествовал кормлению собаки мясом. Это рефлекс не постоянный, не безусловный. Он зависит от определенного условия. Для того чтобы он возник, необходимо, чтобы безразличный до сих пор раздражитель (в данном случае — вид мяса или вид посуды) совпадал несколько раз с раздражителем, вызывающим безусловный рефлекс. Такой рефлекс называется рефлексом условным. Условный рефлекс осуществляется при посредстве высших отделов центральной нервной системы: временные связи, без которых невозможно образование безусловного рефлекса, возникают в коре больших полушарий головного мозга. Если у собаки удалены большие полушария, образование условных рефлексов невозможно. Начав с описанных опытов, И. П. Павлов проверил их результаты путем применения раздражителей, по своему содержанию, совершенно не связанных с процессом употребления пищи (как, например, вид мяса, посуды, в которой мясо подавалось, и т. д.). В качестве таких самих по себе «безразличных» раздражителей были использованы звук электрического звонка, свет электрической лампочки, электрический ток. Оказалось, что, если известное число раз непосредственно вслед за определенным звуком или вспышкой лампочки, или раздражением кожи собаки электрическим током собаке давать мясной порошок, то в дальнейшем, в течение некоторого периода времени, один только звук, одно только вспышкивание лампочки, одно только действие электрического тока будет вызывать выделение слюны. Так Павлов и его сотрудники сумели физиологическими методами объяснить так называемую «психическую секрецию слюнных желез». Работая дальше в том же направлении, физиологи школы Павлова открыли ряд законов, которым подчиняется высшая нервная деятельность животных, что дало возможность вскрыть в поведении животных многое, до того непонятное. Указанное открытие Павлова является одним из величайших научных открытий. Однако, увлеченные новым методом, некоторые физиологи школы Павлова оказались склонными к расширению его значения. отождествляя высшую нервную деятельность животных с их поведением, а тем самым сводя весь сложный процесс приспособления организма к окружающей среде к физиологическим процессам, протекающим в нервно-секреторной системе, они вступили также на путь отождествления психических актов человека с суммой рефлексов

и в результате пришли к отрицанию существования психических явлений, как явлений качественно отличных от физиологических процессов.

Правильное решение вопроса о психическом, построенное на основе диалектического материализма, не согласуется ни с выводами эмпирической психологии, ни с выводами физиологизма. Оно может быть сформулировано следующим образом. Психическое — свойство материи, возникающее на определенной ступени ее развития. Психическое есть свойство *организованной* материи. Изучая жизнь организма, мы констатируем, что в организме происходит ряд процессов — внутренних (например, питание, кровообращение) и внешних (движение). Оба ряда жизненных процессов представляют собой реакции организма на воздействие среды и в конечном итоге сводятся к процессу *приспособления* к среде, уравновешения со средой. Этот процесс приспособления организма к среде тем сложнее, чем сложнее организм и чем многообразнее среда, в которой он живет. У высоко развитых организмов, обладающих развитой нервно-секреторной системой, этот процесс приспособления становится чрезвычайно дифференцированным и выявляется в сложном, многообразном ряде действий, образующих в совокупности поведение организма. Психическое как свойство организованной материи и является *субъективной стороной* процесса поведения организма; в частности, оно является субъективной стороной процессов, протекающих в нервно-секреторной системе, — аппарате, регулирующем взаимоотношения организма со средой, иными словами, регулирующем поведение организма. С развитием нервно-секреторной системы и с развитием поведения организма развивается и психическое. Внутри психического появляются *новые качества психического*, как новые ступени его развития. На этом мы пока и остановимся: новые качества психического это — особенности психики человека; о них речь будет идти ниже, в главе о теории общественного развития, так как самое возникновение этих качеств связано с развитием *общественного* человека.

Изложенная только что диалектико-материалистическая постановка психофизической проблемы целиком опирается на данные из современной биологии, и современной физиологии высшей нервной деятельности, и современной сравнительной психологии. Вместе с тем, все, что было нами сказано по вопросу о психофизической проблеме, является по существу лишь развитием формулировок Энгельса, Плеханова и Ленина. Данные современной науки блестящим образом подтвердили эти формулировки. Приведем некоторые из них. «В природе материи заключено то, что она *приходит к развитию мыслящих существ*, а поэтому такое развитие совершается необходимым образом всегда, когда имеются налицо соответствующие условия» (Энгельс, «Диалектика и естествознание»). «Материализм вовсе не пытается свести все психические явления к движению материи, как это говорят его противники. Для материалиста ощущение и мысль, сознание есть внутреннее состояние движущейся материи. Но никто из материалистов, оста-

бывших знаменитый след в истории философской мысли, не сводил сознания к движению и не объяснял одного другим» (Плеханов, Предисловие к «Людвигу Фейербаху» Энгельса). «Не в том состоят взгляды материалистов, чтобы выводить ощущения из движения материи или сводить к движению материи, а в том, что ощущение признается одним из свойств движущейся материи» (Ленин, «Материализм и эмпириокритицизм»). «Всякое данное психическое состояние есть лишь одна сторона процесса, другую сторону которого составляет физиологическое явление» (Плеханов, «Трусливый идеализм») и далее Плеханов указывает, что это психическое состояние составляет «субъективную сторону» физиологических явлений. Итак, психическое возникает в процессе развития материи, возникает тогда, когда появляются определенные условия, возникает как особое качество особым образом организованной материи.

§ 8. ПРОБЛЕМА СВОДИМОСТИ.

Анализом приведенных только что нескольких примеров, подтверждающих «диалектические свойства бытия», интересующий нас вопрос о научном мировоззрении, как мировоззрении, построенном на диалектико-материалистической основе, однако не исчерпывается. Во всех приведенных примерах констатируется взаимосвязанность явлений окружающего нас мира между собой, констатируется развитие одних форм из других, более сложных и более простых. Возникает вопрос: не приводят ли эти принципы взаимосвязанности и развития к выводу, что все более сложные явления могут быть сведены к более простым явлениям? Можно ли, например, законы явлений мира органического свести целиком к законам мира неорганического или законы явлений психических свести к законам физических явлений? Имеется ли в более сложных формах бытия что-либо новое по сравнению с менее сложными или не имеется? Возникают ли в процессе развития окружающего нас мира новые качества или же развитие сводится к воспроизведению старого в иных количественных сочетаниях и только? Все только-что поставленные вопросы представляют собой частные формулировки общего вопроса — о сводимости. Этот вопрос был одним из основных дискуссионных вопросов в разгоревшемся в последние годы в среде марксистов споре, споре между механистами и диалектиками. На этом вопросе мы теперь и остановимся.

Один из главнейших представителей механистического течения И. И. Степанов так сформулировал точку зрения механистов на вопрос о сводимости: «Современная наука, — писал И. И. Степанов, — неуклонно идет в том направлении, чтобы истолковать все развертывание мира как развитие относительно простых физических и химических процессов» (сборн. «Механистическое естествознание»). Это положение в развитом виде принимает такую форму: между явлениями физико-химическими, органическими, общественными, психическими нет качественного разли-

чия; все эти явления представляют собой лишь различные количественные сочетания и все они в конечном итоге могут быть сведены к механическому движению. Так, относительно явлений органических И. И. Степанов писал, что «задача научного познания процессов органической жизни сводится к тому, чтобы открывать в этих процессах» те общие и относительно простые закономерности, которые установлены физикой и химией» («Под знаменем марксизма», 1925 г., № 3). Утверждая это, механисты упрекали диалектиков в том, что последние, настаивая на качественном различии между явлениями мира органического и неорганического, повторяют ошибку виталистов, отрицающих всякую связь между органическим и неорганическим миром и пытающихся объяснить явления органического мира действием какой-то жизненной силы. (Иными словами, здесь механисты упрекали диалектиков в том, что они вступили на путь идеализма.) В отношении явлений психических, механисты утверждают, что психические явления могут быть целиком сведены к физиологическим процессам и потому в разрешении этого вопроса становятся на точку зрения рефлексологов, отрицающих существование психических явлений и растворяющих психическое в физиологическом. И. И. Степанов по этому поводу писал следующее: «Учение проф. Павлова представляет колоссальный шаг вперед в выяснении механизма психических явлений. Но отсюда еще далеко до сведения этих явлений к тем относительно простым закономерностям, которые раскрывают физика и химия. Учение об условных рефлексах устанавливает много более простые закономерности, чем признававшиеся старой психологией. И потому, хотя оно еще не решает проблемы, оно представляет громадное приближение к тому решению, которое единственно гармонирует со всем характером современной науки. Оно расчищает путь, устраняет многочисленные помехи, показывает, на каких сравнительно простых явлениях должно теперь остановиться исследование, чтобы и к этой области применить физико-химические методы» («Под знаменем марксизма», 1925 г., № 3). Ту же точку зрения механисты последовательно проводят и в отношении общественных явлений. По этому поводу И. И. Степанов в той же статье пишет, что: «хотя наука в наше время еще далека от того, чтобы объяснить общественные явления, исходя из законов сохранения энергии, но безусловно область общественных явлений не составляет исключения из этого закона».

Соответствуют ли изложенные только что взгляды механистов основным принципам диалектического материализма? Ни в малейшей мере. Один из основоположников диалектического материализма — Энгельс — по этому поводу совершенно определенно высказывался в «Диалектике природы»: «Называя физику механикой молекул, химию — физикой атомов и, далее, биологию — химией белков, я желаю этим выразить переход одной из этих наук в другую, и значит, *связь, непрерывность, а также различие, разрыв* между обеими областями. Итти же дальше этого, называть химию своего рода механикой, по-моему, не рационально. Меха-

ника — в более широком или узком смысле слова — знает только количества. И в другом месте: «Если химии удастся изготовить белок, то химический процесс выйдет из своих собственных рамок, как мы видели это выше относительно механического процесса. Он проникает в обширную область органической жизни. Физиология есть, разумеется, физика, и в особенности химия живого тела, но вместе с тем она перестает быть специально химией; с одной стороны здесь сфера ее действия ограничивается, с другой — она поднимается на высшую ступень».

Сведение органических явлений к явлениям физико-химическим неприемлемо потому, что оно игнорирует фактически существующую специфичность процессов, протекающих в организме. Деборин в одной из своих работ совершенно справедливо указывает, что в то время как в мертвых телах обмен веществ является причиной их разрушения, в живых телах этот же процесс является основным условием их существования и развития. С очень интересным возражением против стараний механистов свести к физике и химии органические явления мы встречаемся в статье Аголя «Неовитализм и марксизм». Здесь мы читаем: «Сведение не приводит к познанию сводимого явления в его реальной конкретности. Никакая механика не в силах заменить физику или химию, как эти последние не заменят биологии, а биология — социологии. Много поучительного в этом направлении может нам дать явление мимикрии. Покровительственная окраска некоторых насекомых, птиц, пресмыкающихся и млекопитающих зависит от зоркости и остроты глаз врага-хищника. Более заметные животные беспощадно уничтожаются. Остаются жить те, которые недоступны или во всяком случае мало доступны глазам хищника. Причина закрепления той или иной окраски у животного лежит именно в том, что хищник уничтожал других, менее приспособленно окрашенных животных, а этих не только не трогал, но и не замечал. Наличие определенной окраски у многих животных находится в зависимости от устройства зрительного аппарата у их врага-хищника, и сохраняется она именно потому, что недоступна ему. Таким образом понять это явление можно, только распутав причудливый клубок связей и взаимоотношений между отдельными группами животных; «сведение» к физике и химии здесь не только беспредельно, но и невозможно» («Под знаменем марксизма», 1928, № 3).

Что же касается старания механистов свести психическое к физическому, то здесь они повторяют то, что за много лет до них пытались утверждать французские материалисты-метафизики и в особенности вульгарные материалисты 60-х годов XIX столетия. Представители последнего (Фохт, Моллешот и др.) тоже утверждали, что мысль есть движение материи. Им же принадлежит знаменитая формула, что мысль есть продукт мозга, как желчь — печени. Эти утверждения, само собой разумеется, ни в какой мере не способствовали разрешению психо-физической проблемы. То же следует сказать и относительно современных нам рефлексологов. Учение Павлова об условных рефлексах является, конечно,

одним из величайших научных открытий. Однако, к сожалению некоторые физиологи школы Павлова, увлеченные новым методом изучения поведения животных, оказались склонными к расширению значения этого метода. Они отождествили высшую нервную деятельность животных с их поведением в целом и свели, таким образом, сложный процесс приспособления организма к окружающей среде к физиологическим процессам, протекающим в нервно-секреторной системе. Но этого мало: они вступили также на путь отождествления психических актов человека с суммой рефлексов, и в результате должны были прийти к отрицанию объективного существования явлений, называемых психическими и в отношении человека. «Мы несомненно сведем когда-нибудь экспериментальным образом мышление к молекулярным и химическим движениям в мозгу; но исчерпывается ли этим сущность мышления?» — так писал Энгельс в «Диалектике природы» («Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. II). Об этих словах Энгельса следует помнить тем, кто пытается игнорировать качественную особенность психических явлений и в частности качественную особенность психики человека.

Все сказанное выше относительно попыток сведения явлений органических и психических к явлениям физико-химическим относится и к попыткам перенесения биологических или физических понятий в область общественных явлений, что, как мы видели, также пытаются сделать механисты. На этом вопросе здесь мы останавливаться не будем, так как вся социологическая часть настоящей книги послужит наилучшим доказательством ненаучности подобного рода попыток.

Подведем итоги. Попытка сведения всех явлений окружающего нас мира к явлениям физико-химическим, а этих последних к механическому движению, приводит механистов к уничтожению качественности материи. Материя, как таковая, лишенная качественных образований, становится пустой формулой без всякого конкретного содержания. Утверждая, что органические процессы могут быть сведены к процессам физико-химическим, механисты устанавливают связь между миром органическим и неорганическим, но игнорируют качественные различия между ними и, тем самым, вступают на путь отрицания развития (ведь новые качества для механистов не возникают!). Упреки, которые, как мы знаем, делают механисты диалектикам, относительно близости точки зрения последних взглядам виталистов, ни на чем не основаны: у виталистов между органическим и неорганическим миром нет никакой связи, их «жизненная сила» создает пропасть между этими мирами. Диалектики же материалисты, признавая различие между органическими и неорганическими явлениями (против механистов), в то же время признают и связь между ними (против виталистов). С точки зрения диалектического материализма жизнь, по своему происхождению, связана с неорганическими явлениями, жизнь развивается из неорганических процессов, но она представляет собой новый синтез и, как таковая, она качественно отлична от неорганических явлений, из которых разви-

лась. То же следует сказать и относительно психических явлений: связанные по своему происхождению с биологическими явлениями, явления психические качественно отличны от последних и представляют собой новую ступень развития. Таким образом, механисты оказались не в состоянии понять сущность единства противоположностей, этого основного диалектического понятия: они не поняли единства связи между всеми явлениями и различия между ними, связи по происхождению и различия в смысле образования новых качеств. Они не поняли перехода количества в качество и обратно и растворили качество в количестве, а в результате — отрицание объективного характера качеств — субъективизм. Все их построения противоречат основным положениям диалектического материализма. Для того, чтобы в этом окончательно убедиться, достаточно вспомнить следующие слова Ленина о сущности диалектики: «Развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе («отрицание отрицания»), развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии; развитие скачкообразное, катастрофическое, революционное; «перерывы постепенности»; превращение количества в качество; внутренние импульсы к развитию, даваемые противоречием, столкновением различных сил и тенденций, действующих на данное тело или в пределах данного явления или внутри данного общества; взаимозависимость и теснейшая, непрерывная связь всех сторон каждого явления (причем история открывает все новые и новые стороны), — связь, дающая единый закономерный мировой процесс движения — таковы некоторые черты диалектики, как более содержательного (чем обычно) учения о развитии» (Ленин, «Карл Маркс»).

Говоря об «обычном» учении о развитии, которому противопоставляется диалектическое понимание развития, Ленин имеет в виду здесь традиционную теорию «эволюции». Слово «эволюция» обозначает постепенное развитие, постепенное изменение. Эволюции противопоставляется, как мы знаем, «революция», внезапный переворот, внезапное изменение в том или ином явлении. Изучая явления окружающего нас мира, мы видим повсюду наличие постепенных изменений, но в то же время мы видим, что так как эти изменения совершаются путем борьбы противоположностей, то происходит накопление противоречий, и новая форма появляется уже как результат бурного разрешения накопившихся противоречий, как результат революции. Постепенно накапливаются количественные изменения, но на определенной ступени эти количественные изменения приводят к изменению качества, и вот переход от количества к качеству совершается путем перерыва постепенности (непрерывности), скачка — революции. Вновь появившаяся форма, таким образом, созревает постепенно внутри старой формы, но появляется она внезапно, разрушая старую форму, отрицая ее. Итак, мы видим, что диалектическое понимание развития не исключает признания постепенных изменений, диалектика не исключает эволюции. Эволюция является частным моментом диалектики. Но признавать только эволюцию, это значит

разойтись с фактами. И именно с фактами расходятся механисты, когда растворяют качество в количество, когда объявляют качество объективно не существующим. По мнению И. И. Степанова, «то обстоятельство, что бытие до сих пор остается многокачественным для нашего познания. . . то обстоятельство, что количественное изучение различных качеств еще недостаточно продвинулось вперед, свидетельствует. . . не о прогрессе науки. . . а об ее большой молодости» («Диалектический материализм и деборинская школа»). Существеннейшей задачей современной науки, по мнению И. И. Степанова, является «развязывание узлов», т. е. уничтожение переходов от одного качества к другому. Таким образом с точки зрения механистов с ростом познания будут уничтожаться границы между качествами, иными словами, исчезнут качества. Существование качеств, значит, обусловлено только состоянием наших знаний. А отсюда вывод, что качества существуют только в нашем сознании субъективно. В то время как с точки зрения материалистической диалектики объективный мир является одновременно и изменчивым (факт развития) и устойчивым (факт существования качеств), с точки зрения механистов этой относительной устойчивости не существует. Развитие у механистов приобретает характер только количественного развития, т. е. роста. Диалектическое развитие исчезает и подменяется у них эволюцией. Так механисты скатываются к отрицанию революции и вступают в решительное противоречие с основными положениями материалистической диалектики. Ленин в своей статье «К вопросу о диалектике» следующим образом характеризует две разобранные точки зрения на развитие — механистическую и диалектическую: «Две основные (или две возможные? или две в истории наблюдающиеся?) концепции развития (эволюции) суть: развитие, как уменьшение и увеличение, как повторение. И развитие, как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними). . . Первая концепция мертва, бедна, суха. Вторая — жизненна. Только вторая дает ключ к «самодвижению» всего сущего; только она дает ключ к «скачкам», к «перерыву постепенности», «к превращению в противоположность», «к уничтожению старого и возникновению нового».

§ 4. ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ И ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФИИ.

Теперь, когда мы познакомились с самим содержанием диалектического материализма, мы можем точнее определить сущность диалектического материализма как марксистской философии и выяснить его значение.

«Диалектический материализм есть всеобъемлющая теория, синтез философского материализма и диалектики, выросший на основе всей совокупности данных науки и истории философской мысли, как и человеческой практики». Так определяет Деборин сущность диалектического материализма («Очерки по теории материалистической диалектики»). Диалектический материализм —

это «обще-философская концепция», материалистическая диалектика — это «всеобщая методология наук (включающая в себя теорию познания)» (там же).

Итак, диалектический материализм — общефилософская концепция, иными словами, диалектический материализм есть философия. Применим ли, однако, к диалектическому материализму термин «философия»? По этому вопросу имеются различные точки зрения и в частности механисты решительным образом отрицают возможность существования марксистской философии.

Вопрос о значении философии был одним из центральных вопросов дискуссии между механистами и диалектиками. Не понимая значения диалектики, механисты и по этому вопросу стали на ложный путь. Так, И. И. Степанов утверждает, что «для марксизма не существует области какого-то «философствования», отдельной и обособленной от науки: материалистическая философия для него — последние и наиболее общие выводы естествознания» («Исторический материализм и современное естествознание»). Другой из вождей механистического течения — А. К. Тимирязев пишет: «Для извлечения этой диалектики из природы необходимо в каждом конкретном случае самое тщательное исследование, которое надо довести до того, чтобы диалектика сама выступала в качестве результата всего исследования» («Диалектика в природе», сборн. 3-й). Итак, философия у них сливается с естествознанием.

Скептическое отношение к праву философии на существование объясняется отчасти и тем положением, к которому пришла философия в течение последних десятилетий. В самом деле, если взять, например, те определения философии, которые ей даются буржуазными философами, то окажется, что буржуазные философы сами не знают, что такое философия. Одни дают туманные, расплывчатые определения, долженствующие обозначить широту предмета философии в отличие от предмета частных наук; таковы, например, — определение Маха (философия есть — «всеобъемлющая ориентировка во всей совокупности фактов») или Джемса (философия есть — «способ воспринимать и чувствовать общее биение пульса космоса»). Другие считают философию *corpus*’ом всех синтетических наук — космологии, биологии, социологии; такова, например, точка зрения позитивистов. Третьи видят в философии науку о ценностях, например, Виндельбанд и Риккерт, и сводят ее, в конечном итоге, к этике. Четвертые сводят предмет философии к проблеме познания и, таким образом, ставят знак равенства между философией и гносеологией, считая философские системы — «романами мыслителей» — например — Риль. Из этих разнообразных определений видно, что философия потеряла самое себя. Отчего это произошло? Обычно, на этот вопрос дается такой ответ: развитие отдельных наук, вышедших из недр философии, убило философию; начиная с давних времен, когда из философии выделились математика и астрономия (Греция и Египет) и кончая нашими днями, когда на путь самостоятельного развития вступили социология и психология, совершался процесс

выделения наук из всеобщей системы знаний — из философии; поскольку все то, чем раньше занималась философия, стало предметом исследования отдельных наук, постольку от философии остался пустой мешок, одно только название. Поскольку речь идет об идеалистической, умозрительной, спекулятивной философии, постольку такой ответ в основном может быть признан правильным; такая философия действительно исчезает, такую философию дифференциация наук действительно убивает. Но из этого вовсе не следует, что философия вообще ненужна. Напротив, именно дифференциация наук порождает необходимость в такой дисциплине, которая ставила бы своей задачей вскрыть наиболее общие законы действительности.

«Задача науки заключается в том, чтобы видимое, выступающее на поверхности движение свести к действительному внутреннему движению», писал Маркс («Капитал», т. III). Знание явлений не есть еще понимание сущностей. Задача науки — через внешнее, являющееся, проникнуть к внутреннему, существенному — вскрыть существенные отношения, законы (см. об этом Ленин — «Конспект книги «Наука логики» Гегеля»). Каким же образом проникнуть в существенное, каким образом вскрыть законы действительности? Вспомним то, что говорилось выше в главе, посвященной проблеме познания о значении представления и мышления, о значении конкретного и абстрактного, о значении индуктивного и дедуктивного методов познания. Вспомним приведенное там определение науки, данное Марксом в «Святом семействе» («наука есть опыт и состоит в применении рационального метода чувственных данных»). Все это подводит нас к разрешению вопроса о значении философии. Не зная всеобщих связей, отношений, не зная всеобщих законов, мы не в состоянии познать частного. «Отдельное не существует иначе, как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона, или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное не полно входит в общее и т. д. и т. д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами)», читаем мы у Ленина в его статье «К вопросу о диалектике» (XII Ленинский сборник). В этих строках собственно уже дан ответ на вопрос о сущности и значении философии, как науки о наиболее общих связях, наиболее общих закономерностях. «Философия замещает представления мыслями, категориями или, говоря еще точнее, понятиями» (Гегель, «Логика», § 3). «Философию можно предвательно определить вообще как мыслящее рассмотрение предметов» (там же, § 2). Итак, философия нужна, но нужна не всякая философия, а только такая, которая способна вскрыть эти наиболее общие законы действительности, т. е. такая философия, метод которой был бы отражением объективной закономерности.

Мы знаем, что бытие всегда диалектично, но мы знаем также, что мышление может быть и диалектическим и формальным. За-

дача знания — отразить объективную действительность. Но если действительность диалектична, то для того, чтобы наше знание отразило эту действительность, мы должны пользоваться диалектическим методом познания. Отсюда, философией, которая удовлетворяла бы вышеуказанным требованиям, является именно диалектический материализм. Как общеполитическая концепция, диалектический материализм дает нам общую картину мира, дает нам общие законы развития вселенной, развития человечества; как всеобщая методология наук, диалектический материализм указывает нам путь научного познания, научного исследования. Диалектический материализм не выдуман нами, не навязан нами природе и истории; он является внутренним выражением объективных процессов природы и истории, он отражает в мышлении те реальные связи, которые существуют в действительности. Диалектический метод потому только и является истинным методом познания, что он отражает диалектически протекающие процессы природы и истории. Сознание определяется бытием. Субъективная диалектика (диалектика мышления) потому является истинным методом познания, что существует объективная диалектика (диалектика бытия). Права диалектического мышления подтверждаются диалектическими свойствами бытия, говорит Плеханов. «Над всем нашим теоретическим мышлением, — читаем мы у Энгельса («Диалектика природы». Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. II), — господствует с абсолютной силой тот факт, что наше субъективное мышление и объективный мир подчинены одним и тем же законам и что поэтому оба они не могут противоречить друг другу в своих конечных результатах, а должны согласоваться между собой». И дальше: «Диалектика рассматривается как наука о наиболее общих законах всякого движения. Это означает, что законы ее должны иметь силу для движения как в области физической природы и человеческой истории, так и для движения мышления». «Мы считаем диалектику, — говорит Леборин, — методом исследования или «методом изучения материала», как выражается К. Маркс. А так как метод является «аналогом действительности» (см. выше о субъективной и объективной диалектике. Б. Ф.), то диалектика есть наука об объективных законах и формах движения» («Наши разногласия»).

Итак, теперь нам ясно, почему мы определяем диалектический материализм и как общеполитическую концепцию и как всеобщую методологию наук. «Материалистическая диалектика видит в понятии отражения действительных вещей. Метод не является внешней формой вещей или внутренней формой понятия, а имманентной формой реальной действительности» (Леборин, «Ленин как мыслитель»). Конечной задачей всякой науки является установление постоянных, необходимых связей или соотношений между исследуемыми ею явлениями, — иными словами, установление законов существования этих явлений. Некоторые из научных законов, имеющие наиболее общий характер, охватывающие всю совокупность явлений данной области, приобретают для этой области знаний, для данной группы наук значение, так сказать, об-

щих установок или исходных пунктов для самого процесса исследования данной области явлений. Такие законы являются научными теориями, дающими методологические основы для данной области знания. В области биологических знаний такую роль играет, например, теория естественного отбора, а в области общественно-научных знаний — теория исторического материализма. Такую роль в области всякого научного знания играет диалектический материализм, являющийся, как мы знаем, одновременно и общепhilosophической концепцией, дающей нам общие законы развития природы, общества и человека с его мышлением и всеобщей методологией наук, дающей нам всеобщий метод научного познания.

Диалектику часто определяют не только как философскую концепцию и всеобщую методологию, но и как логику. У Деборина в «Наших разногласиях» мы читаем: «Диалектика представляет собой и особый способ мышления, особую логику». Итак, мы видим, что поскольку диалектика имеет дело с мышлением и его формами, постольку она является логикой, постольку же диалектика имеет дело с бытием, постольку она, как мы знаем, является учением объективной действительности. И вот тот факт, что законы диалектики имеют силу «для движения как в области физической природы и человеческой истории, так и для движения мышления», дает нам основание устанавливать единство диалектической логики как учения о законах развития познания мира и, вместе с тем, как учения о развитии конкретного содержания мира. В «Конспекте книги «Наука логики» Гегеля» Ленин пишет: «Логика есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития всех материальных природных и духовных вещей, т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод истории познания мира». Такое (марксистское) определение логики резко отличается от традиционного ее определения как науки о нормах (правилах) истинного мышления. Как наука физиологии не учит переваривать пищу, но учит тому, как пища переваривается, так и логика отнюдь не учит мыслить, но учит тому, как совершаются процессы в природе, обществе и мышлении (см. об этом у Гегеля в «Логике» и у Ленина — в «Конспекте»). Итак, диалектический материализм есть научная философия, включающая в себя онтологию и методологию, логику объективную и субъективную и, как мы знаем из предыдущей главы, также и теорию познания. «Философия резюмируется» в методе. Этому учил еще Гегель. На этой же точке зрения стоит марксизм. На долю философии остается методология, т. е. материалистическая диалектика, которая обнимает и включает в себя логику и теорию познания» (Деборин, «Материалистическая диалектика и естествознание»). Задача диалектического материализма, как марксистской философии, — давать общее методологическое направление научному исследованию во всех областях знания. В этом его коренное отличие от старой философии, гнавшейся за вечными абсолютными истинами, стремившейся к построению незыблемых, завершенных систем. «Раз мы поняли, что требовать от философа разрешения всех противоречий значит требовать, чтобы один

Философ делал такое дело, какое в состоянии выполнять только все человечество в его поступательном развитии, — раз мы поняли это, философии в старом смысле слова (курсии наш. Б. Ф.) приходит конец. Мы оставляем в покое «абсолютную истину», к которой возможно прийти этим путем и отдельному человеку, и устремляемся в погоне за достижимыми для нас относительными истинами, вооружившись положительными науками и диалектическим методом, объединяющим ими добытые результаты» (Энгельс, «Людвиг Фейербах»). Методологическое значение диалектического материализма, как марксистской философии, подчеркивал и Ленин. «Единственный вывод из того, разделяемого марксистами, мнения, что теория Маркса есть объективная истина, состоит в следующем: идя по пути марксовой теории, мы будем приближаться к объективной истине все больше и больше (никогда не исчерпывая ее); идя же по всякому другому пути, мы не можем прийти ни к чему, кроме путаницы и лжи» («Материализм и эмпириокритицизм»).

Непонимание значения философии, отказ от пользования диалектическим материализмом, как методологией, приводит современное естествознание к весьма печальным результатам. Чистый эмпиризм, на первый взгляд близкий к фактам, в действительности ведет науку по ложному пути. Пренебрежение к теории приводит прежде всего к скороспелым, поверхностным эмпирическим обобщениям. История биологии, до появления эволюционной теории, наилучшим образом свидетельствует об этом. «Если бы индукция была действительно столь непогрешимой, — говорит Энгельс, — то откуда взялись бы эти бесконечные перевороты в классификациях представителей органического мира? Они являются самым подлинным продуктом индукции и, однако, они уничтожают друг друга» («Диалектика и естествознание», Архив, т. II). Пренебрежение к теории, далее, замедляет развитие науки: без гипотезы, опирающейся вначале на ограниченное количество фактов, научное исследование невозможно. А построение гипотезы само по себе есть уже теоретическое мышление. И, наконец, пренебрежение к теории, ползучий эмпиризм заводит мысль в тупики самых чудовищных суеверий. Энгельс указывает, как презрение ученых эмпириков к теории приводит их, несмотря на всю их «ученость», к спиритуализму. Без диалектико-материалистической философии естествознание оказывается слепым. Чем глубже проникает естествознание в природу, тем яснее для естествознания необходимость опереться на философию. «Атомы и молекулы и т. д. нельзя наблюдать микроскопом, а только мышлением». — «Здесь волей-неволей приходится мыслить». — «Естествоиспытатели воображают, что они освобождаются от философии, когда игнорируют или бранят ее. Но так как они без мышления не могут двинуться ни на шаг, для мышления же необходимы логические определения, а эти определения они неосторожно заимствуют либо из ходячего теоретического достояния так называемых образованных людей, над которыми господствуют остатки давно прошедших философских систем, либо из крох обязательных университетских курсов по фи-

лософии (что приводит не только к отрывочности взглядов, но и к мешанине из воззрений людей, принадлежащих к самым различным и по большей части самым скверным школам), либо из некритического и несистематического чтения всякого рода философских произведений, — то в итоге они все-таки оказываются в плену у философии, но, к сожалению, по большей части самой скверной; и вот люди, особенно усердно бранящие философию, становятся рабами самых скверных вульгаризованных остатков самых скверных философских систем» (Энгельс, «Диалектика и естествознание». Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. II). Все это забывается механистами, когда они выступают против философии, и в частности ими забывается та роль, которую может и должен сыграть диалектический материализм в процессе проверки того наследия, которое мы получили от буржуазного естествознания. Оплодотворенное диалектико-материалистической логикой естествознание, да и всякое другое научное знание, развиваясь, в свою очередь, будет способствовать дальнейшему развитию диалектико-материалистической логики.

Всем вышесказанным, однако, не исчерпывается значение диалектического материализма. Наше познание развивается на основе общественной практики и оно необходимо нам для того, чтобы осмыслить и сделать планомерной нашу практическую деятельность. Диалектический материализм, будучи всеобщей методологией научного познания, вместе с тем является и методологией действия, руководством для действия. В нашей практической деятельности, чтобы сделать ее планомерной, научно обоснованной, мы должны опираться на диалектический материализм. С диалектическим материализмом тесно связаны не только интересы науки, но и интересы практической политики. «Основную задачу тактики пролетариата, — писал Ленин в статье, посвященной Марксу, — Маркс определял в строгом соответствии со всеми посылками своего материалистически-диалектического мирозерцания» (Собрн. «Маркс. Энгельс. Марксизм»). Ленин придавал огромное значение борьбе на философском фронте, так как хорошо понимал, что из философских разногласий рождаются и политические расхождения. «Спор о том, что такое философский материализм, — писал Ленин, — почему ошибочны, чем опасны и реакционны отклонения от него, всегда связан «живой реальной связью» с «марксистским общественно-политическим течением», иначе это последнее было бы не марксистским, не общественно-политическим и не течением. Отрицать «реальность» этой связи могут только ограниченные «реальные политики» реформизма или анархизма» (Собр. соч., т. XI, часть 2-я). «Политическая линия марксизма... неразрывно связана с его философскими основами» (Собр. соч., т. XI, часть 1-я).

Из сказанного ясно, как велико теоретическое и практическое значение диалектического материализма. Изучая диалектический материализм и разрабатывая его, мы, тем самым, подводим базу как под дальнейшее развитие науки, так и под дальнейшую борьбу пролетариата. В своей статье «Наши разногласия» Деборин указывал на те задачи, которые стоят перед нами по отношению к

ние марксистско-ленинской теории на непосредственных проблемах социалистического строительства является неотложной задачей. Губительной ошибкой, однако, было бы думать, что могут быть достигнуты какие бы то ни было успехи в этом направлении, не опираясь на марксистско-ленинскую теорию во всей ее глубине и объеме, не двигая вперед разработку ее собственного метода — материалистической диалектики. Правильное понимание взаимоотношений между классами, форм классовой борьбы, сложнейшего их переплетения, правильное понимание каждодневно возникающих новых форм и явлений, смены одних закономерностей развития другими возможно только при условии последовательного применения диалектико-материалистического метода во всем богатстве его содержания. Поэтому разработка теории материалистической диалектики продолжает оставаться важнейшей задачей на философском фронте. . . Работа над дальнейшим развитием теории материалистической диалектики должна быть обогащена и той практической диалектикой, о которой писал Ленин и которой так полна как эпоха диктатуры пролетариата в целом, так и действительность реконструктивного периода. . . Только разработка теории диалектики на основе истории мысли, на основе всей совокупности современного знания и нового исторического опыта пролетариата может помочь нам осознать специфические закономерности, которые складываются в экономике переходного периода. . . На ряду с разработкой теории материалистической диалектики, в связи с разработкой философского наследия Ленина и основоположников марксизма, важнейшую задачу представляет разработка проблем исторического материализма, в особенности в применении к переходному периоду в целом и к данному этапу его частности. . . Философский фронт — один из участков руководимого коммунистической партией фронта борьбы за построение социализма в нашей стране, за международную революцию».

ГЛАВА ПЯТАЯ.

СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА.

§ 1. ПРИЧИННОСТЬ И ЗАКОНОМЕРНОСТЬ.

Подводя итоги тому, что мы узнали в предыдущих главах, мы можем основные положения диалектического материализма свести к следующим.

1) Мир материален. Единство мира — в его материальности. Сам человек — продукт природы, а потому мышление человека, познание человеком окружающей его среды в конечном итоге являются продуктами природы, «не противоречат остальной связи природы, а соответствуют ей». Сознание, таким образом, определяется бытием.

2) Мир представляет собой не совокупность изолированных друг от друга отдельных предметов, но единство, все части которого взаимодействуют между собой, объединены всеобщей связью, и познающий человек не только противостоит познаваемому им миру, подвергаясь воздействию внешней среды, но связан с этой средой множественными взаимодействиями. Он познает окружающую среду не только в процессе воздействия на него этой внешней среды, но и в процессе своего воздействия на внешнюю среду, иными словами, в процессе своей практической деятельности. Отсюда следует, во-первых, что именно общественная практика является критерием истинности человеческого мышления, именно на практике человек проверяет правильность своего понимания окружающей среды, во-вторых, что нет абстрактных истин — всякая истина конкретна.

3) Мир состоит не из готовых, законченных предметов, а представляет собой нечто постоянно развивающееся. Все возникает, все изменяется, все уничтожается. И человеческое познание, отражающее в себе эту всегда развивающуюся действительность, также развивается. Человеческое познание развивается вместе с развитием практического опыта общественного человека. Мир познаваем, «исторически условны пределы приближения наших знаний к объективной, абсолютной истине, но безусловно существование этой истины, безусловно то, что мы приближаемся к ней» (Ленин). «Для диалектической философии нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого... на всем и во всем видит она печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед ней,

кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему. Она сама является лишь простым отражением этого процесса в мыслящем мозгу» (Энгельс).

4) Это развитие мира совершается путем борьбы противоположностей, путем нарастания противоречий, путем постепенного назревания конфликта между противоположностями и разрешения этого конфликта в виде перерыва непрерывности, в виде скачка, в виде быстрого, бурного, революционного перехода от одного состояния к другому. Принцип непрерывности выражается в том, что высшие формы возникают из низших, а принцип прерывности, скачка, проявляется в возникновении новых качеств, вследствие которых высшие формы не тождественны с низшими: вновь возникающие формы связаны с теми формами, из которых они возникли, но они качественно отличны от них.

5) Связи, соотношения между процессами, совершающимися в действительности, суть необходимые связи, необходимые соотношения: процессы, совершающиеся в действительности — закономерны, развитие мира закономерно. И человеческое мышление отражает в себе эту объективную закономерность развития мира, закономерность причинно-следственных связей между явлениями. Объективный мир и наше мышление с ним подчинены одним и тем же законам.

6) Познавая объективную закономерность развития мира, общественный человек систематизирует свои знания закономерностей, строит науку и, опираясь на науку, получает возможность предвидеть ход изменений окружающего его мира и воздействовать на окружающую его среду, преобразовывать ее, приспособлять ее к своим нуждам.

Первые четыре из изложенных положений были развиты в предшествующих главах. Развитию последних двух положений будет посвящена настоящая глава.

Мы знаем, что диалектически рассматривать окружающий нас мир это значит рассматривать все процессы, протекающие в этом мире, в их взаимосвязанности, взаимодействии и в их развитии. «Взаимодействие — вот первое, что мы наблюдаем, когда начинаем рассматривать движущуюся материю в целом. . . Мы наблюдаем ряд форм движения: механическое движение, свет, теплоту, электричество, магнетизм, химическое сложение и разложение. . . которые все. . . переходят друг в друга, обуславливают взаимно друг друга, являются здесь причиной, там действием. . .» (Энгельс, «Диалектика природы». Архив, т. II). «Мы находим не только то, что за известным движением следует другое движение, мы находим также, что мы в состоянии воспроизвести определенное движение, создав условия, при которых оно происходит в природе; мы находим даже, что мы в состоянии вызвать движения, которые вовсе не встречаются в природе (промышленность), по крайней мере не встречаются именно в таком виде, и что мы можем придать этому движению определенные заранее направление и размеры. Благодаря этому, благодаря деятельности человека и

создается представление о причинности, представление о том, что одно движение есть причина другого» (там же). «Если какое-нибудь движение переносится с одного тела на другое, то поскольку это движение переносится активно, его можно считать причиной движения, поскольку же оно перенесено пассивно, — результатом...» (там же). Когда мы хотим научно объяснить какое-либо явление, то мы ставим вопрос о том, почему это явление возникает, почему оно свершается так, а не иначе, иными словами, мы ставим вопрос о причине. Найти причину какого-либо явления, это значит — найти другое явление, от которого данное явление зависит, которое как бы породило данное явление, причем такое соотношение зависимости является постоянным. Когда имеется налицо явление А, то необходимо возникает явление Б. Явление Б возникает только тогда и там, когда и где налицо имелось уже явление А. Наблюдая такую постоянную, необходимую связь между явлениями, мы открываем такие постоянные причинные связи между ними, открываем причинные закономерности, присутствующие самим явлениям. Такая причинная связь, причинная закономерность есть, следовательно, одно из проявлений всемирной связи. «Каузальность (причинность — от слова *causa* — причина. Б. Ф.), обычно нами понимаемая, есть лишь малая частичка всемирной связи, но (материалистическое добавление) частичка не субъективной, а объективной реальной связи» — так характеризует соотношение между причинностью и всемирной связью Ленин («Конспект книги «Наука логики» Гегеля»). Всеобщее взаимодействие, всеобщая взаимосвязанность есть, таким образом, более широкое понятие, чем понятие причинности, и вместе с тем более сложное. «Человеческое понятие причины и следствия всегда несколько упрощает объективную связь явлений природы, лишь приблизительно отражая ее, искусственно изолируя те или иные стороны одного единого мирового процесса» (Ленин, «Материализм и эмпириокритицизм»). Та же мысль Энгельсом выражена в следующих словах: «Чтобы понять отдельные явления, мы должны вырвать их из общей связи и рассматривать их изолированным образом, а в таком случае изменяющиеся движения являются перед нами: одно как причина, другое — как действие» («Диалектика природы»). Вспомни по этому поводу то, что говорилось в третьей главе о соотношении между идеей и действительностью.

В связи с вопросом о причинной связи между явлениями необходимо отметить следующее. Наблюдая, что данное явление происходит после такого-то другого явления, мы еще не можем утверждать, что это явление происходит вследствие другого, т. е. что оно связано с ним причинной связью. Однако наша деятельность, практика дает нам возможность проверить, имеется ли в том или ином конкретном случае простая последовательность или причинная связь. В связи с вопросом о практической проверке причинной связи между явлениями Энгельс в «Диалектике природы» останавливается на следующих двух примерах: «Если, взявши зажигательное зеркало, мы концентрируем в фокусе солнечные лучи и вызываем ими такой эффект, какой дает обыкновен-

ный огонь, то мы доказываем этим, что от солнца получается теплота. Если мы вложим в ружье порох, капсюлю и пулю и затем выстрелим, рассчитывая на известный заранее по опыту эффект, то мы должны быть в состоянии проследить во всех его деталях весь процесс зажигания, сгорания, взрыва от внезапного превращения в газы давления газа на пулю. И в этом случае скептик не в праве уже утверждать, что из прошлого опыта не следует вовсе, будто и в следующий раз повторится то же самое. Действительно, иногда случается, что не повторяется того же самого, что капсюля или порох отказываются служить, что ствол ружья разрывается и т. д. Но именно это доказывает причинность, а не опровергает ее, ибо при каждом подобном отклонении от правила можно, произведя соответствующее исследование, найти причину этого: химическое разложение капсюли, сырость и т. д. пороха, поврежденность ствола и т. д., так что здесь собственно производится двойная проверка причинности».

Итак, констатируя постоянные соотношения между явлениями окружающего нас мира и проверяя характер этих соотношений, мы устанавливаем причинно-следственные связи между этими явлениями. С определенным положением земного шара на орбите связана смена времен года — изменение температурных условий. Это в свою очередь порождает ряд других явлений — зарождение, развитие и умирание растений, перелеты птиц с севера на юг и с юга на север и т. д. Всегда с развитием машинной техники в капиталистическом обществе связана пролетаризация масс, связано развитие крупного фабрично-заводского производства, а пролетаризация масс и развитие крупного фабрично-заводского производства порождают рост организованности рабочего класса. Констатируя такую необходимость соотношений в явлениях природы и в общественных явлениях, мы констатируем, тем самым, присущую этим явлениям причинную закономерность. (Отметим, кстати, что, как видно из приведенных только что примеров, одно и то же явление, будучи следствием другого явления, может быть причиной третьего явления: причина и следствие, таким образом, не являются полярностями — причина переходит в следствие, следствие же, в свою очередь, становится причиной, порождающей другое следствие.) Слово «закон» первоначально употреблялось в смысле правила поведения людей, живущих в обществе, и указывало на предписываемую людям повторяемость тех или иных действий по отношению друг к другу. И сейчас мы употребляем слово «закон» в этом смысле, когда говорим о законах, издаваемых государством. Но в настоящее время, как видно из предыдущего, мы употребляем это слово еще в другом смысле: мы говорим о научных законах, когда хотим отметить необходимые соотношения в явлениях природы и в явлениях общественной жизни, коренящиеся в самих явлениях природы и общественных явлениях. В этом смысле мы под законом понимаем известное постоянное соотношение между явлениями. «Понятие закона, — говорит Ленин, — есть одна из ступеней познания человеком единства и связи, взаимозависимости и цельности мирового процесса» («Конспект книги

«Наука логики» Гегеля»). Закон присущ самим явлениям, однако, так как явления окружающего нас мира, как мы знаем, суть не застывшие вещи, а процессы, а закон представляет собой, по словам Гегеля, «покоящийся образ осуществляющегося или являющегося мира», то закон лишь приблизительно отражает в себе подвижное многообразие действительности. Вспомним опять то, что говорилось в третьей главе о соотношении между идеей и действительностью. Вспомним также и то, что мы знаем о диалектическом понимании истины. «Закон берет спокойное, — читаем мы в том же «Конспекте» Ленина, — и поэтому закон, всякий закон узок, неполон, приближителен». Закон следует понимать, как необходимую тенденцию, внутренне присущую процессам объективной действительности. Дело не в частностях, не в деталях того или иного явления, а именно в этой тенденции, *необходимой общей* тенденции. Эта мысль с исчерпывающей полнотой выражена Марксом в Предисловии к I тому «Капитала». Здесь мы читаем: «Физик или наблюдает процессы природы там, где они проявляются в наиболее отчетливой форме и наименее затемняются нарушающими их влияниями, а если это возможно, производит эксперимент при условиях, обеспечивающих ход процесса в чистом виде. Предметом моего исследования в настоящей работе является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена. Классической страной капитализма является до сих пор Англия. В этом причина, почему она служит главной иллюстрацией для моих теоретических выводов. Но если немецкий читатель станет фарисейски пожимать плечами по поводу тех условий, в которые поставлены английские промышленные и земледельческие рабочие, или вздумает оптимистически успокаивать себя тем, что в Германии дело обстоит далеко не так плохо, то я должен буду заметить ему: «De te fabula narratur» («О тебе эта история рассказывается»). Существенна здесь не более или менее высокая степень развития тех общественных противоположностей, которые вытекают из естественных законов капиталистического общества. Существенны сами эти законы, сами эти тенденции, действующие и осуществляющиеся с железной необходимостью». Закон является формой *всеобщности*. «Всякое реальное исчерпывающее познание заключается лишь в том, что мы в мыслях извлекаем единичное из его единичности и переводим его в особенность, а из этой последней во всеобщность. . . . Формой всеобщности в природе является закон» (Энгельс, «Архив», т. II).

Все то, что до сих пор было сказано, относится к причинному пониманию закономерности. Однако, кроме такого понимания закономерности, в буржуазной науке до сих пор сохранилось и иное понимание закономерности, антинаучное, ведущее непосредственно к религиозному истолкованию явлений окружающего нас мира. Слово «закон» было, как мы знаем, перенесено из области поведения людей в область человеческих знаний о явлениях природы и общественных явлениях, причем долгое время, когда люди говорили о законах природы и законах общественной жизни, они продолжали в слово «закон» вкладывать тот смысл, который оно

имело как правило поведения людей, т. е. они в законе природы или в законе общественных явлений продолжали видеть правило, предписываемое явлениям кем-то, стоящим над этими явлениями. Люди считали, что все явления подчинены воле какой-то сверхъестественной силы, воле божества, которое как бы издало для всего мира определенные законы; они считали, что это божество, создавая законы, которым подчиняется все в мире, действовало по какому-то определенному плану, преследовало какую-то определенную цель и что поэтому — все в мире согласовано с этой целью, иначе говоря, целесообразно. С этой точки зрения, наблюдаемые нами закономерности являются закономерностями целевыми или закономерностями телеологическими (от греческого слова «телос», что значит — цель). Такой взгляд на характер закономерности явлений природы и общественных явлений сохранился в учениях некоторых философов и до наших дней. Правда, они не говорят о какой-то сверхъестественной силе, которая сотворила законы вселенной, сообразно поставленным ею целям, они пытаются изобразить дело таким образом, что целесообразность будто бы скрыта в самом ходе явлений (все изменения, которые происходят в явлениях окружающего нас мира, представляют собой, говорят они, постепенное осуществление заложенных в эти явления целей), но если вдуматься в сущность рассуждений этих философов, то оказывается, что их взгляды не отличаются от изложенных выше наивных религиозных взглядов на закономерность. В самом деле, цель, которая никем не ставится, это — совершенная бессмыслица: достаточно признать существование «присущей» самим явлениям цели, чтобы притти к мысли о том, кто ставит перед собой эту цель, т. е. опять-таки вернуться к мысли о сверхъестественном существе. Телеологический взгляд на закономерность в явной или скрытой форме представляет собой взгляд религиозный.

Такому религиозному взгляду на закономерность в настоящее время и противопоставляется, изложенный выше, взгляд научный. Научно подходя к закономерности, мы понимаем ее как закономерность причинную или каузальную (в противоположность целевой или телеологической). При таком научном понимании закономерности вышеприведенное представление о целесообразности, господствующей в мире, исчезает; закон явлений природы и явлений общественных уже не рассматривается нами как веление чьей-то воли, а становится просто выражением того порядка, который необходимо присущ самим явлениям и который открывается в этих явлениях людьми, изучающими их. Наблюдаемая же нами целесообразность (например, целесообразность приспособления организмов к среде) оказывается лишь проявлением причинной необходимости как основного всеобщего закона. Диалектическое понимание причинной необходимости, таким образом, исключает возможность абсолютного противопоставления друг другу причинности и целесообразности: целесообразность, диалектически понимаемая, является частным случаем или одним из проявлений причинной необходимости.

То же следует сказать и относительно другого понятия, также связанного с понятием причинной необходимости, — понятия случайности. Диалектическое понимание случайности исключает возможность противопоставления случайности—необходимости: диалектически понимаемая необходимость включает в себя элемент случайности, а диалектически понимаемая случайность является особой формой необходимости. Иного взгляда на этот вопрос придерживаются механисты. Говоря о причинной необходимости, механисты причинность истолковывают как механическую причинность. Наиболее простым примером механической причинности может послужить пример удара одного катящегося шара о другой. Ударившийся шар приостанавливается, получивший же удар шар приходит в движение; при этом первый шар теряет столько же движения, сколько приобретает его второй. Здесь прежде всего движение второго шара порождается толчком извне — причинность имеет внешний характер; а во-вторых, действие и причина здесь тождественны. Такое понимание причинности переносится механистами из области механики в другие области движения, а между тем диалектически рассматривать явления — это, как мы знаем, значит — рассматривать их, во-первых, в «самодвижении», в саморазвитии, а во-вторых, — как процессы возникновения одних форм из других, как процессы качественных новообразований. Внешний характер механической причинности противоречит первому из указанных положений; отождествление причины и следствия при механическом понимании причинности противоречит второму из указанных положений. С механическим пониманием причинности у механистов тесным образом связан их взгляд на случайность. С точки зрения механистов причинная необходимость и случайность — полярности: существуют либо необходимость, либо случайность. Что такой взгляд механистов на соотношение между причиной и необходимостью и случайностью — ложный взгляд, легко доказать путем анализа следующих нескольких примеров. Человек идет по полю, видит цветок, срывает его, цветок погибает: не попадись этот цветок случайно в поле зрения человека, он продолжал бы расти и погиб бы «естественной смертью», т. е. погиб бы от того, что жизненные процессы, протекавшие в нем, исчерпали бы себя — цветок завял бы. Человек заболевает инфекционной болезнью и погибает; он погиб случайно, так как, если бы в его организм не проникла инфекция, то смерть этого человека могла бы наступить позднее, как бы следствие физиологических процессов изнашивания организма (старость). Человек идет по улице, на него налетает трамвай, человек погибает под колесами трамвая: несчастный случай. Можно ли сказать, что в трех приведенных случаях смерть является результатом естественных физиологических процессов, протекающих внутри организма? Конечно, нет. Причина смерти во всех трех случаях лежит вне естественных жизненных процессов развития, протекающих в самом организме. Действие человека, сорвавшего цветок, бактерии, проникшей в организм человека, трамвая, перерезавшего человека, ни в малейшей мере не вытекает из внутренних жизнен-

ных процессов цветка или человека. Однако из этого не следует, что гибель цветка или человека была беспричинной. Возьмем последний пример: То, что человек попал под трамвай, является результатом сложных причинных рядов: под влиянием определенных причин человек в такое-то время вышел из дому, шел по таким-то улицам с определенной скоростью; под влиянием каких-то причин он шел по улице задумавшись и не слышал звонка, который давал вагоновожатый; опять-таки под влиянием определенных причин вагоновожатый был утомлен более, чем обыкновенно, и потому слишком поздно заметил переходящего через рельсы; в силу каких-то причин недостаточно громко звучал звонок; в силу определенных причин тормоз действовал слабее обычного и т. д. и т. д. Мы видим, таким образом, что хотя человек погиб под трамваем случайно, но эта случайность явилась результатом пересечения необходимых причинных рядов. Существует ли, таким образом, объективная случайность? Конечно, существует. Можно ли отождествлять случайность с беспричинностью? Конечно, невозможно. А механисты, будучи последовательными, неизбежно приходят к выводу, что, коль скоро существует необходимость, не может существовать объективная случайность. Для механистов случайность сводится к незнанию нами причин того или иного явления: такое явление, говорят механисты, мы называем случайным. Случайность для механистов становится, следовательно, субъективной категорией. А это, как мы видели, расходится с фактами, расходится с диалектическим пониманием фактов. Последовательно диалектическое мышление необходимо приводит к признанию существования объективной случайности. «Во всем конечно имеется элемент случайности. В науке мы имеем дело только с «ковечным»; поэтому можно сказать, что во всех процессах, изучаемых ею, есть элемент случайности. Не исключает ли это возможности научного познания явлений? Нет. Случайность есть нечто относительное. Она является лишь в точке пересечения необходимых процессов (Плеханов. Собр. соч., т. VIII).

В заключение приведем строки Энгельса (из «Диалектики природы»), в которых он, характеризуя механическое воззрение на необходимость и случайность, указывает на те выводы, к которым с неизбежностью приводит это воззрение — выводы, отнюдь, не научного характера. «Согласно этому воззрению, — пишет Энгельс, — в природе господствует лишь простая, непосредственная необходимость. Что в этом стручке пять горошин, а не четыре или шесть, что хвост этой собаки длиною в пять дюймов, а не длиннее или короче на одну линию, что этот клеверный цветок был оплодотворен в этом году пчелой, а тот — нет, и притом этой определенной пчелой и в это определенное время, что это определенное, унесенное ветром семя львиного зуба вошло, а другое нет, что в прошлую ночь меня укусила блоха в 4 часа утра, а не в 3 или 5, и притом в правое плечо, а не в левую икру — все это факты, которые вызваны неизменным сцеплением причин и следствий, связанными неизбежной необходимостью, и газовый шар, из которого возникла солнечная система, был так устроен, что эти

события могли произойти только так, а не иначе. С необходимостью этого рода мы все еще не выходим из границ теологического взгляда на природу. Для науки совершенно безразлично, назовем ли мы это вместе с Августином и Кальвином извечным решением божьим, или вместе с турками — кismetом, или же назовем необходимостью. Ни в одном из этих случаев не может быть речи об изучении причинной цепи, ни в одном из этих случаев мы не двигаемся с места. Так называемая необходимость остается простой фразой, а благодаря этому и случай остается тем, чем он был. До тех пор, пока мы не можем показать, от чего зависит число горошин в стручке, оно остается случайным; и от того, что нам скажут, что этот факт предвиден уже в первичном устройстве солнечной системы, мы не двигаемся ни на шаг дальше. Мало того: наука, которая взялась бы проследить этот случай с отдельным стручком в его каузальном сцеплении, была бы уже не наукой, а простой игрой, ибо этот самый стручок имеет еще бесчисленные другие индивидуальные — кажущиеся нам случайными — свойства: оттенок цвета, плотность и твердость шелухи, величину горошин, не говоря уже об индивидуальных особенностях, доступных только микроскопу. Таким образом, с одним этим стручком нам пришлось бы проследить уже больше каузальных связей, чем в состоянии решить их все ботаники на свете.

Таким образом, случайность не объясняется здесь из необходимости; скорее — наоборот: необходимость низводится до чего-то чисто случайного. Если тот факт, что определенный стручок заключает в себе шесть горошин, а не пять или семь, явление того же порядка, как закон движения солнечной системы или закон превращения энергии, то значит, действительно, не случайность поднимается до уровня необходимости, а необходимость деградируется до уровня случайности».

Все вышеизложенное, как мы видим теперь, вполне подтверждает, что только диалектическое понимание случайности есть научное понимание. А диалектически понимать случайность — это значит отказаться от противопоставления случайности — необходимости как двух полярностей и признавать случайность, как объективно существующую форму необходимости.

§ 2. ИСТОРИЧЕСКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ И СВОБОДА ВОЛИ.

По отношению к явлениям природы в наше время прочно установился взгляд, что эти явления закономерны, т. е. что они совершаются согласно определенным законам. Иначе обстоит дело в области общественных наук: относительно общественных явлений вопрос об их закономерности некоторыми буржуазными учеными считается еще неразрешенным. Буржуазные обществоведы до сих пор спорят между собой не только о том, каковы законы общественных явлений, не только о том, как открывать эти законы, но даже и о том, существуют ли вообще эти законы. Буржуазные ученые, отрицающие закономерность общественно-исторического процесса, выдвигают обыкновенно следующие соображе-

ния. Общественные явления, говорят они, чрезвычайно сложны, гораздо сложнее явлений природы, и потому здесь закономерности отыскать невозможно. Это возражение совершенно несостоятельно уже потому, что, если встать на его почву, то мы могли бы с таким же основанием (или, вернее, с таким же неправильным основанием) утверждать, что и в области явлений природы по отношению ко многим из этих явлений нельзя говорить о закономерности: ведь явления химические сложнее явлений физических, а явления жизненные неизмеримо сложнее и физических и химических. Второе возражение, которое обычно выдвигается буржуазной наукой, это — указание на то, что в образовании общественных явлений принимает участие человеческая воля и что потому в области общественных явлений господствует произвол человеческой личности и невозможна закономерность. Это возражение, на первый взгляд, посерьезнее. Действительно, в образовании общественных явлений участвует человеческая воля. Но это лишь придает закономерности общественных явлений специфический характер, отличающий ее от закономерности явлений природы, но отнюдь не исключает самое закономерность из области общественных явлений. Из следующих глав мы узнаем, насколько неправильно это возражение. Оно просто противоречит фактам. Мы увидим, что развитие техники, развитие экономических отношений, развитие общественных форм — все это совершается согласно определенным законам. Итак, ни большая сложность общественных явлений по сравнению с явлениями природы, ни участие человеческой воли в образовании общественных явлений не препятствует тому, чтобы эти явления совершались согласно определенным законам, чтобы они были закономерны. Люди действуют в истории, преследуя сознательно, преднамеренно те или иные цели. В этом, конечно, существенное отличие явлений общественных от явлений природы. Человеческая воля «вмешивается» и в ход явлений природы. С каждым завоеванием техники область вмешательства человека в явления природы становится все более и более обширной. Однако, взятые сами по себе явления природы ни в какой мере от человеческой воли не зависят. «В природе, — говорил Энгельс, — если оставить в стороне влияние на нее людей, мы видим только слепые бессознательные силы, взаимодействием которых выполняется общий закон всего, что совершается... В общественной же истории все действующие силы одарены сознанием и поступают обдуманно» («Людвиг Фейербах»). Однако, это существенное на первый взгляд различие между явлениями природы и общественными явлениями ни в какой мере не может привести к тому выводу, что общественно-исторический процесс не закономерен. Дело в том, что хотя в истории люди действуют сознательно, преследуют те или иные цели, однако, цели, которые ставят себе отдельные люди, в большинстве случаев ими не достигаются: действия людей, преследующих различные цели, сталкиваются между собой; происходит скрещение действий людей, и результат, который возникает вследствие этого скрещения, зависит не от той или иной индивидуальной воли, а от всей совокуп-

ности действующих причин, в число которых входят как столкнувшиеся воли отдельных людей, так и многое другое, от человеческой воли не зависящее (учение о гетерогении целей). Таким образом и в общественно-историческом процессе господствует не произвол той или иной личности, а *необходимость*—историческая необходимость: общественно-исторический процесс закономерен. Когда в «Вестнике Европы» в 1872 году появилась рецензия Кауфмана на I том «Капитала» Маркса, где Кауфман указывал, что Марксом общественное движение рассматривается как естественно-исторический процесс, как процесс строго закономерный, Маркс в своем ответе на эту рецензию (Предисловие ко II немецкому изданию «Капитала») согласился с таким пониманием его точки зрения на развитие общества. А Энгельс в своем письме к Иосифу Блоху от 21-го сентября 1890 года писал: «История делается таким образом, что конечный результат получается от столкновений множества отдельных волей, при чем каждая из этих волей становится тем, чем она является, опять-таки, благодаря массе особых жизненных обстоятельств. Таким образом имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограмов сил и из этого перекрещивания выходит один общий результат — историческое событие. Этот исторический результат можно рассматривать как продукт одной силы, действующей, как целое, бессознательно и невольно. Ведь то, чего хочет один, встречает препятствие со стороны всякого другого, и в конечном результате появляется нечто такое, чего никто не хотел. Таким образом история, как она шла до сих пор, протекает подобно естественно-историческому процессу (курсив наш. Б. Ф.) и подчинена в сущности тем же самым законам движения». Само собой разумеется, все вышесказанное не следует понимать в том смысле, что законы общественно-исторического процесса и законы развития природы тождественны. Такое толкование исключается диалектическим пониманием закона количества и качества, но зато такое понимание вполне соответствовало бы механистической постановке проблемы сводимости (см. выше главу IV). Мы не отрицаем того, что общие закономерности применимы в известных пределах ко всем областям действительности, но из этого не следует, что можно утверждать, что закономерности мира живой природы и неживой тождественны, или что тождественны закономерности общественно-исторического процесса и биологического процесса. Когда Маркс или Энгельс говорят об общественно-историческом процессе, как о процессе «естественно-историческом», то это следует понимать в том смысле, что по отношению к явлениям общественным возможно установление необходимых связей и отношений, т. е. установление закономерностей так же, как и по отношению к явлениям природы. Признание закономерности общественно-исторического процесса в указанном только что смысле направлено против буржуазного философа Риккерта, отрицающего возможность установления общественно-исторических законов.

Ход рассуждений Риккерта в общих чертах таков. Действи-

тельность представляет собой бесконечное многообразие. Познавая это многообразие, человек строит общие понятия, в которых суммируются общие признаки явлений, а вслед за общими понятиями — законы. Такой путь познания — путь естественных наук. Конечным результатом естественно-научного познания должно быть сведение всех законов к нескольким всеобщим простейшим механическим законам движения. (Здесь, как мы видим, Риккерт идет по тому же пути, что и механисты.) Но, однако, такой метод познания — генерализующий метод — не может удовлетворить познающего человека. У человека есть потребность познавать не только общее, но и индивидуальное. Такая познавательная цель возникает у человека, главным образом, по отношению к тем явлениям, которые непосредственно им созданы. Отсюда у Риккерта — различие природы и культуры: природа, по Риккерту, «есть совокупность всего того, что возникло само собой, само родилось и предоставлено собственному росту»; культура же — это то, что «или непосредственно создано человеком, действующим сообразно оцененным им целям или, если оно уже существовало раньше, по крайней мере, сознательно взлелеяно им ради связанной им ценности» (Риккерт, «Науки о природе и науки о культуре»). Отсюда у Риккерта различие двух методов — генерализующего, употребляемого в науках естественных, и индивидуализирующего, употребляемого в науках о культуре. Об этих двух методах мы читаем у Риккерта: «Те части действительности, с которыми совсем не связано никаких ценностей и которые мы поэтому рассматриваем в указанном смысле только как природу, имеют для нас в большинстве случаев также только естественно-научный (в логическом смысле) интерес, единичное явление имеет для нас значение не как индивидуальность, а только как экземпляр более или менее общего понятия. Наоборот, в явлениях культуры и в тех процессах, которые мы ставим к ним в качестве предварительных ступеней в некоторое отношение, дело обстоит совершенно иначе, т. е. наш интерес здесь направлен также и на особенное и индивидуальное, на их единственное и не повторяющееся течение, т. е. мы хотим изучать их также историческим, индивидуализирующим методом» (там же). Необходимо при этом отметить, что Риккерт различает метод отнесения к ценности от метода оценки: речь идет не о субъективной оценке, а об отнесении к объективно существующей ценности. Среди многообразия действительности познающий человек выбирает все то, что считает важным с точки зрения этой «объективно существующей» ценности. Имея дело с ценностями, история, однако, не является оценивающей наукой, утверждает Риккерт. «Проблема объективности истории, понятие всеобщей истории и понятие системы эмпирических наук о культуре выводят нас за пределы эмпирически данного, и мы в самом деле должны допустить если не существование окончательно уже достигнутого знания о том, что именно является ценностью, то все же значимость объективных ценностей и возможность, по крайней мере, постепенного приближения к их познанию. Принципиальный прогресс в науках о культуре со сто-

роны их объективности, их универсальности и их систематической связи, действительно, зависит от прогресса в выработке объективного и систематически расчлененного понятия культуры, т. е. от приближения к системе значимых ценностей. Итак, единство и объективность наук о культуре обусловлены единством и объективностью нашего понятия культуры, а последняя в свою очередь — единством и объективностью ценностей, оцениваемых нами» (там же). Такое построение в результате приводит к тому, что историк, отделяя среди многообразия исторических фактов существенное от несущественного, должен руководствоваться какими-то «потусторонними критериями», что уже само по себе вряд ли может способствовать возведению истории в ранг науки. Если к тому же иметь в виду, что задачей историка, по Риккерт, является только познание индивидуального, что построение общих понятий, что нахождение общих законов есть дело только естественных наук, то отрицание возможности научного исследования общественно-исторического процесса становится неизбежным для всякого, кто стал бы последовательно развивать точку зрения Риккерта. В основе всех рассуждений Риккерта о различии между генерализующим и индивидуализирующим методом лежит недialeктическое понимание общего и частного, абстрактного и конкретного, как полярностей, лежит формально-логическое учение о понятии (см. об этом 2-ю и 3-ю главы).

Однако круг возражений против признания закономерности общественно-исторического процесса со стороны буржуазной науки эти не исчерпывается. Встречается еще и такой взгляд: закономерность общественно-исторического процесса не отрицается, но она объявляется резко отличной от закономерности явлений природы, отличной в том смысле, что в то время как законы природы являются «вечными» законами, законы общественные — исторические, суть преходящие законы. Как видно из предыдущего, мы не отрицаем того, что закономерность общественно-исторического процесса имеет свои специфические особенности по сравнению с закономерностью явлений природы; эти специфические особенности определяются тем фактом, что историю делают люди. (Ниже в настоящей главе и в последней главе этой книги, посвященной теории общественного развития, мы несколько подробнее остановимся на вопросе о специфическом характере закономерности общественно-исторического процесса.) Но, признавая этот специфический характер, мы никак не можем согласиться с противопоставлением двух типов законов, вечных законов природы и преходящих законов общественных. Во-первых, «мы можем назвать законы общества такими же всеобщими и вечными, как законы природы в том смысле, что они всюду и во все времена действуют одинаково, раз налицо имеются одинаковые условия» (Каутский, «Размножение и развитие в природе и обществе»). В таком условном смысле мы можем говорить о «вечности» законов общественных. А, во-вторых, обратно, ни один закон природы не может быть назван «вечным» в том смысле, «что он сохраняет свое значение при всяких условиях, что он не находится ни в какой за-

зависимости от определенных условий. . . Даже по отношению к самым простым законам неорганической природы, которые мы считаем наиболее важными, мы можем утверждать, что они сохраняют свое значение только для нашей вселенной, поскольку она нам известна» (там же). Эта мысль подробно развивается Энгельсом в «Диалектике природы»: «Вечные законы природы превращаются все более и более в исторические законы. Что вода от 0 до 100° С жидка, это — вечный закон природы, но чтобы он мог иметь силу, должны быть: 1) вода, 2) данная температура и 3) нормальное давление. На луне нет вовсе воды, на солнце имеются только элементы ее, и к этим небесным телам наш закон неприменим. Законы метеорологии тоже вечны, но только для земли или же для тела, обладающего величиной, плотностью, наклоном оси и температурой земли и при предположении, что оно обладает атмосферой с одинаковой пропорцией кислорода и азота и с одинаковыми массами испаряющегося и осаждающегося водяного пара. На луне нет совсем атмосферы; солнце обладает атмосферой из раскаленных металлических паров, на луне поэтому нет совсем метеорологии, на солнце же она совершенно иная, чем у нас.—Вся наша официальная физика, химия и биология исключительно *геоцентричны* и рассчитаны для земли. Мы совершенно не знаем формы электрических и магнитных напряжений на солнце, на неподвижных звездах и туманностях и даже на планетах, обладающих этой плотностью. Законы химических связей элементов прекращаются на солнце благодаря высокой температуре или же имеют временное действие на границе солнечной атмосферы, причем соединения эти снова разлагаются при приближении к солнцу. Но химия солнца находится в становлении, и она неизбежно иная, чем химия земли, она не опровергает последней, но находится вне ее. На туманностях, возможно, не существуют те из 65 элементов, которые, может быть, сами сложны».

Итак, законы общества в данных условиях осуществляются с железной необходимостью, а с другой стороны — законы природы зависят, так же как и законы общества, от наличия тех или иных условий. И те и другие, таким образом, не имеют абсолютного характера. Попытка по этой линии провести грань между законами природы и законами общественно-исторического процесса является, как мы видим теперь, несостоятельной. Однако, как выше было указано, из этого вовсе не следует, что законы природы и законы общественно-исторического процесса тождественны, что закономерность общественно-исторического процесса не представляет собой специфической закономерности. Эта специфичность закономерности общественных явлений определяется, как выше было указано, тем фактом, что сами люди делают свою историю, что в образовании исторического факта принимает участие человеческая воля. Было бы неправильным, отрицая значение человеческой воли в образовании общественных явлений, таким путем пытаться сблизить законы общественные с законами природы. Но точно так же было бы совершенно неправильным, утверждая определяющее значение человеческой воли в образовании обще-

ственных явлений, таким путем пытаться установить специфический характер закономерности общественных явлений. Специфический характер закономерности общественных явлений определяется одновременно и отрицанием и утверждением значения человеческой воли в историческом процессе. Подобно тому как необходимость не исключает случайности, она не исключает и свободы воли. Как случайность является особой формой проявления необходимости, так и свобода воли может быть выведена из необходимости.

Прежде всего — взгляды Маркса, Энгельса и Плеханова на соотношение между необходимостью и случайностью в общественных явлениях, на сущность и историческое значение случайности.

В письме к Кугельману от 17 апреля 1871 года Маркс писал: «История имела бы очень мистический характер, если бы «случайности» не играли никакой роли. Эти случайности входят, конечно, сами составной частью в общий ход развития, уравниваясь другими случайностями. Но ускорение и замедление в сильной степени зависят от этих «случайностей», среди которых фигурирует также и такой «случай», как характер людей, стоящих во главе движения».

Энгельс в письме к Штаркенбургу от 25 января 1894 года писал: «Люди сами делают свою историю, но до сих пор не сознательно, не руководя ею общей волей, по единому общему плану. Этого не было даже в пределах определенного, отграниченного данного общества (не говоря уже о всем человечестве). Их стремления перекрещиваются, и во всех таких обществах господствует поэтому необходимость, дополнением и формой проявления которой является случайность. Необходимость, пробивающаяся здесь сквозь всякую случайность, опять-таки исключительно экономическая. Здесь мы подходим к вопросу о так называемых великих людях. То обстоятельство, что вот именно этот великий человек появляется в данной стране, в определенное время, конечно, есть чистая случайность. Если мы этого человека вычеркнем, то появится спрос на то, чтобы заместить его кем-нибудь, и такой заместитель находится. Что Наполеон был вот именно этот корсиканец, что именно он был военным диктатором, который стал необходим Французской республике, истощенной войной, это было случайностью».

У Плеханова, в его статье «К вопросу о роли личности в истории» мы читаем: «Сластолюбие Людовика XV было необходимым следствием состояния его организма. Но по отношению к общему ходу развития Франции это состояние было случайно. А между тем оно не осталось, как мы уже сказали, без влияния на дальнейшую судьбу Франции и само вошло в число причин, обусловивших собой эту судьбу. Смерть Мирабо, конечно, причинена была вполне законообразными патологическими процессами. Но необходимость этих процессов вытекала вовсе не из общего хода развития Франции, а из некоторых частных особенностей организма знаменитого оратора и из тех физических условий, при которых он заразился. По отношению к общему ходу развития Франции

эти особенности и эти условия являются случайными. А между тем смерть Мирабо повлияла на дальнейший ход революции и вошла в число причин, обусловивших его собою».

Далее, если мы признаем, что историю делают люди, что в образовании общественных явлений принимает участие воля человека, если мы признаем, с другой стороны, что все общественные явления закономерны, то, следовательно, мы должны признать, что закономерны и действия отдельных людей, иными словами, что воля человека связана. Но в то же время, наблюдая свое собственное поведение, мы видим, что в целом ряде случаев от нас зависит — совершить тот или иной поступок — пойти в театр вместо того, чтобы идти работать в библиотеку, остаться дома — вместо того, чтобы идти на заседание, — словом, принять то или иное решение, сделать тот или иной выбор. Как будто, таким образом, наша воля свободна. В философии существует два взгляда на вопрос о свободе воли: одни считают, что человеческая воля свободна, другие — что человеческая воля несвободна, зависима. Учение, признающее человеческую волю свободной, называется *индетерминизмом*; учение же, согласно которому человеческая воля связана, несвободна, называется *детерминизмом*. Из всего того, что было сказано выше о причинной необходимости, о закономерности в области явлений природы и явлений общественных, совершенно ясно, что научным подходом к вопросу о свободе воли может считаться только подход детерминистов. В самом деле, если допустить, что человеческая воля свободна, беспричинна, в то время как все остальное в мире подчиняется законам, то мы придем к противопоставлению человеческой воли всему остальному миру; человек, оказывается, стоит вне закона природы; он — особое существо. Такой взгляд очень близок к религиозному учению о человеке — «венце творения», которого бог сделал «господином вселенной». Итак, научная точка зрения — это точка зрения детерминизма.

Однако в этот вопрос необходимо внести несколько большую точность. В самом деле, к вопросу о свободе воли, как и всякому другому вопросу, можно, как мы знаем, подойти метафизически и диалектически. Подойти диалектически — это значит рассматривать и свободу воли человека в ее развитии. Сказать, что человеческая воля абсолютно несвободна, что воля человека никакой роли не играет ни в жизни данного человека, ни в общественной жизни, что все predetermined, это значит подойти к вопросу метафизически. Это не научный детерминизм, а фатализм, т. е. вера в «судьбу», которая тяготеет над человеком. Фатализм отрицает какое бы то ни было значение, какую бы то ни было роль воли людей. Научный же детерминизм решает вопрос о свободе воли диалектически. Абсолютное противопоставление свободы и необходимости друг другу противоречило бы принципам диалектического материализма. Энгельс говорил, что свобода воли есть не что иное, как способность человека решать вопросы «со знанием дела». Энгельс говорит здесь о научном знании, а не о простой осведомленности. Научно познать какое-либо явление — это зна-

чит познать те законы, согласно которым это явление совершается, познать причинную необходимость, которой подчиняется это явление. Свобода воли развивается, растет вместе с расширением того, чтобы идти на заседание, — словом, принять то или иное познания необходимости. Она «заключается таким образом, в господстве над собой и над внешней природой — господстве, основанном на понимании естественной необходимости; поэтому она необходимо является продуктом исторического развития». (Энгельс, «Анти-Дюринг»). Итак, свобода воли есть познанная необходимость. «Слепа необходимость лишь постольку, поскольку она непонятна». «Если мы рассматриваем понятие свободы, как абстрактную противоположность необходимости, то это только расщепленное понятие свободы; истинное же и разумное понятие свободы содержит внутри себя необходимость как снятую». Так определяет Гегель диалектическое отношение между свободой и необходимостью.

Познав законы природы и законы общественной жизни, мы получаем возможность использовать эти законы и таким образом господствовать над природой и над стихийностью общественно-исторического процесса. Ибо знать закон, согласно которому совершается какое-либо явление, это значит — знать причинную связь этого явления с другими явлениями, иметь возможность от знания причины перейти к предвидению следствия и от предвидения к воздействию на ход самого явления. «Силы, действующие в обществе, появляются совершенно так же, как и силы природы: слепо, насильственно и разрушительно до тех пор, пока мы их не знаем и поэтому не можем ими управлять, — писал Энгельс. — Но раз мы их узнали, поняли их действие, их направление и их явление — тогда уже от нас зависит все более и более подчинять их своей воле и посредством этого достигать своих целей» («Анти-Дюринг»). Такие выводы невозможны для фатализма: фатализм, отрицая волю, отрицает действительность человека. Быть фаталистом — это значит сидеть сложа руки и ждать «своей судьбы», ибо — «судьбы не миновать». Но как раз к таким выводам ведет механическое понимание необходимости — отрицание объективного характера случайности, отрицание развивающейся свободы воли. Если стать на точку зрения механического понимания причинности, то легко прийти к построениям в духе буржуазного социолога Штамлера, который утверждал, что если социализм необходимо должен наступить, должен наступить в силу необходимо действующих исторических законов, то не для чего бороться за социализм, не для чего создавать для этой борьбы рабочую партию: странно было бы, например, организовывать партию, которая поставила бы своей задачей бороться за наступление лунного затмения. Мы знаем, однако, в чем различие между необходимостью, согласно которой наступает затмение луны, и исторической необходимостью. Мы знаем, что такое диалектическое понимание необходимости и потому мы знаем, что, диалектически поняв необходимость, невозможно прийти ни к предопределению, ни к фатализму.

§ 3. СУЩНОСТЬ ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА.

Теории исторического материализма посвящена вся вторая половина настоящей книги (главы с 6-й по 10-ю). Там будут вскрыты и подробно проанализированы законы общественно-исторического процесса. Здесь же мы ставим перед собой задачу дать лишь схему теории исторического материализма и, притом, дать ее постольку, поскольку это необходимо для того, чтобы понять соотношение между теорией исторического материализма и диалектическим материализмом и значение теории исторического материализма.

Теория исторического материализма является результатом применения материалистической диалектики к анализу общественно-исторического процесса. В известном смысле теория исторического материализма может рассматриваться как продолжение учения Дарвина. Дарвинизм сформулировал научную теорию происхождения видов растительного и животного мира и далее — научную теорию происхождения человека из родственных ему видов животного мира; дарвинизм указал место в природе человека, как биологической особи, и, тем самым, уничтожил религиозное идеалистическое представление о человеке, как о существе, стоящем вне остального мира, как о существе «одаренном» особенной силой — духом, разумом, как о «венце творения». Теория исторического материализма берет человека там, где им перестает заниматься теория естественного отбора: она выясняет, каким образом человек *выделился* из остального животного мира, в чем сущность *различий* между условиями жизни человека и условиями жизни остальных животных, почему именно человек сумел подчинить себе силы природы; теория исторического материализма вскрывает значение *общественного труда* в процессе развития культуры человечества и дает анализ структуры общества и анализ движущих сил общественно-исторического процесса. Это значит, что теория исторического материализма берет человека на той ступени его развития, когда возникают специфические для человека закономерности — общественные закономерности.

Диалектико-материалистическую картину развития общества мы находим в следующих формулировках Маркса, Энгельса, Плеханова и Ленина. «В общественном отравлении своей жизни люди вступают в определенные, от их воли независящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений образует экономическую структуру общества, *реальное основание*, на котором возвышается правовая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает собой процесс жизни социальной, политической и духовной вообще. Не сознание людей определяет их бытие, но, напротив, общественное бытие определяет их сознание» (К. Маркс, Предисловие к

«Критике политической экономии»). В своей речи на могиле Маркса Энгельс так охарактеризовал сущность марксистского понимания структуры общества: «Маркс открыл закон развития человеческой истории — тот простой, но заслоненный до сих пор идеологическими наслоениями факт, что люди должны есть, пить, иметь жилища, одеваться, прежде чем заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д. и что, следовательно, производство непосредственных материальных средств существования и, соответственно, степень экономического развития народа или эпохи образуют ту основу, из которой должны быть выведены, а значит и объяснены (а не наоборот, как это делалось до сих пор), государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления людей». Устанавливая соотношения между «реальным основанием» общества (базисом) и надстройками, Плеханов дает следующую схему: 1) состояние производительных сил; 2) обусловленные им экономические отношения; 3) социально-политический строй, выросший на данной экономической «основе»; 4) определяемая частью непосредственно экономикой, а частью всем выросшим на ней социально-политическим строем, психика общественного человека; 5) различные идеологии, отражающие в себе свойства этой психики». («Основные вопросы марксизма».) Итак, основой общества является состояние производительных сил и определяемые производительными силами и прежде всего техникой производственные отношения. На основе развития производительных сил развиваются производственные отношения, которые на определенной ступени своего развития становятся классовыми производственными отношениями. Противоречие классовых интересов порождает классовую борьбу; с момента возникновения классовых отношений основным содержанием общественно-исторического процесса становится классовая борьба. В ходе классовой борьбы следует искать объяснения перехода от одной общественной формы к другой. Каждая следующая ступень развития общественных форм зарождается в недрах предшествующей ступени и возникает, как ее отрицание, причем решающим моментом в переходе от одной общественной формы в другую является перерыв непрерывности, скачок, революция. В своей основе революция представляет собой разрешение того противоречия, в которое вступают в процессе своего развития производительные силы и производственные отношения: «на известной ступени своего развития материальные производительные силы общества впадают в противоречие с существующими производственными отношениями или, употребляя юридическое выражение, с имущественными отношениями, внутри которых они до сих пор действовали. Из формы развития производительных сил эти отношения становятся их оковами. Тогда наступает эпоха социальной революции» (Маркс, «К критике политической экономии», предисловие). Для того, чтобы совершить коренное переустройство общества, угнетенный класс должен прежде всего завоевать политическую власть. Однако, для того, чтобы поставить перед собой задачу завоевания политической

власти, угнетенный класс должен осознать необходимость революции; психология и идеология угнетенного класса должны стать революционными. Осознав цели и средства борьбы, революционный класс завоевывает политическую власть, затем перестраивает производственные отношения и в условиях новых производственных отношений возобновляет заторможенное ранее развитие производительных сил. Итак, революция, начинаясь в области общественной психологии и идеологии, заканчивается в области производительных сил. Само собой разумеется, что перелом в области общественной психологии и идеологии произошел не сам по себе: он явился лишь отражением назревшего до него конфликта между производительными силами и производственными отношениями; и здесь идеологические надстройки определяются экономическим базисом. Но разрешение конфликта между производительными силами и производственными отношениями идет через идеологическую и политическую надстройку к базису — экономике и технике. Здесь мы встречаемся еще с одним проявлением диалектического понимания взаимоотношения между отдельными сторонами общественной жизни: надстройки в своем возникновении и развитии определяются базисом, но, раз возникнув, они, в свою очередь, оказывают влияние и на экономическую структуру общества и на технику. (Обратное влияние надстроек на базис.) Теория исторического материализма отнюдь не отрицает значимости творческого начала в общественно-историческом процессе, она отнюдь не устанавливает автоматического действия экономики; историю делают сами люди; психология и идеология людей играют огромную роль в ходе исторического процесса. Проблема обратного влияния надстроек на базис, как мы видим, развивается в проблеме роли личности в истории. Теория исторического материализма не отрицает роли личности в истории, причем не только так называемой *великой личности*, но и *любой личности*, ибо она исходит из того, что люди сами делают свою историю; она только отрицает произвол личности, она не считает возможным для личности придать любое, желательное ей, направление ходу событий. Признавая роль творческого начала в общественно-историческом процессе, теория исторического материализма естественно признает значение теории, значение научного осознания тенденций — общественно-исторического процесса для влияния на ход этого процесса. Сама теория исторического материализма, возникая на основе развивающегося рабочего движения, являющаяся в своих теоретических положениях продуктом рабочего движения, в своих практических выводах становится фактором рабочего движения — «руководством для действия». Эти практические выводы таковы: подобно тому, как в недрах феодального общества зародились те силы, которые подготовили буржуазную революцию, точно также в недрах капиталистического общества зародились необходимые предпосылки пролетарской революции и прежде всего — организованный в условиях крупного обобществленного производства рабочий класс — могильщик буржуазного общества и строитель общества коммунистического; путь к коммунистическому обществу

лежит через организованное рабочее движение, через пролетарскую революцию и диктатуру пролетариата.

Итак, мы видим, что теория исторического материализма устанавливает связь между борьбой человека с природой, процессом производства материальной жизни, борьбой классов и развитием всей человеческой культуры. Отсюда теория исторического материализма перебрасывает мост между познанием явлений природы и познанием общественных явлений, не забывая, однако, о специфическом характере законов общественного развития, отличающем эти законы от законов развития природы. Будучи, как мы указывали выше, продолжением дарвиновской теории естественного отбора, т. е. отбора в процессе борьбы за существование, теория исторического материализма, однако, ни в малейшей мере не является результатом перенесения дарвиновского принципа борьбы за существование в область общественных явлений. Когда мы устанавливаем связь между теорией исторического материализма и дарвиновской теорией борьбы за существование, то понимаем эту связь лишь в том смысле, в каком говорил Маркс, когда дарвиновскую теорию борьбы за существование он объявил «естественно-научной опорой (и только! Б. Ф.) исторической классовой борьбы».

Было бы «совершенным ребячеством, — читаем мы у Энгельса, — подводить все многообразие исторического развития и усложнения жизни под одностороннюю и тощую формулу «борьбы за существование». Это значит ничего не сказать или и того меньше... Животное, в лучшем случае, доходит до собирания средств существования, человек же производит их, он добывает такие средства существования (в широком смысле слова), которых природа без него не произвела бы. Это делает сразу недопустимым всякое перенесение без соответственных оговорок законов жизни животных обществ на человеческое общество. Благодаря факту производства, так называемая *struggle for existence* (борьба за существование. Б. Ф.) вскоре перестает ограничиваться одними лишь средствами существования, захватывая также средства наслаждения и развития. Здесь — при общественном производстве средств развития — совершенно неприменимы уже категории из животного царства. Наконец, при капиталистическом способе производства, производство поднимается на такую высоту, что общество не в состоянии уже потребить произведенных средств существования, наслаждения и развития, потому что подавляющему большинству производителей искусственно и насильственно закрыт доступ к этим средствам, что каждые десять лет промышленный кризис снова восстанавливает равновесие путем уничтожения не только произведенных средств существования, наслаждения и развития, но также и значительной части самих производительных сил; что, следовательно, так называемая борьба за существование принимает такую форму, при которой возникает необходимость защитить произведенные буржуазным капиталистическим обществом продукты и производительные силы от губительного, разрушительного действия этого капиталистического общественного по-

рядка, для чего надо отнять руководство общественным производством и распределением у ставшего неспособным к этому господствующего класса и передать его массе производителей, — а это и есть социалистическая революция» (Энгельс, «Диалектика и естествознание». Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. II). Итак, мы видим, что борьба за существование уже внутри классового антагонистического общества принимает характер настолько специфический, настолько отличный от борьбы за существование в природе, что в том смысле, в каком употребляется понятие борьбы за существование в дарвиновском законе естественного отбора, здесь это понятие оказывается неприменимым. «Уже понимание истории, как ряда классовых битв, гораздо содержательнее и глубже, чем простое сведение ее к слабо отличающимся друг от друга фазам борьбы за существование» (там же). Что же касается общества бесклассового — коммунистического, то здесь классовая борьба исчезает и закон борьбы за существование вновь меняет свое содержание: коммунистическое общество, как единое целое, противостоит природе, борьба человека с человеком прекращается и сохраняется лишь борьба между человеческим обществом и природой. Итак, мы видим, что объединенные с явлениями природы всеобщим законом диалектического развития общественные явления подчиняются своим специфическим закономерностям: всеобщий закон диалектического развития специфически проявляется в природе с одной стороны и в общественно-историческом процессе — с другой.

§ 4. ЗНАЧЕНИЕ ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА.

Изложенное выше диалектико-материалистическое учение о закономерности в природе и обществе, а также данная только что схема марксистской теории общественного развития вскрывают перед нами и значение теории исторического материализма.

Применяя метод диалектического материализма к анализу общественно-исторического процесса, мы получаем возможность установить связь между общественным человеком и человеком, как продуктом природы, между борьбой за существование в природе и борьбой за существование общественного человека, между процессом производства материальной жизни и борьбой классов — с одной стороны, и развитием всей человеческой культуры вплоть до так называемой духовной культуры — с другой стороны. В «Немецкой идеологии» (Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. I) мы встречаем следующие строки, характеризующие отличие буржуазного понимания истории от марксистского ее понимания. «Все прежнее понимание истории или совершенно игнорировало эту (экономическую. Б. Ф.) реальную основу истории или же видело в ней какую-то побочную вещь, совершенно не связанную с историческим процессом. Поэтому историю приходится всегда писать, считаясь с каким-то лежащим вне ее масштабом; реальное производство жизни кажется чем-то неисторическим, а историческое представляется чем-то оторванным от обыденной жизни,

чем-то особенным, стоящим над миром. Благодаря этому из истории исключается отношение людей к природе, в силу чего порождается противоположность между природой и историей». В противоположность такому пониманию истории теория исторического материализма перебрасывает мост между познанием явлений природы и познанием общественных явлений и тем самым дает возможность «с естественно-исторической точностью исследовать общественные условия жизни масс и изменения этих условий» (Ленин, «Три источника и три основных части марксизма»). Благодаря теории исторического материализма признание закономерности общественных явлений проникает в общественные науки. Сама теория исторического материализма по существу своему является не чем иным, как раскрытым содержанием закономерности общественно-исторического процесса. Основным законом общественно-исторического процесса с момента разложения первобытного коммунистического общества является как мы видели, закон классовой борьбы. «Теория классовой борьбы, — читаем мы у Ленина, — потому именно составляет громадное приобретение общественной науки, что устанавливает приемы... сведения индивидуального к социальному с полнейшей точностью и определенностью... Эта теория выработала понятие общественно-экономической формации. Взявши за исходный пункт основной для всякого человеческого общежития факт — способ добывания средств к жизни, она поставила в связь с ним и отношения между людьми, которые складываются под влиянием данных способов добывания средств к жизни, и в системе этих отношений («производственных отношений» — по терминологии Маркса) указала ту основу общества, которая облекается политико-юридическими формами и естественными течениями общественной мысли... Этой теорией был применен к социальной науке... объективный, общенаучный критерий повторяемости... «Теория классовой борьбы впервые... возводит социологию на степень науки» («Экономическое содержание народничества и критика его в книге Г. Струве»). Итак, теорию исторического материализма Ленин называет социологией. То же мы встречаем у Плеханова. В основных вопросах марксизма Плеханов пишет: «Социология становится наукой лишь в той мере, в какой ей удастся понять возникновение целей у общественного человека (общественную «телеологию»), как необходимое следствие общественного процесса, обусловливаемого в последнем счете ходом экономического развития». Эту задачу как раз и выполнила теория исторического материализма, почему Плеханов далее и замечает: «Очень характерно то обстоятельство, что последовательные противники материалистического понимания истории видят себя вынужденными доказывать невозможность социологии, как науки». Само собой разумеется, когда мы называем теорию исторического материализма социологией, мы вкладываем в этот термин совершенно иное содержание, нежели то, которое вкладывалось и вкладывается буржуазными социологами. Буржуазная социология трактует об обществе «вообще», об обществе, «как та-

ковом», — словом, об обществе, существующем где-то вне времени. Буржуазной социологии чужда идея развития; буржуазная социология поэтому оперирует с «чистыми абстракциями». Если буржуазная социология и пытается стать на точку зрения развития, то законы исторического процесса не выводятся ею из самого исторического процесса, а придумываются, извлекаются из различных умозрительных философских систем и навязываются этому историческому процессу. Мы видим, таким образом, как бесконечно далека сущность буржуазной социологии от сущности теории исторического материализма, основным стержнем которого является принцип развития, во всех категориях которого (как и вообще во всех диалектических понятиях) осуществляется диалектическое единство абстрактного и конкретного. И, однако, из всего вышесказанного вовсе не следует, что теорию исторического материализма нельзя определить как марксистскую социологию. Отказываться от употребления термина «социология» по отношению к теории исторического материализма на том основании, что буржуазная социология ненаучна, можно с таким же правом, с каким мы стали бы отказываться от употребления термина «философия» по отношению к диалектическому материализму на том основании, что ненаучна домарксистская философия. Обратно, с тем же правом, с каким мы говорим о диалектическом материализме, как философской концепции (см. выше — глава 4-я), мы можем и должны говорить о теории исторического материализма, как о научной социологии. Подобно тому как диалектический материализм является наукой о наиболее общих законах всякого движения, теория исторического материализма является наукой о наиболее общих законах движения общества или общественного развития. И точно так же, как диалектический материализм, будучи обще-философской концепцией, является и всеобщей методологией наук, точно так же и теория исторического материализма, будучи социологической концепцией, является методологией общественных наук. Значение теории исторического материализма как научной социологии было сформулировано, как мы видели, Лениным и Плехановым. Точно также ими было отмечено и методологическое значение теории исторического материализма. Будучи результатом применения метода диалектического материализма к анализу общественно-исторического процесса, теория исторического материализма является научной теорией общественного развития, является научной социологией и вместе с тем, вскрывая законы общественного развития, теория исторического материализма делает эти законы методологическим принципом для других, более конкретных, более частных общественных наук.

Теория исторического материализма, как научная социология и как методология общественных наук, положила начало и научной политике — науке о целях и средствах планомерной деятельности людей, направленной на преобразование общества. И до возникновения теории исторического материализма люди пытались ставить пред собой задачи преобразования общества, но ру-

ководящие принципы этого преобразования они искали в каких-то, или открываемых, принципах «вечно разумного» и «вечно справедливого», а так как в действительности таких принципов разумного и справедливого для всех времен и народов не существует, то, понятно, их намерения остались благими пожеланиями, мечтами. Теория исторического материализма, вскрыв законы общественного развития, указала историческую роль пролетариата — иными словами, указала, что путь к преобразованию общества лежит через организованное рабочее движение. При этом своим выводам она пришла, исходя не от абстрактных принципов «справедливого» и «разумного», а от исследования конкретной исторической действительности, как она есть, и в первую очередь от изучения рабочего движения. «Если бы, — писал Энгельс, — наша уверенность относительно предстоящего преобразования современного способа распределения продуктов труда с его вопиющими противоречиями, нищетой и роскошью, голодом и изобилием опиралась только на сознание, что этот способ распределения несправедлив и что справедливость должна, наконец, когда-нибудь восторжествовать, то наше дело было бы плохо и нам пришлось бы долго ждать такого преобразования («Анти-Дюринг»). Благодаря теории исторического материализма вопрос о преобразовании общества вышел из области добрых пожеланий, из области рассуждений о справедливом и несправедливом и стал вопросом о научно обоснованных практических мероприятиях, направленных на уничтожение капиталистического общества и создание общества коммунистического, иными словами, стал вопросом научно обоснованной политики. «Теория марксизма, освещенная ярким светом нового всемирно-богатого опыта революционных рабочих, помогла нам понять всю закономерность происходящего. Она поможет борющимся за свержение капиталистического наемного рабства пролетариям всего мира яснее сознать цели своей борьбы, тверже идти по намечившемуся уже пути, вернее и прочнее брать победу и закреплять победу» (Ленин, «Завоеванное и записанное»). Это возможно потому, что знание законов, согласно которым совершаются те или иные явления, открывает перед человеком возможность предвидения по отношению к этим явлениям. Предвидение же, в свою очередь, обуславливает для человека возможность сознательного, планомерного воздействия на явления — возможность преобразования их. Вспомним то, что говорилось в главе III — об общественной практике, как критерии истины. Теперь мы вновь встречаемся с тем же вопросом. Возможность предвидения и планомерного воздействия есть вернейшая гарантия истинности нашего знания. Если мы можем предсказать явление или воспроизвести его, то значит наше знание об этом явлении соответствует самому явлению, каким оно существует вне нас и независимо от нас.

В области знаний человека о природе идея причинной закономерности в течение XIX в. укрепилась вполне. Ряд оправдавшихся предвидений и блестящее развитие техники доказали истинность многих основных законов природы. Возьмем, например, открытие

планеты Нептун. На основании знания законов движения небесных тел и наблюдений над «неправильностями» в движении планеты Уран было в 1845 г. Адамсом, а в 1846 г., независимо от него, Леверье, путем точных вычислений, доказано, что причиной «неправильностей» в движении Урана должно быть действие на Уран притяжения какой-то неизвестной планеты, причем была вычислена орбита этой планеты и определено место небосвода, на котором следует ее в такой-то день искать. И вот, то, что, предсказали астрономы путем вычислений, оправдалось: при помощи телескопа была найдена искомая планета, получившая название «Нептун». Другой пример — открытие новых химических элементов, предсказанное Менделеевым на основании периодической системы, закона, выведенного им путем вычисления атомных весов известных в его время элементов. Нужно ли доказывать, что технология, агрономия и медицина, являясь практическим применением законов механики, физики, химии, биологии и т. д., неоднократно подтверждали истинность этих законов?

В настоящее время, когда принцип закономерности проник и в область общественных наук, когда, благодаря теории исторического материализма, оказывается доказана закономерность общественных явлений и по отношению к общественным явлениям. Приведем несколько наиболее характерных примеров. Оправдываются предсказанные Марксом и Энгельсом победа машинного производства над ремеслом, пролетаризация масс и обострение классовых антагонизмов; подтвердилась указанная ими неизбежность промышленного кризисов в анархическом капиталистическом хозяйстве и неспособность буржуазии управлять процессом общественного производства. Но особенно красноречивы в этом смысле предвидения конкретных исторических событий. В 1888 г. Энгельс в письме к Зорге от 7 января предсказал не только характер мировой войны, но и указал ее главные последствия. Приведем отрывки из этого замечательного документа: «Война отбросила бы нас назад на годы. Шовинизм все потопил бы, так как это была бы борьба за существование. Германия выставила бы около пяти миллионов солдат, или десять процентов населения, другие — около четырех или пяти процентов, Россия относительно меньше. Но в действие были бы пущены от десяти до пятнадцати миллионов солдат. Хотел бы я видеть, как их прокормят; опустошение было бы такое же великое, как в Тридцатилетнюю войну. И дело не окончилось бы быстро, несмотря на колоссальные военные силы. Ибо на северо-восточной и юго-восточной границе Франция защищена очень длинной линией крепостей, а Париж снабжен образцовыми укреплениями. Стало быть, война загнулась бы надолго, точно так же и Россию нельзя одним ударом победить... Вполне возможно, что замедление решающих битв и частичные поражения вызовут внутренний переворот. Если же немцы с самого начала будут побиты или будут вынуждены на продолжительную оборонительную войну, тогда переворот уже несомненно наступит. А в том случае, если война кончится без внутренних по-

трясений, то наступит такое истощение, какого Европа уже двести лет не переживала. Американская промышленность победит тогда по всей линии и всех нас поставит перед альтернативой: либо возврат к чистому земледелию для собственного потребления (какого-либо другого не допустит американский хлеб), либо социальное преобразование». Пережившие мировую войну могут по достоинству оценить значение такого предвидения для авторитета марксистской науки. Или другой пример: на наших глазах реализуется выдвинутая Марксом идея диктатуры пролетариата. По этому поводу Ленин писал: «Всемирно историческое значение III Коммунистического Интернационала состоит в том, что он начал претворять в жизнь величайший лозунг Маркса, лозунг, подведший итог вековому развитию социализма и рабочего движения, лозунг, который выражается понятием диктатуры пролетариата. Это гениальное предвидение, эта гениальная теория становится действительностью» («III Интернационал и его место в истории»). Много примеров такого научно обоснованного предвидения дает научная и практическая деятельность Ленина. Достаточно указать на предвидение путей развития капитализма в России, на предвидение значения, которое приобретут Советы не только в качестве революционных организаций восставшего пролетариата, но и в качестве органов власти пролетарского государства, на предвидение превращения войны империалистической в войну гражданскую, на предвидение результатов Брестского мирного договора, чтобы стало ясно, какие широчайшие перспективы в области научного предвидения открывает применение марксистского метода к анализу той или иной конкретной исторической обстановки.

Когда мы говорим о научном предвидении, особенно ясным становится значение диалектического понимания соотношения между абстрактным и конкретным, значение диалектического единства абстрактного и конкретного, значение одного из основных положений диалектического материализма — положения о том, что абстрактной истины нет, что истина всегда конкретна. Диалектик всегда должен учитывать связь особенного со всеобщим и в то же время их отличие друг от друга. «В конкретном историческом процессе, в этом «диалектическом движении», особенностях иногда выпячиваются с большой силой, иногда же они отступают на задний план и вперед выдвигается, так сказать, общее. В каждом отдельном случае конкретный анализ должен показать, что является для данного момента существенным, необходимым и что — «случайным» (Деборин, «Ленин как мыслитель»). Значение конкретных особенностей в историческом процессе, значение «своеобразий» подчеркивается Лениным в следующих строках: «Даже тресты, даже банки в современном империализме, будучи одинаково неизбежны при развитии капитализма, не одинаковы в их конкретном виде в разных странах. Тем более не одинаковы, несмотря на их однородность в основном, политические формы в передовых империалистических странах — Америке, Англии, Франции, Германии. Такое же разнообразие про-

является и на том пути, который пробегает человечество от нынешнего империализма к социалистической революции завтрашнего дня. Все нации придут к социализму, — это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни. Нет ничего более убогого теоретически и более смешного практически, как «во имя исторического материализма» рисовать себе будущее в этом отношении «одноцветной сероватой краской: это было бы суздальской мазней, не более того» («Империализм как новейший этап капитализма»). Эту мысль о необходимости учета конкретной обстановки, о бесплодности абстракций, оторванных от конкретного, выдвинул еще Маркс, когда в «Немецкой идеологии» писал о том, что абстракции, «обособленные от реальной истории, не имеют никакой ценности», и позднее, когда в своем письме в редакцию «Отечественных Записок» протестовал против попыток истолковать теорию исторического материализма, как теорию, «которой фатально подчиняются все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они находятся», как теорию, которая должна служить сама по себе (т. е. без учета конкретной обстановки) ключом к пониманию любого исторического события, ибо «события, поразительно аналогичные между собой, но происходившие в исторически различной среде, приводят к совершенно различным между собой результатам». Умение сочетать знание необходимых тенденций, законов, общественно-исторического процесса с учетом особенностей конкретного исторического момента, обусловило правильность генеральной линии партии и обратно — неумение диалектически подойти к складывающейся конкретной обстановке повлекло за собой ошибки и левого и правого уклона.

Итак, научное предвидение хода исторических событий и научно обоснованное воздействие на течение этих событий, — иными словами, преодоление стихийности общественно-исторического процесса предполагает как знание данной конкретной обстановки, так и понимание общих закономерностей общественно-исторического процесса. Значение теоретического анализа конкретных фактов для правильного революционного действия особенно ярко подчеркивается Лениным в его работе «Что делать?» — «Сознание рабочих не может быть истинно-классовым сознанием, если рабочие на конкретных и притом непременно злободневных (актуальных), политических фактах и событиях не научатся наблюдать *каждый* из других общественных классов во всех проявлениях умственной, нравственной и политической жизни этих классов, — не научатся применять на практике материалистический анализ и материалистическую оценку всех сторон деятельности и жизни всех классов, слоев и групп населения».

Познав законы общественно-исторического процесса, передовой класс капиталистического общества — пролетариат — приступил в наши дни к переустройству общества на социалистических

началах. Познав законы общественно-исторического процесса, мы имеем возможность овладеть стихией общественной жизни, подчинить жизнь общества сознательно поставленным целям и планомерно организовать ее. Законы общественной жизни, — писал *Энгельс*, — в коммунистическом обществе «будут применяться людьми с полным пониманием дела и согласно с их собственными интересами. Подчинение общественной организации, которое им до сих пор как бы навязывалось природой и историей, станет теперь их собственным свободным делом. Объективные и чуждые им силы, царившие до сих пор в истории, попадут под контроль самих людей. Только тогда люди будут сами вполне сознательно творить свою историю, а приводимые ими в движение исторические факты станут все в большей и большей мере давать желанные для них результаты. Это будет прыжок человечества из царства необходимости в царство свободы» («*Анти-Дюринг*»). «Материалисты-метафизики видели, как необходимость подчиняет себе людей...; диалектический материализм показывает, как можно их освободить» (*Г. Плеханов*, «*Маркс*»).

Итак, мы видим теперь, какое огромное значение имеет признание причинной закономерности общественных явлений как для развития общественной науки, так и для практической деятельности людей. Мы можем объяснить теперь, почему буржуазные ученые старались доказать отсутствие закономерности в общественных явлениях. Эти старания легко объясняются тем фактом, что явления общественной жизни очень близки к повседневным практическим интересам борющихся между собой общественных классов. Один английский философ сказал, что если бы с вопросом о том, чему равняется два, умноженное на два, были непосредственно связаны повседневные людские интересы, то мы до сих пор не имели бы таблицы умножения. Это, конечно, шутка, но шутка, объясняющая, почему многие представители буржуазной науки борются с признанием закономерности общественных явлений. Если мы признаем, что общественно-исторический процесс закономерен, то тем самым признаем, что, познав законы общественных явлений, люди могут предвидеть пути развития общественных форм и воздействовать на развитие этих форм — иными словами, могут перестраивать эти общественные формы. Понятно, что буржуазия ни в малейшей мере не заинтересована в том, чтобы капиталистическое общество, в котором она господствует, было бы уничтожено и чтобы вместо него было построено общество коммунистическое. Вот почему многие буржуазные ученые, верные выразители интересов своего класса, стараются доказать отсутствие закономерности в общественных явлениях: если общественные явления незаконномерны, то по отношению к этим явлениям невозможно предвидение, невозможно воздействие на них, иными словами, невозможно планомерное научно-обоснованное преобразование общества. Таким ярким выразителем интересов своего класса является, например, *Риккерт*, с учением которого мы познакомились выше. В лице *Риккерта* мы имеем четкого, определенного врага рабочего класса, а потому и четкого и опре-

деленного противника марксизма. При этом Риккерт не ограничивается только борьбой против признания закономерностей общественных явлений, он пытается выступить и непосредственно против марксистской теории, обнаруживая при этом полное непонимание теории исторического материализма вообще и в особенности непонимание того значения, которое придается теорией исторического материализма надстройкам. В качестве образцов риккертского отношения к марксизму приведем следующие отрывки из его сочинений: «Для того, чтобы понять его (т. е. материалистическое понимание истории. Б. Ф.), необходимо иметь в виду, что интересы его творцов вращались исключительно вокруг борьбы пролетариата с буржуазией и что победа пролетариата была центральной абсолютной ценностью» («Философия истории»). . . «Нас интересует здесь лишь вопрос, правильно ли видеть абсолютную ценность и смысл всего исторического развития в победе пролетариата в экономической области и, стало быть, вообще в хозяйственных благах? Мы, конечно, не будем здесь решать этого вопроса. Мы можем здесь лишь усомниться в вероятности того, что марксистские принципы ценности, найденные под углом партийно-политических точек зрения, годились для истолкования смысла всемирной истории» (там же). . . «Это уже не эмпирическая историческая наука, пользующаяся методом отнесения к ценности, но насильственно и некритически конструированная философия истории. Экономическим ценностям придается здесь до того абсолютное значение, что все, что обладает по отношению к ним значением, превращается в истинное бытие, все же, что не относится к экономической культуре, — в «надстройку» над истинным бытием. В результате получается крайне метафизическое воззрение, по формальной структуре своей родственное платоновскому идеализму и всякому реализму понятий. Ценности гипостезируются здесь в истинно и единственно существующее бытие. Различие только в том, что место идеалов головы и сердца заняли идеалы желудка» («Науки о природе и науки о культуре»). Приведенных строк совершенно достаточно для того, чтобы увидеть, насколько тенденциозны построения Риккерта, для того, чтобы увидеть, что его «критика» теории исторического материализма основана на сознательном искажении сущности материалистического понимания истории или в лучшем случае на нежелании его понять. Однако, из приведенного только что примера с Риккертом вовсе не следует, что все буржуазные ученые сознательно искажают научную истину. Многие из них вполне уверены в том, что они являются беспристрастными объективными исследователями и что, отрицая закономерность общественных явлений, они только верны науке. Многие из них даже и не подозревают о том, насколько их мышление искажено, извращено, насколько оно ушло от объективной истины. А между тем, это именно так. Мышление этих ученых неведомо для них самих отражает интересы того класса, к которому они принадлежат, идеологами которого они являются. Отрицая закономерность общественных явлений, они тем самым служат своему классу, буржуазии, заинтересован-

ной в том, чтобы тормозить развитие общественных наук, поскольку это развитие приводит человеческую мысль к выводам, не только не совпадающим с практическими интересами буржуазии, но и прямо противоречащим им. Борьба же за признание закономерности общественно-исторического процесса, которая ведется учеными, стоящими на почве диалектического материализма и исторического материализма, есть в то же время борьба за развитие общественной науки и борьба за планомерное научно обоснованное преобразование капиталистического общества в общество коммунистическое.

В теории исторического материализма мы имеем *синтез теории и практики*. Являясь в своих теоретических положениях продуктом рабочего движения, она в своих практических выводах становится его фактором. Научная социология выросла на базе рабочего движения. Научная политика сама становится одним из важнейших факторов организованной борьбы пролетариата за коммунизм. В этом смысле диалектический материализм и теория исторического материализма и являются руководством для действия. В этом смысле следует понимать знаменитые слова Маркса: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» (тезисы о Фейербахе).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

§ 1. ОБЩЕСТВО И ПРИРОДА.

Человек отличается от животного тем, что обладает способностью производить орудия труда. Животное приспособляется к природе непосредственно, пользуясь различными органами своего тела для потребления продуктов природы. Если даже животные вынуждены воздействовать на окружающую их среду, изменять природные условия (классический пример — бобры, сооружающие плотины), то они в качестве орудий труда употребляют органы собственного тела. То же самое относится, конечно, к насекомым, перерабатывающим вещества, полученные от природы (пчелы, производящие мед и воск). Правда, обезьяны пользуются иногда палками для того, чтобы сбивать с дерева нужные им плоды, здесь налицо несомненные зачатки орудий труда; но обезьяны, во-первых, употребляют их случайно, спорадически (непостоянно, от времени до времени), во-вторых, они берут орудие труда готовым, как естественный дар природы, не делая попыток его усовершенствовать и превратить в действительное средство производства. Человеческое потребление в корне отличается от животного. Для того, чтобы потреблять, человек должен производить; он не просто берет готовые продукты природы, но воздействует на нее посредством орудий труда, которые, по существу, представляют собой удлиненные, утонченные и усовершенствованные органы его тела. Отсюда вполне понятно, что приспособление животных к природе носит чисто биологический, естественный характер; в борьбе за существование животный вид или гибнет или в случае удачного сочетания внутренних тенденций развития организма с влиянием внешней среды приобретает ряд качеств, необходимых для жизни при данных природных условиях. Таким образом происходит развитие в животном царстве. Иначе у людей. Человек приспособляется к природе, изменяя орудия труда. Между собой и природой человек воздвигает искусственную среду, от развития которой зависит степень его воздействия на среду «естественную». Следовательно, по мере усовершенствования орудий труда человек все в большей и большей степени освобождается от власти природы (естественной среды), но вместе с тем увеличивается его зависимость от создан-

ной им же самим искусственной среды, без которой он не может существовать.

Орудия труда для того, чтобы можно было с их помощью производить, требуют определенной производственной организации. Значит наличие орудий труда предполагает известный способ общения людей в процессе их совместной работы. Вне общества, вне связи с другими людьми человек не может производить, а следовательно не может и существовать. Поэтому мы и называем человека животным общественным.

Производственная деятельность общества определяется состоянием средств производства и рабочей силы, другими словами, состоянием общественных производительных сил, которые по наследству передаются из поколения в поколение. Каждое последующее поколение, вступая в жизнь, получает от предыдущего известный запас производительных сил, определяющий границы и возможности его производственной деятельности. Благодаря этому, по словам Маркса, «возникает связь в человеческой истории, образуется история человечества». Но средства производства представляют собой не только результат человеческой деятельности, а также и продукт природы, продукт окружающей человека «географической среды», которая, понятно, играет очень важную роль в жизни общества. На первых ступенях общественного развития, когда орудия труда находились в самом жалком состоянии и общество в очень слабой степени могло воздействовать на природу, географическая среда почти целиком определяла производственные возможности человека. В отдаленные времена люди гораздо больше зависели от климата, чем теперь. В связи с этим пределы расселения человека были значительно уже. Отсутствие транспорта сильно тормозило сношения между людьми, благодаря чему каждая местность представляла собой замкнутое целое, не связанное с остальным миром. Вполне понятно, что характер местности определял собой и характер производства. Жители плодородных речных долин занимались земледелием, лугов — скотоводством, лесов — охотой. Наличие металлов в почве позволяло от каменных орудий труда переходить к железным и, таким образом, служило решающим фактором развития производительных сил. Переход от охоты к скотоводству, конечно, был обусловлен наличием в некоторых областях известных пород животных. Там, где их не было, жители, по необходимости, оставались на низшей ступени развития. По мере роста производительных сил от них начинает все в большей и большей степени зависеть характер влияния географической среды на общественного человека. В настоящее время центры цивилизации находятся в таких местностях, в которых люди раньше, в силу климатических условий, едва могли существовать (Берлин, Лондон, Париж, Москва, Ленинград). Страны, бывшие два столетия тому назад на три четверти земледельческими, живут сейчас исключительно за счет промышленности, имея 90% городского населения (Англия). Мелиорация, искусственное удобрение позволяют с выгодой заниматься земледелием на самых

неудобных почвах. Таких примеров можно, конечно, привести сколько угодно.

Поэтому нельзя согласиться с точкой зрения основоположников так называемой географической школы в социологии (Монтескье, Бокль), которые считают, что характер общества зависит от непосредственного влияния географической среды. Например, по мнению Бокля, религиозность, суеверие и фанатизм испанцев, мешавшие развитию точных наук, были главными причинами экономического и политического упадка в Испании. Эти недостатки в свою очередь являются следствием частых землетрясений и вулканических извержений, сильно влияющих на воображение и порождающих поэтому суеверие. Тут очень уместно отметить, что сплошь и рядом происходят глубокие изменения как в общественно-политическом укладе какого-нибудь народа, так и в его национальном характере, причем географическая среда остается неизменной или почти неизменной (для примера достаточно сравнить древних греков или римлян с теперешними, Англию 300 лет тому назад и сейчас, Россию до революции и в настоящее время)

Географическая среда по сравнению с обществом изменяется так медленно, что ее относительно можно считать неизменной, а неизменное, очевидно, не в состоянии определять закон развития изменяющегося (в данном случае общества). Характер влияния географической среды на общество определяется не только уровнем производительных сил, но и экономическим строем, т. е. производственными отношениями. Например, географическая особенность Англии — богатые залежи первосортного угля — оказала существенное влияние на ее развитие только с появлением капитализма. Пороги Днепра, течение Волхова, торфяные болота — все это было в России испокон веков; тем не менее, без изменения общественного строя и современной техники все эти благоприятные географические особенности никак не стали бы факторами развития производительных сил. Наоборот, торфяные болота отнимали у земледельцев огромные площади земли, а Днепровские пороги с незапамятных времен мешали навигации.

Следовательно, одна и та же географическая среда является проклятием на одном этапе развития общества и благословением на другом.

Некоторые социологи (например, Гобино) считают, что исходным моментом общественного развития необходимо признать расу. В своем социологическом анализе они основываются, в первую очередь, на исследовании естественных черт каждого народа (цвет кожи, строение черепа и пр.), с которыми потом связываются социальные качества. По их мнению, одни расы, высшие, призваны к господству, другие, низшие, должны для своей собственной пользы подчиняться первым. Эта расовая теория, выражающая империалистические тенденции буржуазии, не выдерживает никакой критики. Многие отсталые в настоящее время расы в прошлом играли очень крупную историческую роль. Когда большинство европейцев были варварами, китайцы считались одним

из самых цивилизованных народов. Китайская революция показала, какое небольшое значение имеют разные особенности по сравнению с общими экономическими условиями, определяющими ход исторического развития.

Отсюда необходимо сделать тот вывод, что при анализе общества нельзя выходить за его пределы, необходимо исходный пункт его развития искать в нем самом. Мы уже знаем, что производительные силы являются тем элементом, который определяет характер влияния естественной среды. В зависимости от состояния производительных сил человек может в большей или меньшей степени воздействовать на природу. Но освобождение от чрезмерного влияния естественной среды связано с известной зависимостью от среды искусственной (т. е. средств производства). Человек должен всю свою общественную организацию прилагать к производительным силам, посредством которых он приспосабливается к природе. Поэтому исходным пунктом правильного социологического анализа является исследование уровня производительных сил изучаемого общества.

§ 2. ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ

«Природа является для человека совокупностью предметов труда и источником средств существования. Под предметом труда предмет труда есть сырой материал» (Маркс). Средствами труда должны быть вырваны из их непосредственной связи с землей. Если же предмет труда представляет собой результат предшествующей трудовой деятельности, то он называется сырым материалом. «Безякий сырой материал есть предмет труда, но не всякий предмет труда есть сырой материал» (Маркс). Средствами труда Маркс называет «предмет или сочетание предметов, которые рабочий помещает между собой и предметом труда и которые служат для него в качестве проводника его воздействий на этот предмет». Производственный процесс, представляющий собой процесс трудовой, обусловлен наличием предметов труда и средств труда, которые в своей совокупности называются средствами производства. Не все элементы средств производства имеют одинаковое значение для общественного развития. Предметы труда — часть окружающей общество географической среды, и в производственный процесс они входят благодаря орудиям труда. Каменный уголь или залежи железной руды сотни тысяч лет лежат в земле в качестве возможных предметов труда, но только изобретение соответствующих орудий труда вовлекает их в производственный процесс.

Общественные эпохи различаются по тем орудиям труда, посредством которых человек воздействует на природу. Как говорил Маркс, «средство труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд».

Было бы все же неверно сказать, что орудия труда являются единственным элементом производительных сил. Не меньшую

роль в производстве играет рабочая сила — живой труд, который одухотворяет мертвые орудия труда. «Машина, которая не служит в процессе труда, бесполезна. Кроме того, она подвергается разрушительному действию естественного обмена веществ. Железо ржавеет, дерево гниет. Пряжа, которая не будет использована для тканья или вязанья, представляет испорченный хлопок. Живой труд должен охватить эти вещи, воскресить их из мертвых, превратить их из только возможных в действительные и действующие потребительные стоимости. Охваченные пламенем труда, который ассимилирует их как свое тело, призванные в процессе труда к функциям, соответствующим их идее и назначению, они хотя и потребляются, но потребляются целесообразно как элементы для создания новых потребительных стоимостей, новых продуктов, которые способны войти как средство существования в сферу индивидуального потребления или как средства производства в новый процесс труда» (Маркс, «Капитал», т. I).

Рост производительных сил не всегда связан с развитием техники, часто он бывает следствием лучшей организации труда. Уже простая кооперация, т. е. соединение нескольких людей для выполнения какой-нибудь работы, в значительной степени увеличивает производительность труда. Колоссальные постройки древности (например, египетские пирамиды, восточные оросительные сооружения, римские дороги и водопроводы) — результат совместной работы огромных масс феллахов (крестьян) и рабов, имевших в своем распоряжении самые примитивные орудия производства. В сильнейшей степени производительность труда повышает кооперация сложная, основанная на разделении труда. Мануфактуры XVII и XVIII веков в смысле техники мало чем отличались от ремесленных мастерских. Но наличие большого количества рабочих, работавших под одной кровлей, объединенных единым руководством и связанных между собой разделением труда, в сильнейшей степени повлияло на увеличение производительности общественного труда.

Следовательно, к основным элементам производительных сил нужно причислить: орудия труда и рабочую силу. К этому необходимо прибавить еще предмет труда, без наличия которого производственный процесс, конечно, невозможен.

Если рассматривать весь процесс (труда. — М. Ш:) с точки зрения его результата продукта, то средства труда и предмет труда, то и другое, являются средствами производства», говорит Маркс и в примечании добавляет: «Представляется парадоксальным рыбу, напр., которая еще не поймана, называть средством производства по отношению к рыболовству. Но до сих пор еще не изобретено искусство ловить рыбу в водах, в которых ее нет». Но не всякий возможный предмет труда является производительной силой. Рыбы, живущие в недоступных для нас глубинах океана, пустынные пески Сахары, неизвестные нам рудные жилы, очевидно, не являются пока средствами производства. Для того чтобы предмет труда стал производительной силой, труд должен «обратить на него внимание» и иметь возможность им овладеть

Итак, предмет труда становится производительной силой, когда он из возможного предмета труда превращается в реальный предмет труда, ибо здесь продукт природы делается общественной силой. Например, железная руда, находящаяся в жиле, открытой горной разведкой, не является, конечно, благодаря факту этого открытия сырым материалом, она представляет собой предмет труда (в широком смысле слова) и вместе с тем производительную силу, на которую уже затрачен человеческий труд. Точно так же уголь в копи, еще не добытый, является производительной силой, причем труд на него уже затрачен (разведка, постройка копи и т. д.). Значит, «способность» известного конкретного предмета труда стать производительной силой определяется характером общественного производства и состоянием орудий труда и рабочей силы данного общества. Поэтому Маркс говорит: «Земля (с экономической точки зрения к ней относится и вода), первоначально снабжающая человека пищей, готовыми средствами существования, существует без всякого содействия с его стороны, как всеобщий предмет человеческого труда... Сама земля становится средством труда, но функционирование ее как средство труда в земледелии в свою очередь предполагает целый ряд других средств и сравнительно высшее развитие рабочей силы».

Перейдем теперь к исследованию основных моментов производства.

Производство обычно противопоставляется потреблению. Однако абсолютное их противопоставление неверно. «Производство есть также непосредственно и потребление», говорит Маркс. Производить значит потреблять сырье, рабочую силу, орудия труда. По характеру потребления мы легко можем узнать и характер производства. Индустриальная страна потребляет много металла, полуфабрикатов и промышленного сырья; в аграрной же стране с неразвитой индустрией потребляются, главным образом, продукты сельского хозяйства. С этим соглашаются буржуазные экономисты, но они отличают т. н. производительное потребление (сырья, орудий труда) от «собственно потребления». Это опять-таки неверно, ибо в процессе потребления человек воспроизводит себя как производительную силу, как основной элемент производства. Потребляя сырье и орудия труда, человек превращает свою рабочую силу в вещи, потребляя продукты питания и различные предметы, он превращает вещи в рабочую силу. По выражению Маркса, в первом случае «овеществляет себя производитель, во втором персонифицируется вещь». Итак, производство «является непосредственно потреблением, потребление — непосредственно производством. Каждое непосредственно заключает в себе свою противоположность» (Маркс).

Отсюда вытекает как будто необходимость отождествления производства с потреблением. И это неверно. Во-первых, общество не потребляет целиком всего того, что оно производит. Для существования общества необходимо накопление основного капитала, без которого невозможно дальнейшее производство. При этом, как мы увидим дальше, каждая общественная формация

имеет свои специфические законы накопления капитала и, следовательно, специфические законы, определяющие потребление. Во-вторых, по замечанию Маркса, только у единичного субъекта «производство и потребление являются моментами одного акта». Действительно, если бы мы взяли индивида, существующего вне общества, то такой индивид непосредственно потреблял бы часть своего производства. Но индивид, существующий вне общества, является абстракцией, отвлечением от реальных отношений. Общественный человек связан бесчисленными нитями с другими людьми. В обществе производитель непосредственно не присваивает произведенного им продукта. Это и невозможно. Могли бы, скажем, рабочие Красного Путиловца или Красного Судостроителя потребить произведенный ими паровоз, трактор, пароход и т. д.? Конечно, нет. Точно так же рабочие Треугольника или Скорохода умрут с голода, если не получат за произведенные ими калоши и ботинки различных предметов потребления — продуктов производства других людей. Здесь потребителем является, очевидно, все общество и производители получают известную долю общественного продукта, долю, которая определяется специфическими законами распределения, существующими в данной общественной формации. Значит, производитель отделен от своего продукта *распределением, становящимся между производством и потреблением.*

Распределению продуктов предшествует распределение средств производства между членами общества, и связанное с этим распределение самих членов общества по различным видам производства. Очевидно, нельзя исследовать производства, не рассматривая распределения как его составного момента, ибо без определенного способа распределения производительных сил невозможно, конечно, производство. В свою очередь распределение продуктов зависит от распределения производительных сил (живых и мертвых), так как сами продукты являются производительными силами, именно сырьем, орудиями труда и предметами потребления, восстанавливающими рабочую силу. Точно так же обмен, поскольку он является посредствующим звеном между производством, распределением и потреблением, тоже входит в производство в качестве составного момента. Вполне понятно, что обмену должно предшествовать разделение труда, благодаря чему один член общества работает на другого. Кроме того, чем интенсивнее производство, тем интенсивнее и обмен. Обмен, следовательно, вполне обусловлен производством. Итак, производство, распределение, обмен, потребление «образуют собой части целого, различия внутри единства». Производство — наглядный пример действительности в реальном мире закона единства и взаимопроникновения противоречий. «Производство, — как говорит Маркс, — в противоположности своих определений охватывает как само себя, так и остальные моменты. С него каждый раз начинается снова процесс. . . . С изменением распределения изменяется производство, например, с концентрацией капитала, с различным распределением населения между городом и деревней

и т. д. Наконец, запросы потребления определяют производство. Между различными моментами происходит взаимодействие. Это бывает во всяком органическом целом».

§ 3. ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

В предыдущем параграфе мы рассматривали элементы производства абстрактно (отвлеченно), вне взаимной связи. На самом деле производительные силы представляют собой систему, отдельные элементы которой находятся в известном соответствии друг с другом. Для того чтобы производить, люди должны определенным образом приспособиться к имеющимся в их распоряжении производительным силам. Следовательно, уровень развития производительных сил определяет характер организации общественного труда, характер тех отношений, которые связывают людей в процессе производства. Для примера достаточно сравнить организацию труда на фабрике и в ремесленной мастерской. Но мы уже выяснили, что в производственный процесс в качестве одного из определяющих его моментов входит: и распределение средств производства и рабочей силы. Отсюда вытекает наличие двух видов производственных отношений: 1) технических, объединяющих людей в процессе их совместной работы, и 2) имущественных, связанных с возникновением частной собственности на средства производства. Технические производственные отношения непосредственно связаны с наличием производительных сил и являются естественной, необходимой формой их существования. Всякая совместная работа требует определенной организации работников. Напротив, имущественные отношения необходимы только на известной ступени развития производительных сил и в дальнейшем должны неизбежно исчезнуть. Первобытное общество не знало имущественных отношений; и только когда рост производительных сил в конце концов привел к тому, что дальнейшее развитие производственной мощи человека стало невозможным без возникновения частной собственности на орудия труда, то на ряду с техническими производственными отношениями появились производственные отношения имущественные, образовавшие основу для возникновения классовых и политических отношений.

Развитие частной собственности на средства производства приводит к тому, что общество раскалывается на владельцев одной только рабочей силы и собственников материальных условий ее приложения. Решающее значение для всей общественной структуры приобретает способ соединения рабочей силы со средствами производства, ибо без такого соединения процесс производства, конечно, невозможен.

«Каковы бы ни были общественные формы производства, — говорит Маркс, — рабочие и средства производства всегда остаются его факторами. Но находясь в состоянии отделения одних от других, и те и другие являются его факторами лишь в возможности. Для того чтобы вообще производить, они должны соеди-

ниться. Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, различает отдельные экономические 'эпохи социальной структуры» («Капитал», т. II).

Например, при капиталистическом способе производства соединение рабочей силы со средствами производства возможно потому, что рабочая сила является товаром, который покупается капиталистом, точно так же, как им покупается машина, нефть сырье и т. п.

Только в отличие от названных товаров рабочая сила обладает чудесной способностью давать прибавочную стоимость.

Характер капиталистического способа производства целиком определяется отношением капитала к наемному труду. «Главные деятели этого ¹ способа производства, капиталист и наемный рабочий, представляют как таковые лишь воплощение, персонификацию капитала и наемного труда; это определенные общественные характеры, которые налагает на индивидуумы общественный процесс производства, продукты данных определенных общественных производственных отношений» (Маркс, «Капитал», Т. III, ч. II).

Систему производственных отношений, определяющих характер соединения рабочей силы со средствами производства, Маркс называет способом производства. При существовании частной собственности на средства труда способ производства является по терминологии Маркса «антагонистическим» (т. е. основанным на противоречиях), так как в существенных моментах он определяется системой имущественных отношений.

Маркс различает четыре типа антагонистических способов производства: азиатский, античный, феодальный и капиталистический. Азиатский способ производства возник в бассейнах великих речных систем Тигра и Ефрата (древний Вавилон), Нила (Древний Египет), Ян-цзе и Хоан-хо (Китай). В долине этих рек земледелие нуждается в очень сложной системе сооружений, с одной стороны, предохраняющих от наводнений, а с другой — способствующих орошению засушливых областей страны. Постройка этих сооружений, их ремонт и охрана требовали принудительной государственной организации огромных масс рабочей силы.

Основные средства производства (обработанная земля и оросительные сооружения) принадлежали в этих «речных цивилизациях» воинам и жрецам (формально являясь собственностью монарха). Жрецы играли главную роль в руководстве хозяйственной жизнью страны. Из них рекрутировалась многочисленная и влиятельная бюрократия, регулирующая до мелочей жизнь всего общества. Крестьянство фактически было бесправно, обложено очень тяжелыми повинностями и находилось в полном распоряжении государства, ² представленного на местах чиновниками различных рангов.

¹ Капиталистического.

² По существу при господстве азиатского способа производства крестьянин являлся рабом государства.

Античный способ производства (древняя Греция и Рим) основан на рабовладении. Все средства производства принадлежат свободным. Рабы не являются даже собственниками своей рабочей силы. Так как главным источником приобретения рабов были войны, то в античном обществе огромную роль играла армия, которая рекрутировалась, большей частью, из крестьян. Орудия труда в античном мире были еще очень примитивными, в связи с чем преобладало мелкое ремесленное производство. Работы, требовавшие участия большого количества рабочей силы (водопроводы, дороги, оросительные сооружения), производились рабами. Предприятия капиталистического типа (каменоломни, различного рода мануфактуры) пользовались исключительно рабским трудом. Античный строй погиб в силу двух причин. Рабам, вследствие незаинтересованности их в результатах своей работы, можно доверить только самые простые и грубые орудия труда и, следовательно, один из основных элементов производительных сил не имел в античном обществе благоприятных условий для своего развития. Что касается ремесленников, то после ряда удачных войн они неизбежно должны были разориться, так как рабы стали непомерно дешевы и с их трудом немислимо было конкурировать. С другой стороны, крестьянство не могло не разориться вследствие бесконечных войн. Римское крестьянство окончательно было добито конкуренцией дешевого хлеба из завоеванных Римом провинций и больших поместий, обрабатываемых при помощи дешевого рабского труда. Разорение крестьянства лишило Рим основного источника его военной силы, и вместе с этим стал прекращаться приток новых рабов, без которых рабовладельческое государство не может существовать. В результате, — после двух столетий медленного угасания Римская империя стала добычей окружающих ее варваров. Античное общество сменилось феодальным.

При феодальном способе производства земля является собственностью помещиков, обладающих благодаря этому политической властью. Крестьяне находятся у них в крепостной зависимости и за пользование землей либо уплачивают оброк, либо обрабатывают барскую землю. В отношении орудий труда феодальная эпоха мало чем отличается от античной. Орудия труда начинают совершенствоваться в значительной степени только в последние столетия, предшествующие капитализму. Поэтому в производстве господствует мелкое ремесло. Ремесленники организованы в цехи, мелочно регламентирующие условия производства товаров с целью предотвратить конкуренцию.

Разлагающим началом феодального общества является торговый капитал, разоряющий крестьян и ремесленников, превращающий их в пролетариев, собственников одной рабочей силы. Возникновение пролетариата позволяет перейти от мелкого производства к крупному — мануфактуре. Мануфактура, основанная на сложной кооперации, в сильнейшей степени увеличивает производительность труда. Схему развития мануфактуры можно представить в следующем виде. Торговый капитал самими раз-

личными способами подчиняет себе ремесленников и кустарей, организуя их труд. Сначала он берет на себя роль скупщика их изделий, причем пользуется для своего обогащения более совершенным знанием рынка. Следующая ступень (во времени часто совпадающая с первой) — ростовщической кредит, окончательно разоряющий ремесленников или кустаря. Последние превращаются тогда в домашних рабочих, получающих от купца сырье и работающих при помощи принадлежащих тому же купцу средств производства.

Заключительным этапом описанного нами процесса является объединение разорившихся ремесленников и кустарей под гостеприимной кровлей мануфактуры. Купец, пройдя через ряд промежуточных ступеней, превращается в промышленного капиталиста. Возникновению капитализма должна была предшествовать концентрация огромных богатств на одном полюсе общества и нищеты на другом. Эта задача была блестяще выполнена в так называемую эпоху первоначального накопления. Грабежи Индии и Америки, разорение крестьян и ремесленников дали возможность сосредоточить огромные капиталы в руках небольшой части общества и подготовить основные кадры пролетариата. К тому же в некоторых странах феодальная знать, пользуясь своей политической властью, отняла у крестьян земли, которыми те пользовались несколько веков (так называемые «чистки владений» в Англии, когда лэндлорды в связи с усиленным спросом на шерсть превращали пахотную землю в луга для овец, сгоняя крестьян с насиженных столетиями мест). Таким образом, огромные массы крестьян сразу раскрестьянивались и превращались в бездомных бродяг, принужденных выбирать между виселицей и работой на фабрике. От мануфактуры до капиталистической фабрики оставалось сделать только один шаг, подготовленный всем предыдущим техническим развитием, — изобрести машину. При капиталистическом способе производства, — основные средства производства принадлежат буржуазии, благодаря чему она имеет возможность эксплуатировать владельцев одной только рабочей силы, образующих класс пролетариата. Разрыв между средствами производства и рабочей силой, определяющий основные черты капиталистического строя, окончательно преодолевается в коммунистическом обществе, где восстанавливается полное единство различных элементов производительных сил. При коммунистическом строе средства производства принадлежат всему обществу. Вместе с отменой собственности (на средства производства) отменяются имущественные производственные отношения, на которых, как мы знаем, основывается классовое деление общества.

Сделанный нами обзор различных типов экономических структур¹ позволяет прийти к выводу, что исходным пунктом каждого способа производства является порядок распределения средств производства.

---

¹ Экономической структурой Маркс называет совокупность производственных отношений.

В капиталистическом обществе «отделение свободного рабочего от его средств производства есть наперед данный исходный пункт», говорит Маркс.

Владелец средств производства является также владельцем произведенных с их помощью продуктов.

Поэтому положение, занимаемое какой-либо общественной группой в данной системе производства, определяет получаемую ею долю общественного дохода.

Какими бы историческими путями ни возникал тот или иной антагонистический порядок распределения средств производства, принципиальная основа его всегда одна — недостаточное развитие производительных сил. Этот факт заставляет людей вступать в такие производственные отношения, при которых одна часть общества господствует над другой.

Мощное развитие производительных сил при капиталистическом способе производства создает предпосылку для иного порядка их распределения, не основанного на частной собственности.

«Экспроприация экспроприаторов», возвращение обществу отнятых у него средств производства создает исходный пункт для развития коммунистического строя.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ТЕОРИЯ КЛАССОВ И КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ.

§ 1. ПОНЯТИЕ КЛАССА.

«Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы — это такие группы людей, из которых одна может присваивать себе труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства» (В. Ленин, «Великий почин»).

Буржуазные ученые за основу классового деления общества принимают, обыкновенно, внешние количественные различия, например, величину дохода, образ жизни и т. п.

У них выходит, например, что рабочий класс состоит на самом деле из нескольких классов, отличающихся друг от друга размерами заработной платы.

Если стать на такую точку зрения, то придется капиталиста, зарабатывающего на несколько тысяч больше другого, отнести к иному классу. На первый взгляд может показаться, что эта теория соответствует действительности. Из самой сущности капиталистического способа производства вытекает необходимость отчаянной конкуренции отдельных капиталистов и капиталистических групп между собой. На рынке капиталист капиталисту враг. Класс буржуазии разделяется на несколько подклассовых групп, с различными, иногда даже, в некоторых отношениях, противоположными интересами. Возьмем банкиров, представителей тяжелой, представителей легкой промышленности, торговую буржуазию, — все они принадлежат к одному классу капиталистов, так как живут за счет прибавочной стоимости, получаемой путем эксплуатации наемного труда, но вместе с тем они образуют различные «подклассовые группы», возникающие на почве раздела прибавочной стоимости.

Несомненно, что и в рабочем классе имеются различные классовые прослойки. Наилучше оплачиваемая верхушка рабочих, так называемая рабочая аристократия, во многих отношениях отличается от других групп пролетариата и приближается к мелкой

вать себя владельцу капитала и этим способом отдавать ему часть своего труда. Указанное здесь различие в производственном положении двух угнетенных классов, вытекающее из условий господствующего способа производства, определяет характер и цель классовой борьбы. Крепостной стремится к тому, чтобы свое хозяйство превратить в действительно свое, т. е. освободиться от личной зависимости, «округлить» его за счет помещичьей собственности, освободить от различного рода платежей в пользу помещика и т. д. Напротив, пролетарий — агент общественного производства стремится к тому, чтобы сделать производство действительно общественным, т. е. освободить его от всех тех ограничений, которые создаются частной собственностью на средства производства. Итак, классовое расчленение общества определяется условиями господствующего в данную историческую эпоху способа производства. Игнорирование этого обстоятельства приводит Туган-Барановского и Чернова к следующей ошибке.

С их точки зрения, капиталистическое общество характеризуется тремя основными классами, каковыми являются — помещики (рента), капиталисты (прибыль), наемные рабочие (заработная плата). Туган-Барановский и Чернов забывают, что капиталистическая рента представляет собой вычет из прибавочной стоимости в пользу владельца земли и, значит, основным моментом, определяющим классовую структуру капиталистического общества, является антагонизм между прибавочной стоимостью и зарплатой, выражающий антагонизм между двумя основными агентами капиталистического производства — мертвым накопленным трудом, образующим капитал, и живой рабочей силой — наемным пролетарием. Поэтому по мере развития капиталистического способа производства крупные землевладельцы все в большей и большей степени теряют свою самостоятельную роль и превращаются в подклассовую группу класса капиталистов.

Ценность ленинского определения класса заключается как раз в том, что Ленин подчеркивает решающее значение способа производства для классового расчленения общества.

При этом Ленин рассматривает способ производства конкретно-исторически, как «исторически определенную систему общественного производства».

Класс нужно отличать от сословия и профессии. В средневековом феодальном строе и в абсолютной монархии классовые преимущества, возникшие на известной производственной основе (владение землей, скотом и сельскохозяйственными орудиями), принимали форму сословных привилегий, точно определенных законом. Сословие, следовательно, класс феодального общества. В России до революции различались сословия высшие, привилегированные (дворяне и духовенство) и низшие (мещане и крестьяне), ограниченные в правах.¹ До «освобождения» крестьян

¹ Только закон 1904 г. уничтожил (и то на бумаге) телесное наказание, существовавшее для одних крестьян.

(1861 г.) только дворяне имели право покупать землю и иметь крепостных (правда, надо отметить, что из этого правила делалось много исключений, особенно при Николае I).

Разложение феодального строя и рост капиталистических отношений привели к разложению сословий. Возникло противоречие между новым экономическим классовым содержанием и старой сословной формой. Во Франции накануне Великой революции существовало три сословия. Два (дворянство и духовенство) привилегированных и третье угнетенное. На самом деле третье, лишенное прав, сословие представляло собой очень пеструю смесь различных классов (пролетариата, крупной буржуазии, крестьянства, городской мелкой буржуазии). Капиталистическое общество в отличие от феодального (или полуфеодального) не знает сословий и правовых привилегий. Формально, перед законом в капиталистическом обществе все равны. Этот факт не уничтожает, конечно, реального классового неравенства. Так как в капиталистическом обществе одна группа лиц владеет средствами производства, а другая их лишена, то последняя принуждена для того, чтобы существовать, отдавать часть труда владельцам средств производства, без которых невозможен продуктивный общественный труд. На основе экономического неравенства вырастает, конечно, фактическое правовое и политическое неравенство, о чем подробнее будет сказано в главе VI.

Профессия отличается от сословия и класса тем, что она возникает непосредственно на основе технических производственных отношений и, следовательно, существует еще в предклассовом обществе. В отличие от классового и сословного расчленения общества, профессиональное деление непосредственно не связано с возникновением частной собственности на средства производства.

В коммунистическом обществе или вообще не будет профессий или значение их станет очень ограниченным и условным. Не будет той принудительной прикрепленности к определенным профессиям, которая является проклятием классового общества.

При капитализме человек раз только попал в какую-нибудь профессиональную группу, то уже до самой смерти остается рабом своей профессии (большую часть очень узкой). Переход от одной профессии к другой чрезвычайно затруднен и происходит сравнительно редко. Умственный труд резко обособлен от физического, городской — от сельского.

При капиталистическом строе типичный средний человек отличается крайней узкостью и специфической профессиональной ограниченностью. Только в коммунистическом обществе человек избавится от профессионального рабства.

Гигантский рост техники, отсутствие классовых перегородок, иная система общественного воспитания — все это позволит человеку преодолеть ограниченность и разобщенность, созданную разделением труда.

В коммунистическом обществе все граждане смогут получить образование достаточно широкое для того, чтобы ориентироваться в самых различных областях жизни.

Далее, в сельском хозяйстве будет введен такой же способ производства, как и в городе, т. е. он будет основан на коллективном труде и высокоразвитой технике.

Поэтому при коммунизме исчезнет различие между работниками физического и умственного труда, а также между работниками в сельском хозяйстве и промышленности.

Все профессии являются, конечно, продуктом развития производительных сил и производственных отношений. Но в отличие от классовых они развиваются главным образом на основе технических производственных отношений. Надо только оговориться, что целый ряд профессий появляется в связи с возникновением государства и различных идеологий. Профессия значительно уже класса: металлисты, текстильщики, деревообделочники и т. д., различаются по своим профессиям, но вместе с тем они образуют одно классовое целое, противостоящее другим классам.

Как же возникли общественные классы?

Первобытное общество не знало классовых различий, первые зачатки их стали появляться только в связи с развитием примитивных форм общественного разделения труда и возникновением частной собственности на средства производства. Выделение скотоводства и земледелия в качестве самостоятельных отраслей производства в сильнейшей степени увеличило производительность труда. Вместе с этим стало выгодным не убивать пленников, а обращать их в рабство, так как раб своей работой мог не только прокормить себя, но доставить еще хозяину добавочный продукт. С другой стороны, развитие скотоводства и земледелия постепенно привело к утверждению частной собственности на средства производства. Вместе с этим возникли два основных класса античного общества: рабовладельцы (воины и землевладельцы) и рабы.

Другой путь развития классовых противоречий, — тоже основанный на развитии производительных сил и возникновении частной собственности, — это превращение вождей и руководителей первобытной общины в господствующий класс. Возьмем, например, какую-нибудь древнюю индийскую общину; в ней мы найдем ряд должностных лиц (военный вождь, жрец и т. д.). Развитие производительных сил привело к большей сложности хозяйственной организации общины, в связи с чем, понятно, усилилась руководящая роль вождей. С течением времени руководители общины, пользуясь своим влиянием, присвоили себе большую часть ее богатств. Из слуг общины они мало-по-малу превратились в господ. Это опять-таки могло произойти только потому, что рост производительных сил привел к возникновению частной собственности на средства производства. Частная собственность позволяет отдельным общественным группам присваивать и накапливать богатство, принадлежащее всему обществу. Благодаря этому общественные производительные силы становятся достоянием определенной группы лиц, получающих таким образом возможность руководить производством, распределять средства потребления и следовательно эксплуатировать чужой труд. Объединения отдель-

ных общин в государство в еще большей степени возвышает положение господствующего класса.

Противоположность классовых интересов угнетателей и угнетенных является причиной классовой борьбы. Не нужно думать, что классовая борьба ведется только для улучшения своего положения в системе данных экономических отношений, — на самом деле она имеет гораздо более глубокое значение. Каждому антигонистическому способу производства присущ свой особый тип классового угнетения и классовых противоречий. Поэтому, когда угнетенный класс борется против своих угнетателей, то, собственно говоря, он борется против определенной системы экономических отношений, не соответствующей его интересам. Если эта система мешает развитию производительных сил, то интересы угнетенного класса совпадают с интересами всего общества. Тогда, очевидно, либо общество гибнет (благодаря регрессу производительных сил) либо возникает новая экономическая структура, соответствующая интересам угнетенного класса и, следовательно, освобождающая его от угнетения. Например, в эпоху борьбы буржуазии с дворянством ее интересы противоречили условиям производства, которые тогда существовали. Цехи стесняли развитие мануфактур и фабрик, т. е., другими словами, задерживали рост буржуазного богатства. Крепостное право, крестьянская нищета мешали развитию внутреннего рынка, т. е. опять-таки задерживали развитие класса буржуазии. Но развитие буржуазии совпало в то время с ростом производительных сил всего общества. Поэтому борьба буржуазии с дворянством объективно была борьбой за свободное развитие производительных сил в условиях нового, более совершенного, способа производства.

Сходное явление мы наблюдаем и теперь. Капиталистический способ производства, который раньше способствовал росту производительных сил, в настоящее время, наоборот, задерживает их развитие. Пролетариат же заинтересован в наиболее быстром росте производительных сил, так как только в этом случае можно обеспечить нормальное удовлетворение потребностей широких народных масс. Интересы пролетариата совпадают, значит, с интересами всего общества, так как только преодоление капиталистического способа производства может обеспечить свободное развитие общественных производительных сил.

Следовательно, классовая борьба является основной движущей силой исторического процесса. Противоречия каждой общественной формации находят свое выражение в борьбе отдельных групп людей, представляющих различные стороны существующих производственных отношений. Борьба эта заканчивается, как мы упоминали выше, либо гибелью борющихся классов (Греция, Рим), либо победой угнетенного класса. И в том и в другом случае происходит смена общественных формаций, смена экономических структур.

Для того чтобы выполнить свою историческую задачу, т. е. сменить устарелый способ производства, пролетариат, как угнетенный класс, должен захватить в свои руки власть, необ-

ходимую для перераспределения общественного богатства и переделки общества? Только обладание такой властью позволяет завершить побед над господствующим классом, неизбежно более культурным, более опытным, привыкшим к господству, находящим свою опору в старинных традициях и забитости, отсталости, темноте угнетенных народных масс. Поэтому между капитализмом и коммунизмом лежит эпоха диктатуры пролетариата, в течение которой пролетариат, уничтожая класс буржуазии, уничтожает и себя как класс. В этом смысле диктатура пролетариата является итогом и завершением всей истории классовой борьбы. Во время своей диктатуры пролетариат ликвидирует буржуазные производственные отношения и вместе с этим переделывает свой жизненный уклад и уклад всех общественных групп, которыми он руководит. Эпоха диктатуры пролетариата есть в подлинном смысле этого слова эпоха ликвидации наследства капиталистического прошлого в экономике, быту и психологии.

Отличительная особенность оппортунизма — это затушевывание характера классовой борьбы, логически вытекающее из неправильного представления о сущности класса. Оппортунисты считают, что классы представляют собой только группы лиц, объединенных общностью экономических интересов, не понимая, что последние являются выражением основных противоречий, присущих данному способу производства. Оппортунисты не понимают, что распределение средств производства является исходным и определяющим момент производственного процесса на известной ступени развития производительных сил и значит классовые противоречия фактически представляют собой проявление производственных противоречий. С их точки зрения при некотором примирении экономических интересов борющихся сторон можно заменить классовую борьбу классовым миром. Между тем ясно, что нельзя разрешить противоречия антагонистической экономической системы, основанной на резкой противоположности классов, не разрушая ее границ, определенных частной собственностью на средства производства. А этого нельзя сделать без революции, пролагающей дорогу диктатуре пролетариата. Следовательно, мечта оппортунистов о возможности примирения экономических интересов пролетариата и буржуазии является просто бессмысленной химерой. Наоборот, развитие капиталистического общества неизбежно сопровождается обострением классовых противоречий и классовой борьбы.

Характерным примером антимарксистской путаницы являются теории таких оппортунистов, как Каутский, который хотя и признает, что с развитием капитализма классовые противоречия обостряются, но вместе с тем считает возможным перейти к социализму «демократическим путем». Этот «демократический» путь представляет собой на самом деле политику компромиссов и парламентских соглашений, политику, ослабляющую пролетариат и укрепляющую капитализм. По существу Каутский прикрывает своей фразеологией чисто оппортунистическое представление о классах и классовой борьбе, не имеющее ничего общего с мар-

ксизмом. Маркс, как известно, подчеркивал, что его теория классовой борьбы отличается от существующих буржуазных теорий признанием необходимости диктатуры пролетариата для перехода к социализму. «Ограничивать марксизм учением о борьбе классов», — говорит Ленин, — «значит урезывать марксизм, искажать его, сводить к тому, что приемлемо для буржуазии. Марксист лишь тот, кто распространяет признание борьбы классов для признания диктатуры пролетариата. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа» (Ленин, «Государство и Революция»).

Как мы уже упоминали выше, противоречия капитализма находят свое разрешение в бесклассовом коммунистическом обществе. Возникает вопрос: не будет ли в нем каких-нибудь условий, способствующих развитию новых классовых противоречий? Некоторые буржуазные мыслители утверждают, что если даже коммунисты и победят, то все-таки останется неравенство дарований, а отсюда неизбежно вырастет социальное неравенство между вождями и массой, руководителями и руководимыми. Другими словами, могут победить коммунисты, но не коммунизм.

Посмотрим, действительно ли дело обстоит так печально. Прежде всего, в коммунистическом обществе будет такой высокий культурный уровень, что там почти каждый сумеет быть не только исполнителем, но и руководителем. К тому же работа руководства значительно упростится благодаря более совершенной технике и более рациональной организации труда. Таким образом, при коммунистическом строе фактически сотрется различие между организаторской и исполнительской работой. С другой стороны, рост производительных сил при коммунистическом строе обеспечит полное удовлетворение всех потребностей каждого члена общества. Спрашивается, какой интерес при таких условиях пользоваться своими личными преимуществами для извлечения специальных экономических выгод. Мы не говорим уж о том, что у людей при коммунистическом строе будет совершенно иной психологический склад, мало похожий на тот обывательский индивидуализм, на котором, по существу говоря, основана буржуазная теория о невозможности победы коммунизма. Понятно, и в коммунистическом обществе останется известное неравенство дарований. Коммунисты не собираются подстричь всех людей под одну гребенку. Но это естественное неравенство не следует смешивать с общественным имущественным неравенством. Буржуа привык собственность считать такой же естественной категорией, как, скажем, талант. Для него деньги являются талантом и талант деньгами. Отсюда вполне логично вытекают выше приведенные обывательские разговоры о невозможности коммунизма. На самом же деле при отсутствии частной собственности на средства производства неравенство дарований не может вести к имущественному и социальному неравенству.

§ 2. „КЛАСС В СЕБЕ“ И „КЛАСС ДЛЯ СЕБЯ“.

Ни один общественный класс не возникает сразу в совершенно готовом виде. В процессе развития он проходит различные ступени своего формирования. На заре капиталистического общества пролетариат представляет собой огромную бесформенную массу людей, связанных только тем, что они по условиям своей жизни резко отличаются от других общественных групп. На этой ступени развития пролетариат еще не осознает себя как единый класс, обладающий общими интересами. Он является, по терминологии Маркса, «классом в себе», еще не развернувшим все свои возможности. В качестве примера можно привести класс английских рабочих в начале XIX века или русских рабочих 70—80 годов прошлого столетия. Но уже на первых порах своего существования рабочий класс начинает с буржуазией борьбу за увеличение зарплаты, за сокращение рабочего дня, за улучшение жилищных условий, за меньшую норму эксплуатации. Главным средством борьбы является стачка. Сначала рабочие борются с капиталистами поодиночке. Рабочие каждой фабрики борются с своим хозяином. Фабрика становится центром, объединяющим десятки и сотни людей не только в процессе их совместной работы, но и в процессе совместной борьбы. Постепенно, однако, рабочие убеждаются в необходимости более широких и постоянных боевых объединений. Стачки сплошь и рядом срываются вследствие того, что хозяева привозят штрейкбрехеров из других частей страны или из-за границы. Результаты выигранной стачки очень часто сводятся на-нет благодаря тому, что раз созданные боевые организации распускаются и хозяин возобновляет наступление против рабочих с целью отнять хотя бы часть плодов их победы. Наконец, для более успешной борьбы с рабочими происходит объединение хозяев. Возникают различные союзы фабрикантов и заводчиков. В ответ пролетариат образует свои профессиональные союзы, цель которых защищать профессиональные интересы рабочего класса. На этой ступени развития классовая борьба пролетариата уже выходит за узкие пределы фабрики или района, она ведется в национальном масштабе и даже делаются попытки объединения с рабочими других стран, чтобы предотвратить вывоз штрейкбрехеров и добиться совместными усилиями осуществления основных экономических требований. Но постепенно весь рабочий класс в целом начинает осознавать, что одной экономической борьбы мало, так как на помощь хозяевам все время приходит государственная власть. Рабочим становится ясно, что в руках их хозяев сосредоточена не только экономическая власть, сила капитала, но и власть политическая, государственная. Для ведения экономической борьбы необходимы профсоюзы, а государственная власть запрещает их или ограничивает в правах (в Англии в первой половине XIX века или у нас до революции). Поэтому рабочим, чтобы защищать свое право на экономическую борьбу, приходится выступать на политическую арену, начать вести политиче-

скую борьбу, которая раньше казалась им имеющей второстепенное значение. На этой ступени развития рабочий класс выделяет из своей среды для руководства политической борьбой наиболее сознательную, решительную и активную часть, которая организуется в политическую партию, защищающую общие классовые интересы и ставящую перед собой задачу обеспечить переход к социалистическому строю.

Таким образом, пролетариат из «класса в себе» превращается в «класс для себя», осознавший свои исторические цели и создающий соответствующие организации для их осуществления.

Политическая борьба является высшей формой классовой борьбы. Нельзя только забывать, что экономическая борьба самым тесным образом связана с политической. Экономическая борьба, как мы выяснили раньше, организует рабочий класс на почве защиты его непосредственных, понятных ему интересов. Она является предпосылкой развития таких материальных и культурных условий, при которых пролетариат, защищая свои экономические интересы, будет способен бороться за политическую власть, за свою диктатуру. Кроме того, экономическая борьба, подрывая силы и средства господствующего класса, ослабляет его экономическую и политическую власть. Поэтому большие экономические сражения оказываются вместе с тем великими политическими битвами. Возьмем, например, всеобщую английскую стачку 1926 г.; ясно, что она была, по существу, не столько экономической борьбой, как ее представляли себе¹ реформистские рабочие вожди, сколько борьбой политической, в которой весь класс буржуазии противопоставил себя всему классу пролетариата по вопросу о политическом господстве. В этом смысле Маркс и говорит, что «всякая классовая борьба есть борьба политическая».

В политической борьбе класс выступает как целое, защищая интересы, общие всем его группам. Групповые интересы иногда противопоставляются интересам классовым. Например, когда отдельные привилегированные группы рабочих для достижения временных экономических выгод идут на соглашение с предпринимателями, вступают в общие компанейские союзы и т. п., то они в данном случае, защищая свой групповой интерес, приносят большой вред классовой борьбе пролетариата. В начале главы мы указывали, что у капиталистов интересы отдельных групп (финансовой, промышленной, торговой буржуазии) тоже сплошь и рядом не совпадают с общим классовым интересом, на почве чего образуются различные партии и фракции. Но опять-таки в основном вопросе об экономическом и политическом господстве все партии и фракции буржуазии образуют одно целое, защищающее буржуазный экономический и политический порядок. Надо отличать еще временные интересы от исторических, длительных интересов класса. Сущность оппортунизма как раз и заключается в том, чтобы жертвовать вторыми в пользу первых.

¹ Клас. вернее, желали это представление внушить рабочим, которые здоровым классовым чутьем чувствовали, какую революционную роль играет всеобщая стачка.

В эпоху империализма буржуазия империалистических стран имеет возможность подкупать верхушку рабочего класса, т. н. рабочую аристократию за счет сверхприбылей, получаемых, главным образом, от эксплуатации колоний. На основе этого подкупа создается идеология классового мира и сотрудничества. Пример Швейцарии (где рабочие до войны находились в относительно привилегированном положении) показывает, насколько непрочны экономические выгоды, получаемые в таких случаях рабочими. В эпоху диктатуры пролетариата проблема увязывания групповых и временных интересов с историческими, длительными интересами пролетариата приобретает особо важное значение. Расхождение этих различных видов интересов могло бы при некоторых условиях оказаться роковым для диктатуры пролетариата. Одна из важнейших задач коммунистической партии поэтому и заключается в том, чтобы руководить всеми пролетарскими организациями, правильно сочетая текущие интересы отдельных групп рабочего класса с общей задачей пролетариата — движением к социализму.

Партию следовательно нельзя противопоставлять классу. *Необходимость партии вытекает из того, что класс состоит из очень разнообразных профессиональных и культурных групп, отличающихся друг от друга не только экономическими интересами, но и степенью сознательности.* Для того чтобы класс мог выполнить свою историческую роль, он, очевидно, должен создать организацию, представляющую единство класса и преодолевающую его разрозненность. Если такая организация необходима буржуазии, то тем более она важна пролетариату, вступающему в решительный бой с буржуазией.

§ 3. КЛАССЫ В БУРЖУАЗНОМ ОБЩЕСТВЕ И СССР.

Каждому антагонистическому способу производства присущ свой особый тип классового господства, который определяет характер классовых отношений данного общества, характер основных его классов. В античном обществе основными классами являются рабовладельцы и рабы, в феодальном — феодалы и крестьяне, в капиталистическом — буржуазия и пролетариат. Если брать антагонистический способ производства в абстрактном (отвлеченном), чистом виде, то все-таки нельзя отвлечься от наличия двух классов, в которых выражается сущность данного способа эксплуатации и, следовательно, сущность всех противоречий данной ступени общественного развития. Конкретное, действительно существующее общество включает в себя и другие классы, помимо основных. В капиталистическом обществе долгое время сохраняются остатки феодального класса дворянства (английские лэнд-лорды, немецкие юнкера, венгерские магнаты и т. п.), которые только постепенно сливаются в один класс с буржуазией. После английской революции буржуазия вела еще два столетия борьбу с феодальной аристократией, пока добилась полного и безраздельного господства в государстве. В эпоху империализма все подклассы буржуазии, в том числе и землевладельцы, превратившиеся,

по существу, в крупную с.-х. буржуазию, образуют однородную реакционную массу, выступающую под руководством финансового капитала.

Своеобразное промежуточное положение в буржуазном обществе занимает интеллигенция, под которой надо понимать большую общественную группу, состоящую из работников умственного труда. Современная интеллигенция сложилась в результате развития капиталистического способа производства, но она не является классом, так как непосредственно не производит и не присваивает прибавочную стоимость.

Тем не менее, интеллигенция представляет собой определенную общественную силу, без которой невозможен процесс крупного производства в обществе, в котором умственный труд отделен от физического. Этим же определяется значение интеллигенции и в переходный период.

По своему имущественному положению, различные группы интеллигенции резко отличаются друг от друга. Часть интеллигенции, хорошо оплачиваемая, занимающая командные посты (например, директора банков и различных предприятий, крупные юристы и т. д.), примыкает к буржуазии и почти сливается с ней. Наоборот, значительные кадры интеллигенции по своему социальному положению и оплате труда мало чем отличаются от рабочих (низшие банковские и конторские служащие, сельские учителя и т. п.). Таким образом, интеллигенция примыкает ко всем классам, но в то же время у нее в целом имеются некоторые своеобразные черты, есть своя общественная физиономия. Так как интеллигент — работник умственного труда, то он всегда отличает себя и от капиталиста и от рабочего, ставя себя выше и того и другого. Благодаря своему промежуточному положению интеллигенция считает, что она является надклассовой силой, призванной примирить пролетариат с буржуазией. Тяжелые условия борьбы за существование, перепроизводство работников умственного труда заставляют некоторую часть интеллигенции переходить на сторону пролетариата, где она образует большей частью основные кадры правых оппортунистических и межеумочных фракций социалистических партий. В СССР интеллигенция после продолжительного саботажа и долгих колебаний пошла за пролетариатом и вместе с ним бок-о-бок участвует в социалистическом строительстве. Роль интеллигенции в переходный период особенно важна, потому что она является носителем культуры и накопленного капитализмом технического опыта.

Но при диктатуре пролетариата возникают предпосылки и для создания кадра пролетарской интеллигенции, органически связанной с пролетариатом. Пролетарская интеллигенция в целом обладает выдержанной пролетарской идеологией, не отделяет себя от своего класса и образует основной кадр строителей новой пролетарской культуры.

Другой промежуточной группой в капиталистическом обществе является мелкая буржуазия — живой остаток феодального способа производства. От интеллигенции мелкая буржуазия отли-

чается тем, что основой ее существования является мелкая собственность на средства производства, не позволяющая, как правило, эксплуатировать чужой труд.¹ Значит, в отличие от интеллигенции² мелкая буржуазия опирается непосредственно на известные имущественные отношения (сохранившиеся в современном обществе от прежних экономических формаций) и следовательно представляет собой классовую группу. Зависимое и неустойчивое положение этих отношений в системе капиталистического производства определяет зависимость и неустойчивость мелкого буржуа. Мелкий буржуа постоянно мечется между капиталистами и пролетариатом. Большая часть его живет едва ли не хуже потомственных пролетариев и постоянно пополняет состав рабочего класса. Меньшинство, как мы указали, постепенно выбивается в люди, переходит в разряд капиталистов. Мелкий буржуа, как трудящийся, относится с известной симпатией к пролетариату, а привязанность к частной собственности (хотя сплошь и рядом очень мелкой) влечет его к буржуазии. Мелкий буржуа — типичный индивидуалист и фантастический собственник, что вытекает из условий его крошечного индивидуального производства. В буржуазном обществе, он ворча, упираясь и разоряясь идет за буржуазией; при диктатуре пролетариата, не без колебаний, идет за пролетариатом. Надо отметить, что на Западе часть разоряющихся ремесленников идет в социалистические партии и вместе с интеллигенцией образует основную базу, выделяющую оппортунистических лидеров (в германской социал-демократии из 850 тыс. членов 350 тыс. выходцев из интеллигенции и мелкой буржуазии).

Среди различных слоев мелкой буржуазии особенно важную роль играет крестьянство. При феодализме, как мы знаем, крестьянство является классом, противостоящим в целом помещикам (дворянству). Капитализм разлагает феодальную целостность крестьянства и превращает его в смесь нескольких классов. В капиталистическом обществе крестьянство распадается на следующие группы: 1) парцельных крестьян, ведущих хозяйство на таких мелких клочках земли, что они должны еще прирабатывать на стороне (Ленин поэтому называет их полупролетариями); 2) среднее крестьянство, как правило, не эксплуатирующее чужой труд или имеющее очень ограниченное число временных наемных работников; 3) крупных крестьян (кулаков), широко применяющих наемный труд и ведущих вполне капиталистическое хозяйство. К этим трем группам надо прибавить еще батраков, которые представляют собой чистых пролетариев (правда, часто еще связанных с землей), и так называемых мелких крестьян,³ промежуточную

¹ Термин мелкая буржуазия имеет следовательно не только количественный, но и качественный смысл.

² Большинство интеллигенции по своему промежуточному положению близко примыкает к мелкой буржуазии, связано с ней происхождением, сходными условиями жизни и некоторыми общими психологическими чертами. Поэтому значительную часть интеллигенции можно назвать мелкобуржуазной интеллигенцией.

³ Западно-европейское мелко-крестьянство соответствует по своему классовому положению нашему среднему крестьянству, а среднее крестьянство — зажиточным слоям нашего среднего крестьянства.

группу между parcelными и средними крестьянами (от последних они отличаются еще меньшими размерами земли и капитала, а также тем, что, как правило, не прибегают к найму рабочей силы). Вполне понятно, что мелкое и parcelное крестьянство (в свою очередь тесно связанное с батраками) мало чем отличаются друг от друга и являются непрерывно пролетаризирующейся группой. Благодаря неустойчивому положению среднего крестьянства, значительная часть его разоряется капитализмом и переходит в разряд мелких крестьян; только очень ограниченному меньшинству удается разбогатеть и перейти в класс с.-х. буржуазии.

Задача пролетариата организовать под своим руководством батраков, parcelных крестьян и мелкое крестьянство для совместной борьбы против городской и сельскохозяйственной буржуазии. Эта задача затрудняется тем, что значительная часть крестьянства, в силу малой сознательности и исторических условий, состоит в реакционных союзах, руководимых кулаками и помещиками. Поэтому крайне важно оторвать три низших категории крестьянства от буржуазии и нейтрализовать среднее крестьянство. Решение названной задачи создает одно из самых существенных условий для успеха революции и диктатуры пролетариата. Пролетариат, в известных отношениях, должен идти навстречу крестьянским желаниям. Надо помнить, что не только средний, но даже parcelный крестьянин является собственником, уповающим на свое хозяйство. Ошибки венгерской революции показали западно-европейскому пролетариату, что раздел части¹ помещичьей земли и инвентаря между мелким и мельчайшим крестьянством является определяющей предпосылкой союза рабочего класса с основной крестьянской массой, союза, без которого невозможен успех диктатуры пролетариата.

У нас в дореволюционной России положение крестьянства было двойственным; поскольку существовали многочисленные остатки крепостнических отношений, крестьянство оставалось классом феодального (крепостнического) общества, поскольку же шло развитие капиталистических отношений, крестьянство распадалось на классовые группы, характерные для капиталистического строя. Октябрьская революция произвела большие изменения в социальном положении крестьянства. Захват помещичьих земель и раскулачивание привели к тому, что большая часть крестьянства очутилась в однородных экономических условиях, «центральной фигурой деревни» стал «средняк». Отношение пролетариата к беднейшему и среднему крестьянству, понятно, совершенно иное, чем у буржуазии. В эпоху диктатуры пролетариата рабочий класс, опираясь на бедноту и в союзе с средним крестьянством, активно борется против буржуазии (городской и сельской). Но нельзя забывать, что цель диктатуры пролетариата — отмирание классов, поэтому классовый союз пролетариата и крестьянства очень своеобразная диалектическая форма классовой борьбы. Эта борьба выражается в таких фактах, как например регулирование цен на про-

¹ С тем, чтобы на оставшейся части конфискованной помещичьей земли создать крупные социалистические экономии.

мышленные и сельскохозяйственные товары с целью создания наиболее благоприятных условий для индустриализации, ограничение ввоза дешевых иностранных товаров, ограничение возможностей перерастания середняка в кулака и т. д. Как товаровладелец середняк является агентом товарной стихии, требующей неограниченного распоряжения собственностью.

Но обратим теперь внимание на другую сторону дела. Пролетариат препятствует «выдвижению» в кулаки отдельных групп крестьянства, но он содействует подъему всей середняцкой крестьянской массы в целом и переходу к коллективному хозяйствованию. Далее, среднее крестьянство превосходно знает, что без диктатуры пролетариата (и значит связанных с ней до поры до времени известных ограничений) нельзя удержать завоеваний революции — помещичьей земли, уничтожения конкуренции дешевого помещичьего и кулацкого хлеба, избавления от эксплуатации аппаратом дворянско-буржуазного государства. От политики пролетарского государства во многом зависит, какие тенденции возьмут верх в среднем крестьянстве, как сложатся классовые отношения между ним и пролетариатом. Надо подчеркнуть еще раз, что как собственник, как мелкий товаровладелец, как агент товарной стихии, середняк тянется к кулаку, а через него к капитализму; как трудящийся, не эксплуатирующий чужого труда, средний крестьянин — враг кулака и капитализма, который грозит ему разорением и эксплуатацией. Объективно единственный выход для подавляющего большинства середняцких масс — это социализм, но социалистом крестьянин станет только тогда, когда он воочию увидит, что социалистический план ему больше дает и лучше обеспечивает, чем родная и привычная товарная стихия. Важность правильной политики по отношению к середняку определяется тем, что среднее крестьянство образует один из основных классов СССР в том смысле, что оно связано однородными условиями производства и обмена, отличными от социалистических производственных отношений, преобладающих в обобществленном секторе хозяйства. Но положение бедноты (полупролетариата) во многом отличается от положения среднего крестьянства. Для того, чтобы прокормиться, бедняк вынужден искать побочных заработков. Сплошь и рядом он является сезонным рабочим. Хозяйство его находится в таком состоянии, что оно с большим трудом поддается индивидуальному подъему, чем середняцкое, — отсюда естественная тяга бедноты в колхозы.

Все это, вместе взятое, объясняет, почему беднота более надежная опора в деревне, чем середняк, который в силу своего социального положения неизбежно колеблется между пролетариатом и кулаком.

Политика смычки ставит перед пролетариатом следующую задачу:

1. Создать благоприятные условия для развития бедняцких и середняцких хозяйств, вести работу по производственному кооперированию их, по строительству и укреплению колхозов и совхозов.

2. Усилить (экономически и политически) классовое значение бедноты в деревне, с тем, чтобы, опираясь на нее и деревенский пролетариат, повести за собой середняцкие массы в наступление против кулака.

На основе простых товарных отношений, господствующих в крестьянском хозяйстве, постоянно воспроизводятся отношения капиталистические. Следовательно, переходный тип нашего строя и в частности существование новой буржуазии (кулаков и нэпманов) определяется характером мелкого производства, преобладающего в нашем сельском хозяйстве. Преодолеть классы — это значит подвести иной технический фундамент под крестьянское мелкое производство для того, чтобы путем кооперации и развития коллективных и обобществленных форм хозяйства превратить его в социалистическое крупное хозяйство, образующее с промышленностью единое социалистическое хозяйственное целое. Такую грандиозную задачу пролетариат может выполнить только в том случае, если он свое крупное социалистическое производство сомкнет с мелким крестьянским производством, и начнет его переделывать. Эта своеобразная смычка двух разных способов производства определяет основные черты переходной эпохи от капитализма к социализму и находит свое политическое выражение в союзе двух классов: пролетариата и среднего крестьянства.

Если рассматривать в общих чертах процессы, характеризующие нашу «переходную эпоху» в период нэпа, то можно наметить два этапа развития классовой борьбы.

Определяющий момент первого этапа — восстановление и реконструкция промышленности на основе развития социалистических отношений, восстановление сельского хозяйства на основе развития простых товарных отношений.

Этим определяется своеобразный «двойственный» характер классовой борьбы в рассматриваемый период. Политика вытеснения и ограничения капиталистических элементов вместе с тем обязывала к частичному сожителству с ними.

Второй этап (начавшийся примерно с весны 1929 года) является периодом социалистической реконструкции деревни.

Массовая переделка простых товарных отношений стала возможной, благодаря тому, что народное хозяйство накопило на первом этапе ресурсы, позволяющие развить темп индустриализации, необходимый для подведения под новые производственные отношения в деревне соответствующей технической базы. Конечно, социалистическая реконструкция сельского хозяйства стала реальностью только тогда, когда за ее осуществление взялись под руководством пролетариата многомиллионные массы бедноты и среднего крестьянства.

«Поворот крестьянства в сторону коллективизации начался не сразу. Он, этот поворот, и не мог начаться сразу. Правда, лозунг коллективизации был провозглашен партией еще на XV съезде. Но для массового поворота крестьянства в сторону социализма недостаточно еще провозглашения лозунга. Для поворота требуется по крайней мере еще одно обстоятельство, а именно, чтобы сами кре-

стьянские массы убедились в правильности провозглашенного лозунга и приняли его как свой собственный лозунг. Поэтому поворот этот подготовлялся исподволь. Подготовлялся он всем ходом нашего развития, всем ходом развития нашей индустрии, и прежде всего развитием индустрии, поставляющей машины и тракторы для сельского хозяйства. Подготовлялся он политикой решительной борьбы с кулачеством и ходом наших хлебозаготовок в его новых формах за 1928 и 1929 г., ставящих кулацкое хозяйство под контроль бедняцко-средняцких масс. Подготовлялся он развитием сельскохозяйственной кооперации, приучающей индивидуального крестьянина к коллективному ведению дела. Подготовлялся он сетью колхозов, где крестьянин проверял преимущество коллективных форм хозяйства перед индивидуальным хозяйством. Подготовлялся он, наконец, сетью разбросанных по всему СССР и вооруженных новой техникой совхозов, где крестьянин получал возможность убедиться в силе и преимуществах новой техники. Было бы ошибочно видеть в наших совхозах только лишь источник хлебных ресурсов. На самом деле совхозы с их новой техникой, с их помощью окружающим крестьянам, с их невиданным хозяйственным размахом явились той ведущей силой, которая облегчила поворот крестьянских масс и двинула их на путь коллективизации.

Вот на какой основе возникло то массовое колхозное движение миллионов бедняков и середняков, которое началось во второй половине 1929 г. и которое открыло собой период великого перелома в жизни нашей страны» [Сталин, Политический отчет ЦК XVI Съезду ВКП(б)].

Социалистическая переделка деревни лишает почвы все капиталистические элементы и в первую очередь сельскохозяйственную буржуазию — кулаков. Вовлечение крестьянских масс в колхозное движение, в связи с чем гигантски возрастает роль обобщественного сектора сельского хозяйства в производстве хлеба, позволяет перейти от политики вытеснения и ограничения к политике ликвидации кулачества, как класса. Поэтому последний период нэпа, период социалистической реконструкции деревни, есть период ожесточеннейшей классовой борьбы. Кулак, вполне естественно, отчаянно борется за свое существование, пользуясь всеми средствами для срыва политики пролетариата. Следовательно, *сплошная коллективизация и ликвидация кулачества как класса — две стороны одной и той же медали*. Нельзя проводить и закрепить коллективизацию, не ликвидируя кулачества, в свою очередь ликвидация кулачества, не связанная со сплошной коллективизацией, является лишенной почвы и, значит, обреченной на неудачу авантюрой.

Непонимание этой связи и является причиной известных ошибок левой и правой оппозиции в рассматриваемом вопросе.

В связи с политикой сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса, иной смысл приобретает лозунг — опираться на бедняка, смыкаться с середняком. Несомненно, что бедняки и середняки, вошедшие в колхозы, отличаются от бедняков и

середняков, остающихся пока вне колхозного движения. Первые сделали шаг к социализму в своей производственной деятельности; они во многом опираются на отношения социалистические, вторые, напротив, хозяйствуют на основе простых товарных отношений.

Вместе с тем и в среде колхозного крестьянства известное время сохраняется различие между бедняком и середняком, при этом различие не только психологическое, но и экономическое. Но в среде внеколхозного крестьянства, если бы его предоставить самому себе, эти различия имели бы тенденцию перерасти в противоположность между все более опускающимися бедняками и основными массами середняков и выдвигающимися в кулаки зажиточными середняками. Напротив, в среде колхозников тенденции, ведущие к укреплению социалистических отношений, действуют гораздо сильнее противоположных. Поэтому резолюция XVI съезда ВКП(б) о колхозном движении и подъеме сельского хозяйства указывает, что теперь «по-новому ставится вопрос об опоре советской власти в деревне. Отныне в важнейших зерновых районах СССР деревня делится на две основные части: на колхозников, являющихся действительной и прочной опорой советской власти, и на неколхозников из бедноты и середняков, пока еще не желающих войти в колхозы, но которых массовый опыт колхозов несомненно убедит в относительно кратчайшие сроки в необходимости вступить на путь коллективизации».

Отсюда вытекает, что нельзя противопоставлять колхозное крестьянство неколхозному. Сегодняшний неколхозник завтра превращается в члена колхоза.

В течение ближайших лет все наше трудовое крестьянство должно стать крестьянством колхозным. Завершение этого процесса есть завершение последнего периода нэпа, переход к социализму. Вместе с коллективизацией нашего многомиллионного крестьянства, процессом органически связанным с невиданным размахом индустриализации и ликвидацией класса кулаков, будет осуществлен известный завет Ленина — Россия из нэповской станет социалистической.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА.

§ 1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СУЩНОСТЬ ГОСУДАРСТВА.

В двух предшествующих главах мы познакомились с происхождением классового общества, с основными его типами и с историческим значением классовой борьбы. Мы знаем теперь, что классовое общество — это общество, в котором сталкиваются противоречивые интересы различных классов и, прежде всего, интересы основных классов, характерных для данной формы общества — класса господствующего и класса эксплуатируемого. Мы знаем далее, что господствующий класс, т. е. класс, в руках которого сосредоточены все основные средства производства, составлял до наших дней меньшинство: рабовладельцы господствовали над массами рабов, помещики господствовали над массами крепостных крестьян, буржуазия — над массами пролетариата. Отсюда возникает естественный вопрос: каким образом меньшинство могло господствовать над большинством. Какими средствами принуждения обладало господствующее меньшинство для того, чтобы иметь возможность подчинить себе и эксплуатировать огромное большинство. Каким образом на протяжении многих веков существовало классовое общество, раздираемое непримиримыми противоречиями. Ответ на эти вопросы таков: запутавшееся в противоречиях классовое общество на определенной ступени своего развития породило особую организацию, регулирующую эти противоречия на основе подчинения и подавления угнетенного класса — государство. «Государство, — читаем мы у Энгельса («Происхождение семьи, частной собственности и государства») — ... отнюдь не является силой извне навязанной обществу... Оно представляет собой продукт общества на определенной ступени его развития; оно служит признанием того, что это общество запуталось в неразрешимом противоречии с самим собою, что оно раздираемо непримиримыми противоречиями, которые оно бессильно устранить. Но для того, чтобы эти противоречия, — классы с враждебными экономическими интересами, — не уничтожили себя и общество в бесплодной борьбе, понадобилась сила, стоящая по видимости над обществом и способная смягчить столкновения, удерживать их в пределах «порядка»; и такой силой, вышедшей из общества, но ставящей себя

над ним, все более и более обособляющейся от него, является государство».

При поверхностном взгляде на роль государства, может показаться, что государство стоит над обществом и что оно примиряет противоречия между классами. Но это не так. Государство представляет собой определенную организацию, в состав которой входят прежде всего армия и полиция, затем чиновничество, суд, школа и т. д. И вот, если внимательно присмотреться к характеру деятельности армии, полиции, чиновничества, суда, школы, как частей государственного аппарата, то сразу становится ясным, что все эти части государственного аппарата, весь аппарат в целом служат интересам господствующего класса: армия и полиция дают в руки господствующего класса силу оружия; весь чиновнический аппарат приспособлен к интересам господствующего класса; суд заботится о том, чтобы наказать и устранить из общества тех, кто преступает законы, издаваемые господствующим классом; школа ставит себе задачей воспитывать такого члена общества, который был бы умелым повелителем, командиром, если он принадлежит к господствующему классу (привилегированные учебные заведения), или покорным исполнителем, если он принадлежит к классам подчиненным (массовая школа).

«Класс, могущий распоряжаться средствами материального производства, располагает в то же время, благодаря этому, средствами духовного производства, так что, благодаря этому, он господствует в то же время в общем над мыслями тех, у которых нет средств для духовного производства» (Маркс, «Немецкая идеология»).

Итак, порожденное в процессе борьбы классов, государство, по общему правилу, является организацией наиболее сильного экономически класса. Тот класс, который владеет основными средствами производства, является в то же время классом, господствующим политически, т. е. классом, в интересах которого действует весь государственный аппарат. Вот почему кажущееся «примирение» классовых противоречий государством является не чем иным, как примирением в интересах господствующего класса: примирение на деле достигается не путем согласования интересов класса господствующего и класса эксплуатируемого, а путем подчинения интересов класса эксплуатируемого интересам класса эксплуатирующего, господствующего. (В связи с этим см. критику взглядов Каутского в книге Ленина «Пролетарская революция и ренегат Каутский».) Общество, где господствующим классом были рабовладельцы, породило государство рабовладельцев; феодальное общество породило государство помещиков; капиталистическое общество породило государство буржуазии. А отсюда ясно, что формы государства находятся в зависимости от форм общества, иными словами, от форм производственных отношений. Само возникновение государства, как мы видели, связано с разложением общества на классы, и господством того или иного класса определяется тот или иной государственный или по-

литический строй. «Политическая власть есть... официальное выражение антагонизма классов в гражданском обществе» (Маркс, «Нищета философии»). В буржуазном обществе «государственная власть есть не более как администрация, заведующая общими делами класса буржуазии» («Коммунистический Манифест»).

Для пояснения сказанного остановимся несколько на формах буржуазного государства. Когда стало зарождаться буржуазное общество, когда буржуазия только-только вступила на путь борьбы с господствовавшим в феодальном обществе классом помещиков (эпоха торгового капитала), государство, возникшее на этой основе, было абсолютной (неограниченной) монархией. Монархическая власть опиралась, так сказать, одновременно и на помещиков-дворян, еще достаточно сильных, чтобы сопротивляться буржуазии, и на торговую буржуазию, уже достаточно сильную, чтобы парализовать исключительное влияние дворянства на государственную власть. В этот период господство делили между собой помещики-дворяне и торговая буржуазия. Монархическая власть, пользуясь борьбой за господство между этими двумя классами, усилилась и стала неограниченной властью (тогда как в чистом феодальном обществе монархическая власть была ограничена со стороны феодалов; монарх был только самым крупным помещиком среди других крупных помещиков). Опираясь на дворянство и на торговую буржуазию, неограниченная монархическая власть, в зависимости от соотношения сил, действовала либо, по преимуществу, в интересах помещиков-дворян, либо, по преимуществу, в интересах торговой буржуазии. Но и в том и в другом случае она осуществляла интересы господствующих классов и давала в руки помещиков средства принуждения, необходимые для эксплуатации крестьянина-земледельца, а в руки торговой буржуазии средства принуждения, необходимые для эксплуатации мелкого ремесленника и кустаря. Когда развитие машинной техники привело к господству в обществе промышленной буржуазии — фабрикантов и заводчиков (эпоха промышленного капитализма), изменилась и форма государства. Усилившаяся экономически буржуазия, стремясь к расширению своего участия в государственном аппарате, иными словами, к усилению своего политического могущества, стала добиваться ограничения монархической власти. Тогда абсолютная монархия сменилась монархией ограниченной, где власть монарха ограничивается так называемым «народным» представительством. Эта ограниченная монархия называется также конституционной (от слова «конституция» — основной закон, в котором указаны права и обязанности монарха и органов «народного» представительства). В зависимости от того, насколько сильны в данном буржуазном обществе пережитки феодализма, конституционная монархия бывает двух видов: дуалистическая и парламентарная. Дуалистическая (по-русски можно перевести — двойственная) монархия возникает в тех случаях, когда на ряду с господством буржуазии сохраняются еще остатки господства помещиков. В этой форме государства, в которой сохранились остатки абсолю-

тизма, характерного для эпохи торгового капитализма, в то же время имеются уже органы «народного» представительства: власть монарха здесь, как будто, ограничена властью парламента, но министерство назначается монархом, независимо от воли парламента, и ответственно такое министерство не перед парламентом, а только перед монархом. (Примером такого рода государства может служить Прусское королевство до революции 1918 г.) Парламентарная же монархия соответствует уже более чистым формам буржуазного общества. Здесь пережитков господства дворянства почти нет. Буржуазия здесь является полновластным господином, и потому в большинстве случаев она стремится во все уничтожить монархическую власть, заменив монархию буржуазной республикой. В тех же случаях, когда монархическая власть сохраняется, ее роль значительно ограничивается, так как министерство в парламентарном государстве назначается из состава парламентского большинства, т. е. из состава той партии, которая имеет в парламенте наибольшее число голосов, и ответственно такое министерство перед парламентом, а не перед монархом. Мы видим, таким образом, по существу, разницы между парламентарной монархией и парламентарной республикой нет; хотя в одном случае власть монарха переходит по наследству, а в другом случае — президент избирается, однако в обоих случаях фактическая власть находится не в руках монарха или президента, а в руках парламента или, вернее, министерства, избираемого из парламентского большинства, т. е. в руках представителей буржуазии. (Примером такого рода государства может служить в первом случае современная Англия, а во втором случае современная Франция.) Само собой разумеется, что наиболее последовательной формой господства буржуазии является именно парламентарная республика, так называемая демократическая республика. «Либеральная конституционная монархия, — писал Энгельс, — является соответствующей формой господства буржуазии: 1) вначале, когда буржуазия еще не вполне расправилась с абсолютной монархией, и 2) в конце, когда пролетариат делает уже слишком опасной демократическую республику. И тем не менее демократическая республика всегда останется последней формой господства буржуазии, той формой, в которой она погибает» (Письмо к Бернштейну от 24 марта 1884 года).

Когда мы говорим о парламентарной монархии или демократической республике как о государстве буржуазии, то мы как будто бы игнорируем тот факт, что в состав парламента входят представители не только буржуазии, но и других классов. Основываясь на этом, буржуазные ученые пытаются даже доказать, что буржуазный парламентаризм является такой формой государства, которая отражает интересы всех классов. Правы ли они? Нет, конечно, не правы.

Решающее значение для интересующего нас вопроса имеет экономическое могущество буржуазии, и буржуазная «демократия» фактически является диктатурой буржуазии. Ведь только буржуазия, класс экономически господствующий, может широко

пользоваться всеми средствами предвыборной агитации: в ее руках находится подавляющее большинство газет, большинство общественных зданий, где устраиваются предвыборные собрания; она может тратить неизмеримо большие средства на агитационные предвыборные плакаты, на разъезды своих ораторов по городам и деревням; к ее услугам и церковь, проповедники которой, пользуясь неосознанностью отсталых крестьянских и полупролетарских слоев, добывают в их среде голоса для представителей буржуазии. Ленин в своей лекции о государстве, прочитанной 11 июля 1919 года в Свердловском университете (тогда — Центральная школа советских работников), так охарактеризовал сущность буржуазной демократии. «Пока есть частная собственность, хотя бы... государство было демократической республикой, оно есть не что иное, как машина в руках капиталистов для подавления рабочих, и чем свободнее государство, тем яснее это выражается. Пример этого Швейцария в Европе, С.-А. Соединенные Штаты в Америке. Нигде капитал не господствует так цинично и беспощадно, как именно в этих странах, и нигде не видно с такой ясностью, хотя это демократические республики, — как бы ни были они изящно размалеваны, — нигде, несмотря ни на какие слова о трудовой демократии, о равенстве всех граждан. На деле в Швейцарии и Америке господствует капитал, и всякие попытки рабочих добиться улучшения своего положения сколько-нибудь серьезно встречаются немедленной гражданской войной. В этих странах меньше солдат, постоянного войска, — в Швейцарии существует милиция — каждый швейцарец имеет ружье у себя дома, в Америке до последнего времени не было постоянного войска, — и поэтому, как случается стачка, вооружается буржуазия, нанимает наемных солдат и подавляет стачку, и нигде это подавление рабочего движения не происходит с такой беспощадной свирепостью, как в Швейцарии и Америке, и нигде в парламенте не сказывается так сильно влияние капитала, как именно здесь. Сила капитала — все, биржа — все, а парламент, выборы — это марионетки, куклы».

Итак, и при парламентаризме так называемое народное представительство не является действительным народным представительством: парламент играет роль лишь одного из органов господства буржуазии. В настоящее время парламент как орган, при помощи которого буржуазия старалась прикрыть диктаторскую сущность своего господства, по мере обострения классовых боев буржуазии с пролетариатом начинает вырождаться. Все больше и больше усиливается власть президента в одних странах или кабинета министров — в других. Кроме того, в ряде стран после мировой войны возникли контр-революционные буржуазные фашистские организации (зародившиеся в Италии), при помощи которых буржуазия уже открыто осуществляет свою диктатуру, тем самым окончательно отказываясь от парламентаризма, как скрытой формы своей диктатуры. В одной из своих работ основоположник и вождь итальянского фашизма Муссолини иронически писал, что «итальянское демократическое либеральное го

сударство... похоронено со всеми надлежащими почестями». Выступив открыто против парламентаризма, как устаревшей формы государственной организации, итальянский фашизм пытается объявить свое государство подлинно демократическим. «Фашизм хочет создать режим такой власти, при которой правительство, имеющее широчайшие полномочия, опиралось бы на массы через посредство множества организаций, которые позволили бы ему поддерживать контакт с народом, формировать его (народа) моральное и гражданское сознание, руководить его (народа) духовным ростом и экономическим развитием» — так формулировал задачи фашизма один из его теоретиков Альфред Рокко в своей речи на заседании палаты депутатов 28 февраля 1928 года. Значение такого рода заявлений о «демократичности» фашизма явствует из той социальной программы, которая была сформулирована Муссолини в его речи в палате депутатов при обсуждении закона о дисциплине труда в апреле 1926 года. В этой речи Муссолини заботливо отмежевывает фашистский синдикализм от «красного» синдикализма и вполне четко и определенно выявляет социальную природу фашистской диктатуры, как буржуазной диктатуры. «Фашистский синдикализм, — говорил в этой речи Муссолини, — отличается от красного одной фундаментальной чертой: он не ставит себе задачей нанести какой-либо ущерб частной собственности. Когда хозяин находится перед лицом красного синдиката, он имеет перед собой синдикат, который только непосредственным образом ведет борьбу за повышение зарплаты, конечной же целью этой борьбы является свержение существующего положения, т. е. уничтожение права на собственность... наш же синдикализм стремится только улучшить положение тех групп и классов, которые собираются под его знаменами, и не имеет конечных целей». Фашистская идеология — это идеология капитализма, отстаивающего свои последние позиции, и потому отстаивающего их с особой решительностью. «Согласно социализму, капитал — это чудовище, вампир, — говорил Муссолини в одной из своих речей в сенате. — Согласно нашей доктрине, все это — плохая литература. Капитализм не только не находится в упадке, но он даже не имел своей зари. Нам надо привыкать думать, что капиталистическая система, со всеми своими недостатками и преимуществами, будет существовать еще несколько веков... Социалистическая концепция была ложью. Она представляла капитализм в виде некоторых личностей, которые наживались от эксплуатации бедного (!) пролетариата. Все это смешно. Современные капиталисты — это капитаны индустрии, очень крупные организаторы, люди, которые имеют очень высокое чувство гражданской и экономической ответственности, люди, от которых зависит судьба зарплаты, благосостояние тысяч и десятков тысяч рабочих». Это уже — подлинный пафос апологии капитализма.

Итак, всякое государство, как абсолютная монархия, как дуалистическая монархия, так и парламентарная монархия и демократическая республика, является организацией, обеспечивающей

экономически господствующему классу возможность сохранить и укрепить его господство при помощи политической власти. Государство является органом господствующего класса. Изложенная теория государства является единственно научной теорией. Эта теория, как мы видели, рассматривает государство в его связи с другими общественными явлениями, рассматривает его, как надстройку над соответствующими классовыми производственными отношениями; она рассматривает государство в процессе его возникновения и развития и, тем самым, устанавливает его переходящий, исторический характер. Эта теория государства — диалектико-материалистическая теория. В свете этой теории становится совершенно ясной научная бесплодность всевозможных умозрительных «построений» буржуазных ученых, пытающихся изобразить государство в виде какой-то надклассовой силы, ставящей себе целью защиту интересов общества как целого, стремящейся к созданию «социальной солидарности» для прекращения войны или борьбы «всех против всех», или во имя осуществления какой-то «нравственной идеи». Также ясной становится научная беспомощность другой разновидности буржуазных воззрений на государство — анархических теорий, отрицающих историческую необходимость возникновения государства на определенной ступени развития общества и рассматривающих государство, как силу, чуждую всему обществу, враждебную всему обществу, появившуюся откуда-то со стороны и эксплуатирующую все общество в целом в интересах небольшой группы лиц, возглавляющих государственный аппарат. Такого рода теории являются лишь одним из проявлений буржуазного индивидуализма. «Миросозерцание анархистов есть вывороченное наизнанку буржуазное миросозерцание. Их индивидуалистические теории, их индивидуалистический идеал находятся в прямой противоположности к социализму. Их взгляды выражают не будущее буржуазного строя, идущего к обобществлению труда с неудержимой силой, а настоящее и даже прошлое этого строя, господство слепого случая над разрозненным, одиноким, мелким производителем» (Ленин, «Социализм и анархизм»). И, наконец, в свете марксистского учения о государстве становится явной полная несостоятельность таких, например, «теорий», как теория Каутского, доказывающего в одной из последних своих работ («Материалистическое понимание истории»), что государство появилось исключительно как результат столкновений между племенами, народами, причем победитель становился господствующим классом, строившим в своих интересах государство. Это — чисто механистическая концепция, чуждая диалектическому пониманию общественно-исторического процесса и совершенно расходящаяся с историческими фактами. Корни ее лежат в буржуазном государствоведении: она представляет собой разновидность так называемой «теории борьбы рас» Гумпловича. Кроме указанных псевдо-научных теорий происхождения и сущности государства даже в наши дни появляются попытки доказать, что государство является «божественным» установлением. Характеристику

этих попыток, а также всех вообще буржуазных теорий государства Ленин дает в упомянутой выше лекции о государстве. «Едва ли найдется другой вопрос, столь запутанный умышленно и неумышленно представителями буржуазной науки, философии, юриспруденции, политической науки, публицистики, как вопрос о государстве. Очень часто этот вопрос смешивают до сих пор с вопросами религиозными, очень часто не только представители религиозных учений (от них-то это вполне естественно ожидать), но и люди, которые считают себя от религиозных предрассудков свободными, смешивают специальный вопрос о государстве с вопросами о религии и пытаются построить очень часто сложное, с идейным философским подходом и обоснованием учение о том, что государство есть нечто божественное, нечто сверхъестественное, что это некоторая сила, которой жило человечество, и которая дает людям или имеет дать, несет с собой нечто не от человека, а извне ему данное, — это — сила божественного происхождения. И надо сказать, что это учение так тесно связано с интересами эксплуататорских классов — помещиков и капиталистов, — так служит их интересам, так глубоко пропитало все привычки, все взгляды, всю науку гг. буржуазных представителей, что с остатками его вы встретитесь на каждом шагу, вплоть до взгляда на государство у меньшевиков и эсеров, которые с негодованием отрицают мысль, что находятся в зависимости от религиозных предрассудков, и уверены, что могут трезво смотреть на государство. Вопрос этот так запутан и усложнен потому, что он (уступая только основаниям экономической науки) затрагивает интересы классов больше, чем какой-нибудь другой вопрос. Учение о государстве служит оправданием общественных привилегий, оправданием существования эксплуатации, оправданием существования капитализма, — вот почему ждать в этом вопросе беспристрастия, подходить в этом вопросе к делу так, как будто люди, претендующие на научность, могут здесь дать вам точку зрения чистой науки, — это величайшая ошибка».

§ 2. ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА.

В главе 6 (о производительных силах и производственных отношениях) и 7 (о теории классовой борьбы) мы познакомились с коммунизмом как типом экономической структуры общества: мы уже знаем, что коммунистическое общество — общество бесклассовое и что строителем коммунистического общества является рабочий класс. Ниже, в главе 10 (о теории общественного развития) мы остановимся на том, что такое революция вообще и что такое пролетарская революция в частности, остановимся на сущности исторической роли пролетариата, подойдя к этим вопросам под углом зрения теории общественного развития в целом. Здесь же мы рассмотрим вопрос о пролетарской революции в связи с изложенной только-что теорией государства, иными словами, остановимся, главным образом, на вопросе о том, нуждается ли пролетариат в своем государственном аппарате, и если

нуждается, то для чего, в каком именно аппарате, и каково должно быть отношение завоевавшего политическую власть пролетариата к буржуазному государству.

Прежде всего остановимся на вопросе о том, каковы основные задачи, стоящие перед пролетариатом в пролетарской революции. Ответ на этот вопрос мы находим у Маркса в первом томе «Капитала». Эта основная задача — отнятие средств производства из рук буржуазии и передача их в руки пролетарского государства. Если раньше крупная буржуазия захватывала средства производства в свои руки, пролетаризируя, таким образом, широкие массы трудящихся (экспроприация крестьянства, ремесленника, мелкого буржуа крупным), то теперь у буржуазии отнимается захваченное ею (экспроприация экспроприаторов). Приведем подлинные слова Маркса: «Эта экспроприация совершается действием имманентных законов самого капиталистического производства, централизацией капиталов. Один капиталист убивает многих. Рука об руку с этой централизацией или экспроприацией многих капиталистов немногими развивается все в более широком масштабе кооперативная форма процесса труда, сознательное техническое применение науки, планомерная эксплуатация земли, выработка таких средств труда, которые допускают лишь совместное применение, экономизация всех средств производства комбинированного общественного труда, которые допускают лишь совместное применение, экономизация всех средств производства комбинированного мирового рынка и, следовательно, интернациональный характер капиталистического режима. На ряду с постоянным уменьшением числа магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса переворота, растет масса нищеты, гнета, порабощения, вырождения и эксплуатации, но вместе с тем растет и возмущение рабочего класса, непрерывно увеличивающегося, вышколенного и организованного самим механизмом капиталистического процесса производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вместе с нею и благодаря ей достиг расцвета. Централизация средств производства и обобществления труда достигают уровня, при котором они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Последняя разрывается. Экспроприаторы экспроприируются».

Наиболее отчетливо противоречия капиталистического общества появляются в периодически подрывающих хозяйство промышленных кризисах и империалистических войнах, использующих все достижения техники для разрушения культуры. Империалистические войны являются, таким образом, явным симптомом начавшегося разложения капиталистического общества. Но в то же время развитие капитализма порождает и ту силу, которая исторически призвана нанести последний удар капиталистическому обществу и начать строительство нового общества — коммунистического. Этой силой является пролетариат. Развитие машинного производства приводит к тому, что на фабриках и заводах сосредоточиваются большие массы пролетариата, сообща работающего и сообща пользующегося средствами производства.

Таким образом, процесс производства становится как бы общественным процессом. А между тем форма присвоения остается прежней — частной формой присвоения, с той только разницей, что раньше собственник средств производства — ремесленник присваивал себе продукт своего труда, тогда как теперь собственник средств производства — капиталист присваивает себе продукт чужого труда. Так возникает противоречие между общественным способом производства и частной формой присвоения — противоречие, обостряющее борьбу между пролетариатом и буржуазией. Именно пролетариат является тем классом капиталистического общества, в положении которого особенно рельефно отражаются противоречия, разрушающие это общество. Когда разражается промышленный кризис, потрясается все здание капиталистического хозяйства, но больше всего страдает именно пролетариат: сокращение производства в одних предприятиях, закрытие других предприятий приводит к тому, что десятки, сотни тысяч безработных выбрасываются на улицу и обрекаются на голодную смерть. Когда разражается империалистическая война, разрушается культура всего капиталистического общества, но тяжесть войны ложится на плечи сотен тысяч, миллионов пролетариев. А потому, когда пролетариат борется за свое освобождение, он одновременно является выразителем своих классовых интересов и интересов всего общества в целом.

Выход из этого тупика, в который зашло капиталистическое общество, возможен только один — через уничтожение частной собственности на средства производства, через социалистическую революцию. И пролетариат, требуя уничтожения частной собственности на средства производства, провозглашая социалистическую революцию, идет по пути освобождения себя от эксплуатации и одновременно с тем по пути освобождения общества от разрушающих его внутренних противоречий.

«Фабрично-заводский рабочий является не более как передовым представителем всего эксплуатируемого населения», — писал Ленин еще в 1894 г. Понятно, что именно пролетариату принадлежит роль класса-гегемона, класса-руководителя в революции. Именно пролетариат доводит до конца демократическую революцию, присоединяя к себе крестьянские массы, именно пролетариат совершает и социалистическую революцию, присоединяя к себе массы беднейших крестьян, полупролетариев. Переход от общества капиталистического к обществу коммунистическому возможен только через диктатуру пролетариата.

Начавшись с разрозненных попыток борьбы со своими непосредственными хозяевами, рабочее движение пришло к борьбе с капиталистическим строем в целом. По мере развития рабочего движения, рабочий класс осознавал значение политической борьбы, значение борьбы за государственную власть. И началом социалистической революции должен быть захват государственной власти пролетариатом. Переход от капитализма к коммунизму не происходит сразу: он представляет собой длительный процесс напряженной борьбы между пролетариатом и свергнутой рево-

лющей буржуазией. Буржуазия не отказывается добровольно от своих привилегий, она продолжает бороться, стремясь вернуть себе монополистическое право собственности на средства производства и, тем самым, вернуть себе утраченное положение господствующего класса. Необходимы решительные меры для того, чтобы подавить сопротивление буржуазии. Но этого мало. «Для полного уничтожения классов надо не только свергнуть эксплуататоров, помещиков и капиталистов, не только отменить их собственность, надо отменить еще и всякую частную собственность на средства производства, надо уничтожить как различие между городом и деревней, так и различие между людьми физического и людьми умственного труда. Это — дело очень долгое. Чтобы его совершить нужен громадный шаг вперед в развитии производительных сил, надо преодолеть сопротивление (часто пассивное, которое особенно упорно и особенно трудно поддается преодолению) многочисленных остатков мелкого производства, надо преодолеть громадную силу привычки и косности, связанной с этими остатками» (Ленин, «Великий почин»). Для осуществления всего этого свергнувший буржуазию пролетариат нуждается в сильном государственном аппарате: диктатура буржуазии должна быть заменена диктатурой пролетариата. Разрушив буржуазное государство, пролетариат должен построить свое пролетарское государство.

Диктатура пролетариата представляет собой «беспощадно суровое, быстрое и решительное насилие для подавления сопротивления эксплуататоров, капиталистов, помещиков...», писал Ленин («Привет венгерским рабочим»). «Диктатура пролетариата есть продолжение его классовой борьбы в новых условиях. Диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и административная, против сил и традиций старого общества, против внешних капиталистических врагов, против остатков эксплуататорских классов внутри страны, против ростков новой буржуазии, возникающих на основе еще не преодоленного товарного производства» (Программа Коммунистического Интернационала). Этого не понимают творцы социал-реформистских теорий мирного вращивания капитализма в социализм. Так, например, согласно новой теории Каутского, развитой им в работах — «Материалистическое понимание истории» и «Пролетарская революция и ее программа», характерным признаком пролетарской революции является тот факт, что она совершается в обстановке демократического государства, где классовая борьба не нуждается ни в вооруженном восстании, ни даже в массовой стачке. Классовые конфликты в эту эпоху разрешаются, по мнению Каутского, мирным путем — путем голосования; благодаря демократии, пролетарская революция происходит без кровопролития, без насилий; переход от капитализма к социализму происходит по существу без революции. Изложенная теория Каутского — это опять-таки (как и его теория происхождения государства, с которой мы познакомились выше) — результат отказа от применения диалектического

метода к анализу общественных явлений: это — механистическая теория; революция, скачок, перерыв непрерывности, возникновение нового качества через перерыв непрерывности здесь исчезают; переход от классового общества к бесклассовому совершается эволюционным путем; буржуазное общество вырастает в социализм. Насколько бессмысленны подобного рода мечтания, насколько далека действительность от такого рода «теорий», мы знаем из практики двухкратного пребывания у власти так называемого «рабочего» правительства в Англии или из практики германской социал-демократии, когда она получала большинство в Рейхстаге: и в Англии и в Германии сторонники социал-реформистских теорий оказывались фактически исполнителями воли буржуазии. Эти реформистские теории социал-демократии получили достойную оценку в Программе Коммунистического Интернационала. «В области теории, — читаем мы здесь, — социал-демократия изменила марксизму полностью и целиком, пройдя через ревизионистский этап к законченному либерально-буржуазному реформаторству и откровенному социал-империализму: учение Маркса о противоречиях капитализма она заменила буржуазным учением о его гармоническом развитии; учение о кризисах и обнищании пролетариата она сдала в архив; грозную и пламенную теорию классовой борьбы она превратила в пошлую проповедь классового мира; учение об обострении классовых противоречий она променяла на мещанскую басню о «демократизации» капитала... теорию революционного крушения капитализма она разменяла на фальшивую монету «здорового» капитализма, мирно превращающегося в социализм, революцию она заменила эволюцией; разрушение буржуазного государства — его активным строительством; учение о пролетарской диктатуре — теорией коалиции с буржуазией».

Однако, «не в одном насилии сущность пролетарской диктатуры и не главным образом в насилии. Главная сущность ее в организованности и дисциплинированности передового отряда трудящихся, его авангарда, его единственного руководителя — пролетариата. Его цель — создать социализм, уничтожить деление общества на классы; сделать всех членов общества трудящимися; отнять почву у всякой эксплуатации человека человеком. Эту цель нельзя осуществить сразу, она требует довольно продолжительного периода от капитализма к социализму, — и потому, что реорганизация производства вещь трудная, и потому, что нужно время для коренных перемен во всех областях жизни, и потому, что громадная сила привычки к мелкобуржуазному и буржуазному хозяйничанию может быть преодолена лишь в долгой упорной борьбе» (Ленин, «Привет венгерским рабочим»). В этих строках Ленин уже указывает на коренное различие между диктатурой буржуазии и диктатурой пролетариата, между государством буржуазным и государством пролетарским: в то время как для буржуазии господство над пролетариатом является целью, почему буржуазия и стремится упрочить свое господствующее положение, для пролетариата господство над буржуазией явля-

ется средством; его цель — уничтожение самой возможности господства одного класса над другими, уничтожение классового общества и создание общества бесклассового — коммунистического. Но и независимо от конечных задач, которые ставит себе диктатура пролетариата, как форма государства, она и по существу своему глубоко отлична от буржуазного государства. «Буржуазия вынуждена лицемерить и называть «общенародной властью» или демократией вообще, или чистой демократией буржуазную демократическую республику, на деле представляющую собой диктатуру буржуазии, диктатуру эксплуататоров над трудящимися массами. . . На деле демократическая республика, учредительное собрание, всенародные выборы и т. п. есть диктатура буржуазии. . . Только диктатура пролетариата в состоянии освободить человечество от гнета капитала, лжи, фальши, лицемерия буржуазной демократии, этой демократии для богатых, в состоянии установить демократию для бедных, т. е. сделать блага демократии доступными фактически для рабочих и беднейших крестьян, тогда как теперь (даже и при самой демократической — буржуазной — республике) эти блага демократии фактически недоступны нормальному большинству трудящихся» (Ленин, «Буржуазная ложь о свободе печати»). «Государство этого периода, — писал Ленин в другом месте, — неизбежно должно быть государством по-новому демократическим (для пролетариев и неимущих вообще) и по-новому диктаторским — против буржуазии» («Государство и революция»). Пролетариат не затушевывает истинной природы своего государства, он не прикрывает своей диктатуры, он открыто объявляет свое государство — пролетарской демократией.

§ 3. СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ КАК ФОРМА ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА.

Мы знаем, что диктатура пролетариата является необходимым этапом на пути преобразования общества капиталистического в общество коммунистическое, что она необходимо связана с процессом социалистической революции, а поэтому, при решении вопроса о том, почему созданная Октябрьской революцией власть Советов как раз явилась искомой формой диктатуры пролетариата, нам надлежит прежде всего выяснить: 1) достигло ли капиталистическое общество к моменту Октябрьской революции той степени развития, на которой становится неизбежной социалистическая революция (а следовательно и диктатура пролетариата); 2) может ли социалистическая революция начаться в России, в одной из наиболее отсталых европейских стран, и, наконец, 3) имеются ли уже налицо признаки начала социалистической революции в других странах, кроме России.

Яркую характеристику переживаемого нами момента, как начального момента социалистической революции, дает Ленин в одной из небольших своих работ («Проект изменения теоретической, политической и некоторых других частей программы, внесенной на Всероссийскую конференцию РСДРП в конце апреля

1917 г.»). «Всемирный капитализм дошел в настоящее время — приблизительно с начала XX века — до ступени империализма. Империализм, или эпоха финансового капитала, есть столь высоко развитое капиталистическое хозяйство, когда монополистические союзы капиталистов — синдикаты, картели, тресты — получили решающее значение, банковый капитал громадной концентрации слился с промышленным, вывоз капитала в чужие страны развился в очень больших размерах, весь мир поделен уже территориально между богатейшими странами, и начался экономический раздел мира между интернациональными трестами. Империалистические войны — т. е. войны из-за господства над миром, из-за рынков для банкового капитала, из-за удушения малых и слабых народностей — неизбежны при таком положении дела. И именно такова первая великая империалистическая война 1914—1917 гг. И чрезвычайно высокая степень развития мирового капитализма вообще, и смена свободной конкуренции монополистическим капитализмом, и подготовка банками, а равно союзами капиталистов аппарата для общественного регулирования процесса производства и распределения продуктов, и стоящий в связи с ростом капиталистических монополий рост дороговизны и гнета синдикатов над рабочим классом, гигантское затруднение его экономической и политической борьбы; и ужасы бедствия, разорение, одичание, порождаемые империалистической войной, — все это делает из достигнутой ныне степени развития капитализма эру пролетарской социалистической революции. Эта эра началась. Только пролетарская социалистическая революция может вывести человечество из тупика, созданного империализмом и империалистическими войнами». Итак, на первый вопрос ответ дается положительный: эпоха социалистической революции наступила.

Далее. Вспомним то, что мы знаем о стремительном росте рабочего класса России, о необычайно быстром развитии его классового самосознания, и мы сможем ответить себе на вопрос о том, почему именно Россия оказалась в авангарде социалистической революции. Русский капитализм начал развиваться позднее западно-европейского, но получил возможность сразу же использовать высоко развитую западно-европейскую технику и организационный опыт западно-европейского капитала. Российская буржуазия начала развиваться поздно, и потому, когда она настолько окрепла, что могла выступить на борьбу с самодержавием, рядом с ней выступил уже закаленный опытом своей стачечной борьбы и наученный опытом европейского массового движения российский пролетариат. Революция 1905 года была хорошей революционной школой для российского пролетариата и крестьянства. В то же время существование в экономическом строе России пережитков феодализма привело к тому, что пролетарская революция против буржуазии здесь слилась с крестьянской революцией против помещиков. Поскольку же развитие капитализма успело расслоить русскую деревню, постольку пролетариат в 1917 году приобрел себе союзника для борьбы с буржуазией в лице полу-

пролетарских и пролетарских слоев крестьянства, заинтересованных в борьбе не только против помещиков, но и против буржуазии. Вот почему между первым этапом революции 1917 года, давшим власть буржуазии, и вторым этапом, который дал власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства, прошло всего несколько месяцев. Вот почему пролетарская революция началась именно в России. Вот почему именно у нас началось социалистическое строительство.

В связи с этим возникает еще такой вопрос: возможна ли организация социалистического производства в одной стране? Ответ на этот вопрос мы находим у Ленина. «Неравномерность экономического и политического развития, — писал Ленин еще до Октябрьской революции, — есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая, в случае необходимости, даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств» (т. XIII). А в небольшой работе «О кооперации», написанной Лениным после Октябрьской революции (в 1923 г.), мы читаем: «Власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д., — разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэпе так же, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения» (т. XVIII, ч. 2). Итак, и на этот вопрос мы получили положительный ответ.

Труднее всего, как будто, ответить на третий вопрос о том, можно ли говорить о начале социалистической революции в других капиталистических странах. Конечно, если под началом социалистической революции понимать полную завершенность первого ее этапа — завоевания политической власти, то следовало бы сказать, что социалистическая революция началась только в России. Но такое понимание начала социалистической революции было бы неправильным. Социалистическая революция представляет собой не момент быстрого перелома от капиталистического общества к коммунистическому, а длительный и очень сложный процесс. «Вы должны, — говорил Маркс рабочим, — пережить 10, 20, 50 лет гражданских и международных войн, не только для того, чтобы изменить отношения, но и для того, чтобы изменить самих себя и сделать себя способными к политическому господству». Рос-

сийский пролетариат вследствие целого ряда условий (о которых говорилось выше) сумел раньше пролетариата других стран захватить политическую власть в свои руки, организовать свой государственный аппарат и приступить к социалистическому строительству.

В других странах развитие революции пошло несколько иным путем — более медленным, но тем не менее не оставляющим никаких сомнений в том, что и там мы имеем дело с развитием социалистической революции. Непосредственно после войны наступил период острого революционного кризиса в ряде европейских буржуазных государств. К этому периоду относится ноябрьская революция 1918 в Австрии и Германии, революция 1920 года в Венгрии, рабочие выступления в Италии и Германии, восстание 1923 года в Болгарии и т. п. Эти движения окончились поражением западно-европейского пролетариата. Начался период восстановления разрушенного войной хозяйства как в СССР, так и в капиталистических государствах, а в связи с этим в капиталистических государствах началось наступление капитала, и пролетариат оказался вынужденным вести оборонительную борьбу. Но, во-первых, и эта оборонительная борьба приобретала подчас огромные масштабы (такова, например, стачка горняков и всеобщая стачка в Англии), во-вторых, в этот период усилилось революционное движение на Востоке — в колониальных и в полу-колониальных странах, причем особенное значение приобрело революционное движение в Китае. Следующий — третий период послевоенного развития, это период капиталистической реконструкции в капиталистических государствах, выразившийся в усилении технического прогресса, в развитии государственно-капиталистических тенденций и характеризуемый выходом экономики капитализма за довоенный уровень. И в СССР наступает реконструктивный период: и здесь экономика выходит за довоенный уровень, однако здесь на базе новой техники развиваются социалистические формы хозяйства.

Казалось бы, что по отношению к третьему периоду в капиталистических государствах трудно говорить о развивающейся социалистической революции. Но это, конечно, не так. Этот третий период является периодом столь мощного развития противоречий внутри капиталистического мира, что революционное содержание его не вызывает никаких сомнений. Так, прежде всего, самый факт роста СССР не может не способствовать чрезвычайному обострению противоречий между социалистическим и капиталистическими секторами мирового хозяйства. Далее, развиваются непримиримые противоречия между самими капиталистическими государствами, причем не только между странами-победительницами и странами-побежденными, но и среди стран победительниц — Англии, Франции, Италии, САСШ и Японии. Усиливается борьба между пролетариатом и буржуазией, причем эта борьба со стороны пролетариата приобретает все более наступательный характер. И, наконец, все более и более усиливается противоречие между империализмом и колониями, выражающееся в дальней-

шем развитии колониальных движений. Итак, мы можем констатировать неспособность буржуазии справиться с последствиями мировой империалистической войны, мы можем констатировать нарастание и углубление противоречий внутри капиталистического мира. А это само по себе является признаком развивающейся, хотя бы отчасти и в скрытой форме, социалистической революции.

Ответив на указанные выше три вопроса, мы тем самым приблизились и к решению вопроса о значении Советов как новой государственной формы. Советы, как форма пролетарской революционной организации, возникли, как известно, еще в 1905 году. Захватив в октябре 1917 года власть в свои руки, пролетариат стал господствующим классом в России. Возникшая у нас общественная форма явилась, таким образом, диктатурой пролетариата. Эта диктатура направлена против буржуазии. Ее задача — отобрать у буржуазии средства производства, окончательно подавить неизбежное сопротивление буржуазии и приступить к строительству социализма в союзе с основными массами крестьянства. Для того, чтобы все это осуществить, пролетариат должен был, завоевав государственную власть, разрушить до основания аппарат буржуазного государства и на его месте построить свое государство, пролетарское, приспособленное специально к указанным выше задачам диктатуры пролетариата. И вот, если в процессе борьбы с буржуазией с февраля по октябрь 1917 г. российский пролетариат боролся за Советы как за революционные организации для завоевания политической власти, то, завоевав политическую власть, он именно в Советах нашел необходимую ему форму государственной организации.

В «Задачах пролетариата в нашей революции» Ленин указывает на непригодность для переходного периода государства типа буржуазной парламентской республики. От парламентской буржуазной республики совсем легок возврат к монархии, так как неприкосновенной остается вся «машина угнетения»; буржуазное парламентское государство стесняет самостоятельную политическую жизнь широких масс. Советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов устраняют угнетательский аппарат буржуазного государства, они открывают для масс возможность непосредственного участия в строительстве всей государственной жизни сверху донизу. Кроме того в противоположность парламенту — учреждению не работающему, а только обсуждающему — Советы являются работающей организацией. В этом смысле Советы воспроизводят тот тип государства, который был выработан, так сказать, вчерне еще Парижской коммуной. О различии между коммуной и парламентским государством Маркс писал следующее: «Коммуна должна быть не парламентской, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы». . . «вместо того, чтобы один раз в три или шесть лет решать, какой член господствующего класса должен представлять и подавлять народ в парламенте, вместо этого всеобщее избирательное право должно служить народу, организованному в ком-

муны, для того чтобы подыскать для своего предприятия рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров». . . (См. Ленин, «Государство и революция».)

Итак, Советы явились той государственной формой, которая нужна пролетариату, захватившему политическую власть в свои руки, которая нужна в эпоху диктатуры пролетариата. Советское государство — это государство пролетарское. Однако, мы знаем, что огромное большинство населения Советской России составляет крестьянство, и мы знаем, что наши Советы являются не только Советами рабочих депутатов, но крестьянских и красноармейских депутатов, что через Советы, таким образом, в управлении нашей страной принимает участие не только рабочий класс, но и крестьянство. Не противоречит ли это тому, что говорилось выше о нашем строе как о диктатуре пролетариата, тому, что говорилось о нашем государстве как о пролетарском государстве? Нет, нисколько не противоречит. Указывая, что диктатура пролетариата есть «классовая борьба победившего и взявшего в свои руки политическую власть пролетариата против побежденной, но не уничтоженной, не исчезнувшей, не переставшей оказывать сопротивление, против усилившей свое сопротивление буржуазии», Ленин в то же время подчеркивает, что «диктатура пролетариата есть особая форма классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т. д.) или большинством их, союза против капитала, союза в целях полного свержения капитала, полного подавления сопротивления буржуазии и попыток реставрации с ее стороны, союза в целях окончательного создания и упрочения социализма». «Это, — пишет дальше Ленин, — особого вида союз, складывающийся в особой обстановке, именно в обстановке бешеной гражданской войны, это союз твердых сторонников социализма с колеблющимися его союзниками, иногда «нейтральными» (тогда из соглашения о борьбе союз становится соглашением о нейтралитете), союз между неодинаковыми экономически, политически, социально, духовно классами». Это Ленин писал в 1919 году в предисловии к «Речи об обмане народа лозунгами свободы и равенства». Когда в России приближалась буржуазная революция, Ленин говорил о необходимости союза рабочего класса со всем крестьянством против царя и помещиков; когда русский пролетариат подошел к Октябрьской революции, Ленин дал новый лозунг — союза пролетариата с беднейшим крестьянством, с полупролетариатом против капиталистов, в том числе деревенских богатеев-кулаков. Когда же советская власть достаточно окрепла, Ленин выдвинул третий лозунг — прочного союза пролетариата и деревенской бедноты со средним крестьянством. Этот лозунг был выдвинут Лениным в его речи на VIII съезде партии. А в своем докладе на IX съезде Советов в декабре 1921 г. Ленин говорил: «Самый коренной, самый существенный вопрос это — отношение рабочего класса к крестьянству, это — союз рабочего класса с крестьянством, это — умение передовых рабочих,

прошедших долгую, тяжелую, но благодарную школу крупной фабрики, умение их поставить дело так, чтобы привлечь на свою сторону крестьян, задавленных капитализмом, задавленных помещиками, задавленных старым своим нищенским, убогим хозяйством, чтобы доказать им, что только в союзе с рабочими какие бы трудности ни пришлось на этом пути испытывать, — а трудностей много и закрывать глаза на них мы не можем, — только в этом союзе лежит избавление крестьянства от векового гнета помещиков и капиталистов. Только в упрочении союза рабочих и крестьян лежит общее избавление человечества от таких вещей, как недавняя империалистическая бойня, от тех диких противоречий, которые мы видим в капиталистическом мире сейчас, где небольшое число, ничтожнейшая горсточка богатейших держав задыхается в своем богатстве, а гигантское население земного шара бедствует, не имея возможности воспользоваться той культурой и теми богатыми ресурсами, которые имеются налицо, которым нет выхода из-за недостатка оборота». Какое огромное значение Ленин придавал союзу рабочего класса с крестьянством, можно судить по тому, что в своей статье «Как нам реорганизовать Рабкрин», относящейся к началу 1923 г., он счел необходимым подчеркнуть, что судьба нашей республики в конечном итоге будет зависеть от того, пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом. «Мы должны постараться построить такое государство, — писал Ленин тоже в 1923 г. в статье «Лучше меньше, да лучше», — в котором рабочие сохранили бы свое руководство над крестьянами, доверие крестьян по отношению к себе». Эта ленинская линия по отношению к крестьянству строго и последовательно проводится коммунистической партией. Об этом свидетельствует развивающийся процесс коллективизации деревни, означающий решительный шаг бедняцкого и середняцкого крестьянства в сторону социализма, ускоряющий сближение середняка с беднотой, усиливающий политическую активность деревенской бедноты и углубляющий руководящую роль пролетариата в социалистической реконструкции деревни и социалистическом строительстве в целом.

Итак, мы видим, что Советское государство является рабочим государством и что хотя в деле социалистического строительства пролетариат имеет ближайшего союзника в лице середняцкого крестьянства, но *руководство* всей экономической и политической жизнью страны сосредоточено в руках пролетариата. Советское государство проводит последовательную пролетарскую классовую политику. Советы, таким образом, в действительности являются политической формой диктатуры пролетариата. «Советское государство пролетариата, читаем мы в программе Коминтерна, есть его диктатура, его классовое единовластие. В противоположность буржуазной демократии оно открыто признает свой классовый характер, открыто ставит своей задачей подавление эксплуататоров в интересах громаднейшего большинства населения. Оно лишает своих классовых врагов политических прав и оно может, при особых исторически сложившихся условиях, давать ряд временных

преимущества пролетариату в целях упрочения его руководящей роли по сравнению с распыленным мелко-буржуазным крестьянством. Обезоруживая и подавляя своих классовых противников, пролетарское государство рассматривает в то же время это лишение политических прав и известное ограничение свободы, как временные меры борьбы с попытками эксплуататоров отстоять или восстановить свои привилегии. Оно пишет на своем знамени, что пролетариат держит в своих руках власть не для ее увековечения, не исходя из своих цеховых и узко профессиональных интересов, а для того, чтобы все более объединять отсталые и распыленные массы деревенских пролетариев и полупролетариев, а также трудящихся крестьян с наиболее передовыми слоями рабочих, постепенно и систематически преодолевая классовое деление вообще. Будучи всеохватывающей формой объединения и организации масс под руководством пролетариата, советы на деле вовлекают в борьбу и строительство социализма самые широкие массы пролетариев, крестьян и всех трудящихся, втягивают их на практике в дело управления государством, опираются во всей своей работе на массовые организации рабочего класса, осуществляют широкую демократию внутри трудящихся, неизмеримо ближе, чем всякая другая форма власти, стоят к массам».

Буржуазное государство, как мы видели, уничтожается завоевавшим политическую власть пролетариатом. Но какова же судьба пролетарского государства? Государство, как мы знаем, есть орган господствующего класса. При коммунистическом строе средства производства будут принадлежать всему обществу в целом, а потому коммунистическое общество будет обществом бесклассовым. С отмиранием классов исчезнет необходимость и в аппарате принуждения, а следовательно отомрет и государство. Коммунистическое общество — это общество бесклассовое, а потому и безгосударственное. «Общество, которое заново организует производство на основе свободной и равноправной ассоциации производителей, — писал Энгельс, — отправит всю государственную машину туда, где ей тогда уместнее всего будет находиться: в музей древностей, рядом с прялкой и бронзовым топором». («Происхождение семьи, частной собственности и государства»). «Коммунистическая организация общественного труда, к которой первым шагом является социализм, — читаем мы у Ленина в «Великом почине», — держится и, чем дальше, тем больше будет держаться на свободной и сознательной дисциплине самих трудящихся, свергнувших иго как помещиков, так и капиталистов».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ИДЕОЛОГИЯ.

§ 1. ПСИХОЛОГИЯ И ИДЕОЛОГИЯ.

В процессе общественного труда человек участвует не только как механическая производительная сила, но и как сознательное, чувствующее существо, которое ставит перед собой определенные цели, стремится осознать свое отношение к природе и обществу, познать закономерность их бытия и выразить все, что его волнует, радует или печалит. В психике каждого человека преобладают некоторые общие моменты, объединяющие его с другими людьми, что не исключает, конечно, наличия ряда индивидуальных черт, образующих специфический характер личности. Это позволяет нам говорить об общественной психологии как некоторой совокупности общих психических черт, характерных для больших групп людей, связанных между собой известными общественными отношениями. Следовательно, можно сказать, что общество на ряду с материальным бытием обладает психикой, которая образует основу общественного сознания. Но мы знаем, что общество на известной ступени развития делится на классы, вместе с этим и общественная психология неизбежно принимает классовый характер. Психология как индивидуальная, так и общественная представляет собой довольно хаотическую смесь желаний, чувств, иллюзий, мыслей, плохо согласованных друг с другом, не увязанных в единую, целостную систему. Между тем каждый класс нуждается в более или менее стройном мировоззрении, которое помогает ориентироваться в окружающей действительности, без чего нельзя наметить свои исторические классовые интересы и найти пути, позволяющие их осуществить.

Как же создается такое мировоззрение? Очевидно, путем критической переработки психологии, отбрасывания всего противоречивого, несогласованного, ненужного для классовой борьбы. На известной ступени развития классовой психологии эту работу выполняет группа так называемых идеологов данного класса, в результате чего получается относительно стройная система идей, образующая классовую идеологию. Решающую роль в создании идеологии играет творческое мышление, которое стремится выразить в идеях окружающую общественно человека действительность. Задача идеологии — закрепить в идеях наиболее важные (для данного класса) моменты объективной реальности. Поэтому

прогрессивный класс, интересы которого соответствуют объективным тенденциям общественного развития, выражает в своей идеологии с наибольшей полнотой жизнь действительности, реакционный же класс вынужден в угоду своим интересам исказить действительные тенденции развития. Не может ведь буржуазия утверждать, что диктатура пролетариата необходима для спасения завоеваний человеческой культуры.

В идеологии ярко выражается социальная сущность и положение известного класса. Возьмем, скажем, буржуазию в эпоху борьбы с феодализмом. Основными чертами ее идеологии были: индивидуализм, вытекающий из капиталистического способа производства, интерес к науке, связанный с необходимостью развития производительных сил, антирелигиозность и вера в социальный прогресс. В общем, идеология буржуазии в эту эпоху, несомненно, была прогрессивной. В настоящее же время она отличается резко выраженным консервативным и реакционным характером. Если раньше буржуазия противопоставляла науку религии, то сейчас, наоборот, буржуазные идеологи стараются примирить научное знание с верой.

Рассмотрим теперь идеологию пролетариата. Лишенный частной собственности, привыкший на фабрике к дисциплинированному совместному товарищескому труду, пролетарий по своей психологии является анти-индивидуалистом и общественником. Постоянное общение с машинами внушает ему величайшее уважение к научной мысли; фабричный труд приучает рабочего ценить дисциплину и организованность. Вполне понятно, что конечная цель пролетариата выражает условия его освобождения от капиталистической эксплуатации. Что такое коммунистическое общество? Производственный товарищеский союз, в котором труд терпел свою принудительность и больше не является источником обогащения группы капиталистов, а свободным проявлением творческих сил человека.

Но пролетариат не может освободить себя, не уничтожив частной собственности на средства производства — основы образования классов и классового господства. Поэтому общественный идеал пролетариата объективно является идеалом всего общества.

Так как пролетариат является классом, которому принадлежит будущее, то все настоящее он исследует в процессе его возникновения и неизбежного уничтожения. Отсюда диалектичность пролетарского мировоззрения. Материализм пролетариата объясняется тем, что пролетариат, не будучи классом, заинтересованным в искажении действительности, стремится познать ее с наибольшей полнотой. Отсюда доверие рабочего класса к науке и борьбе против идеализма и религии.

Наконец, только пролетариат, являясь классом, лишенным частной собственности и не связанным решительно никакими интересами с капитализмом, мог создать революционную идеологию, полную беззаветной решимости бороться за освобождение всего человечества от гнета капиталистических общественных отношений.

Изучая теорию классовой борьбы, мы узнали, что классы

делятся на профессиональные и подклассовые группы, обладающие некоторыми своими особыми интересами. Вполне понятно, что у каждой такой группы должны быть известные психологические черты, отличающие ее от других групп. Возьмем, например, квалифицированного рабочего и сравним его с чернорабочим. У них, конечно, больше общих черт, характерных для психологии рабочего класса, но в то же время есть и различия. В капиталистическом обществе, как мы уже говорили, буржуазия старается отделить группу квалифицированных рабочих от всего рабочего класса. Сравнительно высокая оплата труда улучшает жизненные условия, повышает культурный уровень, позволяет приобрести некоторые удобства (лучшую квартиру, мебель и пр.). В результате значительная часть рабочей аристократии начинает смотреть свысока на других рабочих, выделяет себя в особую социальную группу, отказывается от классовой борьбы, ведет политику «классового мира» и в некоторых случаях даже предаёт общее рабочее дело. На этой почве вырастает идеология реформизма и оппортунизма.

Что касается профессии, то влияние ее на психологию общеизвестно. Наконец, любое объединение, в которое приходится вступать тому или другому человеку, тоже отражается на его психологии. Возьмем, например, участников научных, музыкальных, художественных, спортивных кружков; у них у всех будут некоторые своеобразные психологические черты, разные для каждого кружка.

Как мы видим, психология общества складывается из отдельных психологий разного порядка, начиная с индивидуальных и кончая классовыми.

Какую же роль играет в обществе идеология? Из главы пятой нам известно, что идеология является фактором, способствующим объединению людей на почве осознания ими общих классовых интересов. Если мы возьмем «класс в себе», то увидим, что отдельные его представители связаны между собой лишь некоторыми общими психологическими чертами, возникшими, конечно, на основе определенных производственных отношений. Постепенно, с развитием классовой борьбы, развивается и классовое самосознание, завершающее процесс образования общественного класса. «Класс для себя» характеризуется идеологической связью, образующей его основную духовную скрепу. Идеология господствующего класса ставит себе две задачи: 1) объединить собственный класс на основе системы идей, выражающих общие интересы; 2) подчинить своему идейному влиянию угнетенные классы. Возьмем абсолютную монархию. Отличительные черты идеологии этой эпохи — религиозный характер власти монарха и привилегий дворянства. Духовенство специально должно было вбивать в голову крестьян одну мысль, что его господа поставлены от бога. Понятно, и буржуазия тоже старается своей идеологией отравить рабочий класс. В буржуазной прессе систематически проповедуются идеи классового сотрудничества, критикуется социализм, доказывается его утопичность и т. д. В школе с детских лет рабо-

чему прививают уважение к власти, к законам, к парламенту, конституции, церкви, хозяевам.

Очень действительным средством идеологического подчинения рабочего класса буржуазии является религия. В Германии, например, полтора миллиона рабочих (католиков) голосуют за реакционную буржуазную католическую партию — «центр». Религиозную связь они ставят выше классовой. Это доказывает, что связь идеологии с классовым интересом далеко не так проста, как кажется на первый взгляд. Под влиянием общественной психологии, главным образом укоренившихся традиций, идеология известного класса может не вполне отвечать его интересам. Возьмем, например, идеологию рабочего класса в Англии; она насквозь пропитана прошлыми традициями, духом компромисса, парламентаризма, эволюции. Эта идеология резко противоречит интересам подавляющей части английского пролетариата, от нее уже отходят значительные группы рабочих, усваивающих на горьком опыте борьбы коммунистические идеи; но все же большинство рабочего класса Англии до сих пор слепо верит в буржуазные либеральные теории, благодаря чему ослабляет свою классовую мощь.

Значение выдержанной идеологии крайне важно для пролетариата еще в период борьбы с буржуазией в недрах буржуазного общества. При диктатуре пролетариата идеологическое перевоспитание рабочего класса, крестьянства и интеллигенции становится первоочередной и, можно сказать, решающей задачей. До пролетарской революции только отдельные пролетарии, только авангард пролетариата может усвоить себе пролетарскую идеологию, вернее усвоить ее основные элементы, необходимые для классовой борьбы, т. е., главным образом, политическую идеологию и комплекс исторических, экономических и философских идей, тесно связанных с политической идеологией. Пролетарская революция создает условия, при которых пролетариат, основываясь на всем богатом прошлом культурном наследстве и руководствуясь марксистским методом, может постепенно создавать собственную пролетарскую культуру. По мере отмирания классов эта культура будет все более и более терять свое классовое, ограниченное условиями переходного времени содержание и станет постепенно перерастать в коммунистическую бесклассовую общечеловеческую культуру.

Каждая идеология связана с группой людей, специально ее разрабатывающих. Идеологи, следовательно, представляют собой профессиональную группу, являющуюся результатом высоко развитого разделения общественного труда. Задача идеологов устранять противоречия в идеологии, придавать ей большую стройность и согласованность, приспособлять к нуждам классовой борьбы или производственным нуждам и, наконец, развивать ее дальше. Поэтому экономическая структура дает только первый толчок к развитию идеологии, определяет лишь в общих чертах ее содержание. В дальнейшем она развивается относительно самостоятельно, согласно определенным внутренним законам, подвергаясь в то же время воздействию других идеологий. Например, несом-

нению, развитие математики от Декарта (теория аналитической геометрии) до Ньютона и Лейбница (создавших дифференциальное и интегральное исчисления) было обусловлено производственными нуждами, но вместе с тем существовала известная логическая последовательность идей, было влияние идей прежних мыслителей и взаимодействие между математикой и другими науками. Другими словами, наряду с внешней закономерностью, которая выражается в том, что экономическая структура определяет общее направление развития идеологии, каждая идеология в своей эволюции повинуетя определенной внутренней закономерности, которая в известной степени зависит от законов человеческого мышления.

Так как идеологи большей частью выполняют свою классовую роль не подозревая, что они защищают определенные классовые интересы, и следовательно смотрят на мир через искажающие его классовые очки, то они считают свои идеи чем-то совершенно независимым от экономической структуры общества, от его материального бытия. Мало того, идеолог видит, что его идеи влияют на все общественные отношения, и поэтому он поддается иллюзии, будто эволюция идей определяет развитие бытия. Относительная самостоятельность идеологии в глазах идеологов превращается в самостоятельность абсолютную. Юрист воображает, будто экономическая структура общества зависит от юридических норм и эволюции юридических принципов, философ считает, что его идеи оказывают решающее влияние на общественную жизнь и т. д. По выражению Энгельса, для идеолога мир представляется перевернутым, вроде как изображение в матовом стекле фотографической камеры. *Этой идеологической иллюзорности не страдает пролетарская идеология, отличающаяся сознательным увязыванием идей с классовыми интересами, которые, как мы упоминали выше, являются действительными интересами всего общества.*

Наиболее изученной идеологией в марксистской литературе является религия, которая обладает чрезвычайно типичными «идеологическими» чертами. В виду этого мы даем в § 3 краткий очерк происхождения и развития религии.

§ 2. ИДЕОЛОГИЯ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА

В предыдущем параграфе мы выяснили связь общественной идеологии и психологии с классовыми интересами. Последние, как нам известно, в свою очередь определяются характером экономической структуры. В первобытном обществе общественная психология отличалась единством и цельностью, незнакомой более поздним эпохам. Вполне понятно, что психология доклассового общества выражала непосредственно его экономические нужды, не преломляя их сквозь призму обособленного классового интереса.

По мере развития классового расчленения рушится прежнее единство и цельность общественной идеологии; в той или другой форме она начинает выражать интересы различных классовых групп.

Необходимо подчеркнуть еще раз, что связь между идеологией и экономикой нельзя представлять себе слишком упрощенно.

Экономический интерес, сплошь и рядом, только в последнем счете определяет собой то или другое идеологическое явление, которое свое непосредственное объяснение находит в своеобразных чертах общественной или классовой психологии. Примеры этого мы приводили раньше. Отсюда вытекает, что, по мере удаления идеологии от экономической структуры, возрастает число посредствующих звеньев, и влияние экономического интереса в значительной степени искажается. Только тщательный анализ идеологий позволяет обнаружить их действительные экономические корни.

А. ПРАВО И ПРАВСТВЕННОСТЬ.

Легче всего установить связь между экономикой и правом,¹ задача которого закрепить в определенных нормах существующие формы собственности и классового господства. Понятно, что вместе с изменением отношений собственности меняются правовые отношения, юридические принципы, нормы и законы, словом, все то, что мы называем правовой идеологией. Например, право сословной монархии основывалось, главным образом, на принципе привилегий. Земельная собственность и высшие государственные посты были привилегией дворянства (и духовенства).

Развитие капиталистических форм собственности, сопровождающееся буржуазными революциями, создало буржуазное право, основной принцип которого — формальное равенство, отмена всяких сословных привилегий. В чьих интересах было установлено формальное равенство, лучше всего видно из того, что в эпоху борьбы за уменьшение рабочего дня английские фабриканты во имя неотчуждаемых прав личности требовали невмешательства государства в спор труда и капитала. Отношения между рабочим и капиталистом принимают в буржуазном праве характер отношений товаровладельцев. Рабочий является собственником товара — рабочей силы, которая продается по законам спроса и предложения. Формально, перед лицом закона, капиталист и рабочий как будто равны, на самом же деле за капиталистом стоит мощь всего общественного капитала и связанной с ним государственной власти, рабочий же может надеяться только на силу своего класса.

Рабочий класс в эпоху своей диктатуры не может отказаться от правового регулирования общественных отношений, от права, так как, пока существует государство, остается и право. Однако, в отличие от буржуазии, пролетариат не скрывает определенного классового характера права в переходный период, считая, что по

---

¹ Говоря о правовых нормах, мы понимаем известные правила поведения, которым должны подчиняться отдельные лица, общественные группы и государство в их отношениях друг к другу. В виду особой важности этих норм для господствующего класса они подлежат особой государственной защите.

мере приближения к коммунизму право, как и государство, будет постепенно отмирать.

Основной принцип наших правовых норм — обеспечение классового господства пролетариата в переходный период от капитализма к социализму. Содержание советского права определяется собственностью государства на большую часть производительных сил, сложностью экономической структуры СССР,¹ союзом пролетариата с крестьянством и своеобразием экономических отношений переходного периода. Нет поэтому ничего удивительного в том, что советское право, отдавая предпочтение государственной собственности, в то же время берет на себя охрану частной собственности, конечно в пределах, соответствующих политике диктатуры пролетариата.

Право, как мы видим, является идеологией, тесно связанной с экономическими интересами. Нравственность отстоит несколько дальше от экономического основания общества, но тоже в своем содержании определяется классовыми интересами. В первой главе мы указывали, что учение о нравственности французских материалистов было выражением классовых интересов французской буржуазии, ведущей борьбу с дворянством и духовенством. Некоторые теоретики буржуазии и мелкой буржуазии считают, что нравственные идеалы не должны зависеть от чьих-либо интересов: их осуществление — результат велений нравственного долга, действующего согласно определенным принципам и законам. Однако история этики показывает, что «нравственный долг» очень тесно связан с экономическим интересом. В настоящее время мы считаем рабство безнравственным учреждением, а в древней Греции или на юге Соединенных штатов рабовладельцы составляли господствующий, наиболее уважаемый класс общества. Крепостные крестьяне у помещиков были на положении скота (если не хуже), и тем не менее общество (в том числе, конечно, и церковь) находило это вполне нравственным.

Нравственность отличается от права тем, что в праве господствующий класс закрепляет основные условия господства, которые в силу своей важности нуждаются в охране государства, между тем как нравственные правила имеют второстепенное, подсобное значение и поэтому не подлежат государственной защите, а находятся под охраной общественного мнения. Коммунисты в отличие от буржуазных и мелкобуржуазных теоретиков, придающих своей этике надклассовый характер, сознательно стараются обосновать классовую сущность морали пролетариата. Мораль имеет большое значение для рабочего класса, так как она является элементом организующим, связывающим, поднимающим уважение к себе и другим. В силу всего этого мораль представляет собой одну из важных основ общественности пролетариата и его культурности. Буржуазная нравственность пропитана насквозь индивидуализмом, буржуазная этика всегда обращается к нравственному сознанию свободной личности. Напротив, пролетарий — коллективист: для

---

¹ Вспомнить слова Ленина о пяти „укладах“.

него нет вечных нравственных норм, предписывающих личности известное поведение при любых условиях. Этика пролетариата целиком определяется интересами классовой борьбы. Нравственно, с точки зрения коммуниста, такое поведение, которое увеличивает силу рабочего класса в его борьбе за коммунистическое общество. Безнравственно — поведение, ослабляющее силы пролетариата. Пьянство, разврат, неуважение к товарищу и т. п. безнравственны не в силу веления какого-то абстрактного морального долга, а потому, что они мешают подъему культуры и общественности пролетариата и, следовательно, дезорганизуют его силы.

«Для нас нравственность вне человеческого общества не существует; это — обман», — говорит Ленин. — «Для нас нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата. . .

. . . Когда рабочие и крестьяне доказывали, что мы уже умеем своей силой отстоять себя и создать новое общество, вот здесь и началось новое коммунистическое воспитание, воспитание в борьбе против эксплуататоров, воспитание в союзе с пролетариатом против эгоистов и мелких собственников, против той психологии и тех привычек, которые говорят: я добиваюсь своей прибыли, а до остального мне нет никакого дела.

Вот, в чем состоит ответ на вопрос, как должно учиться коммунизму молодое подрастающее поколение.

Оно может учиться коммунизму, только связывая каждый шаг своего учения, воспитания и образования с непрерывной борьбой пролетариев и трудящихся против старого эксплуататорского общества.

Когда нам говорят о нравственности, мы говорим: для коммуниста нравственность вся в этой сплоченной, солидарной дисциплине и сознательной массовой борьбе против эксплуататоров. Мы в вечную нравственность не верим и обман всяких сказок о нравственности разоблачаем» («О задачах союзов молодежи», т. XVII).

Б. ИСКУССТВО.

Значительно дальше, чем право и нравственность, отстоит в классовом обществе от экономической основы искусство. В первобытном обществе связь искусства с производством отличалась необыкновенной ясностью и простотой. Живопись, музыка, танцы, различные мимические представления дикарей почти целиком определяются их производственной деятельностью. Так, пляски дикарей воспроизводят охоту, процесс собирания корней, различные примитивные земледельческие процессы и т. д.; живопись примитивных народов изображает сцены охоты, различные картины трудового быта, орудия труда, домашних животных и т. п.; в песнях опять-таки поется про охоту, сражения, домашний быт и пр. Иное дело в классовом обществе. У низших классов (особенно крестьян) искусство (пляски, пение и т. д.) еще очень тесно связано с производством. Искусство же высших классов, в силу оторванности их от производства, высокого культурного развития и большего совершенства художественной техники, только в последнем счете определяется производственными и общественными

условиями, которые иногда очень своеобразно преломляются сквозь призму общественной психологии.

Действительно художественные произведения известной эпохи не только выражают определенные классовые интересы, но вместе с тем имеют огромную эстетическую ценность. Стихи Пушкина до сих пор чаруют нас своей красотой и непревзойденным совершенством формы, хотя сам Пушкин был идеологом дворянства и человеком чуждой нам эпохи. В симфониях Бетховена чувствуется буря Великой французской революции, и тем не менее ими восхищались злейшие враги революционного народа — короли, придворная знать, верхи буржуазии.

Искусство, как всякая идеология, есть способ освоения жизни человеком. Своеобразие искусства в том, что художник стремится так передать свое восприятие в жизни, чтобы мы могли ее пережить вместе с ним. Задача художественного произведения заставить восхищаться, негодовать, плакать, смеяться, тосковать и в то же время наслаждаться этим эмоциональным богатством. В отличие от ученого, художник дает нам понятие о мире, делая жизнь объектом наших эмоций. Это не значит, конечно, что художник не мыслит, ибо иначе он не мог бы осмыслить задачи своей работы и выделить основные, существенные моменты эмоционального содержания жизни. В этом отношении художник не отличается от ученого. Их различие в том, что ученый опирается на факты, открытые чувствами, и выводы выражает в понятиях, художник же опирается на факты, открытые эмоциями, и выводы представляет в образах. Когда ученый мыслит, он, главным образом, рассуждает о действительности. В этом заключается его способ переживания жизни, которой живет мир. Художник же в своем мышлении переживает действительность. В этом заключается художественный способ восприятия мира. Но не следует думать, будто художник не мыслит, не составляет плана своей работы и руководствуется только слепым вдохновением. «... Кто в мышлении не интересуется результатом, чья философия не сознает своей собственной задачи, тот подобен тому художнику, который стал бы рисовать наугад, совершенно не думая о том, что из его работы выйдет», — говорит Энгельс (Энгельс, «Шеллинг и откровение»). В горниле своего я художник переплавляет действительность, концентрирует и оттачивает ее грани, чтобы создать более острое, глубокое и насыщенное эмоциональностью восприятие жизни. Поэтому и кажется, будто художник творит новый мир, независимый от нашей земной юдоли. Герои художественных произведений живут как бы своей самозаконной жизнью, заслоняя собой автора и эпоху. Дон-Кихот, Гамлет, Дон-Жуан, Мефистофель, Хлестаков, Чичиков живут с нами, так как не умерли страсти, запечатленные в их образах. Отсюда легко сделать идеалистический вывод, что произведения искусства образуют особый мир духовных сущностей, развитие которых определяется законами, присущими только им самим. Создание человека здесь отчуждается от него, становясь независимой, самостоятельной, самозаконно действующей силой. Мы уже указывали, на чем основывается этот взгляд

Идеалист забывает, что художник ничего не творит своего, в собственном смысле этого слова, — он отдает другим чужое, взятое из жизни. Чем крупнее художник, тем глубже он захватывает жизнь, тем лучше передает свои переживания людям.

Но в современном обществе человеческие отношения и человеческие переживания определяются в существенных чертах классовой борьбой. Художник — человек своей эпохи и поэтому сознательно или бессознательно в своем творчестве он выражает интересы определенного класса, переживает динамику и пафос классовой борьбы.

«Чтобы понять, каким образом искусство отражает жизнь, надо понять механизм этой последней. А у цивилизованных народов борьба классов составляет в этом механизме одну из самых важных пружин. И только рассмотрев эту пружину, только приняв во внимание борьбу классов и изучив ее многоразличные перипетии, мы будем в состоянии сколько-нибудь удовлетворительно объяснить себе «духовную» историю цивилизованного общества: «ход его идей» отражает собой историю его классов и их борьбы друг с другом» (Плеханов, «Французская драматическая литература», т. XIV).

Если в первой половине XIX столетия в нашей литературе безраздельно господствовал дворянин, то во второй половине на литературную сцену выходит городской разночинец. До конца 30-х годов наша литература почти не знала города. У Пушкина нет ни одного горожанина (Евгений Онегин, конечно, человек, рожденный дворянской усадьбой). Первые городские люди появляются в петербургских повестях Гоголя. Двумя десятилетиями позже их певцом стал Достоевский. Крах дворянской усадьбы нашел исключительно яркое литературное отражение. Драматическая борьба оскудевшего дворянина с городским буржуа и деревенским кулаком — излюбленная тема русской литературы пореформенной эпохи. Пожалуй, наиболее ярко и остро описана эта борьба нашим великим сатириком Салтыковым. Крестьянином литература заинтересовалась только в сороковых годах, а во второй половине столетия уже ряд крупных писателей изображает бедствия и разорения пореформенной деревни. Крестьянином стали интересоваться, когда пало крепостное право, когда «порвалась цепь великая, порвалась — раскочилась одним концом по барину, другим по мужику».

Крестьянская стихия с ее беспомощной силой нашла свое яркое выражение в творчестве и мировоззрении Л. Толстого. «Толстой оригинален, — пишет Ленин, — ибо совокупность его взглядов вредных как целое, выражает как раз особенности нашей революции, как крестьянской буржуазной революции. Противоречия во взглядах Толстого с этой точки зрения — действительное зеркало тех противоречивых условий, в которые поставлена была историческая деятельность крестьянства в нашей революции».

С одной стороны, века крепостного гнета и десятилетия форсированного пореформенного разорения накопили горы ненависти, злобы и отчаянной решимости. Стремление смести до основания и

казенную церковь, и помещиков, и помещичье правительство, уничтожить все старые формы и распорядки землевладения, расчистить землю, создать вместо полицейски-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян, — это стремление красной нитью проходит через каждый исторический шаг крестьян в нашей революции, и несомненно, что идейное содержание писаний Толстого гораздо больше соответствует этому крестьянскому стремлению, чем отвлеченному «христианскому анархизму», как оценивают иногда «систему» его взглядов.

С другой стороны, крестьянство, стремясь к новым формам общежития, относилось очень бессознательно, патриархально, по-юродивому к тому, каково должно быть это общежитие, какой борьбой надо завоевать себе свободу, какие руководители могут быть у него в этой борьбе, как относится к интересам крестьянской революции и буржуазия, и буржуазная интеллигенция, почему необходимо насильственное свержение царской власти для уничтожения помещичьего землевладения... В нашей революции меньшая часть крестьянства действительно боролась... Большая часть крестьянства плакала и молилась, резонерствовала и мечтала, писала прошения и посылала «ходателей», — совсем в духе Льва Николаевича Толстого» (Ленин, «Лев Толстой как зеркало русской революции»).

Пролетариат в нашей литературе появляется очень поздно, вместе с Горьким. До Горького наши писатели по-народнически почти не отличали рабочего от крестьянина.

Однако действительного развития своей литературы пролетариат мог, конечно, добиться только после октябрьской победы.

Сила переживаний классовых интересов и классовой борьбы является основой содержательности, т. е. жизненности произведения, способ передачи «своего» другим образует художественную форму, без которой нет художественного произведения. Основная задача формы создать общность переживаний у «публики» и художника. Однако, одной формы здесь очевидно недостаточно. Наряду с формальным контактом, обусловленным совершенством передачи, необходим и жизненный контакт, вытекающий из идеологической и психологической общности. Например, содержание «Евгения Онегина» при всем его формальном совершенстве до рабочего читателя не доходит. Блестящие в формальном отношении стихи Тютчева и Фета современному читателю из пролетарской (и даже интеллигентской) среды совершенно чужды. Понятно почему, — совершенство формы не может придать жизненность поэзии дворянской усадьбы. Иное дело Некрасов, — в его стихах бьет жизнь, понятная рабочему (особенно постарше), крестьянину (тоже), интеллигенту.

Необходимо обратить еще внимание на следующее. Великие произведения искусства обладают чудесной способностью открывать завесу прошлого. Благодаря творчеству больших художников мы можем вживаться в историю. Бережно они сохранили для нас пережитое предками. Но не нужно думать, что только историческую ценность имеет прошлое искусство. Образы, отлитые ве-

ликими художниками, живы до сих пор. Живы еще Чичиковы, Плюшкины, Хлестаковы, Маниловы и др. Психологические анализы Достоевского и сейчас имеют величайшую ценность для познания темных глубин человеческой души.

Пролетарская литература не имеет права игнорировать этого наследия прошлого. Одного желания выразить идеологию передового революционного класса мало, нужно овладеть способом передачи, научиться передавать в совершенной форме жизненное содержание. Поэтому марксисты придают такое значение эстетической стороне искусства.

«Вторым актом верной себе материалистической критики должна быть, — пишет Плеханов, — как это было и у критиков-идеалистов, — оценка эстетических достоинств разбираемого произведения. Если бы критик-материалист отказался от такой оценки под тем предлогом, что он уже нашел социологический эквивалент данного произведения, то этим он только обнаружил бы свое непонимание той точки зрения, на которой ему хочется утвердиться. Особенности художественного творчества всякой данной эпохи всегда находятся в самой тесной причинной связи с тем общественным настроением, которое в нем выражается. Общественное же настроение всякой данной эпохи всегда обуславливается свойствами ей общественными отношениями. Это как нельзя лучше показывает вся история искусства и литературы. Вот почему определение социологического эквивалента всякого данного литературного произведения осталось бы неполным, а следовательно, и неточным в том случае, если бы критик уклонился от оценки его художественных достоинств. Иначе сказать, первый акт материалистической критики не только не устраняет надобности во втором акте, но предполагает его как свое необходимое дополнение».

Необходимо здесь еще отметить, что искусство, как и всякая другая идеология, в сильнейшей степени испытывает на себе влияние неизжитых еще традиций уходящего прошлого. Старые формы не сразу сдаются, они пытаются приспособиться к новому содержанию, упорно отстаивая отжившую идеологию. Только постепенно новая форма, казавшаяся раньше безобразным или изысканным безумием, приобретает всеобщее признание. Вот почему, анализируя произведение искусства, необходимо исследовать всю совокупность своеобразных психологических черт, характеризующих относящуюся к ним эпоху.

Наиболее яркое и, можно сказать, популярное отображение общественной действительности дает, конечно, литература, которая является, пожалуй, лучшим введением в социологию. Именно поэтому при анализе литературных произведений нужно особенно следить за тем, чтобы избежать упрощения. Скажем, легко отнести Достоевского по ведомству буржуазных идеологов, и все же это дает нам очень мало. Чтобы понять Достоевского, нужно выяснить специфическую психологию 70—80-х годов, — подавленность интеллигенции в эпоху реакции, сменившей десятилетие «великих реформ», стремление интеллигента поглубже заглянуть в свой душевный мир и т. п. Одним словом, анализируя художественное

произведение, необходимо, помимо сведения к экономической основе, выяснить и все посредствующие звенья.

В. НАУКА.

Наиболее удаленной от классовых интересов представляется нам наука, задачей которой как будто является разыскание объективной истины. Действительно, математика, физика, химия в настоящее время независимы от непосредственного влияния классовых интересов, так как буржуазия заинтересована в том, чтобы эти науки, на которых основано развитие производительных сил, отображали действительность наиболее точно и полно.

Все науки о природе являются обобщением того опыта, который человек приобрел в процессе производства. Производственная деятельность общества оказала решающее влияние на развитие математики и естествознания. Геометрия, означая по-гречески «землемерие», возникла в древнем Египте, в связи с необходимостью найти правила для точного измерения земли. Арифметика своим развитием обязана, главным образом, торговле, которой, понятно, трудно обойтись без науки о вычислениях. Алгебра была разработана самым торговым народом средневековья — арабами. Развитие астрономии связано с происхождением календаря. Земледелие в речных долинах Нила, Тигра и Ефрата требовало точного предвидения сроков разлива реки-кормилицы, окончания половодья и т. д. Для этого нужен был, конечно, календарь, который мог быть составлен только после долголетнего изучения движения солнца и других небесных светил. Вот почему первыми астрономами были египетские, халдейские и вавилонские жрецы. Сильнейший толчок астрономия получила в XIV, XV и XVI веках благодаря быстрому развитию мореплавания, которое, в свою очередь, имело целью удовлетворить интересы торгового капитала. Мореплавание в открытом море на далекое расстояние невозможно без ряда оптических инструментов, посредством которых производятся различные наблюдения. Поэтому, развивающаяся заморская торговля требовала массового производства оптических стекол, что оказало, в свою очередь, огромное влияние на развитие высшей математики, физики и химии. Химия возникла, с одной стороны, из медицины, а с другой — из горного производства и металлургии.

Если естественные науки возникли в связи с необходимостью удовлетворять производственные нужды общества, то общественные науки своим происхождением обязаны, главным образом, политическим интересам общественных классов.

Теория права и государства стала разрабатываться в то время, когда короли при поддержке городской буржуазии начали борьбу с феодалами и церковью. В связи с этой борьбой возник ряд важных теоретических вопросов: на чем основывается власть короля над подданными, чья власть выше — духовная или светская и т. п. Одни теоретики защищали права короля, другие — феодалов и церкви. Из их споров возникла наука государственного права. С

другой стороны, развитие торговли и промышленности, развитие буржуазных отношений потребовали создания системы юридических норм, которые возможно более точно выражали условия, необходимые для беспрепятственного производства торговли.

Право, как мы уже указывали, не создает ничего нового, оно лишь закрепляет то, что уже до него сложилось в жизни, и тем не менее без правового регулирования современная торговля не могла бы, конечно, существовать и развиваться.

По мере развития капиталистического способа производства и возникновения новых, неизвестных раньше буржуазных отношений, должна была развиваться новая наука — политическая экономия, которая представляет собою теорию производственных отношений капиталистического общества.

Борьба буржуазии с дворянством и пролетариата с буржуазией вызвала, понятно, особый интерес к общественным наукам. Этим объясняется расцвет политической философии в XVII и XVIII веках, истории и социологии в XIX столетии.

Так как общественные науки занимаются исследованием общественных явлений, которые тесно связаны с классовыми отношениями, то поэтому во всех общественных науках влияние классовых интересов сказывается с особой силой. Говорить о беспартийной, надклассовой общественной науке не приходится. Надо прямо сказать, что существуют две общественные науки — пролетарская и буржуазная.

Так как буржуазия является господствующим классом, то она заинтересована в том, чтобы затушевать все противоречащее ее интересам. Буржуазии нужно доказать всем классам, что капиталистический строй, несмотря на «некоторые» недостатки, является единственно возможным экономическим порядком, способным только к усовершенствованию, но не к изменению. Поэтому буржуазия закрывает глаза на все противоречия капиталистического строя, на все его теневые стороны, на тенденции, показывающие неизбежную гибель буржуазного общества. Поэтому буржуазная общественная наука в настоящее время является псевдонаукой: она не столько открывает истину, сколько ее скрывает. Буржуазные социологи и экономисты, в лучшем случае, позволяют себе правильно описывать факты, но осмыслить их, связать в теоретическую систему, позволяющую предвидеть тенденции развития капиталистического строя, они не решаются.

Иное дело общественная наука пролетариата. Мы уже останавливались на том, что пролетариат не заинтересован в прикрашивании действительности. Пролетариат старается познать действительность так, как она есть, во всей полноте и реальности. Он не только интересуется настоящим днем, но старается прозреть в нем день будущий.

Задача пролетарской общественной науки — не простое описание фактов, но осмысливание их, разыскание законов, связывающих в одну систему ряд разнообразных на первый взгляд явлений. Пролетариат в буржуазном обществе представляет собою класс, который ничего не имеет в настоящем и все должен приоб-

рести в будущем; поэтому его классовая наука смотрит на общество с точки зрения развития противоречий, с точки зрения неизбежной смены общественных форм.

Резюмируем: буржуазная общественность прикрашивает неприглядную капиталистическую действительность, пролетарская подвергает ее уничтожающей критике.

Все, что относится к общественным наукам, целиком применимо и к философии. Философия, как нам известно, старается создать единый метод, объединяющий все науки в одну систему, что позволяет составить более или менее цельную картину мира, другими словами, построить мировоззрение.

Так как буржуазия является сейчас реакционным классом, то и в буржуазной философии преобладают реакционные черты.

Когда-то буржуазные философы были предвозвестниками новых прогрессивных идей. Французские материалисты бесстрашно выступали против религии. Гегель обосновывал революционную теорию развития.

Их наследники проповедуют союз философии с религией, науки с мистикой. Само собой разумеется, что они отвергают всякую революционную теорию развития, соглашаясь самое большее на эволюцию, и ведут ожесточенную борьбу с материализмом. Буржуазные философы стараются даже факты естественных наук истолковать в идеалистическом духе. Поэтому Ленин в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм», говоря о некоторых философствующих физиках-идеалистах, замечает: «Ни одному из этих профессоров, способных давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики, нельзя верить ни в едином слове, раз речь заходит о философии. Почему? По той же причине, по которой ни одному профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических специальных исследований, нельзя верить ни в одном слове, раз речь заходит об общей теории политической экономии. Ибо это последнее — такая же партийная наука в современном обществе, как и гносеология. В общем и целом, профессора-экономисты — не что иное, как ученые приказчики класса капиталистов, и профессора философии — ученые приказчики теологов» (Ленин, «Материализм и эмпириокритицизм», т. X).

§ 3. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ РЕЛИГИИ.

А.

О религиозных представлениях наших первобытных предков мы, конечно, не имеем почти никаких достоверных сведений. Писать они не умели, поэтому на письменные памятники рассчитывать не приходится. Несомненно, очень ценный материал для изучения первобытной культуры дают рисунки в пещерах, служивших жильем, могильники, различная утварь, предметы украшений и т. п. Но этот материал все же недостаточен для того, чтобы восстановить утраченную историю первобытной религии. Для изуче-

ния первоначальных религиозных верований необходимо обратиться к представителям наиболее отсталых человеческих племен, например, к австралийским дикарям, которые являются живыми остатками наших далеких предков.

Единственная форма общежития, известная австралийским неграм, — это первобытная орда, небольшая группа человек в 40—60, существующая охотой и собиранием диких кореньев и плодов. Вследствие тяжелых условий существования, естественная смерть от старости или болезни в такой орде является чем-то необычайным; большею частью в ней умирают от какой-нибудь видимой внешней причины, например, от удара копьем в сражении, от сильного ушиба на охоте и т. п. При ограниченности своих знаний дикарь вообще не может понять естественной смерти и не верит в необходимость рано или поздно умереть. Другое дело насильственная смерть, ее дикарь имеет возможность наблюдать чуть ли не ежедневно на охоте, причем всегда он видит, приблизительно, одну и ту же картину: раненое копьем или топором животное падает, из раны течет кровь, вместе с истечением крови животное постепенно становится неподвижным, цепенеет, перестает дышать, словом, умирает. Отсюда напрашивается вывод, что вместе с кровью из тела ушла двигавшая его раньше жизненная сила, или, другими словами, душа.

Представление о силе, управляющей движениями тела, возникло, конечно, не сразу, а в результате длительного применения орудий труда. Отличая себя, как живую, двигательную, активную силу, от мертвого, пассивного орудия, первобытный человек постепенно перенес это различие, по аналогии (по сравнению), на всю живую и даже мертвую природу. Не нужно думать, будто дикарь бесстрастно стоит над трупом павшего животного и безмятежно предается философским размышлениям о причине этого непонятого явления. Дело обстоит сложнее. Дикарь вообще не умеет размышлять в нашем смысле этого слова. Но сочетать различные комплексы представлений в одно представляемое целое он умеет. Первобытный анимизм и возникает именно потому, что дикарь постепенно приучается соединять в одно целое такие привычные для него представления, как удар колющего, падение животного, потеря крови, прекращение дыхания, оцепенение, «деятельность» орудия труда в руках работника, «неподвижность» его после прекращения процесса работы и т. д. Этот комплекс представлений обволакивается к тому же эмоциональными переживаниями — страхом смерти, боязнью трудов, страхом перед грозными силами природы, торжеством победы, радостью по случаю удачной охоты, предвкушением пира и т. д. Что же касается различных представлений, связанных с разделением всего существующего на активную душу и пассивное тело, представлений, часто не имеющих под собой никакой производственной основы, то к ним вполне применимы слова Энгельса: «Низкое экономическое развитие до-исторического периода имело в качестве своего дополнения, а порой даже в качестве причины ложные представления о природе. И все же, хотя экономическая потребность была

главной пружиной двигающегося вперед познания природы и с течением времени все более становилась такой пружиной, все же было бы педантством искать для всех этих первобытных глупостей экономических причин». Душа, вышедшая из тела, продолжает, по мнению дикаря, вести самостоятельное существование в качестве двойника покойника и становится таким образом духом. Это представление подтверждается сновидениями. Дикарь по своей психологии — «наненый реалист», — все, что он видит и слышит, является для него реальной действительностью. Если какой-нибудь австралиец во сне увидит самого себя на охоте или на пиру, то он искренне будет уверен, что его душа охотилась, пировала и т. д. Иначе ему невозможно «объяснить» сновидение. Считая духов двойниками людей, дикарь, вполне естественно, в своих отношениях к духам копирует привычные для него отношения между людьми. Все члены орды смотрят на себя как на родственников и товарищей и поэтому в беде стараются помочь друг другу. Не удивительно, что когда дикарю нужна помощь, он сплошь и рядом обращается за ней к духу умершего товарища по орде. В свою очередь дикари считают нужным заботиться о духах умерших родственников.

У австралийских негров, повсеместно, распространен обычай в течение нескольких недель после смерти приносить на могилу покойного различные вкусные кушанья, иначе, по их воззрениям, дух его обидится и отомстит своим сородичам.

Так зарождается культ духов, дальнейшее развитие которого связано с эволюцией обмена. Надо сказать, что первобытный обмен, связанный с войной и грабежом, сопровождается необыкновенным количеством крайне запутанных и сложных обрядностей, сложившихся с незапамятных времен и направленных к тому, чтобы сделать возможным сближение враждебных орд для участия в меновом акте. Вполне понятно, что при этих условиях обмен вообще невозможен без наличия хороших опытных посредников, знающих все обрядности и умеющих должным образом выражать желание орды. С развитием обмена дикарь в своих отношениях к духам начинает копировать меновой акт во всех подробностях. У большинства австралийских орд считается, например, недостаточным просто призвать духа, принести ему пищу в жертву. Чтобы жертва имела успех, нужно найти подходящее место, совершить известные обряды и вдобавок сказать несколько старинных формул, которыми удачно в свое время пользовались предки. В затруднительных случаях австралийский негр обращается за помощью к особому посреднику в сношениях с духами, к заклинателю или колдуну (шаману). Колдун знает всевозможные старинные формулы заклинаний и обладает запасом различных частиц мощей умерших, например, их волосами, суставами пальцев, костями и т. п., благодаря чему он приобретает некоторую власть над духами предков, сохраняющих большое влечение ко всем частям тела, в котором они некогда обитали. Так как колдун лучше других знает желания и привычки духов, знает при этом, с какими формулами и обрядностями нужно к ним подходить, то он, по мне-

нию дикаря, один только и сумеет выпросить у духа взамен приносимой жертвы наиболее ценный эквивалент. Колдуны представляют собой первые зачатки будущего духовного сословия.

Первобытная орда в процессе своего развития превращается в родовой, или тотемистический, союз, в связи с чем культ духов постепенно переходит в культ тотемов и предков. Родовой союз представляет собой группу в 200—300 человек (иногда больше), считающих себя кровными родственниками. Обычно, такая группа носит название какого-нибудь животного (или растения), которое является родовым тотемом. Со времени образования тотемистического союза, дух мифического предка рода приобретает особое значение и ему начинают приписывать различные сверхчеловеческие деяния, причем эти героические подвиги предок-основатель рода совершал, по мнению дикарей, в образе того самого животного, которое является тотемом для потомства. Поэтому в сказаниях народов, стоящих на низкой ступени развития, их родовые божества представляются обыкновенно в виде громадных сухопутных или водяных животных, действующих, однако, как люди и даже принимающих иногда человеческий образ. Например, у курне (австралийские дикари) часто встречаются сказания,¹ в которых главную роль играет человекоптица, человекозмея, человекочетвероногое — существо, называющееся «мукурне», что обозначает по смыслу «высокий предок», «высокий прародитель». Птица и змея являются у племени курне тотемами различных родов. Очевидно, они считают своих предков людьми, но придают им вид тотемистических животных.

Кроме родовых союзов, у некоторых австралийских негров имеются так называемые главные тотемы, которые объединяют несколько тотемистических групп в один братский (фратриархальный) союз. Когда такой союз превращается в действительно сплоченную организацию, возникает вера в общего праотца союза, от которого ведут свое происхождение основатели тотемов.

Длительные мирные соглашения между родами стали возможными и необходимыми благодаря влиянию обмена, который приобретал постепенно все большее значение для жизни дикарей и не мог развиваться в обстановке постоянной войны и грабежа. Мирные соглашения, естественно, вели за собой совместные охотничьи и военные экспедиции; как те, так и другие требовали теперь, с возрастанием количества совместно действующих людей, довольно сложной организации и выдвигали значение организатора, руководителя охоты или сражения. Помощники его, родовые организаторы, а иногда и организаторы больших семейных групп, образовавшихся внутри рода, играют уже второстепенную роль, руководя сравнительно небольшим количеством людей и исполняя чужие указания. Значение организатора переносится, конечно, и на его дух. После смерти выдающегося вождя, все родовые группы, когда-то удачно воевавшие под его руководством,

¹ См. Кунов, „Возникновение религии и веры в бога“. Изд. „Коммунист“, 1919 г.

чтут в нем самого сильного из духов и обращаются к нему в важнейших случаях. Постепенно, благодаря этому, развивается представление, что умерший вождь является общим прародителем указанных родов.

С течением времени потребности возрастающего производства, необходимость усиленной защиты от врагов и развивающиеся брачные отношения вынуждают переход от мирного соглашения между родами к тесному братскому союзу. Тогда давным-давно чтимый дух умершего вождя, будучи выше и сильнее всех родовых предков, окончательно становится общим предком и прародителем союза. Одновременно развивается и представление о кровном родстве между членами братского союза. Следовательно, с развитием меновых отношений, разлагающих первобытную изолированную коммунистическую орду, сплачивающих ее с другими такими же ордами и выделяющих на первый план власть вождей и руководителей, старинный культ духов постепенно переходит в культ предков-вождей, иерархия которых соответствует иерархическим отношениям, сложившимся к тому времени у людей.

Там, где из слияния фратриархальных союзов образуются племена, мы застаем, конечно, культ духа — вождя племени, культ бога — предка племени. В связи с развитием семьи, объединяющей в одно хозяйственное целое несколько десятков человек, появляется культ семейных и домовых богов. Власть главы семьи (сначала матери,¹ потом отца²) тоже обожествляется и приобретает поэтому религиозный смысл.

Большое влияние на развитие религиозных верований оказывают погребальные обычаи и обряды. Дикарь, вполне естественно, считает, что там, где похоронен труп умершего предка, живет и его дух. Племена, обитающие в лесах, обыкновенно хоронят своих мертвецов на деревьях, поэтому и «царству духов» отводится место где-нибудь в лесу или роще. В горных местностях труп либо сбрасывается в пропасть, либо хоронится в пещере, либо, наконец, в некоторых случаях выставляется на вершину горы для того, чтобы хищные птицы расклевали его гниющие части. В зависимости от способа погребения, «загробному царству» отводится место где-нибудь высоко, на небе, на вершинах гор, или, наоборот, под землей, в преисподней. Отсюда вполне понятно, что царство духов у разных диких народов представляется в самом различном виде. Одни племена представляют его в виде прекрасного сада (или леса), в котором духи предаются различным приятным забавам, много пьют и едят. У других племен, наоборот, страна духов рисуется в самом мрачном виде, и несчастные духи считаются обреченными на голодовку и всевозможные лишения, если о них не позаботятся живые родственники.

Вследствие завоевания, переселения и т. п. отдельные племена очень часто перемешиваются друг с другом и образуют одно пле-

¹ Матриархат — период, когда главой семьи была мать и родство считалось по материнской линии.

² Патриархат — глава семьи отец.

мя. Для согласования различных представлений о загробном мире, иногда противоречащих друг другу, придумываются всевозможные мифы, получающие особое значение в связи с началом социального расслоения. «Царство духов» делится на два отделения: лучшее, предназначенное для вождей, жрецов и выдающихся воинов, переносится в цветущий сад, на высокие вершины гор; второе же помещается где-нибудь в преисподней. Таким образом, развиваются первые представления о рае (небе) и аде. Например, у таитян, племени Полинезии, отличающегося сравнительно прочной сословной организацией, рай отведен специально для аристократии. Вожди, дворянство и жрецы идут после смерти в «благоуханную воздушную страну», расположенную на высокой горе, духи же простых смертных отправляются в мрачную преисподнюю, лежащую глубоко под землей.

Возникновение представлений об аде и рае с большой ясностью показывает зависимость религиозной идеологии от степени развития общественных отношений, определяемых, в свою очередь, развитием производительных сил. В самом деле, по мере того как на земле развивается социальное расслоение на господствующих и подчиненных, и на том свете появляется неравенство: одно отделение отводится для тех, кто почище, другое — для простого народа. Мало того, усложнение и расширение общественных связей, рост общественной организации постепенно приводит, как мы уже видели, к культу возвысившихся над остальными духами обожествленных предков-вождей, мифических прародителей новых общественных союзов — родов, фратрий (братств), племен и т. п.

На этой ступени общественного развития все сложившиеся, унаследованные от предков нравы, обычаи, технические правила, считавшиеся раньше заповедями духов вообще, сводятся к заповедям единого группового бога, родового, семейного или племенного, смотря по области влияния обычая. Приведем пример. Обрезание у австралийских племен сначала не имело религиозного значения и служило только для того, чтобы, на ряду с другими признаками (татуировкой, выломанными зубами), отметить половую зрелость мужчины, определяющую переход его из возрастного слоя детей в слой взрослых (воинов).

С того времени, как развивается культ тотемистического бога, основателя рода, обрезание принимает религиозный характер, являясь исполнением заповеди бога, свидетельством кровного союза с ним, обязательством исполнить все его веления. Неисполнение этого важного обряда грозит мезтью разгневанного бога. Самый обряд сопровождается различными кровавыми жертвами. Стекающая кровь тщательно собирается и приносится в жертву. (Мы знаем из предыдущего, что по воззрениям большинства диких племен душа обитает в крови, — следовательно, для духа самой лакомой пищей должна являться кровь.)

В связи с развитием тотемизма, новый характер принимают запреты той или другой пищи, так называемые «табу». Обычай «табуирования» широко распространен у всех примитивных народов.

Он возник задолго до появления культа тотемов, в связи с необходимостью периодически ограничивать потребление некоторых сортов пищи, имеющих в недостаточном количестве. Сюда же относятся вполне понятные запреты: есть вредную пищу, собирать несозревшие плоды и злаки, так как это уменьшает возможный запас предметов питания, и охотиться в известные периоды года на животных, которыми преимущественно питается данное племя. С развитием культа тотемов, все эти запреты, результат многовекового горького опыта, объявляются «заветами» тотемистического бога — предка рода или племени. В дальнейшем, по мере отождествления бога-предка с тотемистическим животным, последнее тоже становится «табу», и его разрешается есть только в исключительных случаях (например, на празднествах). Мало того, все, что имеет какую-нибудь связь с тотемом, в свою очередь делается «табу». Поэтому дикари всякое «табу» стараются так или иначе связать с желаниями и нуждами тотемистического бога.

С развитием веры в родовых и племенных богов меняется также характер и форма жертвоприношений. В виду роста производства дикарь может теперь гораздо больше давать своему богу. Само собой понятно, что каждый народ приносит в жертву то, чем сам питается. Земледельцы дают своим богам различные земледельческие продукты, скотоводы жертвуют крупный и мелкий рогатый скот, охотники — дичь и убитых животных, а рыбаки — рыбу. Понятно, чем выше положение бога, тем больше можно у него попросить, а следовательно, тем большую жертву нужно ему и принести. Форма жертвоприношений тоже становится более сложной. К великому племенному богу не подойдешь так просто, как к маленькому духу предка. Сначала жертвы просто кладутся на каком-нибудь определенном месте, большей частью на местах погребения и там, где были порождены первые потомки бога — основателя рода. Впоследствии жертвы приносятся перед изображениями мифических предков, причем статуи богов мажутся теплой животной кровью (закрывающей в себе душу). Чтобы дать богу пищу повкусней, дикари сжигают некоторые части жертвенного животного (главным образом кровь и сердце). Для приятного запаха прибавляют благовонные курения (фимиамы, до сих пор сохранившиеся в церковных обрядах).

Религиозные взгляды примитивных народов в сильнейшей степени определяются способами добывания средств к существованию и обусловленными этим формами социальной жизни. В зависимости от того, занимается ли данный народ охотой, рыбной ловлей, скотоводством или земледелием, меняются его религиозные верования и обряды. Основная задача тотемистического бога рыболовного рода — это помощь рыболовству. Вполне понятно, что жертвы он получает рыбой, так как сам является рыбой. Напротив, богу-покровителю охоты рыбы не поднесешь, ему в пищу идет убитая дичь. Точно также характер хозяйства определяет местопребывание бога и, следовательно, место, где ему нужно приносить жертвы. У охотников бог живет в лесу, у рыбаков — в море.

реке или озере, у горных пастухов — на горных высотах. Если рыболовная деревня почему-либо переселится внутрь материка и займется охотой, то богу-рыбе придется стать богом-покровителем охоты и, следовательно, изменить свой образ, соответственно с чем меняется характер жертвоприношений и всего культа. Таким образом, между прочим, возникают различные мифы о превращении богов из одного животного в другое.

Развитие скотоводства и земледелия приводит к тому, что человек начинает в значительно большей степени чувствовать зависимость своего существования от действия определенных сил природы — солнца, дождя, реки и т. д. Вместе с этим культ предков постепенно сменяется культом природы. Главной задачей богов-предков становится надлежащее руководство могучими силами природы, влияющими на хозяйственную деятельность потомков.

Бог-предок пастушеского племени превращается в бога грозы или дождя, земледельческого — в бога солнца или священной реки, от разлива которой зависит судьба урожая. Так в Индии главным богом когда-то считался Индра — бог солнца и грома, в Египте — Озирис, бог Нила, в древнем Вавилоне — Бэл, бог солнца, и т. д.

Развитие земледелия способствовало возникновению ряда мифов, связанных с движением солнца, сменой времен года, увяданием и расцветом растительности. Зимой солнце угасает, теряет свою силу, не выдержав борьбы с враждебными силами, весной оно вновь возрождается. Точно так же осенью умирает вся растительность с тем, чтобы «воскреснуть» весной. С видимым движением солнца на небе связаны были важнейшие события в жизни земледельческих народов, именно посев и жатва. Поэтому изучение его имело огромное значение для экономики древнего мира и входило в круг наиболее важных обязанностей жрецов. По различным признакам жрец узнавал, что приближается время посева или жатвы и значит время соответствующих жертвоприношений и обрядностей и празднеств в честь бога солнца и богов растительности. Тут надо отметить еще следующее, что вся процедура производства хлеба по необходимости связывалась с идеей о страдающем боге растительности, который своей смертью (жатва) дает жизнь своим поклонникам («смертью смерть поправ»). Вместе с тем за жатвой почти непосредственно следует новый посев. На юге, как мы знаем, в лето собирают две-три жатвы. Таким образом, страдающий бог после своей смерти вновь воскресает. Эти представления с течением времени обросли рядом магических церемоний, задача которых заключалась в том, чтобы воздействовать на произрастание хлеба.

Таким образом, возникли широко распространенные в древности мистические культы солнца и культы умирающего, воскресающего и страдающего бога, в котором олицетворялась растительность, главным образом хлебные злаки (греческий Дионис, вавилонский Фамуз, фригийский Аттис).

Культы эти оказали большое влияние на христианство. Возьмем для примера культ Аттиса. Главные празднества по времени

совпадали с Пасхой, причем ряд обрядностей в символической форме представляли смерть и воскресение Аттиса. Воскресал Аттис 25 марта, на третий день после своей смерти. Среди многочисленных «таинств» культа встречаются миропомазание и общая трапеза, во время которой верующие символически вкушали плоть и кровь бога, для того чтобы отметить свое слияние с ним. К тому же Аттис, как и Христос, своей смертью искупал грехи мира.

Еще больше сходства с Христом у солнечного бога — Митры, который после совершенных им на земле подвигов удалился на небо. Рождение Митры праздновалось 25 декабря (день солнцеповорота). Весеннее и осеннее равноденствие считались праздниками. Общины поклонников Митры по своей организации и задачам очень напоминали христианские. На священных трапезах тоже вкушали хлеб и вино, символически представлявшие тело и кровь Митры.

Б.

Еврейская религия в своем историческом развитии прошла те же этапы, что и другие религии. Как и другие народы, евреи некогда поклонялись душам усопших предков, — культ, который сменился затем культом тотемов — мифических праотцев отдельных родов, обитающих в некоторых животных или растениях.

Объединение родов в племена привело к развитию культа богов — предков племени. Еврейский бог Ягу (или Ягве) был когда-то таким племенным богом-предком иудейского племени, постепенно объединившего под своей властью все еврейские племена в единое национальное государство, после чего Ягу, вполне естественно, сделался национальным богом Израиля. На ряду с поклонением Ягу, у евреев долго сохранялся старинный культ терафимов — почитание богов-предков еврейских родовых групп. Культ этот отличался самым грубым идолопоклонством, так как евреи, подобно многим другим народам, считали, что боги-предки обитают в деревьях, камнях и деревянных идолах. У пророка Иеремии, ревнителя культа Ягу, можно встретить ясное указание на существование в его время культа терафимов. «Как вор, когда поймут его, бывает осрамлен, так осрамил себя дом Израилев со своими царями, властями, священниками и пророками, говоря дереву: «ты мой отец» и камню: «ты породил меня» (гл. 2, стихи 26 и 27). Понятно, евреи поклонялись каменным и деревянным идолам потому, что последние изображали родовых богов-предков. По мере того, как возраставшее имущественное неравенство постепенно подтачивало первобытный родовой строй, падало и значение старинного культа терафимов. В VIII столетии до нашей эры в Еврейском государстве возник уже значительный слой обезземеленных крестьян, а также слой кабальных рабов, попавших за неуплату долгов или аренды в «холопство» вместе со своими детьми. Безземельный утрачивал всякую связь со своим родом, терял право на его помощь и переставал участвовать в культе предков своего рода. Таким образом, культ терафимов сделался культом зажиточной части населения, тесно связанной с родовым строем. Особенно

в нем были заинтересованы начальники родов. Обладая судебной властью, они пользовались ею для собственного обогащения за счет разоряемой бедноты. Наоборот, для безродной беднейшей части населения все большее значение приобретал культ Ягу, единого всенародного, национального бога евреев.

Жрецы Ягу, конечно, воспользовались народной верой, чтобы ослабить родовую аристократию, уничтожить культ терафимов и поднять свое собственное значение. Ягу постепенно сделался богом бедняков и обездоленных; его пророки в страстных проповедях обличали богачей, неправедных судей, всех сильных и знатных и требовали возвращения к старому строю, в котором не было такого вопиющего имущественного неравенства, не было такого угнетения обнищавших народных масс.

Покорение израильского царства ассирийцами (722 г. до нашей эры) и Иудейского вавилонянами (597 г. до нашей эры) повело к полному уничтожению родового строя. Члены родов, способные носить оружие, были частью перебиты, частью взяты в плен. Из «вавилонского пленения» в Иудею вернулись только остатки прежних родов, очень скоро растворившихся в остальном («безродном») населении. Место родового строя заняло государство, в котором главную роль играли жрецы, опиравшиеся на состоятельную часть населения. Культ родовых богов окончательно сменился культом единого национального бога Ягу, ставшего центром политической и культурной жизни древнего еврейства. Уже в вавилонском пленении жрецы, в интересах сохранения национального единства евреев, придали Ягу характер единого истинного бога, творца вселенной и хранителя избранного им еврейского народа, которому за свои грехи суждено терпеть различные тяжкие испытания. Понятно, что в изображении жрецов падение Вавилонского царства объяснялось мстью разгневанного бога, покаравшего врагов за их беззакония и позволившего, наконец, своему народу снова вернуться на родину.

Идея единого истинного бога приобрела особую жизненность, когда Рим уничтожил политическую самостоятельность целого ряда наций и создал всемирную империю. Римское завоевание разрушило национальные особенности отдельных народов. Отменялись прежние сословные деления (за исключением рабства), местные обычаи и нравы заменялись единообразным римским правом, на основании которого в судах выносились приговоры и решения.

Ужасающая эксплуатация покоренных провинций и дешевый рабский труд постепенно уничтожил мелкое самостоятельное ремесло и свободное крестьянство. Вместе с тем, техническая отсталость производства, основанного на эксплуатации рабов, имела своим следствием постепенное замирание производственной деятельности Римской империи, закончившейся полным экономическим, политическим и моральным крахом. Разлагающееся рабовладельческое общество не имело ни одного класса, способного выдвинуть осуществимый в жизни идеал. Богатые классы, давно потерявшие всякую связь с производством, изнеженные и выро-

дившиеся, единственный смысл жизни видели в изобретении новых наслаждений. Пролетариат состоял из деклассированных крестьян и мелких ремесленников, оторвавшихся от производства и живущих подачками государства или богатых граждан. Ненавидя богатые классы, римский люмпен-пролетариат, по существу, идеологически от них ничем не отличался; он так же презирал труд и питал ту же страсть к наслаждениям. Положение рабов было совершенно безнадежное. Опыт подавленных восстаний показал, что они не имели никакой возможности освободиться. Конечно, существовал большой слой рабов — управляющих имениями, домами, учителей, искусных ремесленников (изготавливающих различные редкие предметы роскоши) и т. д., живших в хороших условиях; но их идеология состояла главным образом в угождении вкусам господ. Наконец, разоряемые массами ремесленники, так же, как и рабы, если и могли на что-нибудь надеяться, то только на чудо. Меньшинство населения Римской империи ни во что не верило и старалось в наслаждениях найти спасение от жизненной пустоты, скуки и пресыщенности; большинство напряженно ждало небесного чуда, грядущего спасителя, который должен был принести мщение богачам и спасение бедным.

Рабы и разоряемые ремесленники представляли собой массу интернациональную, поэтому их вера неизбежно должна была принять характер вселенский, вненациональный.

Вера в Мессию, освобождающего угнетенные народы от римского ига, была чрезвычайно широко распространена среди евреев. Но еврейский Мессия носил еще ярко окрашенный национальный характер, выйдя за узкие пределы Иудеи, он стал интернациональным Христом.

Христианская религия настолько соответствовала нуждам и потребностям породившего ее общества, что в течение нескольких столетий она стала официальной идеологией. Образ Христа, умирающего и воскресающего бога-искупителя земных грехов, христианство заимствовало от восточных земледельческих религий. Но в эту форму оно влило совершенно иное социальное содержание.

Основная черта христианства — отречение от скверны здешнего мира во имя вечного блаженства в потустороннем божьем царстве — была единственной идеологией, способной дать утешение и покой подавляющей части населения умирающего общества. Ставши крупнейшей общественной силой, христианство неминуемо должно было подчинить себе господствующие классы и государственную власть, после чего оно неизбежно из религии, проповедывавшей освобождение бедняков, превратилось в орудие их подавления.

Первые христианские общины возникли в среде рабов и ремесленников. Их идеология ярко выражала классовую вражду к богатым и знатым. Достаточно привести, как пример, известные места из нагорной проповеди: «Блаженны нищие, ибо ваше есть царство божие. Блаженны алчущие ныне, ибо насытитесь. Блаженны плачущие ныне, ибо воссмеетесь... Напротив, горе вам,

богатые, ибо вы получили уже свое утешение. Горе вам, преиспещенные ныне, ибо восплачете и возрыдаете». Только в середине III столетия нашей эры начался приток богатых граждан в христианские общины. Экономический упадок и растущая нужда требовали больших средств для пропитания нищих, калек и неимущих членов общин. С другой стороны, богатые люди охотно делали большие вклады, чтобы спасти свою душу от вечных мук. Привлечение вкладов, в связи с растущей нуждой, стало таким важным делом, что перед богачами двери христианских общин открывались настежь. Вхождение представителей богатых классов в христианские общины в сильнейшей степени поколебало миросозерцание последних, и постепенно они отказались от классовой вражды, признав богачей равноправными членами «царства божия». Изменение характера общины вызвало, в свою очередь, перемену в ее организации: мало-по-малу внутри церкви исчезло первоначальное равенство, возник новый господствующий класс — церковная бюрократия. Этим заканчивается длительный процесс перерождения христианства. Идеология рабов и разорившихся ремесленников, неспособных выдвинуть никакой практической, творческой программы переустройства одряхлевшего общества, стала идейным оплотом власти господствующих классов, их лучшим орудием для эксплуатации угнетенных трудящихся масс.

В.

Приведенные примеры из разных религий доказывают, что развитие религии, как и всякой другой идеологии, происходит закономерно и зависит от развития общественных отношений. Вера в духов возникает у дикаря из потребности объяснить непонятную для него собственную жизнь. С развитием производительных сил, с усложнением способов добывания средств к существованию усложняются и общественные отношения, способы организации совместной жизни. Образуются тотемистические союзы, фратрии, племена и т. д.; выделяются организаторы отдельных групп, начинается социальное расслоение. Соответственно с этим, культ духов переходит в культ предков-организаторов, прародителей родов, племен, народов. С дальнейшим развитием производительных сил, с переходом к земледелию или рациональному скотоводству, занимаясь которым человек начинает ярко сознавать свою зависимость от определенных сил природы, с разрушением старых родовых организаций и постройкой новых, основанных уже на социальном расчленении, культ предков-организаторов переходит в культ природы. В связи с возникновением наций развивается культ национального бога, многобожие сменяется единобожием. Наконец, особые экономические и политические условия Римской империи порождают интернациональную христианскую религию.

Таким образом, на всех ступенях развития религиозной идеологии человек, по существу, обожествляет самого себя — свои собственные общественные отношения и основанные на них чувства, иллюзии, мечты и нравственные принципы. Следовательно, религия

как и всякая другая идеология, в своем основном содержании определяется, в конечном счете, экономическими отношениями. Но именно в конечном счете. Вот почему не следует упрощать связь, существующую между экономикой и религией.

Энгельс по этому поводу замечает: «Идеологии еще более возвышенные, т. е. еще более удаленные от экономической основы, принимают формы философии и религии. Здесь связь представлений с материальными условиями человеческой жизни еще более запутывается, еще более затемняется промежуточными звеньями. Но все же она существует («Людвиг Фейербах»).

Религиозные представления, возникшие на известной экономической почве, живут собственной жизнью и развиваются в силу присущих им внутренних законов развития. Экономика определяет основное содержание религии в ту или иную историческую эпоху, но формы, в которых выявляет себя это содержание, а также некоторые отдельные детали, зависят от традиций, предания, своеобразной исторической судьбы, условий общения с другими народами и, наконец, от сложного комплекса мыслей, чувств и настроений, называемого социальной психологией.

Религиозные верования обладают поразительной живучестью. До сих пор не только миллионные темные народные массы, но и высшие представители буржуазной культуры (ученые, писатели, художники) вдохновляются идеями, созданными в незапамятные времена коллективным творчеством наших далеких предков.

И как ни странно сопоставить дикаря даже со средним европейцем, все же много общего между мировоззрением простодушного австралийца и религиозными взглядами какого-нибудь верующего ученого — светила современной науки. Воистину крайности сходятся.

Первобытный анимизм, переодетый в новый наряд (согласно требованиям социальной моды), до сих пор сохраняет власть над людьми.

Чем же это объясняется?

Конечно, нельзя отрицать известного влияния психологических мотивов (страха смерти, бесследного исчезновения, жажды личного бессмертия, неуверенности в «завтрашнем дне» и т. п.), но не они являются решающими. Большое значение имеет социально-психологическое и социально-идеологическое принуждение, именно давление традиций, школы и общественного мнения, искусно направляемого буржуазией по определенному соответствующему ее интересам пути. Достаточно сослаться хотя бы на «обезьяний» процесс, возможный правда только в Соединенных штатах, отличающихся в наибольшей степени тем цивилизованным варварством, которое является, кажется, основной чертой «великой культуры» всякого преуспевающего мещанина (одинаково, европейского или американского). В Европе еще неполне изгладилась воспоминания об инквизиции, отцах-иезуитах и прочих приятных вещах, к тому же нет в ней негритянского вопроса; поэтому европейцам пока дозволяется изучать теорию Дарвина. Впрочем, ханжеская агитация против опытов Воронцова в Англии,

возрождение клерикализма во Франции и соглашение Муссолини с папой вполне заменяют (принимая во внимание скромные европейские масштабы) громкие американские обезьяньи процессы. При объяснении влияния религии в наше время, необходимо еще учитывать значение идеологического людского аппарата — громадной армии религиозных профессионалов, а также принять во внимание огромное впечатление, которое производят на эстетическое чувство народных масс пышные здания храмов, блестящие богослужения и торжественное церковное песнопение.

Но все-таки основной причиной живучести религии в широких народных массах являются забитость и угнетенность. Власть материальной и «духовной» сивухи объясняется одними и теми же условиями. Водка и церковь одинаково позволяют забыться. Ад на земле вызывает страстное желание рая на небе. Здесь протягивается нить от дикаря, забитого грозной стихией природы, до современного человека массы, забитого безжалостной стихией капитализма.

«Социальная придавленность трудящихся масс, — говорит Ленин, — кажущаяся полная беспомощность перед слепыми силами капитализма, который причиняет ежедневно и ежечасно в тысячу раз больше самых ужасных страданий, самых диких мучений рядовым рабочим людям, чем всякие из ряду вон выходящие события в роде войн, землетрясений и т. д., вот в чем самый глубокий современный корень религии. Страх перед слепой силой капитала, которая слепа, ибо не может быть предусмотрена массами народа, — которая на каждом шагу жизни пролетария и мелкого хозяйчика грозит принести ему и приносит «внезапное», «неожиданное», «случайное» разорение, гибель, превращение в нищего, в паупера, в проститутку, голодную смерть — вот тот корень современной религии, который прежде всего и больше всего должен иметь в виду материалист, если он не хочет оставаться материалистом приговорительного класса».

Как всякая другая идеология, религия оказывает обратное влияние на вызвавшие ее к жизни силы. В классовой борьбе религия является одним из важнейших препятствий на пути к освобождению трудящихся масс. Привилегии господствующего меньшинства охраняются и освящаются авторитетом бога и церкви. Поэтому классовая и антирелигиозная борьба тесно сплетаются друг с другом. Антирелигиозная пропаганда есть важный и существенный момент классовой борьбы пролетариата, но вместе с тем наступление пролетариата на своего классового врага создает реальные условия для действительности антирелигиозной пропаганды.

«Никакая просветительная книжка», — указывает Ленин, — «не вытравит религии из забитых капиталистической каторгой масс, зависящих от слепых разрушительных сил капитализма, пока эти массы сами не научатся объединенно, организованно, планомерно, сознательно бороться против этого корня религии, против господства капитала во всех формах».

Возникает теперь естественный вопрос — в чем корни религии

у нас в СССР. Во-первых, необходимо отметить, что значительная часть верующих (не только крестьян, но и рабочих) верит по привычке, по традиции. Их с детства приучили к определенным обрядам, внушили им определенные идеи, и они тащат этот дореволюционный груз по сию пору. В деревне мы имеем, конечно, специфические условия, способствующие укреплению религии, именно — товарная стихия с ее случайностью, изменчивостью, ненадежностью, шаткость мелкого крестьянского двора, глубокой невежество и, наконец, самое важное, зависимость от природы, являющаяся результатом низкой отсталой техники. Крестьяне, уходящие из деревни на заработки в город, приходя на завод, начинают, понемногу, освобождаться от своей психологии и идеологии, но понятно, религиозное мировоззрение очень долго держит их в плену.

Несколько иной характер имеет религия у зажиточных слоев города и деревни. Здесь религия является определенно цементирующим началом, сплачивающим все буржуазные элементы нашего Союза. Религия объединяет кулаков и торговцев для борьбы с советской властью и помогает им руководить малосознательными бедняцкими и середняцкими элементами села с целью их эксплуатации.

В этом заключается объективный смысл сектантства.

Тут наша антирелигиозная пропаганда опять-таки неразрывно связывается с наступлением на капиталистические элементы и строительством социализма. Только тогда будут всерьез подорваны корни религии, когда соха сменится трактором, стихийный товарооборот — организованной кооперативной и государственной торговлей, индивидуальное хозяйство — планомерным коллективным хозяйством. Но чтобы это выполнить, необходимо индустриализировать нашу отсталую аграрную страну и вести решительную борьбу с кулаком, срывающим индустриализацию и социалистическое строительство. В борьбе же с кулаком и нэпманом антирелигиозная пропаганда играет, как мы выяснили, очень важную роль. С другой стороны, успех антирелигиозной пропаганды зависит в значительной степени от размаха нашего культурного строительства. В наших условиях культурный подъем масс — есть яд для религии. Культурная революция и социалистическое строительство — это двуединый путь преодоления религии. Вместе с тем решительная и сознательная борьба с религией является одним из основных моментов культурной революции, на котором в значительной степени зиждутся успехи нашего социалистического строительства.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ.

§ 1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОБЩЕСТВА И КУЛЬТУРЫ.

Мы познакомились с основами марксистской философии — с диалектическим материализмом. Мы познакомились также с главнейшими вопросами теории исторического материализма — с учением о производительных силах и производственных отношениях, теорией классовой борьбы, теорией государства и диктатуры пролетариата и учением об идеологиях. Теперь наша задача — подвести итоги и разобраться в теории общественного развития в целом.

Теория исторического материализма есть, как мы знаем, не что иное, как результат применения метода диалектического материализма к анализу общественно-исторического процесса, как вскрытое содержание диалектики общественного развития. Мы знаем, что существуют два основных направления в философии, иными словами: два основных способа подойти к окружающей среде, понять, осмыслить ее: материалистический и идеалистический. Первый из них ведет нас к правильному пониманию мира, к науке, а второй — к извращенному миропониманию, к религии. Далее, мы знаем, что для того, чтобы прийти к правильному научному пониманию действительности, недостаточно быть материалистом, необходимо быть материалистом-диалектиком, мыслить диалектически. Научное понимание и явлений природы и явлений общественных должно быть, таким образом, и материалистическим и диалектическим. Вне материализма и диалектики нет науки.

Вспомним, в чем заключаются основные положения диалектического материализма. «Идеальное есть не что иное, как переведенное и переработанное в человеческой голове материальное», — писал К. Маркс в предисловии ко 2-му немецкому изданию первого тома «Капитала». «Мир состоит не из готовых, законченных предметов, а представляет собой совокупность процессов, в которой предметы, кажущиеся неизменными, равно как и делаемые головой мысленные их снимки — понятия находятся в непрерывном изменении, то возникают, то уничтожаются», — писал Ф. Энгельс в своей работе «Людвиг Фейербах». В этих двух положениях скрывается сущность марксистской философии как философии материалистической и, вместе с тем, философии диалектической. Первое из этих положений приводит нас к формуле: со-

знание определяется бытием; второе же — к признанию взаимосвязанности всего существующего, его изменчивости, его развития путем борьбы противоречий, их постепенного нарастания и прерыва непрерывности во взрыве, скачке, порождающем следующий этап развития, новую форму бытия, новое качество.

Оба эти основные положения, составляющие сущность диалектического материализма, были нами применены и проверены прежде всего по отношению к проблеме закономерности (см. главу V). Результаты, к которым мы пришли, были таковы: научно понимаемая закономерность — это причинная закономерность; она имеет объективный характер; кажущееся для неумеющего материалистически и диалектически мыслить неразрешимым «противоречие» между необходимостью и свободой воли разрешается в формуле «свобода — познанная необходимость». Далее, мы применили и проверили эти два основных положения диалектического материализма по отношению к главнейшим из общественных явлений и пришли к учению о производительных силах и производственных отношениях, к теории классовой борьбы, к теории государства и диктатуры пролетариата и к учению об идеологиях. Теперь же, при подведении итогов, наша цель — рассмотреть оба эти положения в их применении к процессу общественного развития в целом, к процессу развития культуры. Это ставит перед нами следующие две задачи: 1) установить связь между развитием «общественного человека» и развитием «естественного человека», связать общественные явления с явлениями природы, иными словами — дать основы учения о происхождении общества и культуры и 2) установить связь между различными общественными явлениями в процессе их развития и указать движущие силы этого развития, иными словами — дать основы учения о развитии общества и культуры.

Перейдем к первому из этих вопросов. В своей речи на могиле Маркса Энгельс так охарактеризовал значение построенной Марксом теории исторического материализма: «Маркс открыл закон развития человеческой истории — тот простой, но заслоненный до сих пор идеологическими наслоениями факт, что люди должны есть, пить, иметь жилища, одеваться, прежде чем заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д. и что, следовательно, производство непосредственных материальных средств существования и, соответственно, степень экономического развития народа или эпохи образуют ту основу, из которой должны быть выведены, а значит и объяснены (а не как это делалось до сих пор, наоборот) государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления людей». В этих нескольких словах сущность материалистического понимания истории. Идеалисты и богословы рассматривают человека как существо, стоящее как бы вне остального мира, противопоставляют человека остальному миру, считая, что только человек «одарен» особой силой, — духом, разумом, считая человека «венцом творения» и «господином вселенной». Теория исторического материализма подходит к человеку научно и объясняет, каково в

действительности положение человека и в чем сущность созданной людьми культуры. Теория исторического материализма несколько не отрицает того, что человек *выделился* из остального животного мира, не отрицает того, что между условиями жизни человека и условиями жизни животных имеется *глубочайшее* различие, что ни один из видов животного царства не подчинил себе сил природы, как это сделал человек, но все это теория исторического материализма объясняет не какими-то сверхъестественными силами, не какими-то особенными свойствами, извечно присущими человеку: она рассматривает человека как часть природы, как одну из разновидностей животного царства, и ставит себе задачей объяснить научно, т. е. объяснить, исходя от действительных фактов, каким образом человек возвысился над своими сородичами из животного мира, каким образом человек сумел овладеть силами природы. В этом отношении теория исторического материализма, построенная Марксом и Энгельсом, является как бы продолжением учения великого английского мыслителя-естествоиспытателя *Чарльза Дарвина*, изложенного в своих книгах «О происхождении видов путем естественного подбора» и «Происхождение человека», что все существующие на земле виды растительного и животного мира произошли от каких-то общих корней путем изменения, путем развития и что таким же образом произошел из родственных ему видов животного мира и человек.

Для того, чтобы проверить мысль об изменчивости и развитии видов животного мира, Дарвин, с одной стороны, поставил ряд опытов искусственного изменения видов, а, с другой стороны, вступил в деятельную переписку с английскими скотоводами, которые для улучшения породы прибегали к искусственному отбору, скрещивали наилучшие экземпляры скота. Опыты, произведенные Дарвином, и данные, полученные им от скотоводов, подтвердили его предположение и доказали, что путем искусственного отбора наилучших особей, путем их скрещивания, через несколько поколений удается получить такие особи данного вида, которые отличаются друг от друга гораздо больше, чем данный вид отличается от другого родственного ему вида. Это привело Дарвина к выводу, что такой же процесс отбора происходит и в природе, с той только разницей, что здесь скотовод или производящий опыты ученый заменяется естественным процессом, что вместо искусственного отбора здесь имеет место естественный отбор. Но чем же заменяется здесь планомерная деятельность, сознательная воля скотовода или ученого? Дарвин дает такой ответ: борьба за существование. Все организмы растительного и животного мира борются за существование, и в этой борьбе выживают наилучше приспособленные к условиям окружающей среды. Возьмем несколько примеров. Если бы одуванчику не приходилось бороться за существование, не приходилось бы в своем развитии преодолевать различные сопротивления, возникающие в окружающей его среде, то одуванчик в десятом поколении покрыл бы сплошным ковром весь земной шар. Растущее же в наших лесах растение кукушкины слезки этого достигли бы

уже в третьем поколении. Население капли воды — тридцать миллионов микроорганизмов (маленьких живых существ) — размножается с такой быстротой, что каждые двадцать минут их количество удваивается. В действительности всего этого не происходит, так как в процессе борьбы за существование погибает огромное количество организмов. Итак, борьба за существование приводит к тому, что выживают наиболее приспособленные. Происшедшие в процессе борьбы за существование в организме изменения, приобретенные организмом новые свойства закрепляются, переходя по наследству, и, таким образом, путем естественного отбора происходит развитие растительного и животного мира, и благодаря естественному отбору появляются все новые и новые разновидности. Путем того же естественного отбора из среды вида, близкого к современным обезьянам, выделился вид, получивший в науке название *homo sapiens* — человек.

В то время, когда появилось учение Дарвина о происхождении человека, наука располагала сравнительно небольшим количеством данных, подтверждающих это учение. Но в наше время данные палеонтологии человека (наука об ископаемом первобытном человеке), построенной на основе многочисленных раскопок, открывших остатки скелетов первобытного человека, и данные сравнительной анатомии (науки, изучающей строение тела различных видов животного царства в их сходствах и различиях) полностью подтвердили эту теорию.

В 1856 году, расчищая пещеру в известняках Неандертала (долины Неандер) у Дюссельдорфа (в Прусской Рейнской провинции в Германии), рабочие нашли остатки человеческого скелета. Череп этого скелета был большей ширины, большей длины и меньшей высоты, чем череп современного человека; над глазными впадинами были большие выступы, делающие этот череп похожим на череп обезьяны. Некоторые ученые высказали предположение, что этот скелет принадлежал предку современного человека. В 1887 году в Бельгии, в пещере Спа около Намюра были найдены части двух скелетов, черепа которых были очень похожи на череп, найденный в Неандертале. В 1891 году на острове Ява были найдены остатки скелета, несколько отличающиеся от скелета неандертальского, но тоже приближающегося и к обезьяне и к человеку: животное, которому принадлежал этот скелет, так и было названо «обезьяно-человеком». В 1901 — 1902 гг. в Кроации (на юго-востоке Западной Европы) опять были найдены несколько черепов, подобных неандертальскому. И, наконец, в 1907 году близ Гейдельберга (в Германии) была открыта челюсть, близкая к челюсти гориллы, но с зубами такого же строения, как у человека. Мы указали лишь результаты главнейших раскопок. Но и этих данных было вполне достаточно для того, чтобы восстановить в основных чертах вид обезьяноподобного предка человека.

В связи с этими раскопками и учением Дарвина о происхождении человека между учеными разгорелись ожесточенные споры. Те из ученых, которые старались во что бы то ни стало

так «развивать науку», чтобы она не оказалась в противоречии с библейским сказанием о сотворении человека, старательно занялись подыскиванием возражений против теории Дарвина. Так, например, они указывали на то, что человек является двуруким животным, а обезьяна четвероруким, что у обезьяны отсутствует особое утолщение в задних долях полушарий большого мозга, указывали на незначительное количество извилин в мозгу обезьяны, на незначительность веса ее мозга по сравнению с мозгом человека и т. д. Однако, все эти возражения были легко разбиты теми учеными, для которых истина была дороже всего. Так, ими было указано на то, что не только у обезьян, но и у человека нога может служить хватательным органом: это свойство встречается у японцев, у аннамитов, а кроме того у маленьких детей ступня обладает почти такой же гибкостью, как у обезьяны. Далее, было доказано, что у одной из разновидностей обезьяны-гиббона, у гиббона-сиаманга, имеются те же утолщения в задних долях полушарий большого мозга, что и у человека. Относительно количества извилин было доказано, что человекообразная обезьяна в этом отношении стоит гораздо ближе к человеку, нежели к другим видам обезьян. И, наконец, если средний вес человеческого мозга равен, примерно, тысяче граммов, а вес мозга обезьяны не превышает 600 граммов, то среди людей встречаются особи, мозг которых весит до 2000 граммов; таким образом оказывается, что у людей встречается большее различие в весе мозга, чем различие в весе мозга между человеком и обезьяной.

Итак, в настоящее время совершенно установлено, что человек является одним из видов животного мира и что, подобно всем другим видам, он развился в процессе борьбы за существование. Теперь перед нами возникает вопрос о том, каковы же были те причины, которые способствовали возвышению человека над остальным животным миром, способствовали установлению его господства над природой. Для решения этого вопроса ученые пользовались не только данными сравнительной анатомии и данными палеонтологии человека, но также и данными этнографии и этнологии о современных малокультурных народах, стоящих, правда, на значительно более высокой ступени развития, нежели первобытный человек, но все же сохранивших многие черты первобытной культуры. Кроме данных этнографии и этнологии большую помощь в решении этого вопроса оказали также данные биопсихологии (наука о психологии животных) и сравнительной психологии, данные психологии детского возраста и, наконец, данные языкознания.

Основные выводы, к которым пришла современная наука по этому вопросу, в общих чертах сводятся к следующему:

1) Человек, как и все другие организмы, приспосабливается к окружающей среде пассивно. Когда сосна, растущая в густом тенистом лесу, стремясь к солнцу, вытягивает свой ствол по прямой линии кверху и прижимает ветви к стволу, когда живущее в пустыне растение сокращает свой рост и дает малые листья, потому что располагает малым количеством влаги, когда тюлень, бывший

раньше сухопутным млекопитающим, приобретает свойства, необходимые для жизни в воде, когда у ловца жемчуга — водолаза — легкие настолько развиваются, что он приобретает способность находиться под водой много дольше, нежели обыкновенно способен человек, или когда крестьянин-землероб или моряк становится значительно более выносливым по отношению к ветрам, сырости, жаре, нежели горожанин, — мы имеем дело с пассивным приспособлением к окружающей среде. Среда не изменяется, но организм приспособляется к ней, изменяет свои анатомо-физиологические особенности.

2) Человек, подобно некоторым видам животных, приспособляется к среде активно. Когда муравьи строят муравейник, а пчелы улей, когда ласточка строит гнездо, а бобр плотину, когда человек защищает свое тело от жары и холода одеждой, воздвигает жилища, передвигается по воде при помощи лодки или океанского парохода, по суше — при помощи телеги или автомобиля, по воздуху — при помощи аэроплана, когда человек борется с ночной темнотой при помощи костра или электричества, — тогда мы имеем дело с активным приспособлением. Организм изменяет окружающую его среду, приспособляет ее к себе.

3) В борьбе за существование человек, как и некоторые другие высоко организованные разновидности животного мира, пользуется орудием. Когда слон отмахивается от мух веткой, когда обезьяна камнем раскалывает орех или бросает плодами во врага, когда первобытный человек употребляет в борьбе камень или дубину, — они прибавляют к своим естественным органам (хоботу, руке) находимые в готовом виде в природе орудия,

4) Если пассивное приспособление свойственно всем организмам без исключения, если активное приспособление свойственно не только человеку, но и многим животным, если употребление орудий присуще не только человеку, но и некоторым высокоорганизованным животным, то, очевидно, не здесь приходится искать причины возвышения человека над остальной природой. Однако человек обладает способностью, которой лишены все без исключения разновидности животного мира: только один человек изготавливает орудия. Вот почему современная наука называет человека «животным, делающим орудия».

5) Чем же объяснить тот факт, что именно человек стал изготавливать орудия? Само собой разумеется, что прежде всего для того, чтобы изготавливать орудия, человек должен был обладать особенно развитой, подвижной, гибкой рукой. Наши предки были лазающими животными, и уже поэтому их руки были приспособлены к выполнению несколько иных функций, чем ноги. Однако, одним только наличием развитой руки объяснить способность человека изготавливать орудия — невозможно. Некоторые виды из существующих ныне обезьян строят на деревьях гнезда, пользуясь при этом своими верхними конечностями. Рука обезьяны анатомически очень близка руке человека. Но никогда обезьянья рука не изготовила какого-либо орудия. Дело, стало быть, не только в строении руки, а еще в ее деятельности.

Решающее значение имело то, каким образом человек пользовался своей рукой,¹ а именно тот факт, что человек пользовался своей рукой трудясь, в процессе труда. Что же такое труд?

Маркс в первом томе «Капитала» дает такое определение труда: «Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью обусловливает, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы. Для того чтобы присвоить вещество природы в известной форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы, руки и ноги, голову и пальцы. Действуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в последней способности и подчиняет игру этих сил своей собственной власти. Мы не будем рассматривать здесь первых животноеобразных инстинктивных форм труда. . . Мы предполагаем труд в форме, составляющей исключительное достояние человека. Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже перед началом этого процесса имелся идеально, т. е. в представлении работника. Он не только изменяет форму того, что дано природой: в том, что дано природой, он осуществляет в то же время и свою сознательную цель, которая, как закон, определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинить свою волю». В этом определении необходимо обратить внимание на следующие моменты. Труд, как говорит Маркс, есть процесс, совершающийся между человеком и природой. Но не в этом Маркс усматривает специфические особенности процесса человеческого труда. Он различает «животноеобразные, инстинктивные формы труда» (и животное ведь воздействует на природу) и труд «в форме, составляющей исключительное достояние человека». В этом труде человек осуществляет «свою сознательную цель». Труд человека представляет собой целесообразную, планомерную деятельность. Именно момент целесообразности, планомерности и является основным признаком человеческого труда. Поясним эту мысль несколькими примерами из области биопсихологии. Наблюдая деятельность бобра при постройке плотины, мы поражаемся кажущейся разумностью его действий. Но вот одним ученым был произведен следующий опыт с бобром. Маленький бобер, сразу после рождения, был взят от своей матери и вскормлен молоком женщины. Жил он в клетке, изолированный, таким образом, от естественной среды и от себе подобных. В клетке на каменном полу были разбросаны ветки, мох, земля. И вот, когда наступил определенный период его жизни, тот период, когда бобер, находясь в естественных условиях, начинает строить плотину, он, на

каменном полу клетки, приступил к возведению совершенно ему ненужной плотины. Что бы вы сказали про лектора, который, войдя в определенный час в аудиторию и не застав в ней слушателей, несмотря на это, стал бы читать в пустом помещении лекцию только потому, что он привык в этот час читать лекцию? Его действия были бы бессмысленны. Так же бессмысленны действия и нашего бобра. Это действие инстинктивное, имеющее смысл в естественной обстановке, но совершенно потерявшее его в той искусственной обстановке, в которой оказался наш бобр. Целесообразности в его действиях не было. Другой ученый проделал следующий опыт над шмелями. Шмели строили восковую крышу над сотами. Когда они дошли до определенного места своей постройки, ученый разрушил стенку под частью крыши. Если бы действия шмелей были целесообразны, то они, прежде чем продолжать постройку крыши, должны были бы позаботиться о том, чтобы восстановить разрушенную стенку. Однако, они этого не сделали: постройка крыши продолжалась над пустым местом до тех пор, пока центр тяжести крыши не переместился и крыша не рухнула.

Итак, особенность человеческого труда в его целесообразности, планомерности. «Если животные оказывают прочное влияние на окружающую природу — говорит Энгельс, — то это происходит без всякого намерения с их стороны и является по отношению к этим самым животным чем-то случайным. Чем более, однако, люди отдаляются от животных, тем более их процесс воздействия на природу принимает характер преднамеренных, планомерных, направленных к определенным, заранее намеченным целям действий» («Роль труда в процессе очеловечения обезьяны»).

Когда мы говорим о целесообразности человеческого труда, то мы здесь в слово целесообразность вкладываем несколько иной смысл, чем тот, в котором мы его употребляли выше (в главе V). Когда там мы говорили о целесообразности приспособления организма к среде как о проявлении причинной необходимости, мы имели в виду целесообразность, так сказать, внутреннюю, целесообразность, присущую (как и причинная необходимость) самому явлению. Здесь же, говоря о целесообразных действиях человека, мы слово целесообразный употребляем в ином смысле — в смысле целеполагания, преднамеренности действия. Внутренняя целесообразность свойственна и «инстинктивным, животнотипным» формам труда, тогда как целесообразность в смысле целеполагания, преднамеренности может быть свойственна только человеческим формам труда. Поясним сказанное. Действовать целесообразно — это значит действовать, ставя перед собой какую-то цель, иными словами, это значит предвидеть желаемые и необходимые результаты своих действий. Но для того, чтобы по одному явлению предвидеть другое явление, нужно знать необходимое соотношение между этими явлениями, нужно сознавать причинно-следственную связь между ними, а это предполагает уже довольно высокую степень развития мозга. Что такое сознание? На этот вопрос мы находим ответ у Маркса в «Немецкой идеоло-

гии» (Архив, том I). «Мое отношение к моей среде есть мое сознание». А у Ленина мы читаем: «Перед человеком сеть явлений природы, инстинктивный человек, дикарь не выделяет себя из природы. Сознательный (курсив наш Б. Ф.) человек выделяет: категории суть ступеньки выделения, т. е. познания мира, условные пункты в сети, помогающие познавать ее и овладевать ею» (Конспект книги «Наука логики» Гегеля). «Мое отношение к моей среде» — означает не что иное, как способность к избирательной деятельности, к выбору поведения и в то же время означает выделение себя как особи, как индивидуума из окружающей среды. Второй момент подчеркивается и в формулировке Ленина, который, кроме того, отмечает связь сознания со способностью к абстрактному мышлению, ибо категории, о которых говорит здесь Ленин, суть абстракции. Подходя к проблеме сознания с точки зрения диалектического материализма, мы в сознании видим, таким образом, ступень реального развития психического (см. о возникновении психики в главе IV). Признаком этой ступени психического является способность выбора поведения, иными словами, способность организма к целеполагающему регулированию своих взаимоотношений со средой, что в свою очередь предполагает способность к выделению себя из среды, способность противопоставления себя, как особи, как некоего единства среде. Целеполагающее регулирование своих взаимоотношений со средой предполагает способность предвидения; предвидение же невозможно без способности к причинно-следственному мышлению, т. е. к мышлению понятиями, абстрактному мышлению. Итак, сознание невозможно без абстрактного мышления. Каковы же те объективные условия, при которых возникает сознание? На какой ступени развития психики возникает это новое качество психического? Объективные условия, при которых возникает это новое качество психического, это — специфические условия взаимоотношения человека с окружающей средой. Ступень развития психического, на которой появляется сознание, свойственна только наиболее развитому организму — человеку. «Мышление и сознание... являются продуктами человеческого мозга», писал Энгельс («Анти-Дюринг»), а у Маркса мы читаем: «Там, где существует какое-нибудь отношение, оно существует для меня: животное не относится ни к чему, для животного его отношение к другим не существует как отношение. Таким образом, сознание есть изначально исторический продукт и остается им, пока вообще существуют люди» («Немецкая идеология»).

Как выше было сказано, появление сознания предполагает довольно высокую ступень развития мозга. Что же способствовало развитию человеческого мозга? Энгельс так отвечает на этот вопрос: «Наши предки — обезьяны... были общественными животными; вполне очевидно, что нельзя выводить происхождение человека, этого наиболее общественного из всех животных, от необщественных ближайших предков. Начинаясь, вместе с развитием руки и труда, господство над природой расширяло с каждым новым шагом кругозор человека. В предметах природы

он постоянно открывал новые, до того неизвестные свойства. С другой стороны, развитие труда по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности и стала ясней польза этой совместной деятельности для каждого отдельного члена. Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них явилась потребность что-то сказать друг другу. Потребность создала себе орган: неразвитая глотка обезьяны преобразовывалась медленно, но неуклонно, путем постепенно усиливаемых модуляций, и органы рта постепенно научились произносить один членораздельный звук за другим» («Роль труда в процессе очеловечения обезьяны»). И дальше — «Сначала труд, а затем и рядом с ним членораздельная речь явились самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны мог постепенно превратиться в человеческий мозг, который, при всем сходстве в основной структуре, превосходит первый величиной и совершенством. С развитием же мозга шло параллельно развитие его ближайших орудий — органов чувств... Обратное влияние развития мозга и подчиненных ему чувств, все более и более проясняющегося сознания, способности к абстракции и к умозаключению на труд и язык давало обоим все новый толчок к дальнейшему развитию. Этот процесс развития не приостановился с момента окончательного отделения человека от обезьяны, но у различных народов и в различные времена, различно по степени и направлению, местами даже перерываемый попятным движением, в общем и целом могуче шествовал вперед, сильно подгоняемый с одной стороны, а с другой — толкаемый в более определенном направлении новым элементом, возникшим с появлением готового человека, — обществом.

Сотни тысяч лет — в истории земли имеющие не большее значение, чем секунда в жизни человека — наверное протекли прежде, чем возникло человеческое общество из стада карабкающихся по деревьям обезьян. Но все же оно, наконец, появилось. И в чем же мы снова находим характерный признак человеческого общества, отличающий его от стада обезьян? В труде. (Там же.)

Приведенная только что блестящая формулировка Энгельса, данная им в 1876 году, в наше время подтверждается научными данными о происхождении языка и мышления, — данными, с несомненностью устанавливающими социальную обусловленность речи (социогенез) и связь происхождения логического мышления с речью. Остановимся на некоторых из этих данных.

Социогенез речи прежде всего подтверждается данными палеонтологии языка, положенными в основу единственного учения о возникновении и развитии языка, стоящего на уровне современных методологических требований. Мы имеем в виду созданную Н. Я. Марром яфетическую теорию, трактующую язык как процесс диалектически развивающийся и обусловленный развитием хозяйственной жизни общества. Сам Н. Я. Марр называет свою теорию «общественно-материалистической постановкой науки о языке». Язык, с точки зрения яфетической теории, это не

естественное, а социальное явление. Происхождение языка, согласно этой теории, связано с социально-трудовой деятельностью человека, причем самую раннюю форму речи эта теория видит в «линейном» или «кинетическом» языке, т. е. в языке жестикуляторном и мимическом; звуковой же язык возник позднее на основе перехода человека от употребления естественных орудий к употреблению искусственных, т. е. изготавливаемых человеком; он возник из коллективной трудовой песни. (В учении о происхождении языка яфетическая теория в известной мере сближается с теорией Нуаре; однако, положения, выдвинутые Н. Я. Марром, были выдвинуты и развиты им независимо от Нуаре и на основе новейшего и гораздо более богатого материала.)

Развитие такого примитивного языка должно было отразить в себе весь круг основных интересов первобытного человека. О характере первобытного языка мы можем судить на основании тех данных, которые получаем из языков современных нам народов, стоящих на низком уровне культуры. Эти данные с несомненностью свидетельствуют, что как в своем происхождении, так и в своем развитии речь всегда социально детерминирована (зависит от условий социальной среды). Так, например, при всей бедности примитивных языков мы встречаем в этих языках по несколько слов, обозначающих во всей конкретности как раз те явления окружающей среды, которые тесно связаны с характером трудовой деятельности данного племени. Так, у негритянских племен Австралии, живущих скотоводством, существует около десятка слов, обозначающих различные оттенки бурого цвета, что необходимо для различения животных в стадах. У индейских племен Северной Америки живущих рыболовством и проводящих много времени на море, существует много слов, обозначающих ветры различных направлений. У эскимосов мы встречаем разные слова для обозначения — «снег на земле», «падающий снег», «снежный сугроб», «снежная вьюга». Таких примеров можно было бы привести очень много.

Социальная детерминированность речи ясно проявляется также и в языке ребенка. После года доречевого периода (период «гуления» и «лепета») начинается развитие речи ребенка, появляется ассоциативная связь между звуком и предметом. Годовалый ребенок имеет уже около 8-ми слов, двухгодовалый — около 30-ти, трехлетний — около 300 и т. д. И вот уже в образовании слов из элементов «лепета» сказывается огромное значение социальной среды. «Роль социальной среды в данный момент, говорит М. Я. Басов, по этому поводу, ясно видна из того, что из одного и того же детского лепета она образует слова разного значения. Русский, английский, турецкий и грузинский ребенок в период лепета одинаково производят такие сочетания, как па-па-па, ма-ма-ма, ба-ба-ба, де-де-де. Однако, с возникновением собственной речи у русского ребенка звуковой комплекс «ма-ма» получит значение «матери», комплекс «ба-ба» значение «бабушки», комплекс «де-де» значение «дедушки», тогда как грузинское дитя с комплексом «ма-ма» должно будет соединять значение «отец», а с

комплексом «де-де» — «мать»; у английского ребенка комплекс «бэби» означает его самого. Наконец турецкий ребенок узнает, что «ба-ба» это значит отец. Таким образом, даже такие простые слова, как будто непосредственно связанные с лепетом ребенка и из него возникающие, в действительности создаются при посредстве социальной среды и от нее унаследуются» («Общие основы педологии»).

Кроме приведенных нами примеров из речи дикаря и из речи ребенка, в социальной детерминированности речи нас легко убеждают самые поверхностные наблюдения над развитием языка взрослых. Уже годы войны, глубоко встряхнувшие бытовой уклад европейских народов, внесли много нового, специфически связанного с войной, в нашу обиходную речь. А теперь, после революции, коренным образом изменившей социально-экономические условия, в которых мы живем, день за днем буквально на наших глазах перестраивается также и наш обиходный язык.

Из сказанного выше о значении социальной среды для происхождения и развития речи вовсе не следует, что можно игнорировать биологическую основу речи. Само собой разумеется, что и речь, как всякое действие, нуждается в определенном нервно-мускульном аппарате. Но сущность речи все же определяется не этим нервно-мускульным аппаратом, а именно социальной средой. В самом деле, кричит новорожденный ребенок; крик взрослого может породить внезапная боль, испуг, но и в том и в другом случае крик ничего общего с речью не имеет. Между этим криком и речью имеется огромная разница. Эта разница заключается в том, что в речи каждое образованное из определенного сочетания звуков слово имеет известный «смысл», является условным значком, имеющим определенное значение. «Под словом, — говорит И. М. Сеченов, — следует разуметь известное сочетание звуков, которые произведены в гортани и полости рта при посредстве... мышечных движений». («Рефлексы головного мозга».) Это определение Сеченова правильно только до тех пор, пока мы имеем в виду слово, как звуковую или голосовую реакцию, но это определение совершенно недостаточно, когда мы говорим о слове, как об элементе речи. Крик понятен всякому; слово же, как часть речи в его условном, символическом значении, понятно только тем, кто, будучи членом данного коллектива, знаком с языком этого коллектива. Таким образом, нужно различать голосовую реакцию от речевой реакции. Сущность речевой реакции как раз заключается в том, что эта реакция имеет символический характер. Если ребенок кричит от холода, то мы имеем дело с голосовой реакцией. Но когда взрослый говорит «мне холодно», то звуки, произносимые им, имеют свое условное символическое значение для окружающих. Сущность речевой реакции не в тех звуках, из которых она состоит, а в том значении, которое эти звуки имеют для окружающих. А это значение определяется именно социальной средой.

Точно так же подтверждается приведенная выше формула Энгельса современными научными данными о происхождении и развитии мышления. Этими данными установлено, что путь развития

мышления лежит от мышления предметного, образного, конкретного к мышлению логическому, абстрактному, и что развитие логического мышления теснейшим образом связано именно с развитием речи.

Вокруг вопроса о взаимоотношении между речью и мышлением до наших дней продолжается борьба. Одни утверждают, что речь и мышление — два совершенно различных процесса, могущих протекать один независимо от другого. Другие, напротив, считают, что речь и мышление теснейшим образом связаны между собой, причем и среди представителей этой точки зрения нет единогласия: есть психологи, считающие, что мышление невозможно без речи, но что речь возможна без мышления и что потому речь возникла раньше мышления; другие считают, что, напротив, речь невозможна без мышления, но что мышление возможно без речи и возникло раньше ее; третьи утверждают, что речь и мышление настолько связаны между собой, что и возникли одновременно. Однако, при всей своей сложности вопрос о сущности речи, сущности мышления, а также вопрос о взаимоотношении между речью и мышлением уже в настоящее время в основном является задачей если не разрешенной, то во всяком случае близкой к разрешению. Путь к разрешению этой задачи лежит через правильное применение к ней методологии диалектического материализма, и все указанные разногласия объясняются совершенно неправильной, недиалектической постановкой вопроса. Нельзя говорить о мышлении вообще или о речи вообще: и речь и мышление развиваются; в речи, как мы видели, следует различать формы — линейную и звуковую, а в мышлении, как мы увидим сейчас, надлежит различать мышление предметное или образное, или конкретное, с одной стороны, и мышление понятиями, или логическое мышление, или абстрактное — с другой стороны. При таком различении отпадает указанная дискуссионность вопроса. Данные современной науки с несомненностью устанавливают, что путь развития мышления лежит от мышления предметного, конкретного к мышлению логическому, абстрактному и что, если предметное мышление возможно вне всякой связи с речью, то мышление логическое, абстрактное возникает на основе линейной речи и развивается на основе речи звуковой, стимулируя в свою очередь развитие последней. Отсюда, когда мы говорим о социогенезе мышления, то мы имеем в виду мышление абстрактное. Данные современной этнологии подтверждают вышеприведенные положения. На основе зародышевых форм речи у дикаря возникают только зародышевые формы мышления. Способность к абстрактному мышлению (тесно связанному в своем развитии с развитием речи) здесь еще чрезвычайно понижена. У примитивных народов, например, почти отсутствует способность к счислению. Для них недоступно понятие качества вне связи с тем предметом, которому это качество принадлежит. Например, один из исследователей северо-американских индейцев рассказывает, что «когда они возвращаются с охоты на диких лошадей, никто не спрашивает их, сколько животных они пригнали, но спрашивает только,

сколько места займет табуны пригнанных ими лошадей». «Индеец не станет говорить о доброте как таковой, хотя он, конечно, может говорить о доброте какого-либо лица» (см. *Погодин*, «На грани животного и человека» и *Боас* «Ум первобытного человека»). Но зато способность к конкретному предметному мышлению у дикарей развита до чрезвычайности.

То же мы находим и в мышлении ребенка. И здесь мы встречаемся с рядом фактов, с несомненностью подтверждающих указанный выше путь развития мышления от конкретного к абстрактному, от предметного к логическому, тесную связь между самым фактом появления и развития логического мышления и фактом появления и развития членораздельной речи, а, следовательно, и социальную детерминированность самой способности логического мышления. Немецкий психолог Штерн, например, поставил такого рода опыты над детьми. Он предлагал детям различного возраста рассматривать одну и ту же картину и после этого рассказывать, что на ней изображено. На основании этих опытов он установил следующие три стадии детского понимания окружающего мира. Первая стадия—стадия предметности: ребенок ограничивается перечислением отдельных предметов, изображенных на картинке. Вторая стадия — стадия действия. Примеры такого описания: «вот кошка, она ложится на землю; вот дерево, оно качается; вот человек, он катается; ах, лошади! делают прыг-прыг!» Здесь мы имеем дело с оживлением картины. Это уже не простое перечисление предметов, изображенных на картине, как в первой стадии, но здесь еще отсутствует установление связи, соотношения между предметами. Третья стадия как раз является стадией, в которой эти соотношения устанавливаются. Это — «стадия отношений». Здесь ребенком устанавливаются пространственные, временные, а позже причинные отношения между предметами. Границы этих стадий приходятся на возрасты до 3—7 лет (первая стадия), до 7—10 лет (вторая стадия) и до 12—14 лет (третья стадия) в зависимости от развития речи и культурного опыта ребенка.

Констатируя развитие мышления ребенка от конкретного к абстрактному по возрастам, необходимо отметить, что возраст здесь не является только биологической категорией. Возрастные границы изменяются в зависимости от культурного опыта ребенка — момента социального порядка — и от развития речи — момента, в свою очередь, социально обусловленного. Это положение с наименьшей определенностью можно констатировать на материале исследования развития мышления у детей-примитивов и у детей умственно-отсталых. Мальчика-примитива 6 лет спрашивают, в чем различие между деревом и бревном. Ответ получается такой: «Дерева не видел. Ей богу, не видел... Деревя не знаю, ей богу, не видал». После указания на липу, растущую перед окном: — «А это что?» получается ответ: «Это — липа». Ребенок знает липу, сосну, березу, но для него не существует абстракции — «дерево». Другой пример. Девочке-примитиву задается вопрос: «В одной школе некоторые дети хорошо пишут, а некоторые хорошо ри-

суют; все ли дети в этой школе хорошо пишут и рисуют». Ответ был дан такой: «Откуда я знаю. Что я не видела своими глазами, то не могу объяснить». Приведенному в примере мальчику недоступно образование абстракции. Девочка же лишена способности к логическому рассуждению. Она оказалась не в состоянии сделать вывод, ей нужно было видеть (Выготский. «Педология школьного возраста»). Теперь несколько слов об умственно-отсталых детях. Различают три типа умственно-отсталых детей: дебилик, имбецил и идиот. Психолог Бинэ считает правильным выдвинуть в качестве критерия для установления этих трех степеней умственной отсталости признак развития речи. Идиот — это ребенок, вовсе не владеющий речью, имбецил — владеет устной речью, а дебилик, кроме того, письменной речью и счетом.

Итак, неразрывная связь между развитием мышления и развитием речи, социальная детерминированность не только содержания мышления, но и самой способности абстрактного, логического мышления доказывалась, таким образом, как данными этнологии, так и данными психологии детского возраста. В течение последних двух десятилетий и, в особенности, в самые последние годы ведется огромная работа над изучением мышления животных. Рядом ученых ставятся ценные эксперименты над умом обезьян, собак, кошек и т. д. Эти эксперименты, будучи правильно поставленными и правильно истолкованными, уже в настоящее время дают богатейший материал для подтверждения качественных особенностей психики человека, как психики социально-детерминированной, и для решительного размежевания диалектико-материалистического подхода к этой проблеме от всяких попыток стереть грань между человеком и животным, от всяких попыток антропоморфического истолкования поведения животных.

В заключение необходимо отметить, что если в процессе зарождения способности человека к абстрактному мышлению последнее является производным по отношению к речи, то в дальнейшем, в самом процессе развития абстрактного мышления, мышление и речь развиваются параллельно, оказывая влияние друг на друга. С другой стороны, необходимо еще раз подчеркнуть, что, говоря о взаимоотношении между мышлением и речью, мы имеем в виду только абстрактное мышление.

Развитие человеческого сознания, развитие способности человека к абстрактному мышлению (без которого невозможна целенаправленная, преднамеренная деятельность человека) обусловлено развитием речи. Самая же возможность появления речи была обусловлена наличием общества, а появление человеческого общества (не стаи обезьян) в свою очередь обусловлено было развитием труда (человеческое общество — сотрудничество). Таким образом, в конечном итоге мы пришли к труду как основе развития человеческой культуры. Вначале это — «инстинктивная, животнoобразная форма труда» (Маркс), дающая толчок развитию общества, развитию линейной речи и далее — развитию мозга. Но затем «обратное влияние — развитие мозга и подчиненных ему чувств, все более и более проясняющегося сознания, способ-

ности к абстракции, к умозаключению на труд и язык» (Энгельс) привело к возникновению новой более высокой формы труда, формы, «составляющей исключительное достояние человека» (Маркс), той формы труда, которая «начинается только при изготовлении орудий» (Энгельс). Поэтому человека называют животным, «изготавливающим орудия». Человеческая форма труда представляет собой, как мы знаем, целесообразную, преднамеренную деятельность. Если пользование орудием свойственно и другим животным, то преднамеренное изготовление его, предполагающее способность предвидеть, целесообразно действовать, свойственно только человеку. Появление человеческой формы труда и появление способности человека изготавливать орудия невозможны одна без другой. Значение изготовления орудия для развития человека подчеркивается во всех классических марксистских работах. Для примера укажем на следующие формулировки Энгельса и Плеханова. «Когда после тысячелетних попыток произошла, наконец, дифференциация руки от ноги и установилась прямая походка, то человек обособился от обезьяны, и была заложена основа для развития членораздельной речи и для мощного развития мозга, благодаря которому образовалась с тех пор непроходимая пропасть между человеком и обезьяной. Развитие специфических функций руки означает появление орудия, а орудие означает специфически человеческую деятельность, преобразующее воздействие человека на природу, производство» (Энгельс. «Старое введение в «Диалектику природы»). «Наши человекоподобные предки, как и все другие животные, находились в полном подчинении природе. Все их развитие было тем совершенно бессознательным развитием, которое обуславливалось приспособлением к окружающей их среде путем естественного подбора в борьбе за существование. Это было темное царство физической необходимости. Тогда не загоралась даже заря сознания, а следовательно и свободы. Но физическая необходимость привела человека на такую ступень развития, на которой он стал мало-по-малу выделяться из остального животного мира. Он стал животным, делающим орудия. Орудие есть орган, с помощью которого человек воздействует на природу для достижения своих целей. Это орган, подчиняющий необходимость человеческому сознанию, хотя на первых порах лишь в очень слабой степени, если можно так выразиться, лишь клочками, урывками» (Плеханов. «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»).

Мы нашли, таким образом, ответ на вопрос, что лежит в основе всей человеческой культуры. Этот ответ гласит — труд. «Труд — первое основное условие человеческого существования, и это в такой мере, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека» (Энгельс). Однако, из всего сказанного ясно, что к этому необходимо еще добавить: человека создал общественный труд. В небольшой работе Маркса «Критика Готской программы» мы встречаем следующие строки: «Труд становится источником богатства и культуры лишь в качестве общественного труда или, что то же самое, труда, совершающегося в обществе»

и посредством общества. Это положение неоспоримо, так как, если индивидуальный труд (предположив наличность его материальных условий) и может производить потребительные ценности, но ни в каком случае не может произвести ни богатства, ни культуры». Значение общества для развития человека Марксом особенно подчеркивается в его «Подготовительных работах для «Святого семейства». «Чувства общественного человека, говорит Маркс, иные, чем у необщественного: только благодаря (предметно) объективно развернутому богатству человеческой сущности получается богатство субъективной человеческой чувственности, получается музыкальное ухо, глаз, умеющий понимать красоту форм, — словом, отчасти впервые порождаются, отчасти развиваются человеческие, способные наслаждаться чувства, чувства, которые утверждаются как человеческие существенные силы. Не только обычные пять чувств, но и так называемые духовные чувства, практические чувства (воля, любовь и т. д.), одним словом, человеческое чувство, человечность органов чувств, возникает только благодаря бытию их предмета, благодаря очеловеченной природе. Образование пяти чувств это — продукт всей всемирной истории».

Только полнейшим непониманием значения общественной среды для возникновения и развития человеческой психики можно объяснить попытки физиологического истолкования ее проявлений, встречающиеся у Павлова и у некоторых его единомышленников. К чему приводят подобного рода попытки, свидетельствуют, например, работы Павлова «Рефлекс цели» и «Рефлекс свободы», где Павлов утверждает, что вся жизнь, вся культура «делается рефлексом цели», где трагедию самоубийцы он сводит к торможению рефлекса цели, где настойчивость англо-сакса объясняется тем, что англо-сакс является «воплощением» рефлекса цели, а предательство товарищей в охранке — «рефлексом рабства, унаследованной от матери-приживалки». Еще ярче проявляется эта тенденция к упрощению явлений психики человека и их сведению к физиологическим процессам у Леба. «Высшее развитие этики, говорит Леб, именно то явление, что люди могут быть готовы пожертвовать своей жизнью за идею, непонятно ни с утилитаристической точки зрения, ни с точки зрения категорического императива. И здесь, может быть, дело происходит так, что под влиянием известных идей происходят химические изменения, например, внутренние секреты в теле, повышающие в чрезвычайной степени чувствительность к известным раздражениям, так что подобные люди становятся в такой степени рабами известных раздражений, как раки становятся рабами света. Мысль, что то, что философ называет «идеей», есть процесс, который может вызвать химические действия в теле, в настоящее время вовсе не представляется уже столь странной с тех пор, как Павлову и его ученикам удалось вызвать при помощи оптических и акустических знаков выделение слюны у собак». («Значение тропизмов для психологии»).

Подведем итоги. Основу зарождения общества и культуры в

целом мы нашли, таким образом, в материальном процессе борьбы человека с природой, в материальном процессе труда. Через материальный процесс труда устанавливается связь между человеческим обществом, человеческой культурой и природой, связь между «общественным человеком» и «естественным человеком». Материальный процесс труда является исходным моментом в развитии «человека общественного» из полуобезьяны-получеловека («естественного»), в развитии общества, в развитии культуры. Таковы результаты, к которым мы пришли, приложив метод диалектического материализма к анализу процесса зарождения культуры.

§ 2. РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА И КУЛЬТУРЫ.

Переходим ко второму вопросу: о связи между различными общественными явлениями в процессе их развития и о движущих силах этого развития — к учению о развитии общества и культуры. В учении о развитии общества и культуры мы в свою очередь сталкиваемся со следующими тремя задачами. Нам нужно выяснить: 1) связь между различными элементами общественной жизни, между отдельными сторонами культуры, что приводит нас к так называемой теории базиса и надстроек; 2) сущность и пути разрешения тех противоречий, борьбой которых обуславливается ход общественно-исторического процесса, что приводит нас к теории революции вообще и к учению о пролетарской революции и исторической роли пролетариата в частности, и, наконец, 3) связь между действием в процессе общественного развития «исторической необходимости» и действием так называемого творческого начала — что приводит к учению о роли личности в историческом процессе и о ее воздействии на ход исторического процесса. Эта группа вопросов — значительно для нас проще, нежели учение о происхождении общества и культуры. Там мы имели дело с рядом новых для нас вопросов. Здесь же нет ни одного вопроса, с которым бы мы уже не встречались, к которому мы не были бы уже подготовлены. В самом деле, возьмем вопрос о связи между различными элементами общественной жизни, между отдельными сторонами культуры — учение о базисе и надстройках. Все то, что мы узнали из глав о производительных силах и производственных отношениях, о государстве, об идеологиях, в сущности не представляет собой учение о базисе и надстройках. Далее — вопрос о сущности тех противоречий, борьбой которых обуславливается ход общественно-исторического процесса, и о путях к разрешению этих противоречий — учение о революции. Разве мы не встречались с этим в главах о классовой борьбе и о диктатуре пролетариата. И, наконец, разве не подготовлены мы к выяснению вопроса об исторической необходимости и о роли личности в историческом процессе всем тем, что мы узнали о закономерности в природе и обществе. Вот почему теперь нам предстоит лишь связать теорию общественного развития с только-что изложенной «трудовой теорией» происхождения культуры, скрепить воедино все известное уже нам о сущности и развитии общественных явлений, но пока

еще разрозненное, и на таком уже слитном построении теории развития общества и культуры опять-таки проверить известным нам принципы диалектического материализма.

А. УЧЕНИЕ О БАЗИСЕ И НАДСТРОЙКАХ.

Все высказанное о зародышевых, первичных явлениях культуры остается справедливым и по отношению к развитым формам культуры. Ранее мы пришли к выводу, что именно труд и притом общественный труд является основой происхождения культуры. Посмотрим, какие дальнейшие следствия из этого проистекают. Маркс различает следующие элементы процесса труда: «1) целесообразную деятельность, или самый труд, 2) предмет, на который действует труд, и 3) орудия, которыми он действует» («Капитал», т. I, гл. 5). Поясним. Чтобы производить продукты, люди должны прилагать свою рабочую силу к взятому из природы материалу и воздействовать на этот материал при помощи орудий труда. Сырой материал и орудия труда являются, таким образом, средствами, при помощи которых производится продукт, — средствами производства. Но средства производства сами по себе, без приложения к ним рабочей силы людей, не могут, разумеется, произвести продукт. Поэтому силами, производящими продукт, производительными силами, являются и средства производства и рабочая сила людей, взятые вместе. Так от понятия труда и его элементов мы пришли к знакомому уже нам понятию производительных сил. А так как мы знаем, что труд есть основа происхождения культуры, то отсюда естественный вывод — что развитие производительных сил является основой развития культуры. Далее. Мы знаем, что из производительных сил особенное значение имеют орудия труда, т. е. техника, так как в зависимости от состояния техники находится как самая возможность переработки того или иного сырья, так и положение рабочей силы в производстве. Поэтому Маркс и придавал такое огромное значение изучению истории технологии. «Технология, — писал он в тринадцатой главе первого тома «Капитала», — вскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а следовательно и общественных отношений его жизни и проистекающих из них духовных представлений». Там же в главе пятой мы читаем: «Такую же важность, как строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций. Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда. Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд». Итак, по уровню развития техники мы можем судить об общественных отношениях, при которых совершается труд, что означает: от степени развития производительных сил зависит характер общественных отношений производителей друг к другу. И здесь мы столкни-

ваемся со знакомым нам уже понятием о производственных отношениях. Нас интересует вопрос о том, какое место занимают производственные отношения в общей системе общественных явлений. Напомним предварительно основное из учения о производственных отношениях.

Мы знаем, что производственные отношения — это отношения, в которые люди вступают в процессе производства, что, развиваясь, производственные отношения пришли к классовым производственным отношениям, связанным с распределением между группами людей средств производства и что классовые производственные отношения характерны для всех общественных формаций за исключением первобытного коммунизма и развитого коммунизма. Производственные отношения не могут быть оторваны от производительных сил. Производственные отношения — это форма развития производительных сил; производительные силы существуют, как общественные производительные силы. Воздействие человека на природу осуществляется как общественное воздействие. «Только внутри и через посредство этих общественных связей и отношений возникают те воздействия людей на природу, которые необходимы для производства». (Маркс «Наемный труд и капитал»). Мы знаем, что эти «воздействия людей» на природу, которые необходимы для производства, и есть процесс труда. Итак, и производительные силы, и производственные отношения приводят нас все к тому же понятию — понятию труда. А так как мы знаем, что труд есть основа происхождения культуры, то отсюда естественный вывод, что развитие производственных отношений является основой развития культуры: определяясь в своем развитии состоянием производительных сил и прежде всего техникой, производственные отношения в свою очередь являются определяющим моментом в развитии общества и культуры в целом. «Совокупность этих производственных отношений образует экономическую структуру общества, реальное основание, на котором возвышается правовая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает собой процесс жизни социальной, политической и духовной вообще. Не сознание людей определяет их бытие, но, напротив, общественное бытие определяет их сознание». Так характеризует Маркс место и значение производственных отношений в системе общественных явлений в знаменитом предисловии к своей книге «К критике политической экономии». Эти несколько строк вместе с тем являются краткой формулировкой интересующей нас теории базиса и надстроек. Основой, базисом общественного развития, развития культуры, являются производительные силы и производственные отношения.

Когда мы наблюдаем окружающую нас общественную жизнь, то, быть может, вполне сознавая первостепенную важность для нас всего того в общественной жизни, что связано с производством необходимых для существования материальных благ, мы в то же время не можем не видеть, что, кроме производительных сил и

производственных отношений между людьми, существует в ней еще много такого, что не является ни производительными силами, ни производственными отношениями. Каждый из нас знает, что существует кроме того государство с его чиновниками, с его армией, с его школами, с его судами и тюрьмами, что существуют правовые и нравственные нормы — иначе говоря, правила поведения, что существуют учреждения, занимающиеся научными исследованиями, существуют библиотеки, музеи, театры, храмы — словом, существуют: политическая организация общества, наука, философия, искусство, религия. Можем ли мы объяснить сущность общественной жизни, отыскать законы общественного развития, если станем игнорировать (не примем во внимание) существование всех только-что перечисленных сторон общественной жизни? Конечно, нет. Само собой разумеется, мы не отрицаем существования всего великого многообразия общественной жизни. И если мы производительные силы и производственные отношения считаем основой общественной жизни, то это означает лишь то, что в производительных силах и производственных отношениях мы видим явления, в конечном итоге определяющие ход общественного развития, а в государстве, праве, науке и т. д. явления определяемые. Поэтому мы и называем эту группу общественных явлений «надстройками». В своей работе «Основные вопросы марксизма» Плеханов дает следующую схему соотношения между «базисом» и «надстройками»: «1) состояние производительных сил, 2) обусловленные им экономические отношения, 3) социально-политический строй, выросший на данной экономической «основе», 4) определяемая частью непосредственно экономикой, а частью всем выросшим на ней социально-политическим строем, психика общественного человека, 5) различные идеологии, отражающие в себе свойства этой психики».

В связи с вопросом о базисе и надстройках необходимо отметить еще следующее. В процессе общественного развития и государство, и право, и наука, и искусство перестают быть только пассивными общественными явлениями, они становятся активными, влияя в свою очередь не только друг на друга, но даже и на развитие производительных сил и производственных отношений. Происходит то, что мы называем обратным влиянием надстроек на базис. Из этого, конечно, не следует, что эти влияния равнозначны с точки зрения источников влияния и с точки зрения результатов его. Самая возможность для надстроек влиять на базис истекает из тех сил развития, которые надстройки получают от базиса. А результаты этого влияния надстроек только тогда длительны и значимы, когда не противоречат тенденциям (направлению) развития базиса. В противном случае обратное влияние может выявиться в торможении, в замедлении процесса экономического развития, но никогда в изменении его направления. Поэтому мы и говорим здесь не о взаимодействии между базисом и надстройками, а об обратном влиянии надстроек на базис, подчеркивая таким образом, что прямым, основным влиянием будет влияние базиса на надстройки. Однако, это обратное влияние мы при-

знаем и не можем не признавать, ибо оно есть наблюдаемый нами факт.

Не останавливаясь более на вопросе о прямом влиянии базиса на надстройки, так как обусловленность политических форм, правовых норм, религии, философии, науки и искусства состоянием материальных, производительных сил и формами производственных отношений нам уже достаточно известна из специальных глав, посвященных государству и идеологиям, мы задержимся на нескольких примерах, поясняющих вопрос об обратном влиянии надстроек на базис, так как только при надлежащем понимании этого вопроса может быть предупреждено то извращение теории базиса и надстроек, о котором писал Энгельс в письме к Иосифу Блоху от 21 сентября 1890 г.: «Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом в конечном счете является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего не утверждали. Если кто-нибудь это положение извратит в том смысле, что будто экономический момент является единственным определяющим моментом, тогда утверждение это превращается в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение — это основа, но на ход исторической борьбы оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно форму ее различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты, — конституции, установленные победившим классом после одержанной победы, и т. д.; правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников — политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм».

Мы знаем, что государство есть надстройка, что формы государства зависят от форм общества. Но в то же время, устанавливая таможенные пошлины и ту или иную систему налогов, национализируя железные дороги, крупные фабрики и заводы, объявляя свободу торговли или закрепляя за собой монополии на те или иные отрасли ее, государство, конечно, оказывает влияние на ход экономического развития. Если бы было иначе, то какой смысл имела бы борьба пролетариата за политическую власть? А мы знаем, что завоевание политической власти необходимо пролетариату, прежде всего, именно для *переустройства экономического основания общества*. Мы знаем, далее, что наука, религия — суть надстройки, что задачи научному мышлению в конечном итоге ставятся именно экономическими потребностями эпохи и что религиозное мышление, суеверие тем глубже, чем менее развита техника и чем сильнее экономическое порабощение в обществе. Но в то же время разве мы можем отрицать, что многие, очень многие завоевания техники обязаны своим существованием развитию науки и что, напротив, господство в массах религиозных суеверий тормозит развитие техники? И в наши дни различные усовершенствования в области сельского хозяйства или в области социальной гигиены наталкиваются на сопротивление отсталых крестьянских масс, предпочитающих молебны искусственному удоб-

рению, благословения иконой «святого Егория» — рационализации скотоводства, «святую воду», молитвы и заговоры — помощи медицины. Если было бы иначе, то каков был бы смысл антирелигиозной пропаганды? Оставалось бы только ждать, когда развитие техники, изменение экономических отношений «само по себе» уничтожит религию. С другой стороны — стремительное развитие современной теплотехники, электротехники, радиотехники или современной химической технологии многим, очень многим обязано своими успехами физике и химии. Достижения современной агрономии и медицины тесно связаны с новейшими открытиями в области биологии, физики и химии. А общественные науки? Разве переживаемая нами эпоха в целом не является лучшим доказательством огромного значения общественной науки для экономического развития? Начиная с 30 — 40-х годов прошлого столетия на историческую арену выступил со своими самостоятельными задачами рабочий класс и, начиная с 40-х годов, стала развиваться подлинная общественная наука — теория научного социализма, основоположниками которой явились К. Маркс и Ф. Энгельс. Развившись на основе промышленного капитализма и роста рабочего движения, теория научного социализма стала в свою очередь мощным фактором развития рабочего движения. И в наши дни какое огромное значение имеет ленинизм — научная теория революционного пролетариата! «Без революционной теории не может быть и революционного движения», — писал Ленин в своей знаменитой книге «Что делать?». И, наконец, если отвлечься от отдельных идеологических надстроек и остановить наше внимание на общественной психологии в целом (вспомните приведенную выше схему Плеханова и то, что вам известно о взаимоотношении между общественной психологией и общественной идеологией из главы об идеологиях), то мы опять-таки найдем подтверждение факта обратного влияния. Когда с развитием производительных сил возникают между людьми новые производственные отношения, то вместе с тем неизбежно меняется и психология людей. При этом, одни члены общества, которым эти новые отношения невыгодны, оказываются противниками «новых порядков», людьми застоя, консерваторами, другие же, напротив, приветствуют эти изменения, становятся их защитниками, людьми прогресса. Эти последние борются за скорейший переход к новым экономическим изменениям. Их психология соответствует направлению совершающихся изменений, но она опережает уже совершившиеся перемены, опережает существующие экономические отношения. Такова была психология буржуазии, когда разлагался феодализм, зарождался капитализм и когда буржуазия была заинтересована в экономическом прогрессе. Тогда ее психология была революционной психологией. Такова теперь психология пролетариата, приспособляющаяся к только нарождающимся новым производственным отношениям и опередившая существующую в большинстве стран экономическую структуру общества. Это — революционная психология, психология строителя социализма, борца с капитализмом, борца за будущее общество — коммунистическое.

Напомним в заключение, что, признавая факт обратного влияния надстроек на базис, мы нисколько не считаем влияние базиса на надстройки и надстроек на базис равноценными, ни с точки зрения источников влияния, ни с точки зрения результатов его. Если, признав *преимущественное* значение влияния идеологии на экономику, мы вступили бы на путь идеалистического понимания исторического процесса, то немногим лучше было бы наше положение, если бы мы признали *равнозначимость* взаимного влияния надстроек и базиса: тут мы вступили бы на путь дуалистического, т. е. тоже ненаучного мышления. Однако, если бы мы стали отрицать вообще самую возможность влияния надстроек на базис, то, оставаясь «хорощими материалистами», мы оказались бы весьма плохими диалектиками, так как забыли бы, что, во-первых, явления мира развиваются во взаимной связи друг с другом и что, во-вторых, нет причины и нет следствия, как двух «неизменно разделенных полюсов», двух абсолютных противоположностей, но что всякое явление, будучи причиной в соотношении с одним явлением, может оказаться следствием в соотношении с другим. А отсюда — немаловажные выводы: первый — проблема базиса и надстроек не может быть разрешена без признания связи между тем, что мы называем базисом и надстройками, с одной стороны, и тем процессом борьбы людей за существование, который присущ всему живому в природе и который определяет, в конечном итоге, как развитие базиса, так и развитие надстроек; и второй — проблема базиса и надстроек не может быть разрешена без признания взаимного характера связей между базисом и надстройками, без понимания того простого факта, что «как только исторический момент выдвинут в свет другими, в конце концов экономическими фактами, так он тоже действует и на окружающую его среду и даже на породившие его причины (разрядка наша. Б. Ф.), может оказывать обратное действие» (Письмо Энгельса к Мерингу от 14 июля 1893 года). Непонимание этого, непонимание диалектического характера связи между различными сторонами общественной жизни породило в буржуазной науке так называемую «теорию факторов», т. е. учение о многообразных факторах, определяющих ход общественной жизни. Плеханов в своей статье «О материалистическом понимании истории» указывает на следующие основные причины возникновения теории факторов: это во-первых склонность историка рассматривать отдельные общественные явления, как «скрытые силы, влиянием которых и объясняются события»; это, во-вторых, — рост разделения труда в общественной науке: различные ветви общественной науки рассматривают деятельность общественного человека с различных точек зрения, а отсюда — «мы можем... насчитать почти столько же факторов, сколько существует отдельных дисциплин в общественной науке». Отводя известное место среди этих факторов экономическому развитию, эта теория на ряду с ним ставит и различные другие факторы — политический, расовый, психологической и т. п. Понятно, что теорию исторического материализма буржуазные ученые, сторонники теории факторов, упрекают в

«односторонности». Так ли это? Конечно, не так. Как видно из всего вышесказанного, диалектически рассматривая общество, мы видим в нем единое целое, все части которого теснейшим образом связаны между собой. Диалектический взгляд на общество — это синтетический взгляд. Мы не отрицаем многообразия явлений общественной жизни, мы не отрицаем взаимодействия между ними, но мы понимаем это взаимодействие как взаимодействие, протекающее на определенной основе. «Политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т. д. развитие основано на экономическом. Но все они оказывают влияние друг на друга и на экономическую основу. Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является *единственной активной причиной*, а остальное является лишь пассивными факторами. Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, которая *в конце концов* проявится» (Энгельс, Письмо к Штаркенбургу от 25 января 1894 г.). Теория факторов сыграла известную положительную роль в истории общественной науки, заострив внимание на отдельных группах явлений. Как указывает Плеханов, это — та польза, которую приносит «всякое эмпирическое изучение, не идущее дальше видимого движения вещей». Но, полезная в свое время, теория факторов, в наши дни, при тех методологических требованиях, которые мы теперь предъявляем к общественным наукам, не выдерживает критики. Это — теория антидиалектическая, так как она расщепляет общество как единое целое и проводит метафизические грани между отдельными сторонами общественной жизни. Плеханов в своей статье «О материалистическом понимании истории» («Критика наших критиков») так характеризует анти-диалектическую сущность теории факторов. «Социально-исторический фактор есть абстракция, представление о нем возникает путем отвлечения (абстрагирования). Благодаря процессу абстрагирования различные стороны общественного целого принимают вид обособленных категорий, а различные проявления и выражения деятельности общественного человека — мораль, право, экономические формы и проч. — превращаются в нашем уме в особые силы, будто бы вызывающие и обуславливающие эту деятельность, являющиеся ее последними причинами».

Б. УЧЕНИЕ О РЕВОЛЮЦИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ РОЛИ ПРОЛЕТАРИАТА.

Итак, в основе развития культуры лежит в конечном итоге тот же процесс «производства материальной жизни», тот же процесс борьбы за существование, который лежит и в основе зарождения, происхождения культуры. Каким же образом происходит это развитие? Как совершаются изменения общественных форм, политического строя, общественной психологии, идеологии? До некоторой степени мы уже теперь можем ответить на этот вопрос: ведь мы знаем, что основной движущей силой общественно-исторического процесса является борьба классов. Но этим, однако, сущность вопроса не исчерпана. Классовой борьбой определяется

развитие общественных форм, а, следовательно, и развитие государства и развитие так называемой духовной культуры. Но каким образом совершается переход от одной общественной формы к другой, а следовательно, и смена политических форм, смена идеологий? Ответ на этот вопрос дал Маркс в известном уже нам предисловии к «Критике политической экономии». Здесь мы читаем: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества впадают в противоречие с существующими производственными отношениями, или, употребляя юридическое выражение, с имущественными отношениями, внутри которых они до сих пор действовали. Из форм развития производительных сил эти отношения становятся их оковами. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономического основания более или менее быстро преобразуется и вся громадная надстройка над ним». Мы переходим, таким образом, к учению о революции вообще, а вместе с тем к учению о пролетарской революции и исторической роли пролетариата. В общем, с этими вопросами мы знакомы из глав о теории классовой борьбы и о теории государства и диктатуры пролетариата. Теперь рассмотрим их под углом зрения теории общественного развития в целом.

Все существующее изменяется, все развивается, причем развитие это происходит путем борьбы противоположностей, каждая следующая ступень развития является отрицанием предшествующей, и решающим моментом в процессе развития являются перерывы непрерывности в нем, скачки. Такова формулировка диалектического понимания принципа развития. Все общественные явления изменяются, развиваются, причем каждая общественная форма включает уже в себе те элементы, которые отрицают ее, которые враждебны ей, из которых развивается следующая за ней общественная форма, и решающими моментами в процессе общественного развития являются революции. «Революции — локомотив истории», — говорил Маркс.

В революционных периодах Маркс видел «не отклонения от «нормального» пути, не проявления «социальной болезни», не печальные результаты крайностей и ошибок, а самые жизненные, самые важные, существенные, решающие моменты в истории человеческих обществ». (Ленин «Против бойкота».)

Такова формулировка диалектического понимания процесса общественного развития. И здесь опять-таки корень, основу этого решающего момента, момента революции следует искать в материальном базисе общества, в производительных силах и производственных отношениях. Основа социальной революции, ее скелет, это — противоречие, в которое вступают между собой производительные силы и производственные отношения, конфликт между ними. Необходимо отметить, что здесь идет речь о производственных отношениях не в широком смысле этого слова (см. выше), а о классовых производственных отношениях: именно борьба классов, составляющая, как мы знаем, основное содержание исторического процесса, обостряясь, и приводит к революционному взрыву. Развитие производительных сил наталкивается на препятствие в лице

данной системы классовых отношений, данной системы отношений классовой собственности на средства производства. Существующее соотношение между производительными силами и классовыми производственными отношениями делает при таких условиях данную общественную форму нежизнеспособной. Дальнейшее развитие производительных сил требует иных производственных отношений. И вот отжившая форма производственных отношений рушится, происходит социальная революция, по выражению *Ленина*, «самая острая, бешеная, отчаянная классовая борьба и гражданская война» («Удержат ли большевики государственную власть?»). Для господствующих классов оказывается невозможным сохранить свое господство, как бы они этого ни хотели, ибо их господство связано с замедлением или прекращением развития производительных сил; угнетенные классы переживают такую нужду, терпят настолько обострившуюся эксплуатацию, что они становятся способными к массовым революционным действиям и вступают в решительную борьбу с господствующими классами. «Лишь тогда, когда «низы» не хотят старого, и когда «верхи» не могут по-старому, лишь тогда революция может победить», говорит *Ленин* («Детская болезнь левизны в коммунизме»).

В процессе классовой борьбы угнетенный класс иной раз добивается некоторых улучшений в своем положении, добивается реформ. Но всякая реформа «есть уступка, которую делают правящие классы, чтобы задержать, ослабить или затушить революционную борьбу» (*Ленин*, «Как не следует писать резолюции»), т. е. чтобы предупредить коренную ломку общественного строя. Только революция имеет своим результатом полное переустройство общества — сверху донизу. А для того, чтобы совершить такое переустройство общества, угнетаемый класс должен захватить в свои руки тот принудительный аппарат, при помощи которого класс господствующий осуществляет и укрепляет свое господство, т. е. завоевать политическую власть. Всякая социальная революция есть в то же время и революция политическая. «Переход государственной власти из рук одного в руки другого класса есть первый, главный, основной признак революции» (*Ленин*, «Оценка момента»). Мирным путем отнять государственную власть у господствующего класса невозможно, а поэтому без восстания, опирающегося на широкие массы, невозможна победоносная революция. Однако, для того чтобы поднять восстание, чтобы поставить себе задачу завоевания политической власти, революционный класс должен осознать необходимость революции, его психология и идеология должна стать революционной психологией и идеологией. Осознав цели и средства борьбы, революционный класс завоевывает политическую власть; завоевав политическую власть, он перестраивает до конца производственные отношения, заменяет старую экономическую структуру общества новой, и, наконец, в условиях новых производственных отношений возобновляется заторможенное ранее развитие производительных сил. Так рисует *Бухарин* основные этапы революции, отмечая все ее четыре основные фазы: 1) психологическую и идеологическую, 2) политиче-

скую, 3) экономическую и 4) техническую. Здесь, в учении о фазах революции, мы вновь встречаемся с проявлением знакомого уже нам обратного влияния надстроек на базис. Революция начинается в области общественной психологии и идеологии и заканчивается в области производительных сил. Но и здесь необходимо помнить, что перелом в общественной психологии и идеологии сам по себе произойти не мог, что он явился лишь отражением назревшего до него конфликта между производительными силами и производственными отношениями и что только разрешение этого конфликта шло через идеологическую и политическую надстройку к базису — экономике и технике.

Остановимся теперь на двух основных исторических типах социальной революции — на революции буржуазной и пролетарской и, в связи с этим, выясним вопрос об исторической роли пролетариата. Буржуазная революция происходила в Западной Европе отдельными вспышками в течение XVI — XIX вв.: развитие техники резко противопоставило друг другу промышленность и земледелие, город и деревню, денежное хозяйство и натуральное; цеховая организация ремесла и феодальная организация земельного хозяйства разрушались; развивались свободное ремесло и мануфактура, а позднее и машинное производство; буржуазия вступила в борьбу с феодальным дворянством и победила его; появилась новая форма классового общества с буржуазией в качестве господствующего класса — возникло капиталистическое общество. В России буржуазно-демократической была революция 1905 года и Февральская революция 1917 года. Подобно тому как в свое время в недрах феодального общества зародились те силы, которые подготовили буржуазную революцию, так в недрах общества капиталистического развиваются основные элементы общества коммунистического и готовится революция пролетарская, социалистическая. Но этим и ограничивается сходство между буржуазной и пролетарской революциями, сходство, заключающееся в том, что та и другая приводят к коренному изменению структуры общества, почему и та и другая объединяются родовым понятием социальной революции. При ближайшем рассмотрении обеих революций мы видим, что как по своим задачам, так и по своим методам революция буржуазная и пролетарская глубоко различны. Так, прежде всего, в то время как буржуазия ставит себе задачей только заменить господство одного класса господством другого, пролетариат стремится к полному уничтожению классового общества, замене его обществом бесклассовым. Поэтому для буржуазии завоевание политической власти явилось средством не только для завоевания экономического господства, но и для дальнейшего удержания за собой этого экономического господства. Пролетариат же в завоевании политической власти видит средство для передачи средств производства не из рук одного класса в руки другого, а для передачи их в руки всего общества в целом, а тем самым, средство уничтожения чьего бы то ни было классового господства. Поэтому, далее, буржуазия свое буржуазное государство в конце концов начинает рассматривать как самоцель, про-

летариат же, как мы знаем, в своем пролетарском государстве видит лишь неизбежный в процессе социалистического строительства этап, ведущий в результате к полному упразднению какого бы то ни было государства. И, наконец, отсюда, — если буржуазия, захватив политическую власть, использовала существовавший ранее угнетательский аппарат государства, приспособив его лишь к своим целям, пролетариат, ставящий, как мы видели, своему государству совершенно особые и притом временные задачи, завоевав политическую власть, должен разрушить аппарат буржуазного государства и построить заново свой собственный государственный аппарат, рассчитанный на переходный период и приспособленный к его задачам. Как мы знаем, специфически присущую диктатуре пролетариата государственную форму пролетариат нашел в советовласти.

Пролетариат принимал участие и в буржуазных революциях, так как нарушение остатков феодализма расчищало путь и для демократии. В ряде случаев он выступал в роли руководителя революционных масс и в буржуазной революции; например, в России — в 1905 г. и в феврале 1917 г., во Франции — в 1848 г. Со своими самостоятельными задачами пролетариат выступил впервые во Франции — в 1871 г. (трагическая попытка Парижской Коммуны) и в России в победоносной социалистической революции Октября 1917 г. Каковы были предпосылки социалистической революции, мы уже знаем (см. о типах экономических структур в главе 6-й и о классах капиталистического общества в главе 7-й). Точно так же мы уже знаем, какова роль пролетариата в период пролетарской революции по отношению к другим классам, в частности по отношению к крестьянству (см. главу 8-ю). Сейчас нас интересует лишь вопрос, почему именно пролетариат оказывается классом, освобождающим общество от разрушающих его противоречий, почему именно пролетариат совершает революцию не «для себя», а в интересах всего общества в целом, в чем коренится эта его историческая «миссия»?

Приведем прежде всего блестящую характеристику тех противоречий, которые порождаются капиталистическим обществом. данную Марксом в 1856 г. в его речи на юбилее органа чартистов — «Народной газеты»: «Существует характерный для XIX столетия факт, которого не станет отрицать ни одна партия. С одной стороны, мы видим такой расцвет промышленных и научных сил, о каком даже подозревать не могла ни одна прежняя историческая эпоха. С другой же стороны, наблюдаются признаки упадка, перед которыми бледнеют пресловутые ужасы последних времен Римской империи. В наше время каждая вещь как бы чревата своей противоположностью. Мы видим, что машина, обладающая способностью сокращать и оплодотворять человеческий труд, приводит к голоду и чрезмерной работе. Освобожденные силы богатства, по странной иронии судьбы, становятся источниками лишения. Победы искусства куплены, повидимому, ценой потери характера. Человечество становится господином над природой, но человек делается рабом человека или рабом собственной

низости. Даже чистый свет науки может, — так кажется, — светить только оттеняемый темным фоном невежества. Результатом всех наших открытий и всего нашего прогресса является, повидимому, то, что материальные силы приобретают духовную жизнь, а люди опускаются до степени косной, тупой материальной силы. Этот антагонизм между современной промышленностью и наукой, с одной стороны, и современной нищетой и разрухой, с другой: это противоречие между производительными силами и общественными отношениями нашей эпохи является осязательным, бесспорным, колоссальным фактом. Одни партии могут скорбеть по этому поводу, другие могут желать избавиться от современных успехов техники, лишь бы избавиться, вместе с тем, от современных конфликтов; первые могут фантазировать на ту тему, что такой несомненный прогресс в хозяйственной области требует, в виде дополнения, столь же несомненного регресса в области политики. Мы, с своей стороны, узнаем в этом лукавого духа, который мощно работает над тем, чтобы преодолеть все эти противоречия. Мы знаем, что новые общественные силы сумеют творить благое дело, если они будут располагать новыми людьми, а ими являются рабочие».

Почему же именно рабочие? Потому, что, во-первых, именно в положении пролетариата отражаются все основные противоречия классового общества. Различные формы общественного строя определяются способами соединения трудящихся со средствами производства, указывал Маркс во II томе «Капитала». В первобытном обществе средства производства являются собственностью всего общества в целом, и потому это общество — бесклассовое. Развитие классового общества представляет собой процесс постепенного разъединения трудящихся и средств производства, причем именно в буржуазном обществе мы встречаемся с полным разрывом между трудящимися и средствами производства. Именно пролетариат является классом трудящихся, в то же время совершенно лишенных средств производства. Освобождение пролетариата поэтому невозможно без уничтожения классового общества. Буржуазные производственные отношения потому именно и являются «последней антагонистической формой общественного процесса производства». Стремясь освободить себя от эксплуатации, пролетариат уничтожает эту последнюю противоречивую общественную форму, уничтожает классовое общество. «Когда пролетариат провозглашает разложение наличного мирового порядка, он в этом высказывает лишь тайну своего собственного существования, так как он именно составляет фактическое разложение этого порядка. Когда он требует отрицания частной собственности, он возводит лишь в принцип общественного строя то, что общество возвело в принцип его, пролетариата, и что в нем, как отрицательный общественный результат, воплощено уже без всякого содействия с его стороны (Маркс, «Введение к критике философии права Гегеля»). Но это не все. Здесь мы отметили только то отрицательное в положении пролетариата, что делает его могильщиком классового общества. Но в положении пролетариата

имеется и то положительное, что делает его строителем нового общества — бесклассового. Сосредоточенный на крупных фабриках и заводах, организованный самим процессом общественного производства, именно пролетариат является носителем той свободной, сознательной коммунистической дисциплины трудящихся, без которой невозможно социалистическое строительство.

Изложенное только-что учение о революции является завершением знакомой уже нам теории базиса и надстроек и теории классовой борьбы. Основа социальной революции, как мы знаем, — конфликт между производительными силами и производственными отношениями. Корень социальной революции, следовательно, мы находим, опять-таки, в том же процессе производства материальной жизни, в том же процессе борьбы за существование, с которыми мы все время сталкивались. И через теорию классовой борьбы учение о революции связывается с общим законом живой природы, с законом борьбы за существование. Маркс считал теорию борьбы за существование Дарвина «естественно-научной опорой исторической классовой борьбы». Перестанет ли действовать по отношению к человеку этот закон борьбы за существование с момента прекращения классовой борьбы, с момента возникновения планомерно-организованного коммунистического общества? Нет, не перестанет. Он только изменит свое содержание. Если до возникновения коммунистического общества закон борьбы за существование по отношению к человеку выявлялся как в форме борьбы между человеком и природой, так и в форме борьбы между человеком и человеком, то с момента возникновения коммунистического общества борьба за существование останется только как борьба между человеческим обществом и природой.

В. УЧЕНИЕ О РОЛИ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ.

Когда мы говорим, что классовая борьба является движущей силой исторического процесса, что революция — важнейшие моменты в историческом процессе, мы говорим о действии масс и как будто игнорируем действие личности. Не приводит ли это нас к признанию автоматизма общественного развития, к отрицанию действия творческого начала, а отсюда и к отрицанию возможности воздействия людей на ход исторического процесса? Мы подошли теперь к последнему из трех основных вопросов учения о развитии общества и культуры — к вопросу о роли личности в общественно-историческом процессе.

В своей общей постановке этот вопрос, как выше было указано, связан с проблемой закономерности общественно-исторического процесса, с проблемой исторической необходимости. Установив, что свобода воли есть «познанная необходимость» (см главу 5-ю), мы тем самым нашли и отправной пункт для разрешения вопроса о роли личности. Диалектическое и материалистическое понимание свободы воли (не признание абсолютной свободы или абсолютной несвободы, а признание свободы воли, развиваю-

шейся вместе с ростом познавания необходимости, т. е. познавания законов природы и общества) и известное уже нам учение о «гетерогении целей» приводят нас к диалектическому и материалистическому пониманию и роли личности в истории. Применив к общественному развитию в целом диалектико-материалистическое понимание проблемы свободы воли и развив несколько учение о гетерогении целей в обществе, мы поймем, что такое научная трактовка и вопроса о роли личности в истории.

«Нет какого-то автоматического действия экономического положения, как это иногда удобно воображают, но люди делают свою историю сами, только в определенной, обуславливающей их среде, на основе оставшихся от прошлого действительных отношений, среди которых экономические являются в последнем счете все же решающими, как бы сильно ни влияли на них остальные политические и идеологические условия», — писал Энгельс в письме к Штаркенбургу от 25 января 1894 г. Являясь продуктом социальной среды (понимаем под таковой всю совокупность исторических условий, — от состояния техники и до «господствующих» в данную эпоху идей), человек в свою очередь влияет на ход общественной жизни, влияет на социальную среду. Ведь и производственные отношения, изменение которых, определяемое развитием производительных сил, в свою очередь, определяет весь ход исторического процесса, являются отношениями между людьми. Изменение производственных отношений невозможно независимо от деятельности людей. Теория исторического материализма как раз и вскрывает мотивы деятельности людей, когда приводит нас к процессу производства материальной жизни, являющемуся основой всего процесса общественного развития. Именно деятельность всех и каждого является одним из условий наступления данного общественного факта.

Возьмем такой пример. Отношения между пролетариатом и буржуазией в данной стране обострились до чрезвычайности. Создается то, что называется революционной ситуацией, т. е. совокупностью условий, при наличии которых должна наступить революция. Выступление назначено на такой-то день, все подготовлено, организованы передовые вооруженные отряды рабочих, намечен план восстания. И вот тот или иной из рабочих решает: все подготовлено, революция должна свершиться, а потому я останусь дома; обойдутся и без меня. Может случиться, что такое решение изменника делу не повредит; это в том случае, если его место займет другой, который ранее не предполагал принять участие в восстании, т. е. если сумма действий, которая должна была привести к победе, останется неизменной. Но представим себе, что такое решение в последнюю минуту было бы принято многими (сознание важности совершающегося не захватило широких масс); тогда измена может уже иметь либо очень серьезные результаты — затянуть борьбу и увеличить количество жертв, либо привести к катастрофическим результатам — восстание будет подавлено. Действие каждого из изменников в отдельности сыграло бы незначительную роль, но сумма их действий привела бы к крушению всех

планов: количество перешло бы в качество — не было бы восставших масс.

Но и этим не исчерпывается роль личности в создании исторического факта. Останемся при том же примере. Представим себе, что решение остаться дома принял бы один из тех участников восстания, который обладал большей решимостью, чем многие его товарищи, лучшей способностью ориентироваться в создавшейся во время уличного боя обстановке, организационным дарованием. На него рассчитывали как на одного из вождей восстания. Его, конечно, было бы труднее заменить, нежели другого «рядового» участника восстания. А если бы такая замена в дальнейшем и оказалась бы возможной, то все-таки отсутствие этого вождя среди товарищей в начальный момент могло бы вызвать замешательство, заминку, промедление, что в свою очередь могло бы губительно отразиться на результатах боя. В данном случае деятельность уже и одной личности могла бы сыграть известную роль в ходе событий, так как ее деятельность была бы одним из больших слагаемых в сумме условий наступления данного исторического факта. Роль такого «вождя» несомненно значительнее роли рядового участника восстания. А если взять руководителей революционной партии, вождей теоретиков, то их значение еще больше: выдвигаемые ими лозунги должны идти «всегда впереди революционной самодеятельности массы, служа маяком для нее» (Ленин, «Две тактики социал-демократии в демократической революции»). Подобно тому как неоднородность класса в отношении положения и сознательности его отдельных членов порождает необходимость в существовании партии как авангарда, головы класса (см. главу 5-ю) точно так же она порождает и необходимость в вождях. «В том-то и состоит, между прочим, значение партийной организации и партийных вождей, — говорит Ленин, — чтобы... вырабатывать необходимые знания, необходимый опыт, необходимое — кроме знания и опыта — политическое чутье, для быстрого и правильного решения сложных политических вопросов» («Детская болезнь левизны»). «Идеолог только тогда и заслуживает названия идеолога, когда идет впереди стихийного движения, указывая ему путь, когда он умеет раньше других разрешать все теоретические, политические и тактические и организационные вопросы, на которые «материальные элементы движения» стихийно наталкиваются. Чтобы действительно «считаться» с материальными элементами, надо критически относиться к ним, надо уметь указывать опасности и недостатки стихийного движения, надо уметь поднимать стихийность до уровня сознательности» (Ленин, «Беседа с защитниками экономизма»). Можно ли отрицать огромное значение К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина в истории мирового рабочего движения или специально роль Ленина в истории мировой социалистической революции? Можно ли отрицать роль Наполеона в истории буржуазной французской революции или Кромвеля в истории английской революции?! Можно ли отрицать, наконец, огромное значение в истории культуры великих изобретателей, ученых, писателей, художников?! Теория исторического

материализма, как мы видели, не только не отрицает роли так называемых великих личностей, она не отрицает и роли любой личности, ибо она признает, что *люди сами делают свою историю*. Но из этого вовсе не следует, что она признает произвол личности, т. е. что она считает возможным для личности придать любое, желательное ей, направление ходу событий.

Так, прежде всего, в огромном большинстве случаев массы, действуя, вовсе не сознают исторического значения того, что они делают. «Вступая в общение, люди во всех сколько-нибудь сложных общественных формациях — и, особенно, в капиталистической общественной формации — не сознают того, какие общественные отношения при этом складываются, по каким законам они развиваются и т. д. Например, крестьянин, продавая хлеб, вступает в «общение» с мировыми производителями хлеба на всемирном рынке, но он не сознает этого, не сознает и того, какие общественные отношения складываются из обмена. . . Каждый отдельный производитель в мировом хозяйстве сознает, что он вносит какое-то изменение в технику производства, каждый хозяин сознает, что он обменивает такие-то продукты на другие, но эти производители и эти хозяева не сознают, что они изменяют этим общественное бытие» (Ленин, «Материализм и эмпириокритицизм»). Всякое действие личности определяется рядом причин, всякая личность является производным от всей совокупности условий среды. Когда в приведенном выше примере рабочий в расчете на то, что революция произойдет сама собой, ибо все, мол, подготовлено, решает не присоединиться к товарищам, то и он вовсе не действует «так», беспричинно. Нет! И его решение имеет свои причины, хотя бы в той мещанской среде, которая окружает его в семье, или в условиях его воспитания. И вождь и великая личность не беспричинно появляются и не беспричинно начинают действовать. На них должен быть «спрос», «социальный заказ»: ход исторического процесса должен их подготовить, социальная среда должна их породить. Чтобы данная личность стала вождем, мало одних только «природных» дарований, мало благоприятной наследственности — способностей, талантов. Необходимо, чтобы в этих дарованиях общество оказалось заинтересованным. Всякий, кто более или менее знаком с историей культуры, знает имя изобретателя паровой машины Уатта, но очень немногие слышали имя Герона Александрийского — грека, изобретшего во II столетии до нашей эры аппарат, в котором была использована двигательная сила пара (эолипил). Можно с уверенностью утверждать, что Герон, пришедший к мысли использовать двигательную силу пара тогда, когда и техника и естественные науки были еще очень мало развиты, проявил большую остроту мысли, нежели Уатт, имевший за собой уже предшественников. Но все-таки роль Герона в истории техники ничтожна в сравнении с ролью Уатта, ибо изобретение Уатта было нужно обществу, а изобретение Герона — нет: эолипил Герона так и остался забавной игрушкой. Вряд ли кто-либо сомневается в том, что Ленин мог стать величайшим из вождей международного пролетариата только потому, что рабочий класс ока-

зался достаточно организованным и достаточно сознательным для решительных боев с буржуазией, а это в свою очередь стало возможным только тогда, когда наступила фаза загнивания капитализма, когда социалистическая революция стала назревшей необходимостью. Мало того — самые знания, самый опыт, которым обладает партийный вождь, вовсе не являются его «счастливым» достоянием, — оно появляется в результате «длительной, упорной, разнообразной, всесторонней работы всех мыслящих представителей данного класса» (Ленин, «Детская болезнь левизны»). Словом, повторяем, теория исторического материализма не отрицает роли личности в истории, но она отрицает ее произвол, ее абсолютную свободу, не признает за ее действиями решающего значения, так как и сама личность есть продукт определенных исторических условий, продукт сложившейся социальной среды.

Диалектически подойти к проблеме роли личности в истории — это значит, во-первых, отказаться от противопоставления индивидуума и общества как долярностей; это значит помнить, что личность невозможна без общества и что общество невозможно без личности. «Особенно следует избегать того, — писал Маркс, — чтобы... противопоставлять «общество», как абстракцию, индивиду. Индивид есть общественное существо. Поэтому его проявление жизни (если б оно даже не выражалось в непосредственной форме коллективного, происходящего одновременно с другими выражениями жизни) есть проявление и выражение общественной жизни» («Подготовительные работы для «Святого семейства», Архив, т. III»).

Диалектически подойти к проблеме роли личности в истории — это значит, во-вторых, помнить, что «личность вносит в историю элемент случайности» (Плеханов, «Нечто об истории»), но что «каковы бы ни были особенности данной личности, она не может устранить данные экономические отношения, раз они соответствуют данному состоянию производительных сил» (Плеханов, «К вопросу о роли личности в истории»), что «влиятельные личности, благодаря особенностям своего ума и характера, могут изменить индивидуальную физиономию событий и некоторые частные их последствия, но они не могут изменить их общее направление, которое определяется другими силами» (там же). «Последней и самой общей причиной исторического движения человечества надо признать развитие производительных сил, которыми обуславливаются последовательные изменения в общественных отношениях людей. Рядом с этой общей причиной действуют особенные причины, т. е. историческая обстановка, при которой совершается развитие производительных сил у данного народа и которая сама создана в последней инстанции развитием тех же сил у других народов, т. е. той же общей причиной. Наконец, влияние особенных причин дополняется действием причин единичных, т. е. личных особенностей общественных деятелей и других «случайностей», благодаря которым события получают, наконец, свою индивидуальную физиономию. Единичные причины не могут произвести коренных изменений в действии общих и особенных причин, ко-

торами, к тому же, обуславливаются направления и пределы влияния единичных причин. Но все-таки несомненно, что история имела бы другую физиономию, если бы влиявшие на нее единичные причины были заменены другими причинами того же порядка» (там же).

Диалектически подойти к проблеме роли личности в истории, это значит, в-третьих, связать эту проблему с диалектической постановкой проблемы свободы воли. Связь учения о роли личности в истории с общей постановкой вопроса о свободе воли четко и выпукло выражена у Ленина в его работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». «Идея детерминизма, устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, — только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю. Равным образом, и идея исторической необходимости ничуть не подрывает роли личности в истории: история вся слагается именно из действий личностей, представляющих из себя несомненно деятелей. Действительный вопрос, возникающий при оценке общественной деятельности личности, состоит в том, при каких условиях этой деятельности обеспечен успех, в чем состоят гарантии того, что деятельность эта не останется одиночным актом, тонущим в море актов противоположных». Вспомним диалектическое определение свободы воли как познанной необходимости. Чем глубже проникает человеческое познание в сущность законов природы и общества, тем шире власть человека над естественными и общественными явлениями, тем больше его свобода. Чем больше люди «удаляются от животных в тесном смысле слова, тем более они начинают делать сами сознательно свою историю, тем меньше становится влияние на эту историю непредвиденных факторов, неконтролируемых сил и тем более соответствует результат исторического действия установленной заранее цели» (Энгельс, «Старое введение к «Диалектике природы»). Характеризуя основные черты коммунистического общества, Энгельс сказал, что с переходом к коммунизму человечество совершит «скачок из царства необходимости в царство свободы». Это не значит, что исчезнет историческая необходимость, что перестанут действовать общественные законы, но это значит, что коммунистическое общество, построенное на базе планомерно организованного хозяйства, как раз и будет той общественной формой, при которой человек, познав общественные законы, сумеет их использовать и таким образом подчинить себе общественную стихию.

Из всего вышесказанного явствует то значение, которое придается теорией исторического материализма так называемому «субъективному моменту». Этот «субъективный момент» особую роль играет в переломные, революционные эпохи. Активность личностей особенно повышается именно в эти эпохи. «Исправление, изменение общественных отношений... возможно лишь

тогда, когда исходит от самих членов этих исправляемых или изменяемых общественных отношений» (Ленин, «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве»). Для уничтожения капиталистического общества и для построения на его развалинах нового общества — бесклассового, коммунистического, необходимо напряженное сознательное творчество масс. В процессе социалистической революции, в процессе социалистического строительства осуществляется величайшая творческая инициатива масс и вместе с тем осуществляется перевоспитание масс... «Как для массового порождения... коммунистического сознания, — писал Маркс — так и для выполнения самого дела (социалистического строительства. Б. Ф.) необходимо массовое изменение людей, которое возможно только в практическом движении, в революции; следовательно, революция необходима не только потому, что нельзя никаким иным способом свергнуть господствующий класс, но и потому, что свергающий класс может только в революции очиститься от всякой грязи старого общества и стать способным создать новое общество» («Немецкая идеология»). Вот почему мы считаем культурную революцию одной из основных задач переходного периода. Вот почему мы придаем такое огромное значение самокритике, ударничеству и социалистическому соревнованию. «Коммунизм есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных сознательных (курсив наш. Б. Ф.), объединенных, использующих передовую технику рабочих»... «Коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд забота рядовых рабочих об увеличении производительности труда, об охране каждого пуда хлеба, угля, железа и других продуктов, достаемых не работающим лично и не их «ближним», а «дальним», т. е. всему обществу в целом, — десяткам и сотням миллионов людей, объединенных сначала в одно социалистическое государство, потом в союз советских республик» (Ленин, «Великий почин»).

Задание к главе I.

ИДЕАЛИЗМ И МАТЕРИАЛИЗМ.

А. ЦЕЛЬ ЗАДАНИЯ.

В этом задании необходимо выяснить отличие материализма от идеализма и показать, что метафизический материализм (французских материалистов и Л. Фейербаха) в силу своей ограниченности не может преодолеть идеализм и дать выдержанную материалистическую теорию развития общества.

Переходя к оценке диалектического идеализма Гегеля, нужно выяснить его основной недостаток — противоречие между идеалистической системой и диалектическим методом. Отсюда необходимо сделать вывод, что последовательный материализм должен быть синтезом материализма в диалектике.

Б. ПОСТРОЕНИЕ ЗАДАНИЯ.

I. Предмет и задачи философии.

1) Философия и частные науки. 2) Классовый характер философии.

II. Основная философская проблема.

1) Отличие материализма от идеализма. 2) Монизм и дуализм. 3) Связь идеализма с религией, материализма с наукой. 4) Реакционность идеализма.

III. Рационализм.

1) Мысль и чувственность. 2) Метод Декарта. 3) Учение о субстанции Спинозы. 4) Достоинства и недостатки рационалистического критерия истины.

IV. Эмпиризм.

1) Критика теории врожденных идей Локком. 2) Первичные и вторичные качества. 3) Основное противоречие Локка. 4) Критика понятия материи у Беркли. 5) Агностицизм Юма.

V. Французский материализм.

1) Критика идеализма французскими материалистами. 2) Этические воззрения французских материалистов. 3) Общественно-политические взгляды французских материалистов. 4) Критика религии французскими материалистами. 5) Недостаток французского материализма.

VI. Кант и Гегель.

1) Роль рационального и эмпирического момента в познании с точки зрения Канта. 2) Проблемы активности разума. 3) Вещь в себе и явление. 4) Этика Канта. 5) Основные недостатки философии Канта. 6) Отличие диалектики от метафизики с точки зрения Гегеля. 7) Проблема противоречия в логике Гегеля. 8) Абсолютная идея, природа и дух. 9) Противоречие между идеализмом системы Гегеля и диалектическим методом.

VII. Людвиг Фейербах.

1) Критика Гегеля Фейербахом. 2) Теория познания Фейербаха. 3) Этические и общественные взгляды Фейербаха. 4) Материализм Фейербаха в естествознании, идеализм в истории. 5) Недостатки материализма Фейербаха. 6) Значение Фейербаха для философии Маркса. 7) Критика Фейербаха Марксом.

Литература к главе I.

А. МИНИМУМ.

1. Ф. Энгельс. «Людвиг Фейербах», II, III.

Классическая работа отличающаяся исключительным богатством содержания. Написана Энгельсом в 1886 г. в связи с появлением книги Штарке о Фейербахе. Энгельс дает исчерпывающую критику идеализма Гегеля и недиалектического материализма Фейербаха (гл. III), соединившего материализм в естествознании с идеализмом в области истории. В гл. IV Энгельс показывает, что последовательный материализм должен быть синтезом материализма Фейербаха и диалектического метода Гегеля.

2. Г. В. Плеханов. «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», гл. I и IV. Собр. соч., т. VII. Гиз.

Названная работа написана Плехановым в 1894 г. (вышла в свет под псевдонимом Бельтов). Направлена против народников (главным образом Михайловского), которые считали, что главную роль в историческом процессе играют «критически мыслящие личности», ведущие за собой народные массы. Полемизируя с Михайловским, Плеханов противопоставляет его субъективному методу в социологии марксистский объективный метод, с точки зрения которого история представляется строго закономерным процессом. Устраняя господство субъективного произвола из области исторических наук, Плеханов подчеркивает связь, существующую между идеалом и действительностью. Идеал только тогда не утопия, когда он основан на изучении конкретной действительности и является предвосхищением тенденций ее развития. Личности только в том случае играют роль (и при этом очень значительную) в истории, если они выражают идеалы общественных классов. В гл. V Плеханов дает блестящее изложение основ марксистского мировоззрения и показывает, что оно является идеологией пролетариата, который в силу особых условий своего существования призван быть руководителем трудящихся народных масс в борьбе за создание социалистического общества. В первых четырех главах Плеханов останавливается на исторических предпосылках марксизма (гл. I посвящена французским материалистам XVIII века, гл. IV — диалектическому методу Гегеля). В начале гл. V необходимо отметить интересное сравнение между Михайловским и Бруно Бауэром — левым гегельянцем, противопоставляющим «инертной массе» «критический дух» (воплощенный, понятно в интеллигенции).

3. Г. В. Плеханов. «Основные вопросы марксизма», гл. II, III и IV, Собр. соч., т. XVIII. Гиз.

В этой небольшой брошюре Плеханов дает сжатое, но в то же время очень ясное изложение марксистской философии и социологии. В указанных главах Плеханов излагает теорию познания Л. Фейербаха.

4. Г. В. Плеханов. «Конрад Шмидт против Карла Маркса и Фридриха Энгельса». Собр. соч., т. XI.

В этой статье, написанной в 1898 г., Плеханов критикует взгляды немецкого социал-демократа Конрада Шмидта, по мнению которого марксизм должен быть дополнен философией Канта. Взгляды Конрада Шмидта послужили философским обоснованием ревизионизма Бернштейна.

5. Г. В. Плеханов. Предисловие к книге Деборина «Введение в философию диалектического материализма».

В этом предисловии Плеханов останавливается, главным образом, на связи идеализма с религией.

Б. ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

1. Н. Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм», т. X, стр. 9—24, 284—293.

2. Г. В. Плеханов. «Очерки по истории материализма» («Гольбах», «Гельвеций», «Маркс»). Собр. соч., т. VIII. Гиз.

3. Г. В. Плеханов. «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля». Собр. соч., т. VII. Гиз.

4. Г. В. Плеханов. «От идеализма к материализму». Собр. соч., т. XVIII.

5. Г. В. Плеханов. «Материализм или кантианизм». Собр. соч., т. X. Гиз.

6. А. Деборин. «Введение в философию диалектического материализма».
7. А. Деборин. «Бенедикт Спиноза». («Под знаменем марксизма», 1927, № 2—3).
8. Г. Тымянский. Предисловие к переводу работы Декарта «Рассуждение о методе». Изд. «Новая Москва», 1925 г.
9. Тымянский. Предисловие к переводу Спинозы «Краткий трактат» «Прибой». 1929 г.
10. Аксельрод (Ортодокс). «Философские очерки». (Ст. «Двойственная истина в современной немецкой философии». «Опыт критики критицизма».)

В. РЕКОМЕНДУЕМЫЕ ОТРЫВКИ ИЗ ХРЕСТОМАТИЙ.

- а) В. Адоратский. «Исторический материализм». Хрестоматия по Ленину. Раздел III. Философский материализм. Борьба с идеализмом. Глава I. Две линии в философии. Борьба между идеализмом и материализмом. Глава II. Идеализм и материализм в произведениях отдельных философов.
- б) В. Баммель. «Теория и практика диалектического материализма в избранных отрывках из произведений Ленина». Раздел II. Разложение немецкого классического идеализма и диалектический материализм. Глава I. Идеализм и материализм до Канта. Отрывки: Скептическая философия Юма. Материализация Дидро. Глава II. От Канта к Гегелю. Отрывки: Критика Канта справа. Критика Канта слева. Глава III. Людвиг Фейербах и философия марксизма. Отрывок: Основные положения философии Людвиг Фейербаха. Раздел III. Обоснование и защита диалектического материализма. Глава I. Критика механического материализма. Раздел XIII. Диалектический материализм и строительство социализма. Отрывок: О значении воинствующего материализма.
- в) С. Семковский. «Марксистская хрестоматия». Отдел VI. Отрывки: Гельвеций: О природе. Гельвеций: О материи и движении, о душе и духе. К. Маркс: Французский материализм XVIII века. Г. Плеханов: Материализм Фейербаха. К. Маркс: Тезисы о Фейербахе. Н. Ленин: Явления и «вещи в себе». Ф. Энгельс: Агностицизм и материализм. Отдел V. Диалектика. Отрывки: Г. Плеханов: Белинский и разумная действительность. Г. Плеханов: Диалектическая триада. Ф. Энгельс: Абсолютная истина и диалектический метод.
- г) Б. Фингерт. «Основы диалектического материализма» в отрывках из произведений классиков марксизма. Отдел I. Метафизический материализм и диалектический идеализм. Глава I. Французский материализм XVIII века. Глава II. Диалектический метод Гегеля. Глава III. Метафизический материализм и диалектический идеализм.

Задание к главе II.

ОСНОВНЫЕ ЗАКОНЫ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ.

А. ЦЕЛЬ ЗАДАНИЯ.

Показать, что принципы материалистической диалектики являются отражением наиболее общих законов развития материи и лежат в основе революционной теории и практики пролетариата.

Б. ПОСТРОЕНИЕ ЗАДАНИЯ.

1. Диалектика и метафизика.

1. Отличие диалектического материализма от диалектического идеализма и метафизического материализма.

2. Метафизическое и диалектическое мировоззрение.

3. Понятие движения у материалистов метафизиков и в диалектическом материализме.
4. Проблема развития, как центральная проблема диалектики.
- II. Закон единства и взаимопроникновения противоположностей.
  1. Противоречие, как источник саморазвития.
  2. Взаимопроникновение противоположностей.
  3. Критика механического понимания закона единства противоположностей, как борьбы противоположных сил (теория равновесия Бухарина).
  4. Закон отрицания отрицания.
- III. Закон перехода количества в качество и обратно.
  1. Качество и количество.
  2. Непрерывность и скачки (понятие меры).
  3. Специфичность закономерности.
- IV. Критика формальной логики.
  1. Формально-логическое учение о понятии.
  2. Основные законы формальной логики, их значение и недостатки.
  3. Формальная логика, как момент диалектической логики.
  4. Проблема понятия в диалектическом материализме.

Литература к главе II.

А. МИНИМУМ.

1. Маркс. «Капитал», т. I. Предисловие ко II изданию.
В этом предисловии важны последние страницы, где Маркс указывает отличия своей диалектики от гегелевской.
2. Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг». Отдел I. гл. XII и XIII.
Полемическая работа, направленная против немецкого профессора философии Дюринга и дающая в связи с критикой Дюринга классическое изложение основ марксизма.
Книга распадается на три отдела, посвященные философии, политической экономии и социализму.
3. Ф. Энгельс. «Диалектика природы». (Старое предисловие к «Анти-Дюрингу» — О диалектике.
Старое введение к «Диалектике природы».
Общий характер диалектики как науки.)
Ряд статей и заметок Энгельса, глубоко освещающих основные проблемы материалистической диалектики.
4. В. Ленин. К вопросу о диалектике. Т. XIII.

Б. РЕКОМЕНДУЕМЫЕ ОТРЫВКИ ИЗ ХРЕСТОМАТИЙ.

- а) Адоратский. «Исторический материализм». Хрестоматия по Ленину.
Раздел V. Диалектика.
- б) Баммель. «Теория и практика диалектического материализма» в избранных отрывках из произведений Ленина.
Раздел III. Обоснование и защита диалектического материализма.
Глава первая. Критика механического материализма.
Отрывок первый. Механический материализм и диалектика.
- в) Семковский. Марксистская хрестоматия. Отдел V. Диалектика.
Отрывки: Ф. Энгельс. Метафизический и диалектический способы исчисления. Г. Плеханов. Диалектика и теория эволюции. Г. Плеханов. Диалектика, как логика противоречий.
- г) Фингерт. Основы диалектического материализма.
Отдел II. Диалектический материализм.
Глава четвертая. Диалектический идеализм и диалектический материализм. Отрывки 13 — 14.
Глава шестая. Диалектический материализм, как научное миропонимание.
Отрывки 52 — 53. Формальная логика и диалектика, и 54 «Отрицание отрицания», есть закон развития природы, истории и мышления.
5. А. Деборин. «Ленин о сущности диалектики». «Под знаменем марксизма».

6. А. Деборин. «Ленин как мыслитель».
7. Гониман. «Ленин как философ».
8. Гониман. «Марксистско-ленинское мировоззрение и материалистическая диалектика».

в. ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

1. К. Маркс и Ф. Энгельс. «Письма». Письма Энгельса к Марксу от 14 июля 1858 г. и 30 мая 1873 г.; в них говорится о диалектике в природе.
2. Ленин. Конспект книги «Наука логики» Гегеля.
Книга незаменима для углубленного изучения диалектики, дает блестящие образцы того, как может и должен быть Гегель переведен на материалистический язык. Требуется хорошей подготовки.
3. «Ленинский сборник». XII.
Ряд философских работ Ленина, посвященных диалектике.
4. Деборин. Гегель и Маркс. (Сб. ст. «Марксизм и философия».)
5. Тымянский. Введение в диалектический материализм.
6. Карев. «За материалистическую диалектику».
7. И. Я. Вайнштейн. «Гегель, Маркс Ленин». Богатый, хорошо подобранный цитатный материал из работ Гегеля, Маркса, Энгельса, Ленина. Книга написана трудным языком и требует предварительной подготовки.

в. РЕКОМЕНДУЕМЫЕ ОТРЫВКИ ИЗ ХРЕСТОМАТИЙ.

Фингерт. Основы диалектического материализма.

ОТРЫВКИ.

55. Переход количественных изменений в качественные. «Скачки» в природе и в истории.
56. Диалектика и теория эволюции.
- 58—59. Диалектический метод и естествознание. 60. Диалектический материализм и современное естествознание.

Задание к главе III.

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ И ПРОБЛЕМА ПОЗНАНИЯ.

А. ЦЕЛЬ ЗАДАНИЯ.

В настоящем задании необходимо показать невозможность разрешения проблемы соотношения между мышлением и бытием, между субъектом и объектом познания вне диалектико-материалистической методологии и выяснить сущность постановки и разрешения этой проблемы под углом зрения диалектического материализма.

Б. ПОСТРОЕНИЕ ЗАДАНИЯ.

- I. Проблема познания как проблема философии.
  1. Место проблемы познания в философии диалектического материализма.
  2. Неразрешимость проблемы познания для метафизического материализма и для идеалистической диалектики.
- II. Единство субъекта и объекта познания и практика, как критерий истины.
  1. Развитие практики и развитие познания.
  2. Сущность и мысль.
  3. «Вещь в себе».

1. Общественная практика, как критерий истины.
- III. Развитие истины.
1. Развитие практики и развитие познания.
2. Идея и действительность.
3. Абстрактное и конкретное.
4. Объективность истины.
Истина относительная и абсолютная.
6. Отличие диалектико-материалистического разрешения проблемы познания от релятивизма.

Литература к главе III.

А. МИНИМУМ.

1. Маркс. «Капитал», т. I. Предисловие ко II изданию.
В этом предисловии важны последние страницы, где Маркс указывает отличие своей диалектики от гегелевской.
2. Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг». Отдел I. Философия, гл. IX (о вечных истинах).
3. Ф. Энгельс. «Людвиг Фейербах», гл. IV и приложение. Тезисы Маркса к Фейербаху. (См. литературу к главе I.)
4. Г. В. Плеханов. «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», гл. V. (См. литературу к главе I.)
5. Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм», гл. I, §§ 1, 4 и 5, гл. II, §§ 1, 4 и 6 и гл. III, §§ 1, 2, 4 и 5.

Б. ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

1. Ф. Энгельс. «Диалектика природы». Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. II.
2. Г. В. Плеханов. «Историческое подготовление научного социализма». Статьи: «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля» и «От идеализма к материализму».
Первая из этих статей выясняет сущность гегелевского идеализма и гегелевской диалектики и в связи с этим оттеняет характерные черты материалистической диалектики, а вторая — рисует путь философской мысли от Гегеля через Фейербаха к Марксу и Энгельсу.
3. Г. В. Плеханов. «Письма к Богданову».
Три письма, направленные против Богданова, русского философа, когда-то бывшего марксистом, но затем отошедшего от материализма и искажившего в идеалистическом направлении философские основы марксизма.
4. Ленин. «Конспект книги «Наука логики» Гегеля». Ленинский сборник № 9.
5. Подволоцкий. «Ленинский конспект «Науки логики» и проблема материалистической диалектики». «Вестник Комм. Академии», № 31 и 32.
6. Кучеров. «Практика, как единство субъекта и объекта». «Под знаменем марксизма», 1929 г. № 5.

В. РЕКОМЕНДУЕМЫЕ ОТРЫВКИ ИЗ ХРЕСТОМАТИЙ.

- а) Адоратский. «Исторический материализм». Хрестоматия по Ленину. Раздел III. Философский материализм. Борьба с идеализмом. Глава IV. Вопросы теории познания.
- б) Баммель. «Теория и практика диалектического материализма» в избранных отрывках из произведений В. И. Ленина.
Раздел IV. Теория познания диалектического материализма. Глава первая. — Предмет познания.
Отрывки: 1. Что такое «вещь в себе» для диалектического материализма?
2. Как решается проблема взаимоотношения сознания и предмета для диалектического материализма?
Глава вторая. Агностицизм и материализм.

Глава третья. Истина и действительность.

Отрывки: 1. Существует ли объективная истина. 2. Абсолютная и относительная истина.

Глава четвертая. Критика практики в теории познания.

Раздел V. Материалистическое понимание природы и диалектика.

Глава первая. Философское и естественно-научное понятие материи.

Отрывок: 1. Что такое материя? Что такое опыт?

в) Семковский. «Марксистская хрестоматия».

Отдел V. Диалектика.

Отрывки: Ф. Энгельс: Как гегелевская диалектика была перевернута на ноги. К. Маркс: Гегелевская и моя диалектика. Ф. Энгельс: Метафизический и диалектический способы мышления. Ф. Энгельс: Абсолютная истина и диалектический метод. Н. Ленин: Абсолютная и относительная истина.

Отдел VI. Диалектический материализм.

Отрывки: К. Маркс: Тезисы о Фейербахе. Ф. Энгельс: Что такое материализм? Ф. Энгельс: Непознаваемая «вещь в себе». Н. Ленин: Явления и «вещи в себе».

г) Фингерт. «Основы диалектического материализма».

Отдел II. Диалектический материализм.

Глава четвертая. Диалектический идеализм и диалектический материализм.

Отрывки: 13—14. Диалектический идеализм и диалектический материализм. Общая характеристика. 15—16. Диалектика у Гегеля и диалектика у Маркса.

Глава пятая. Диалектический материализм как научная теория познания.

Отрывки: 25. Ощущения с точки зрения материализма и идеализма. 26. Три основных принципа марксистской теории познания. 31. Познание материи. 32. Объективная реальность материи. (Критика Н. Лениным гносеологических выводов «махистской физики».) 33. Единство мира в его материальности. 34. Непознаваемой «вещи в себе» не существует. 37. Существует ли объективная истина? (Ленин против эмпириомонизма и эмпириокритицизма.) 38. Идея и действительность. 40—43. Практика — критерий истины. 44. Могут ли результаты человеческого познания иметь суверенное значение и притязать на безусловную истинность?

Задание к главе IV.

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ И НАУЧНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ.

А. ЦЕЛЬ ЗАДАНИЯ.

В настоящем задании необходимо установить основные черты научного мировоззрения, выяснить значение методологии диалектического материализма для научного мышления и в конечном итоге показать, почему именно диалектический материализм и только он является методом научного мышления и потому может служить руководством для действия.

Б. ПОСТРОЕНИЕ ЗАДАНИЯ.

I. Проблема мировоззрения, как проблема философии.

1. Место проблемы мировоззрения в философии диалектического материализма.

2. Мировоззрение метафизическое и мировоззрение диалектическое.

II. Диалектика природы.

1. Диалектический материализм и проблема развития материи.

2. Диалектический материализм и проблема жизни.

3. Диалектический материализм и психо-физическая проблема.

III. Проблема сводимости.

1. Точка зрения механистов — ее сущность и ее критика.

2. Диалектика и эволюция.

3. Значение проблемы сводимости.

IV. Диалектический материализм и проблемы философии.

1. Вопрос о «праве философии на существование».
2. Сущность философии.
3. Задача философии.
4. Философия и методология.
5. Философия и логика.
6. Значение философии: философия и научное познание, философия и революция.

Литература к главе IV.

А. МИНИМУМ.

1. Энгельс. «Анти-Дюринг», отдел I, гл. 5, 6, 7 и 8.
2. Энгельс. «Диалектика природы», Гл. 1, 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9 и 14.
3. Плеханов. «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», гл. V.
4. Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм», гл. III, §§ 1, 3, 5 и 6, гл. V и VI.

Б. ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

1. К. Маркс и Ф. Энгельс. «Письма».
Письма Энгельса к Марксу от 14 июля 1858 г. и 30 мая 1873 г.; в них говорится о диалектике в природе.
2. Ленин. «Конспект книги «Наука логики» Гегеля». Ленинский сборник № 9.
3. Ленин. «О значении воинствующего материализма». «Под знаменем марксизма». 1922 г., № 3.
4. Ленин. «К вопросу о диалектике». «Под знаменем марксизма». 1925 г., № 5—6.
5. Деборин. «Ленин — воинствующий материалист». «Под знаменем марксизма». 1924 г., № 1.
6. Деборин. «Ленин — о сущности диалектики». «Под знаменем марксизма». 1925 г., № 5—6.
7. Деборин. «К истории материализма и эмпириокритицизма». «Под знаменем марксизма». 1927 г., № 1.
8. А. Столяров. «Диалектический материализм и механисты».
Популярное изложение основных философских проблем, выдвинутых дискуссией между механистами и диалектиками.
9. С. Гоникман. «Ленин как философ».
Эти статьи и книги (от 4 до 8) дают общее представление о значении Ленина в развитии диалектического материализма.
10. Деборин. «Энгельс и диалектическое понимание природы». «Под знаменем марксизма». 1925 г., № 10—11.
11. Деборин. «Энгельс и диалектика в биологии». «Под знаменем марксизма». 1926 г., №№ 1—2, 3, 9—10.
12. Деборин. «Современные проблемы философии марксизма».
Доклад и заключительное слово на второй всесоюзной конференции марксистско-ленинских научных учреждений. (См. также и резолюцию.)
13. Шмидт. «Задачи марксистов в области естествознания».
Доклад и заключительное слово на второй всесоюзной конференции марксистско-ленинских научных учреждений. (См. также и резолюцию.)
14. Дарвинизм и марксизм». Сборник статей.
15. Агол. «Витализм, механический материализм и марксизм».
16. Агол. «Проблемы эволюционного учения». «Под знаменем марксизма», 1930 г., № 4.
17. Франкфурт. «Плеханов и методология психологии».
18. Фингерт. «К вопросу о построении научной психологии».
Сборник статей «Основные течения современной психологии».

19. Деборин. «Очерки по теории материалистической диалектики». Очерк 1-й: предмет философии и диалектика. «Под знаменем марксизма». 1926 г., № 11.

Статья, выясняющая вопрос о значении философии вообще и о сущности марксистской философии в частности.

20. Деборин. «Октябрьская революция и диалектический материализм». «Вестн. Комм. Академии», 1927 г., № 24.

21. Деборин. «Диктатура пролетариата и теория марксизма». «Под знаменем марксизма», № 10—11, 1927 г.

22. Тымянский. «Введение в диалектический материализм», гл.гл. Марксизм и философия и Вопросы методологии естествознания.

23. Степанов. «Диалектический материализм и деборинская школа».

24. Деборин. «Наши разногласия». «Летописи марксизма», 1927 г., № 2.

25. Деборин. «Механисты в борьбе с диалектикой». «Вестн. Комм. Академии», 1927 г., № 19.

Последние две статьи подытоживают полемику между механистами и диалектиками.

В. РЕКОМЕНДУЕМЫЕ ОТРЫВКИ ИЗ ХРЕСТОМАТИЙ.

а) Адоратский. «Исторический материализм». Хрестоматия по Ленину.

Раздел IV. Диалектика.

б) Баммель. «Теория и практика диалектического материализма в избранных отрывках из произведений В. И. Ленина».

Раздел III. Обоснование и защита диалектического материализма.

Глава первая. Критика механистического материализма.

Отрывок 1. Механический материализм и диалектика.

в) Фингерт. «Основы диалектического материализма».

Отдел II. Диалектический материализм.

Глава шестая. Отрывки: 52—53. Формальная логика и диалектика. 54. «Отрицание отрицания» есть закон развития природы, истории и мышления, 55. Переход количественных изменений в качественные. «Скачки» в природе и истории. 56. Диалектика и теория эволюции. 58—59. Диалектический метод и естествознание. 60. Диалектический материализм и современное естествознание.

Задание к главе V.

СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА.

А. ЦЕЛЬ ЗАДАНИЯ.

В настоящем задании необходимо выяснить, что такое научный закон и что такое закономерность явлений природы и явлений общественных, вскрыть, в чем сущность закономерности общественно-исторического процесса и в итоге указать значение теории исторического материализма.

Б. ПОСТРОЕНИЕ ЗАДАНИЯ.

I. Общее понятие о закономерности.

1. Взаимодействие, причинность и закономерность.

2. Закон, как правило поведения и научный закон.

3. Объективный характер закономерности явлений природы и явлений общественных.

4. Телеологическое и причинное понимание закономерности.

5. Необходимость и случайность.

II. Историческая необходимость и свобода воли.

1. Возражения буржуазной науки против закономерности общественных явлений.

2. Индетерминистическая постановка вопроса о свободе воли.

3. Детерминистическая постановка вопроса о свободе воли.

4. Свобода воли — познанный необходимость.

III. Значение теории исторического материализма.

1. Диалектический материализм и теория исторического материализма.
2. Общественные науки и естествознание.
3. Теория исторического материализма как социологическая концепция и как методология общественных наук.
4. Предвидение и воздействие по отношению к явлениям природы и по отношению к общественным явлениям.
5. Детерминизм и фатализм.
6. Теория исторического материализма и научно обоснованная политика.

Литература к главе V.

А. МИНИМУМ.

1. Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», отд. I, гл. XI. Вторая половина «О свободе и необходимости». (См. литературу к гл. II.)
  2. Ф. Энгельс. «Людвиг Фейербах», гл. IV.
  3. Г. В. Плеханов. «Основные вопросы марксизма», гл. XIII, XIV, XV и XVI.
  4. Н. Ленин. «Три источника и три составных части марксизма». Собр. соч., т. XII, ч. II.
  5. Н. Ленин. «Карл Маркс». Собр. соч., т. XII, ч. II.
- Обе статьи Ленина дают сжатое и вместе с тем необыкновенно рельефное изложение основ марксизма и в то же время почти исчерпывающее понимание его теоретического и практического значения

Б. ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

1. Г. В. Плеханов. «Г-н П. Струве в роли критика марксовой теории развития».

Статья в сборнике «В защиту революционного марксизма и в сборнике «Критика наших критиков».
2. Г. В. Плеханов. «Маркс». Статья в сборнике «Очерки по истории материализма».

Обе последние статьи полезны для понимания правильного применения диалектического метода к анализу общественно-исторического процесса.
3. Н. Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм», гл. III, §§ 3 и 6. (См. литературу к главе I-й.)
4. К. Каутский. «Размножение и развитие в природе и обществе».

Важно для понимания отличий закономерности в природе и закономерности в обществе.
5. К. Каутский. «О материалистическом понимании истории».
6. Деборин. «Наши разногласия». «Летописи марксизма». 1927 г., № 2.
7. Деборин. «Механисты в борьбе с диалектикой». «Вестник Ком. Академии», 1927 г., № 19.
8. Луппол. «Ленин и философия».
9. Столяров. «Диалектический материализм и механисты». (Глава VIII, посвященная вопросу о случайности.)
10. Баммель. «К постановке проблем исторического материализма в реконструктивный период». Под знаменем марксизма, № 12, 1929 г.
11. Карев. «Исторический материализм как наука». «Под знаменем марксизма». № 12, 1929 г.
12. Луппол. «Ленин и партийность философии». «Под знаменем марксизма». № 1, 1930 г.
13. Оранский. «Основные вопросы марксистской социологии», гл. II.

В. РЕКОМЕНДУЕМЫЕ ОТРЫВКИ ИЗ ХРЕСТОМАТИЙ.

- а) Адоратский. «Исторический материализм», хрестоматия по Ленину.
 Раздел V. Идеалистическое и материалистическое понимание истории.
 Раздел VII. Классы при капитализме и различные формы их борьбы.
 Глава седьмая. Наука и практическая деятельность. Теория и практика.
 Теоретическая борьба.

б) Баммель. «Теория и практика диалектического материализма» в избранных отрывках из произведений В. И. Ленина.

Раздел V. Материалистическое понимание природы и диалектика.

Глава первая. Философское и естественно-научное понятие материи.

Отрывки: 2. О причинности и необходимости. 3. О свободе и необходимости.

Раздел VII. Материалистическое понимание истории и диалектика.

Глава первая. Основные вопросы исторического материализма.

Отрывки: 1. Содержание теории исторического материализма. 2. Метод исторического материализма.

Глава вторая. Теория исторического материализма как марксистская социология.

Отрывки: 1. Исторический материализм против субъективизма в социологии. 2. В чем заключается материалистическая постановка вопроса в социологии. 3. Диалектический метод в социологии. 4. Объективизм и материализм в историческом исследовании.

Раздел IX. Роль и значение марксистской теории в революционной борьбе пролетариата.

Глава вторая. Теоретические задачи революционной партии.

Отрывки: 1. Что значит свобода критики марксизма внутри рабочей партии? 2. Энгельс о значении теоретической борьбы.

в) Семковский. «Марксистская хрестоматия».

Отдел IV. Свобода и необходимость.

Отрывки: Ф. Энгельс. Закономерность в природе и обществе. Ф. Энгельс. Свобода и необходимость. Г. Плеханов. Историческая необходимость и сознательная деятельность. Г. Плеханов. Идеализм и детерминизм. Г. Плеханов. Фатализм и детерминизм.

Отдел VI. Диалектический материализм.

Отрывок: Н. Ленин. Объективная закономерность в природе.

Отдел VII. Марксизм как мировоззрение.

Отрывки: Г. Плеханов. Диалектический материализм как философия действия. К. Каутский. Марксизм как синтез. Ф. Энгельс. Надгробная речь на могиле Маркса.

г) Сержников. «Исторический материализм». Сборник статей из произведений Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова и др.

Отдел I. Учение об обществе.

Глава вторая. Закономерность общественных явлений.

§§ 3—4. Естественные и общественные явления и специфический характер последних. Законы природы и общества; их различие и сходство.

д) Фингерт. «Основы диалектического материализма».

Отдел II. «Диалектический материализм».

Глава шестая. Диалектический материализм как научное миропонимание.

Отрывки: 61. Объективная закономерность в природе. 62. Законы природы и законы общества. 63. Закономерность исторического процесса. 64. Законы развития общества осуществляются с железной необходимостью. 65. Свобода воли — познанная необходимость.

Отдел III. Диалектический материализм и теория исторического материализма.

Глава десятая. Социальный детерминизм и роль личности в истории.

Отрывки: 93—94. Историческая необходимость. 95. «Случайность» в истории. 100—101. Детерминизм и фатализм.

Отдел V. Значение диалектического материализма и теория исторического материализма.

Глава тринадцатая. Марксизм — наука пролетариата — руководство для действия.

Отрывки: 124. Значение диалектического материализма вообще и материалистического понимания истории в особенности. Общая характеристика. 125. Значение теории исторического материализма для развития рабочего движения. 126. Значение марксистской теории. 127. Теория научного социализма — наука пролетариата. 129. Наука пролетарская и наука буржуазная. 132. Марксизм — активное миропонимание. 133. Диалектический материализм — «философия действия».

Глава четырнадцатая. Марксизм — основа развития общественных наук.

Отрывки: 137. Значение диалектического материализма для развития естествознания и общественных наук. 138. Теория исторического материализма — синтез естественных и общественных наук. 139 — 140. Значение теории исторического материализма для развития общественных наук. 144. Причинная закономерность общественно-исторического процесса и социологии, как наука. 147. Теория исторического материализма и объективная историческая наука.

Задание к главе VI.

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

А. ЦЕЛЬ ЗАДАНИЯ.

В настоящем задании необходимо дать точное определение понятия общественных производительных сил, показать, почему производительные силы являются исходным пунктом марксистского анализа общества, и выяснить диалектический характер связи между производительными силами и производственными отношениями.

Б. ПОСТРОЕНИЕ ЗАДАНИЯ.

I. Общество и природа.

1) Характер приспособления человека к природе. 2) Роль орудий труда в существовании человека. 3) Роль географической среды в общественном развитии. 4) Производительные силы как исходный пункт социологического анализа.

II. Производительные силы.

1) Основные элементы производства. 2) Значение эволюции техники для развития производительных сил. 3) Роль рабочей силы в процессе развития производительных сил. 4) Значение разделения труда для развития производительных сил. 5) Производство, распределение, обмен, потребление как моменты единого целого.

III. Производственные отношения.

1) Производственные отношения как материальный базис общества. 2) Технические и социальные (имущественные) производственные отношения. 3) Типы экономических структур (восточный, античный, феодальный, капиталистический и коммунистический способы производства). 4) Производственные отношения как исходный момент классового расчленения общества.

Литература к главе VI.

А. МИНИМУМ.

1. Н. Бухарин. «Теория исторического материализма», гл. V и VI, §§ 35, 36, 37.

2. Г. В. Плеханов. «Основные вопросы марксизма», гл. VI и VII, Собр. соч., т. XVIII. Гиз.

В указанных главах Плеханов освещает значение географической среды, производительных сил и производственных отношений.

3. Г. В. Плеханов. «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», гл. V. Собр. соч., т. VII, Гиз. 1923 г.

4. Г. В. Плеханов. «Очерки по истории материализма». «К. Маркс». Собр. соч. Гиз. 1923 г., стр. 146 — 159.

5. С. А. Оранский. «Основы марксистской социологии». «Прибой». 1929. Глава пятая.

Б. ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

1. К. Маркс. «Капитал», т. I, гл. I. «Товарный фетишизм и его тайна», гл. V, пункт I, гл. XI. «Кооперация», гл. XII «Разделение труда и мануфактура», гл. XIII. «Машины и крупная промышленность». I. Развитие машин.

В «Капитале», основном и самом значительном произведении марксистской литературы, дается исчерпывающий и глубокий анализ производственных отношений капиталистического общества. Маркс останавливается на происхождении капиталистического способа производства и вскрывает все его противоречия, которые должны привести к преодолению капитализма. Первый том вышел в 1867 г. Второй и третий том вышли в свет уже после смерти Маркса.

2. Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», отдел III, раздел II. «Очерк теории», раздел III. «Производство». Изд. «Московский рабочий». 1924 г.

3. Удальцов. «К теории классов у Маркса и Энгельса», «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», книга первая, глава II.

4. Мартынов. Теория подвижного равновесия общества и взаимоотношение между обществом и общественной средой. «Под знаменем марксизма». 1930. № 2 — 3.

В. РЕКОМЕНДУЕМЫЕ ОТРЫВКИ ИЗ ХРЕСТОМАТИЙ.

а) В. Адоратский. «Исторический материализм». Хрестоматия по Ленину. Раздел VI. Капитализм и его развитие.

Глава II. Возникновение капитализма.

Глава III. Общая характеристика капитализма.

Глава V. Империализм.

Глава VI. Переход к коммунизму.

б) С. Семкобский. «Марксистская хрестоматия».

Глава IV. Отдел II. Исторический материализм. Природные условия и техника.

Отрывки: Г. Плеханов. Географическая среда и производительные силы. К. Маркс. Влияние природных условий. К. Маркс. Развитие машин. Меринг. Климат, раса и способ производства. К. Маркс. Теория базиса и надстройки. К. Маркс. Общественные отношения производства.

в) В. Сережников. «Исторический материализм». Сборник статей из произведений Маркса, Энгельса, Плеханова, Ленина, Сталина, Бухарина и т. д.

Отдел III. Учение о классах, классовой борьбе и диктатуре пролетариата.

Глава I. Общество, классы, классовая борьба. §§ 30, 31, 32, 33, 34, 35.

Глава II. Классы капиталистического общества. §§ 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 45, 46, 47. Выпуск первый.

г) Б. Флигерт. «Основы диалектического материализма» в отрывках из произведений классиков марксизма.

Отдел III. Диалектический материализм и теория исторического материализма.

Глава VII. Сущность теории исторического материализма.

Отрывок: Сущность теории исторического материализма: ее схема.

Глава VIII. Теория базиса и надстроек.

Отрывок: Средства (орудия) труда — показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд. Общественные формы изменяются с изменением производительных сил.

Задание к главе VII.

ТЕОРИЯ КЛАССОВ И КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

А. ЦЕЛЬ ЗАДАНИЯ.

В настоящем задании необходимо показать, что:

1) Классовое расчленение общества вытекает из имущественных производственных отношений и является выражением основного противоречия, присущего каждому способу производства, основанному на частной собственности.

2) Классовая борьба, будучи борьбой не только экономической, но и политической, является средством превращения одной общественной формы

в другую, вследствие чего она неизбежно приводит к диктатуре пролетариата, необходимому этапу на пути к бесклассовому коммунистическому обществу.

Б. ПОСТРОЕНИЕ ЗАДАНИЯ.

I. Понятие класса и классовой борьбы.

1) Класс, профессия, сословие. 2) Происхождение классов. 3) Классовая борьба как движущая сила исторического процесса. 4) Взгляды Маркса и оппортунистов на классовую борьбу, их отличие. 5) Бесклассовое общество будущего.

II. «Класс в себе» и «класс для себя».

1) Конструирование класса. 2) Экономическая и политическая борьба. 3) Классовый интерес, классовая психология и классовая идеология. 4) Класс и партия.

III. Классы в буржуазном обществе и СССР.

1) Основные и промежуточные классы. 2) Социальная природа интеллигенции. 3) Крестьянство. 4) Основы союза пролетариата и крестьянства в СССР.

Литература к главе VII.

А. МИНИМУМ.

1. Н. Бухарин. «Теория исторического материализма», гл. VIII.
2. К. Маркс. «Капитал», т. III, гл. 52.
3. К. Маркс и Ф. Энгельс. «Коммунистический манифест», гл. I—II.
4. Ф. Энгельс. «Происхождение семьи, частной собственности и государства» гл. IX.
5. С. А. Оранский. «Основные вопросы марксистской социологии». Глава шестая и седьмая.
6. Гоникман. Теория классов и классовой борьбы в капиталистическом обществе. «Под знаменем марксизма». 1930, № 2—3.

Б. ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

1. Удальцов. «К критике теории классов Богданова». «Под знаменем марксизма», 1922 г., кн. 7—8.
2. Удальцов. «К теории классов у Маркса и Энгельса», «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса». Книга первая.
3. Вольфсон. Интеллигенция, «Красная Новь», июль 1925 г. (вышла отдельной брошюрой). Гиз. 1926 г.
4. Г. В. Плеханов. «Предисловие ко второму изданию «Манифеста коммунистической партии».

В. РЕКОМЕНДУЕМЫЕ ОТРЫВКИ ИЗ ХРЕСТОМАТИЙ.

- а) В. Адоратский. «Исторический материализм». Хрестоматия по Ленину. Раздел VII. Классы при капитализме и различные формы их борьбы. Глава I. Определение понятия класс. Глава II. Буржуазия и пролетариат. Глава III. Мелкая буржуазия. Глава IV. Крестьянство. Глава V. Пролетариат и его борьба. Глава VI. «Идеологические сословия». Бюрократия, интеллигенция.
- б) В. Серезников. «Исторический материализм». Сборник статей из произведений Маркса, Энгельса, Плеханова, Ленина, Сталина, Бухарина и др. Выпуск первый. Отдел II. Производительные силы и производственные отношения. Глава I. Исторический очерк развития общественных формаций. Глава II. Производство, как основа общественной жизни.

Глава III. Производственные отношения и производительные силы.

в) Б. Фингерт. «Основы диалектического материализма» в отрывках из произведений классиков марксизма.

Отдел III. Диалектический материализм и теория исторического материализма.

Глава IX. Диалектика общественно-исторического процесса. Классовая борьба — движущая сила общественно-исторического процесса (два отрывка). Развитие капиталистического общества и историческая роль пролетариата (два отрывка). В положении пролетариата отражаются основные противоречия капиталистического общества.

Задание к главе VIII.

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА.

А. ЦЕЛЬ ЗАДАНИЯ.

В настоящем задании необходимо выяснить социальную природу государства и его историческое значение, вскрыть необходимость диктатуры пролетариата, как переходного этапа от классового общества к бесклассовому и показать, что советовластие является формой диктатуры пролетариата.

Б. ПОСТРОЕНИЕ ЗАДАНИЯ.

I. Происхождение и сущность государства.

- 1) Происхождение государства.
- 2) Государство — орган господствующего класса.
- 3) Средства государственного принуждения.
- 4) Государство — первая идеологическая власть над людьми.
- 5) Государство и право.
- 6) Типы классового общества и формы государства.
- 7) Буржуазная демократия — диктатура буржуазии.

II. Диктатура пролетариата.

- 1) Противоречия капиталистического общества.
- 2) Империализм и загнивание капитализма.
- 3) Количественный и качественный рост пролетариата.
- 4) Формы борьбы пролетариата (мирная и боевая тактика).
- 5) Необходимость диктатуры пролетариата.

III. Советская власть как форма диктатуры пролетариата.

- 1) Сущность диктатуры пролетариата.
- 2) Задачи диктатуры пролетариата.
- 3) Методы диктатуры пролетариата.
- 4) Разрушение буржуазного государства.
- 5) Буржуазная демократия и пролетарская демократия.
- 6) Советовластие, как форма диктатуры пролетариата.
- 7) Пролетариат и крестьянство в эпоху диктатуры пролетариата.
- 8) Советское государство — рабочее государство.
- 9) Отмирание пролетарского государства.

Литература к главе VIII.

А. МИНИМУМ.

1. Ф. Энгельс. «Происхождение семьи, частной собственности и государства», гл. IV, V, VI, VII, VIII.

Одна из немногих работ, где научно ставится вопрос о происхождении государства. Книга эта связана с знаменитой работой Л. Моргана, «Первобытное общество». Несмотря на то что книги Моргана и Энгельса вышли очень давно, они в основном сохранили свое значение до наших дней. Указанные главы трактуют о возникновении Афинского, Римского и Германского государств.

2. *Н. Ленин.* «Государство и революция». Лучший в марксистской литературе анализ сущности государства и задач пролетариата в пролетарской революции.
3. *Сталин.* «Вопросы ленинизма».
4. *Берман и Медведев.* «Учение о пролетарской диктатуре и советском праве».
5. *Подволоцкий.* «О классовой природе советского государства».

Б. ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

1. *К. Маркс.* «Парижская коммуна». То же под названием «Гражданская война во Франции».
2. *К. Маркс.* «Критика Готской программы».
3. *Ф. Энгельс.* «Анти-Дюринг», отдел второй — Политическая экономия, гл. II, III и IV (Теория насилия) и отдел третий — Социализм, гл. V (О государстве).
4. *Н. Ленин.* «Империализм, как новейший этап капитализма». Анализ экономической сущности империализма и вместе с тем выяснение основных предпосылок социалистической революции.
5. *Н. Ленин.* «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Полемическая работа, направленная против оппортунистического извращения Каутским учения Маркса о государстве.
6. *Н. Ленин.* «Письма о тактике». Письмо первое. Здесь Ленин разрешает вопрос о сущности и задачах советской власти.
7. *Н. Ленин.* «Удержат ли большевики государственную власть?». Полемическая работа, написанная незадолго до Октябрьской революции и служащая, так же как и предыдущая, обоснованием власти Советов как формы диктатуры пролетариата.
8. *Н. Ленин.* «Пролетариат и крестьянство». Сборник, в котором собраны главнейшие из статей Ленина, освещающих вопрос о роли крестьянства в революции.

В. РЕКОМЕНДУЕМЫЕ ОТРЫВКИ ИЗ ХРЕСТОМАТИЙ.

- а) *Адоратский.* «Исторический материализм». Хрестоматия по Ленину. Раздел VII. Классы при капитализме и различные формы их борьбы. Глава пятая. Пролетариат и его борьба. Глава десятая. Революция, как эпоха особенно обостренной борьбы классов. Глава одиннадцатая. Диктатура пролетариата как особая форма классовой борьбы.
- б) *Баммель.* «Теория и практика диалектического материализма в избранных отрывках из произведений В. И. Ленина». Раздел XI. Теория пролетарской революции в свете диалектического материализма. Глава третья. Задачи пролетарской революции и организация победы. Отрывки: 1. К истории вопроса о диктатуре. 2. Буржуазная демократия и диктатура пролетариата. 3. Диктатура пролетариата и пролетарская демократия. 4. Диктатура пролетариата как оружие классовой борьбы. 5. Руководящая роль пролетариата и отношение к крестьянству в момент захвата власти. 6. Отношение пролетариата к среднему крестьянству в эпоху строительства социализма.
- в) *Семковский.* «Марксистская хрестоматия». Отдел II. Исторический материализм. Глава — классы. Отрывки: К. Маркс: Республика как классовая форма. Ф. Энгельс: Сущность государства. Отдел III. Иллюстрации к теории исторического материализма. Отрывок: М. Покровский: Классовый характер республики и монархии.
- г) *Сележников.* «Исторический материализм». Сборник статей из произведений Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова и др.

Отдел III. Учение о классах, классовой борьбе и диктатуре пролетариата.

Глава третья. Учение о революции и диктатуре пролетариата.

§ 52. Ленинская теория пролетарской революции. § 53. Содержание революции: политическая, социально-экономическая, культурная революция. § 56. Учение Маркса и Энгельса о диктатуре пролетариата. § 57. Учение Ленина о диктатуре пролетариата. § 63. Диктатура и демократия в СССР и в капиталистических странах. § 64. Советская форма пролетарского государства. § 65. Учение Ленина о союзе пролетариата с крестьянством. § 66. Пролетарский характер Советского государства. § 69. Отмирание государства в переходном периоде.

д) Фингерт. «Основы диалектического материализма».

Отдел IV. Диалектический материализм; теория исторического материализма и научно-обоснованная политика.

Глава двенадцатая. Научное обоснование тактических вопросов.

Отрывки: 114. Формы борьбы пролетариата. 115. Марксизм и восстание. 116. Революция демократическая и революция социалистическая. 117. Диктатура пролетариата как переходный этап от капитализма к социализму. 118. Диалектика парламентаризма.

Задание к главе IX.

ИДЕОЛОГИЯ.

А. ЦЕЛЬ ЗАДАНИЯ.

В настоящем задании необходимо выяснить классовый характер идеологии и отличие ее от психологии. Вместе с тем нужно показать, что, хотя основное содержание идеологии определяется экономическим «базисом» и классовыми интересами, все же каждая идеология зависит от социальной психологии и обладает некоторой «относительной» самостоятельностью в своем развитии.

Б. ПОСТРОЕНИЕ ЗАДАНИЯ.

I. Психология и идеология.

1) Классовый характер идеологии и психологии. 2) Общественная, классовая и групповая психология. 3) Классовый интерес и классовая идеология. 4) Роль идеологов. 5) Относительная самостоятельность в развитии идеологии.

II. Идеология и классовая борьба.

1) Характер влияния экономики на психологию и идеологию в доклассовом и классовом обществе. 2) Право и нравственность. 3) Сущность искусства. 4) Искусство и классы. 5) Наука и философия.

III. Происхождение и развитие религиозных верований.

1) Первобытный анимизм. 2) Происхождение культа природы. 3) Иудейский монотеизм. 4) Происхождение христианства. 5) Сущность религии.

Литература к главе IX

А. МИНИМУМ.

1. Г. В. Плеханов. «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», гл. V. Гиз. 1923 г.
2. И. Степанов. «Очерк развития религиозных верований».
3. Ф. Энгельс. «О происхождении христианства» (некролог Бруно Бауэра). Сб. «Исторический материализм». Сост. Адоратским и Удальцовым.
4. Ленин. «О религии» (сб. статей и отрывков) «Ленинская Библиотечка». Вып. 11, изд. «Прибой».

Б. ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

1. Г. Плеханов. «Статьи о религии» т. XVII.

2. Г. Плеханов. «Искусство и общественная жизнь», т. XIV.

3. Г. Кунов. «Возникновение религии и веры в бога» (гл. обр. гл. X—V).

Книга Кунова представляет собой серьезное исследование, посвященное вопросу о происхождении религии. В книге собран богатейший материал, иллюстрирующий религиозные взгляды отсталых народностей. Особый интерес представляет вторая половина работы Кунова, в которой автор останавливается на следующих вопросах: миф о сотворении мира (гл. V), происхождение первых понятий о рае и аде (гл. VI), обожествление предков (гл. VII), возникновение культа природы (гл. VIII), остатки культа предков в натуралистических религиях, в частности в древне-индийской (гл. IX и X).

4. К. Каутский. «Происхождение христианства».

Особый интерес представляют: отдел II: Общественный строй в эпоху Римской империи: гл. I, пункт 4 — Техническая отсталость рабского хозяйства, пункт 5 — Экономический упадок; гл. III — Умственное и нравственное состояние римского общества; отдел III: Иудейство: гл. I — Первоначальная христианская община; гл. II — Христианский мессианизм; гл. V — Эволюция внутреннего строя первоначальной христианской общины.

В. РЕКОМЕНДУЕМЫЕ ОТРЫВКИ ИЗ ХРЕСТОМАТИЙ.

а) В. Адоратский. «Исторический материализм». Хрестоматия по Ленину.

Раздел VII. Классы при капитализме и различные формы их борьбы.

Глава VII. Наука и практическая деятельность. Теория и практика. Теоретическая борьба.

Глава VIII. Отражение борьбы классов в области религии, морали, литературы.

б) Баммель. «Теория и практика диалектического материализма» в избранных отрывках из произведений Ленина.

Раздел VIII. Исторический материализм и научное обоснование социализма.

Глава III. Социализм и борьба с религией.

в) С. Семковский. «Марксистская хрестоматия».

Глава VII. Отдел III. Иллюстрации к теории исторического материализма.

Отрывки: Г. Плеханов: Условия жизни и правовые воззрения. Энгельс: Английские и французские права. Ф. Энгельс: Вечные нравственные законы. Ф. Энгельс: Мораль капитала. Г. Плеханов: Язык, быт, психология, искусство. Г. Плеханов: Французская трагедия и драма в свете исторического материализма. Ф. Энгельс: Социальные корни религии. Г. Плеханов: Против упрощенности.

г) В. Сержников. «Исторический материализм». Сборник статей из произведений Маркса, Энгельса, Плеханова, Ленина, Сталина и др. Выпуск второй.

Отдел IV. Идеология.

Глава I. Общее учение об идеологии. § 70. Отрывки 154, 155, § 71, § 72. Отрывки 160, 161. § 74. Формы идеологии. Нравственность и право. Религия. Искусство. Наука и философия. Отрывок 193 и 195. § 75. § 79.

Глава II. Ленин о значении идеологии в классовой борьбе § 83, § 84. Отрывки 215, § 85, 86, 87, 88.

д) Б. Фингерт. «Основы диалектического материализма» в отрывках из произведений классиков марксизма.

Отдел III. Диалектический материализм и теория исторического материализма.

Глава VIII. Теория базиса и надстроек. Отрывок: Общественное бытие и общественное сознание. Идеологические надстройки (два отрывка). Отрывки: Экономика и «идеи» в общественно-историческом процессе. «Идея» бессильна, когда она оторвана от реального интереса.

Отдел V. Значение диалектического материализма и теории исторического материализма.

Глава XIII. Марксизм — наука пролетариата — руководство для действия.

Задание к главе X.

А. ЦЕЛЬ ЗАДАНИЯ.

В настоящем задании необходимо установить связь между развитием «общественного человека» и развитием «естественного человека», установить связь между различными общественными явлениями в процессе их развития, и вскрыть движущие силы общественно-исторического процесса.

Б. ПОСТРОЕНИЕ ЗАДАНИЯ.

I. Происхождение общества и культуры.

- 1) Приспособление пассивное и активное.
- 2) Борьба человека с природой и труд.
- 3) Роль орудий труда в процессе развития человека.
- 4) Роль общественного труда в процессе развития человека.
- 5) Труд и культура человека.

II. Развитие общества и культуры.

- а) Учение о базисе и надстройках.
  - 1) Элементы труда и производительные силы.
  - 2) Сотрудничество и общество.
  - 3) Техника и экономика.
  - 4) Понятие надстроек.
  - 5) Виды надстроек.
  - 6) Общественная психология и общественная идеология.
  - 7) Теория обратного влияния надстроек на базис и теория взаимодействия.
  - 8) Теория факторов.
- б) Учение о революции и исторической роли пролетариата.
  - 1) Противоречие между производительными силами и производственными отношениями и разрешение этого противоречия в революции.
  - 2) Реформа и революция.
  - 3) Революционная ситуация.
  - 4) Фазы революции.
  - 5) Буржуазная революция и пролетарская революция.
  - 6) Объективная необходимость пролетарской революции.
  - 7) Пролетариат как самый революционный класс и как вождь трудящихся масс в их борьбе против эксплуатации.
  - 8) Пролетариат — могильщик классового общества и творец общества бесклассового.
- в) Учение о роли личности в историческом процессе.
  - 1) Люди — творцы истории.
  - 2) Историческое значение «великих людей».
  - 3) Творчество личности и социальный заказ.
  - 4) Социальный детерминизм и автоматизм.
  - 5) Ложди и масса в революции.

Литература к главе X.

А. МИНИМУМ.

1. К. Маркс. «К критике политической экономии». Предисловие.

В этом предисловии необходимо обратить внимание на знаменитую формулировку теории исторического материализма.

2. Ф. Энгельс. «Труд, как фактор эволюции в процессе развития от обезьяны к человеку».

Незаконченная небольшая работа, тем не менее имеющая огромное значение для разрешения вопроса о зарождении человеческой культуры. Искать эту работу или в сборнике отрывков из произведений Маркса и Энгельса, составленном В. Адоратским и А. Удальцовым и носящем название «Исто-

рический материализм», или в приложениях в книге Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», изд. «Моск. Раб.», или в Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса, т. II.

3. К. Маркс и Ф. Энгельс. «Манифест коммунистической партии». (Обратить внимание на главу I и на предисловие Плеханова.)

4. Г. В. Плеханов. «Основные вопросы марксизма», гл. VI — XVI. (См. литературу к главе 1-й.)

5. Г. В. Плеханов. «К вопросу о роли личности в истории». Собр. соч. т. VIII — Размежевание научного детерминизма от его мистических искажений.

Б. ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

1. К. Маркс. «Капитал», т. I. Гл. I — Товарный фетишизм и его тайна; гл. V, пункт I — Процесс труда, или производство потребительных стоимостей; гл. XI — Кооперация; гл. XII — Разделение труда и мануфактура; гл. XIII — Машины и крупная промышленность, пункт I — Развитие машины.

2. К. Маркс. «Борьба классов во Франции». (Обратить внимание на предисловие Энгельса.)

3. К. Маркс. «18 Брюмера Луи Бонапарта».

4. Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг». Отдел третий — Социализм. (Особенно гл. II — Очерк теории.)

5. Г. В. Плеханов. «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», гл. V — Современный материализм.

6. Г. В. Плеханов. «Г-н Струве в роли критика марксовой теории развития», главным образом, первая статья.

7. Г. В. Плеханов. «Маркс». Статья в сборнике «Очерки по истории материализма».

8. Плеханов. «О материалистическом понимании истории». «Критика наших критиков».

9. Плеханов. «Несколько слов в защиту экономического материализма». «За 20 лет».

10. Н. Ленин. «Империализм как новейший этап капитализма».

11. Н. Ленин. «Государство и революция».

12. Н. Ленин. «Письма о тактике». «Марксизм и восстание», «Письмо к товарищам». Собр. соч., т. XIV.

13. Н. Ленин. «Пролетарская революция и ренегат Каутский».

14. Н. Ленин. «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Собр. соч. т. VI, «Против бойкота», т. VII.

15. Р. Люксембург. «Социальная реформа или революция».

16. «Дарвинизм и марксизм». Сборник статей. (Обратить внимание на статьи: Энгельса — «О дарвинизме», К. Тимирязева — «Ч. Дарвин и К. Маркс», Кунова — «Социальная эволюция в биологическом освещении».)

17. «Роль орудия в развитии человека». Сборник статей, отрывков Каппа, Кунова, Нуаре, Эспинаса.

В. РЕКОМЕНДУЕМЫЕ ОТРЫВКИ ИЗ ХРЕСТОМАТИЙ.

а) Баммель. «Теория и практика диалектического материализма в избранных отрывках из произведений Ленина.

Раздел XI. Теория пролетарской революции в свете диалектического материализма.

Глава третья. Задачи пролетарской революции и организация победы.

Отрывок: 7. О поражении и победе революции.

Раздел XII. Тактика большевизма в свете материалистической диалектики марксизма.

Глава третья. Подготовка восстания и захвата власти.

Отрывок: 3. Марксистская постановка вопроса о восстании как об «искусстве» в отличие от бланкизма.

б) Семковский. «Марксистская хрестоматия».

Отдел II. Исторический материализм.

Глава — Дарвин и Маркс.

Отрывки: Ф. Энгельс: Основные моменты теории Дарвина. К. Тимирязев: Учение Дарвина. Г. Плеханов: Марксизм и дарвинизм. К. Маркс: Процесс человеческого труда. Г. Плеханов: Органы животного — орудия человека. К. Тимирязев: Дарвин и Маркс.

Глава — Теория базиса и надстройки.

Отрывки: К. Маркс: Люди не вольны выбирать себе форму общества. К. Маркс: Производство — общественные отношения — идеи. Г. Плеханов: Идеалистическое и материалистическое понимание истории. К. Маркс: Классическая формулировка теории исторического материализма.

Глава — Уточнение теории.

Отрывки: Ф. Энгельс: Действие надстроек в ходе исторического процесса. Ф. Энгельс: Активная роль надстроек. Ф. Энгельс: Обратное действие надстроек. Г. Плеханов: Экономика не действует автоматически. Г. Плеханов: «Теория взаимодействия».

Отдел IV. Свобода и необходимость.

Отрывки: Ф. Энгельс: Роль великих людей. Г. Плеханов: Роль великих людей. К. Каутский: Роль личности в обществе.

в) Сержников. «Исторический материализм», сборник статей из произведений Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова и др.

Отдел I. Учение об обществе.

Глава первая. Происхождение человеческого общества.

§ 2. Зоологическое и человеческое общество и условия превращения первого во второе.

Глава четвертая. Марксистская теория общества.

§ 11. Теория факторов и ее критика. § 12. Диалектический характер закономерности общественных явлений.

Отдел III. Учение о классах, классовой борьбе и диктатуре пролетариата

Глава третья. Учение о революции и диктатуре пролетариата.

§ 48. Эволюция и революция как формы развития классового общества.

§ 49. Противоречие между производительными силами и производственными отношениями. § 51. Движущие силы революции. § 52. Ленинская теория пролетарской революции. § 53. Содержание революций: политическая, социально-экономическая, культурная революция. § 54. Революция и реформа.

г) Фингерт. «Основы диалектического материализма».

Отдел III. Диалектический материализм и теория исторического материализма.

Глава седьмая. Сущность теории исторического материализма.

Отрывки: 66. Диалектический материализм и теория исторического материализма. 67. Диалектический материализм и теория социально-исторических факторов. 68—69. Сущность теории исторического материализма: ее схема.

Глава восьмая. Теория базиса и надстроек.

Отрывки: 71. Труд и культура человека. 57—76. Базис и надстройки, их взаимоотношение. 77. Общественное бытие и общественное сознание. 80. Экономика и «идеи» в общественно-историческом процессе. 81. «Идея» бессильна, когда она оторвана от реального интереса.

Глава девятая. Диалектика общественно-исторического процесса.

Отрывки: 82. Диалектика общественно-исторического процесса. 84—85. Классовая борьба — движущая сила общественно-исторического процесса. 87—88. Развитие капиталистического общества и историческая роль пролетариата. 89—90. В положении пролетариата отражаются основные противоречия капиталистического общества. 92. Революции являются самыми важными моментами в истории человеческих обществ.

Глава десятая. Социальный детерминизм и роль личности в истории.

Отрывки: 96. Сущность вопроса о роли личности в истории. 97. Историческая необходимость и роль личности в истории. 99. Вожди и масса в революции.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловие к шестому изданию	3
Глава I. Идеализм и материализм.	
§ 1. Предмет и задачи философии	5
§ 2. Основная философская проблема	8
§ 3. Рационализм	10
§ 4. Эмпиризм	15
§ 5. Французский материализм	19
§ 6. Кант и Гегель	23
§ 7. Людвиг Фейербах	30
Глава II. Основные законы материалистической диалектики.	
§ 1. Диалектика и метафизика	34
§ 2. Закон единства и взаимопроизножения противоположностей	39
§ 3. Закон перехода количества в качество и обратно	45
§ 4. Формальная логика и диалектика	50
Глава III. Диалектический материализм и проблема познания.	
§ 1. Проблема познания, как проблема философии	56
§ 2. Единство субъекта и объекта познания и практика, как критерий истины	60
§ 3. Развитие истины	66
Глава IV. Диалектический материализм и научное мировоззрение.	
§ 1. Предварительные замечания	77
§ 2. Диалектика природы	79
§ 3. Проблема сводимости	89
§ 4. Диалектический материализм и проблема философии	94
Глава V. Сущность и значение теории исторического материализма.	
§ 1. Причинность и закономерность	103
§ 2. Историческая необходимость и свобода воли	111
§ 3. Сущность теории исторического материализма	120
§ 4. Значение теории исторического материализма	124
Глава VI. Производительные силы и производственные отношения.	
§ 1. Общество и природа	134
§ 2. Производственные силы	137
§ 3. Производственные отношения	141

	Стр.
Глава VII. Теория класса и классовой борьбы.	
§ 1. Понятие класса	146
§ 2. «Класс в себе» и «класс для себя»	154
§ 3. Классы в буржуазном обществе и СССР	156
Глава VIII. Теория государства и диктатура пролетариата.	
§ 1. Происхождение и сущность государства	164
§ 2. Диктатура пролетариата	171
§ 3. Советская власть как форма диктатуры пролетариата	176
Глава IX. Идеология.	
§ 1. Психология и идеология	184
§ 2. Идеология и классовая борьба	188
§ 3. Происхождение и развитие религии	198
Глава X. Теория общественного развития.	
§ 1. Происхождение общества и культуры	213
§ 2. Развитие общества и культуры	230
Приложение: Задания и литература	250

Ленинградский Областлит № 67811.
17 л. Тираж 150000. (А, 62. 13362/Пр.).